

ПРОМЫШЛЕННЫЕ,
ИНЖЕНЕРНЫЕ,
ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ
СООРУЖЕНИЯ

Клименко Сергей Васильевич
(Москва)

*Профессор кафедры истории архитектуры и градостроительства
Московского архитектурного института*

Промышленные памятники Москвы петровского времени: градостроительный контекст и архитектура

В написанных в 1760-х годах «Записках об изящных искусствах России» известный мемуарист, глава художественного департамента Академии наук Якоб Штелин (Jacob von Stählin) в главе, посвящённой русской архитектуре, говоря о строительстве в Москве Петровского времени, отмечал: *«Во времена Петра Первого ... в Москве начали строить в лучшем и более современном архитектурном стиле. Лефортовский дворец дал образец для этого. И так постепенно появилось очень много больших домов чистой архитектуры. ..., но прежде всего новый великолепный Цейхгауз в Кремле, Монетный двор и прочие»*¹. Внимание Штелина к архитектуре памятников промышленной архитектуры Москвы, наряду с такими хрестоматийными сооружениями как Лефортовский дворец или Цейхгауз (Арсенал), свидетельствует о том, что они представляли один из значимых типов сооружений в строительстве города конца XVII — первой четверти XVIII века.

Изучение памятников промышленной архитектуры России XVII—XIX веков представлено целым корпусом фундаментальных исследований, в частности, работами, посвящёнными архитектурному развитию заводов Урала, Тулы и других промышленных центров. При этом московские сооружения, в том числе Петровского време-

¹ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. Т. 1. М., 1990. С. 223.

ни, как это ни удивительно, ещё не подвергались систематическому исследованию, за исключением, пожалуй, работ историка и архитектора-реставратора Р.П. Подольского, — автора известного исследования по архитектуре Лефортовского дворца, остающегося до сих пор наиболее основательной работой по истории этого памятника Петровской эпохи. Им же ещё в 1930-е годы была предпринята попытка специального исследования промышленной архитектуры России в рамках его деятельности в Кабинете промышленной архитектуры Академии архитектуры СССР². Несомненный интерес вызывает работа Р.П. Подольского по московскому Кадашевскому хамовному двору XVII века³, которая после самой ранней публикации архитектора А.А. Мартынова об этом комплексе в 1895 году⁴ стала первым исследованием, посвящённым собственно его архитектуре. Р.П. Подольскому принадлежит и первая попытка изучения зданий Суконного двора у Большого каменного моста в Москве, разобранного в 1938 году⁵.

С одной стороны, объективной причиной слабого интереса к промышленным сооружениям Петровского и более раннего времени является плохая сохранность или вовсе исчезновение многих из них, но с другой, — их утилитарная функция не способствовала такому интересу; архитектурные качества памятников редко становились предметом изучения. Изменение со временем облика этих построек, а впоследствии и утрата многих из них, отсутствие целостной картины истории их возникновения, недооценка их градостроительной

² *Подольский Р.П.* Промышленная архитектура России XVII—XIX веков // Академия архитектуры. 1935. № 3. С. 24—31.

³ *Подольский Р.П.* Государев Хамовный двор в Кадашевской слободе в Москве // Сообщения Института истории искусств. Вып. I. М., 1951. С. 101—112.

⁴ *Мартынов А.А.* Государев Хамовный двор в Московской Кадашевской слободе: (Постройка на нём новых зданий в 1658—1661 гг.) // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. С. 1—15 (отд. 1).

⁵ Суконному двору посвящён раздел в подготовленной Р.П. Подольским рукописи «Старейшие памятники зодчества Москвы в области промышленных зданий (Большой Суконный двор у Каменного моста)» (РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 433 (1938). Л. 24—52). Работа Р.П. Подольского не была опубликована; об этом памятнике в 1943 году им был сделан доклад, о чём сохранилось упоминание (Академия архитектуры СССР. Сообщения Кабинета теории и истории архитектуры. Вып. 3. М., 1943. С. 40). Сообщение исследователя стало поводом для научной дискуссии. Так, И.Э. Грабарь полагал, что аргументация Р.П. Подольского в пользу датировки Суконного двора как памятника Петровского времени является не убедительной (*Грабарь И.Э.* И.Ф. Мичурин и московская архитектура 30—40-х годов XVIII века // Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы. М., 1954. С. 262—265).

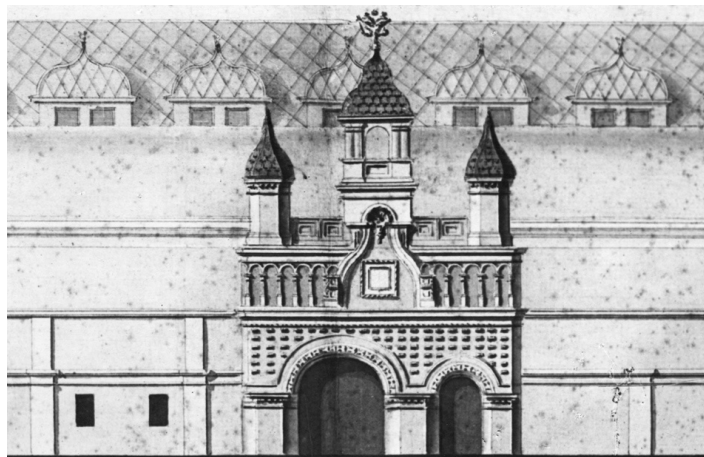
роли в структуре города, несмотря на имеющиеся исследования⁶, искажают наши представления об архитектуре Москвы Петровского времени в целом.

Появление крупных производственных комплексов в Москве, как известно, относится к концу XV века. Тогда, в частности, был основан Пушечно-литейный двор на р. Неглинной, условные изображения которого можно видеть на чертежах первой половины XVII века, и облик которого попытался представить А.М. Васнецов в одном из вариантов его графической реконструкции.

В Петровское время, особенно в первой четверти XVIII века, число производственных и иных по назначению дворов существенно возросло. Уже при одном взгляде на план Москвы видно, что мануфактуры, в основном монетные, суконные и особенно хамовные (ткацкие), а также близкие им по функции хозяйственные дворы, возникшие в разных частях города, являлись чаще всего крупномасштабными комплексами, игравшими существенную роль в окружающей их застройке. Но до наших дней дошло всего два таких памятника разной степени сохранности, позволяющие ощутить масштаб этих сооружений и составить представление об их архитектуре — это *Монетный двор в Китай-городе* (реставрация проводилась в 1960-х и 2013–2015 годах) и *Парусный хамовный двор в Преображенском* (едва угадываемый в облике существующего здания).

Градостроительный контекст. Очевидно, что определяющим в выборе места расположения дворов была близость к воде, необходимой для обеспечения производственного процесса, — устройства плотин, мельниц, водяных двигателей. Примечательно, что в это время, в отличие, например, от эпохи классицизма, реки ещё не рассматривались как «парадные магистрали», а скорее выполняли утилитарную роль. Главные фасады производственных комплексов были обращены в сторону улиц или свободных пространств. В этом

⁶ Памятники архитектуры Москвы. Замоскворечье. М., 1994. С. 62–63 (о Суконном дворе); *Кириллов В.В.* Архитектура Москвы на путях европеизации. От обновлений последней четверти XVII в. к петровским преобразованиям. М., 2000 (о Монетном дворе у Воскресенских ворот); *Клименко С.В.* К вопросу о перестройке Большого Суконного двора в Москве И.Ф. Мичуриным // Архитектурное наследие. Вып. 45. М., 2003. С. 78–84; *Он же.* Строительство Адмиралтейской парусной фабрики в Москве (архитектурные контакты двух столиц в послепетровское время) // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 7: Санкт-Петербург и архитектура России / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М., 2007. С. 296–316; *Датиева Н.С.* Музейный квартал ГИМ по источникам XVIII–XIX вв. // Забелинские научные чтения—Год 2008-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. М., 2010. С. 321–339 (о Монетном дворе у Воскресенских ворот).

1. Государев Хамовный двор в Кадашах. Главный фасад с въездными воротами. Фрагмент чертежа 1775. РГВИА. Ф. 418. Д. 402. Л. 3.

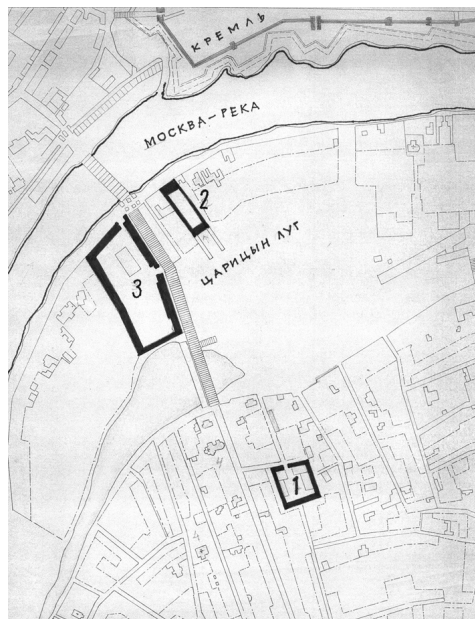
отношении можно видеть связь с организацией производств в Петербурге. Достаточно упомянуть комплексы *Адмиралтейства* и *Партикулярной верфи*, где корпуса с башнями были обращены в сторону, противоположную реке. При этом следует обратить внимание на очевидную в Петербурге тенденцию выносить на линию застройки, в том числе берегов рек, фасады жилых и общественных зданий, что связано с градостроительной практикой, во многом формировавшейся в соответствии с указами царя. В данной связи принципы создания промышленных сооружений в Петербурге отражают скорее следование традиции, сформировавшейся в Москве.

Значительную градостроительную роль производственных дворов в Москве уже демонстрировал созданный при царе Алексее Михайловиче *Государев Хамовный двор в Кадашах* (1658–1661, мастер А. Корольков; рубеж XVII–XVIII веков; разобран в начале XIX века) (илл. 1). Он представлял крупнейший в Москве архитектурный ансамбль, занимавший целый квартал, доминировавший в преимущественно одноэтажной окружающей застройке. После осуществлённой при Петре I перестройки двора, вместе с расположенными рядом церквями Косьмы и Дамиана и Иоакима и Анны, двор отмечал важнейший градостроительный узел у Малого Каменного моста⁷ Но исчезновение этих построек сегодня не даёт возможности составить целостное представление обо всём этом комплексе сооружений (илл. 2).

⁷ Памятники архитектуры Москвы. Замоскворечье. М., 1994. С. 142–143.

Такою же значительную градостроительную роль постепенно стал играть ансамбль *Монетного (Денежного) двора* в Китай-городе, первоначальное здание которого было возведено в 1696–1697 годах, видимо, по проекту архитектора и подрядчика Г.И. Устинова, во всяком случае, отделка фасадов была выполнена по его подряду⁸ (илл. 3). Существенно расширенный в 1730-х годах под руководством архитектора П. Гейдена, он вместе со зданием Главной аптеки, Воскресенскими воротами Китай-города, зданием Арсенала в Кремле и Казанским собором, составил крупный архитектурный комплекс, первоначальный объём, архитектура которого целиком принадлежит XVII столетию. Спасённый, благодаря реставрации, выполненной под руководством архитектора-реставратора Р.П. Подольского в 1960-х годах, и сооружения 1730-х годов, реставрированные в 2014–2015, сегодня дают возможность составить более или менее ясное представление об этом памятнике первой трети XVIII века. На основании имеющихся материалов появилась возможность выполнить научную графическую реконструкцию сформировавшегося в 1730-х годах комплекса Монетного двора, демонстрирующую важное значение, которое он имел в то время в окружающей застройке, наряду с другими расположенными рядом с ним значимыми сооружениями петровской эпохи — *Главной аптекой и Арсеналом* (илл. 4).

И Кадашевский хамовный, и Монетный в Китай-городе дворы по сравнению с другими постройками всегда вызывали более при-

2. Производственные и хозяйственные дворы Петровского времени в застройке Замоскворечья на плане 1739 года.
 1. Государев Хамовный двор.
 2. Суконный двор.
 3. Каменноостский питейный двор.

⁸ Николаева М.В. Частное строительство в Москве и Подмоскowie. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи. Т. 2. М., 2004. № 537–538. С. 16–17.

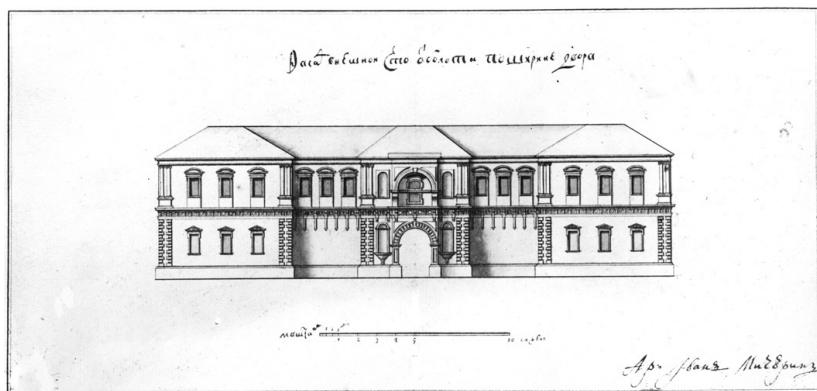
3. Монетный двор в Китай-городе. Корпус, возведённый в 1696–1697 годах. Западный фасад.
Фото Ю.Г. Клименко. 2015.

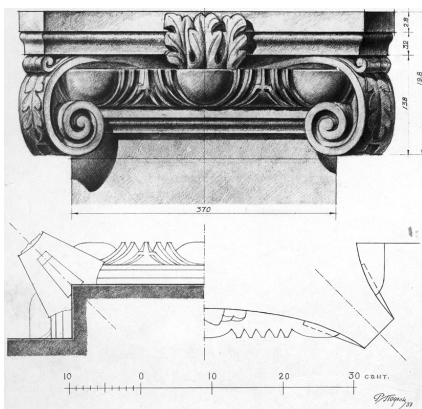
4. Комплекс Монетного двора в Китай-городе в окружающей застройке. Графическая реконструкция на 1730-е годы. Выполнена студентами МАРХИ М. Галаниной, Д. Курыниной, Е. Поповой под руководством С.В. Клименко.

стальный интерес исследователей архитектуры петровской Москвы. И именно это обстоятельство заставляет нас обратиться к другим малоизученным комплексам.

В этом ряду первым может быть назван *Суконный двор* у Большого Каменного моста (основан в 1704–1705 годах; разобран в 1938 году в

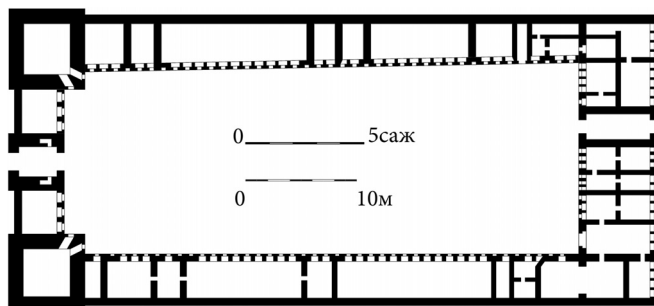
5а. Суконный двор. Главный фасад к Болотной площади.
Чертёж арх. И.Ф. Мичурина. 1745.
РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

5б. Суконный двор. Капитель пилястры фасада к Болотной площади. Обмерный чертёж арх. Р.П. Подольского. 1937.

связи с постройкой нового моста). Сделанные перед сносом фотосъёмка и обмеры, а также сохранившиеся фиксационные чертежи 1745 года, подписанные архитектором И.Ф. Мичуриным, дают возможность составить ясное представление о его архитектуре (илл. 5а, 5б). Долгое время наличие этих чертежей и строительной сметы, составленной Мичуриным, давало основание для атрибуции памятника именно этому архитектору, в частности, так полагал И.Э. Грабарь⁹. Первым, кто усомнился в таком утверждении, был архитектор Р.П. Подольский, в 1930-х годах обследовавший комплекс и собравший о нём достаточно обширный материал, включая и выполненные

⁹ Грабарь И.Э. И.Ф. Мичурин и московская архитектура 30–40-х годов XVIII века. С. 262–265; Он же. Московская архитектура 30–40-х годов XVIII века // История русского искусства. Т.V. М., 1960. С. 164–166.

6. Суконный двор. План 1-го этажа.
По чертежу арх. М.Ф. Мичурина.

им обмерные чертежи. Исследователь сделал попытку обосновать время постройки мануфактуры, отнеся её к началу XVIII века, полагая, что чертежи И.Ф. Мичурина являлись фиксационными, и смета носила оценочный характер¹⁰. Оставляя за рамками данной публикации анализ этих и других материалов, можно сделать предположение, что смета Мичурина касалась строительства северного корпуса, обращённого к Москве-реке, а показанные на его чертежах фасады, особенно выразительный фасад южного корпуса, обращённый к Болотной площади, относятся к началу XVIII века (илл. 6).

Изучение ансамбля Суконного двора, также как и многих других памятников Москвы Петровского времени, несмотря на усилия многих исследователей, включает в себе *проблему атрибуции* этих сооружений. Анализ архитектуры фасадов, в первую очередь, южного корпуса Суконного двора, позволяет отметить сходство некоторых приёмов с такой постройкой, как возведённый в 1703–1711 годах центральный объём палат Аверкия Кириллова (Алексея Курбатова) на Берсеневской набережной, находящийся недалеко от того места, где находился рассматриваемый памятник. Сравнение архитектуры палат с фасадом южного корпуса Суконного двора обнаруживает их определённое единство. Особенно близким представляется использование в обоих зданиях белокаменного зонта: в палатах А. Кириллова — А. Курбатова над главным входом, а в Суконном дворе — над проездной аркой на уровне второго этажа. Этот редкий приём, использование которого в каких-либо других постройках этого времени неизвестно, а также обработка оконных проёмов наличниками, имеющими похожие лучковые фронтоны, дают основание для сравнения этих памятников и предположения

¹⁰ Подольский Р.П. Старейшие памятники зодчества Москвы в области промышленных зданий (Большой Суконный двор у Каменного моста) // РГАЭ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 433 (1938 г.). Л. 24–52.

7. Палаты А. Кириллова—
А. Курбатова на Берсеневской
набережной. Каменный зонт над
главным входом центрального
ризалита. Фото 2010-х годов.

об их принадлежности если не к кругу одних и тех же мастеров, то, во всяком случае, это позволяет сделать более уверенное предположение о том, что изображённый на чертежах И.Ф. Мичурина комплекс был создан именно в Петровское время (илл. 7).

О принадлежности зданий Суконного двора именно к началу XVIII века, как представляется, свидетельствует обращение к формам западноевропейской архитектуры, но в необычном порой их сочетании даже на одном фасаде. Прежде всего, следует обратить внимание на белокаменный междуэтажный пояс, представляющий собой часть дорического ордера: здесь применены архитрав, фриз из чередующихся триглифов и метоп, а также карниз. Более логичным было бы его использование не между этажами, а в качестве венчающего карниза всего здания, который в данном случае оказывается слабо выраженным. Кроме того, междуэтажный пояс, который должен служить венчающим элементом колонн или пилястров, в данном случае является самостоятельным фрагментом фасада. В простенках между ризалитами обращают на себя внимание примыкающие снизу к междуэтажному поясу белокаменные тяги, напоминающие аркатурные пояса древнерусских построек. Их сочетание с ордерными формами выглядит необычно, но, как представляется, это говорит в пользу датировки здания именно как сооружения Петровского времени, а не памятника, созданного в 1740-х годах И.Ф. Мичуриным, когда уже во многом сформировались важнейшие приёмы архитектуры стиля барокко, обладающие определённым единством.

Несомненно, этот памятник, нуждающийся в дальнейшем изучении и выполнении его научной графической реконструкции, должен занять полноправное место в ряду «хрестоматийных» сооружений Москвы начала XVIII века.

В Преображенском, на правом берегу Яузы, рядом с Матросским мостом, у древней Стромынской дороги стоит внешне ничем не примечательное здание, обращающее на себя внимание разве что значительными размерами. Сохранившаяся на фасаде одного из корпусов

8. Московская парусная (адмиралтейская) фабрика на Язуе. Западный корпус. Фото 2010-х годов.

проездная арка в парных пилястрах тосканского ордера, ведущая во внутренний двор, заставляет предположить, что в основе здания находится более древнее сооружение (илл. 8).

Известно, что на этом месте ещё в конце XVII века был основан Парусный хамовный двор, в зданиях которого после ряда перестроек, разместился Екатерининский богаделенный дом. Устройство в Преображенском Парусного хамовного двора являлось частью замысла Петра I по созданию собственного флота. Для его строительства требовалось в том числе и парусное полотно, которое изготавливалось из пеньковой пряжи. Для парусов была необходима в большом количестве широкая пеньковая ткань, производство которой Пётр I пытался наладить сначала на Кадашевском хамовном дворе в Замоскворечье. Эта попытка оказалась неудачной из-за отсутствия здесь в достаточном количестве воды.

В 1696–1698 годах были возведены первые деревянные постройки, архитектурный облик которых неизвестен. В 1703 году *Парусный хамовный двор* был передан в ведение организованного в том же году в Петербурге Адмиралтейства. В 1720-х годах московская контора Адмиралтейской канцелярии начала перестройку всего комплекса петровской мануфактуры, которая в документах этого времени именовалась Московской (иногда Адмиралтейской) парусной фабрикой. Проектирование новых производственных корпусов началось, видимо, в последние год-два жизни Петра I, либо вскоре после его смерти. Это подтверждает сохранившийся документ 1726 года, из которого выясняется, что проект нового здания был, видимо, со-

ставлен в Москве, вероятным автором которого следует считать фигурирующего в документах «архитекта» Брокета.

В истории петербургской архитектуры хорошо известен садовый мастер Дени Брокет (*Denis Broquette*), работавший в столице и пригородах в первой половине XVIII века. Идентификация названного в документе Брокета как строителя парусной фабрики с Дени Брокетом кажется сомнительной, в первую очередь, ввиду узкой специализации последнего как садового мастера. Как пишет И.Э. Грабарь, «кроме Леблона при Петре был только один французский архитектор, Яков (Жак) Брокет (*Jacques Broquette*), приехавший, кажется, со своим братом Денисом, знаменитым садовником. Что он строил, нам неизвестно»¹¹. Предположение о том, что строителем зданий Парусной фабрики в Москве являлся именно Яков (Жак) Брокет, вряд ли подлежит сомнению¹².

В делах Адмиралтейской коллегии сохранился любопытный документ, согласно которому в 1732 году предполагалось изменить первоначальный проект — возвести над западным корпусом, в котором находился основной въезд на территорию фабрики, купол, увенчанный шпилем. Р.П. Подольский впервые указал, что этот замысел связан с именем И.К. Коробова — главного архитектора Адмиралтейства¹³. В этой связи важно отметить, что в том же 1732 году И.К. Коробов выполнил проект нового здания Адмиралтейства в Петербурге. Видимо, архитектор предлагал над главным въездом московской фабрики возвести башню, увенчанную шпилем, если не по подобию башни Адмиралтейства, то во всяком случае близкую, возможно, к башням Партикулярной верфи или здания Морского полкового двора, проекты которых разрабатывались им же (*илл. 9, 10*).

К сожалению, проект Коробова для Москвы обнаружить не удалось, но хранящиеся в фондах Научно-исследовательского музея Академии художеств в Санкт-Петербурге фиксационные чертежи зданий фабрики, выполненные в 1809 году в связи с предполагавшейся перестройкой, дают представление об архитектуре этого памятника позднего Петровского времени, завершённого уже после смерти императора. Никакого шпиля на них не изображено, возможно он никогда и не был осуществлён, но архитектура корпусов фабрики, возведённых во второй половине 1720-х годов, оказывает-

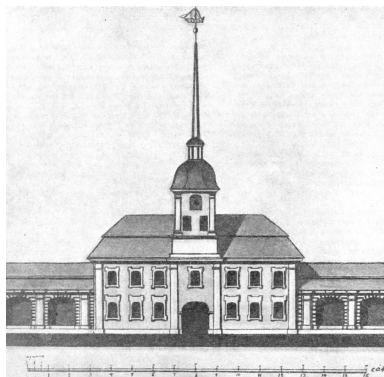
¹¹ *Грабарь И.Э.* История русского искусства. Т. 3. Б.м., б.г. С. 140.

¹² О Я. Брокете подробнее см.: *Клименко С.В.* Брокет (*Broquette*) Яков (*Jacques*) (перв. пол. XVIII в.) // *Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII века.* М., 2008. С. 149—150.

¹³ *Подольский Р.П.* Иван Коробов // *Советская архитектура.* Вып. 3. М., 1952. С. 112.

9. Московская парусная (адмиралтейская) фабрика на Яузе.
Западный фасад. Фиксационный чертёж арх. А.Беляева. 1809.

10. Партикулярная верфь
в Петербурге. Центральная часть
фасада с башней. Фрагмент чертежа
арх. И.К. Коробова.

Копия второй половины XVIII века.
Из кн.: Русская архитектура первой
половины XVIII в. М., 1954. С. 211.

ся близка тому стилю, который утвердился в петербургском строительстве при Петре I и его ближайших преемниках — Петре II и Анне Иоанновне, и который нашёл отражение в творчестве таких архитекторов, как, например, М.Г. Земцов и И.К. Коробов. История проектирования и строительства Парусной фабрики свидетельствует о существовании тесных контактов петербургской и московской архитектурных школ, что заключалось не только в деятельности столичных мастеров в Москве, часто выполнявших проекты в том числе и производственных комплексов. Выработанные в Москве к концу XVII столетия типы производственных зданий, принципы их организации, роль в структуре города в свою очередь оказывали определённое влияние и на петербургское строительство.

Таким образом, общая картина архитектуры петровской Москвы без анализа всего корпуса памятников промышленной архитектуры, включая и оставшиеся за рамками настоящей статьи хозяйственные комплексы, выглядит совершенно неполной. Дальнейшие исследования всего этого пласта утилитарных по своему назначению, но часто имевших выразительную архитектуру построек, могут скорректировать наши представления и о градостроительном развитии Москвы, и масштабах строительства в городе, и стилистических особенностях московской архитектуры Петровского времени.

Степанов Валерий Леонидович
(Москва)
*Ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН*

Хамовный двор в Преображенском — памятник промышленной архитектуры петровской эпохи

Московские хамовные дворы XVII столетия представляли собой казённые текстильные мануфактуры, принадлежавшие дворцовому ведомству. Первые упоминания о них относятся к 1613—1614 годам. Эти предприятия занимались удовлетворением потребностей Государева двора в льняных полотнах, скатертях и полотенцах. Они располагались в двух слободах: Кадашевской (район современной Кадашевской набережной) и Тверской Константиновской (современные Хамовники). Названия «Хамовный» и «Кадашевский» восходят к индийским терминам «хаман» и «кадаш», обозначавшим хлопчатобумажное полотно. Однако в отличие от индийских материй на московских мануфактурах ткани изготавливались из льняной нити, а хлопчатобумажной материи делали крайне мало. Между слободами существовала специализация: если в Тверской Константиновской ткали грубые полотна, то в Кадашевской выпускали три вида полотен, скатерти и полотенца. Хамовные дворы стали основной школой ведения крупного мануфактурного производства. На них были выработаны приёмы работы и подготовлены обученные кадры ткачей, что способствовало расцвету текстильной промышленности в Москве и в России в целом¹.

¹ *Якобсон А.Л.* Ткацкие слободы и сёла в XVII веке (Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово). М.; Л., 1934; *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства

С воцарением Петра I в деятельности хамовных дворов произошли кардинальные изменения. Царь задумал создание флота, а парусную ткань в стране не производили. В 1693 году Пётр распорядился начать изготовление парусины на Кадашевском дворе. Это продолжалось до закрытия предприятия в 1698 году и его переоборудования в Монетный двор. Ещё ранее, в 1694 году, прекратил производство и двор в Тверской Константиновской слободе. По указу Петра 1696 года в селе Преображенском на правом берегу Яузы переводчик Посольского приказа А. Кревет основал новый казённый Хамовный двор, который должен был выпускать парусное полотно. С весны следующего года на предприятие начали нанимать иностранных мастеров и местных опытных ткачей из Кадашевской слободы. Часть работников составили отставные матросы и их жёны, селившиеся рядом с мануфактурой, поэтому возникшую слободу стали называть «Матросской». Вскоре Хамовный двор начал выпускать продукцию, которая отправлялась на воронежские верфи, где строился азовский флот. В 1700 году было изготовлено 2 тыс. аршин парусного полотна. Сам царь в том же году посетил мануфактуру, побывал в ткацких цехах, ознакомился с производством и произнёс знаменитую фразу: «Завод нам зело нравый!» Вначале Хамовный двор подчинялся Разрядному приказу, а с учреждением Адмиралтейского приказа (1700) перешёл в его ведение и стал называться Адмиралтейской парусиновой фабрикой. 1 января 1701 года управляющим был назначен Ф.Ф. Тиммерман — голландский купец и корабельный мастер, учитель Петра по геометрии и фортификации. Именно вместе с ним юный царь обнаружил в амбарах льняного двора в Измайлове знаменитый ботик английской работы, с которого началась вся морская история России. Однако Тиммерман недолго руководил предприятием, он умер уже в следующем году.

Продукция Хамовного двора не уступала лучшим голландским образцам. Он не только обеспечивал потребности российского флота, но и отправлял продукцию на экспорт. В 1711 году, например, в Англию было продано несколько тысяч кусков парусины. В 1712 Пётр издал указ, по которому Хамовный двор должен был «по вся годы делать по 5 тысяч штук парусного полотна». В 1720 году предприятие было передано под управление сына Ф.Ф. Тиммермана — Ивана. К тому времени Хамовный двор стал одной из крупнейших в России текстильных мануфактур, где протекал весь производственный процесс, начиная с обработки сырья и кончая окраской полотна. Предприятие раскинулось по обоим берегам Яузы, его части

в русской промышленности XVI–XVII веков: к вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С. 402–445.

соединялись деревянным мостом, а также плотиной шириной 8 сажень, которая позволяла использовать силу течения речной воды в качестве двигателя. На мануфактуре работало 330 ткацких станков, а общее количество рабочих превышало тысячу человек. Кроме парусины производилось льняное полотно по голландским и фламандским технологиям, флагдук (ткань для флагов) и даже был налажен выпуск бытовых салфеток. При Хамовном дворе возникло «дочернее» предприятие — Канатный двор, на котором трудились ремесленники, вызванные из Вологды и Нижнего Новгорода, где давно было развито канатное производство. Продукция шла на российские корабельные верфи, а также вывозилась в Испанию, Португалию и Францию.

Вначале Хамовный двор размещался в многочисленных деревянных строениях («толчейный» амбар, «чесальная» светлица, прядильни, ткацкие светлицы, поварня для красок, кузницы, столярные избы, сараи, амбары, кладовые, погреб, конюшни, жилые постройки для работников и др.). Однако с 1719 года основная часть предприятия была сконцентрирована в большом каменном здании (северном и западном двухэтажных корпусах), расположенных углом друг к другу и выходящих на современную улицу Стромынка (дом № 20). Корпуса оформляли подъезд от города к Преображенскому, поэтому парадным был не северный фасад, вытянутый вдоль дороги к мосту, а западный, обращённый к Москве и имеющий въездные ворота, обрамлённые парными пилястрами. По сторонам от центра внутреннее пространство этого корпуса было расчленено ведущими на второй этаж лестницами. Северный корпус первоначально не был разделён внутри; его лестницы размещались в торцах. Деревянные перекрытия обоих корпусов опирались на два ряда центральных столбов, между которыми стояли печи. Единое пространство, хорошо освещённое окнами с двух сторон, и противопожарная изоляция выходов вполне отвечали производственным требованиям².

Работа предприятия продолжалась и в послепетровский период. Однако эпидемия чумы 1771 года, которая унесла в Москве жизни десятков тысяч людей, опустошила и цеха фабрики³. Её перевели в

² *Заозерская Е.И.* Мануфактура при Петре I. М., 1947. С. 21–22, 24, 111; *Она же:* Развитие лёгкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 123–142; *История Москвы: в 6 т. Т. 2: Период феодализма XVIII в. М., 1953. С. 19–20; Памятники архитектуры Москвы. Территория между Садовым кольцом и границами города XVIII в. (от Земляного до Камер-Коллежского вала). М., 1998. С. 301, 303.*

³ *Бугров А.В.* Яузская Москва: очерки по истории местности по обоим берегам «малой» московской реки. М.: Издательский дом «Лингва-Ф», 2011. С. 55.

Новгород, где полотняное производство возобновилось в 1774 году⁴. В корпусах Хамовного двора были размещены матросы-ветераны. По приказу властей мимо здания запрещалось проезжать каретам и повозкам, чтобы не тревожить покой пожилых людей. Поэтому улица получила название «Матросская Тишина». Новый деревянный мост через Язу, построенный в 1793 году, тоже стал именоваться «Матросским». В 1785 году здание Хамовного двора было передано городской богадельне, учреждённой в 1776 по указу Екатерины II. К тому времени состояние обоих корпусов стало критическим, во многих помещениях отсутствовали полы, двери, оконные рамы, поэтому в здании провели капитальный ремонт. Кроме того, в 1787 году под руководством архитектора И.А. Селихова были построены восточный и южный корпуса, и архитектурный ансамбль приобрёл форму каре. По-видимому, это задумывалось с самого начала по типу крупных мануфактурных дворов рубежа XVII–XVIII веков. В конце 1787 года в обновлённое здание были переселены «питомцы» богадельни. С этого момента заведение стало называться Екатерининским богаделенным домом в честь императрицы. Он объединял дома для престарелых и инвалидов, сиротский приют, больницу с аптекой и другие «богоугодные» учреждения⁵.

Во дворе здания в конце XVIII века было возведено изящное строение центрического плана с глубокими погребями, завершением которого служили пять куполов. О его предназначении исследователи спорят до сих пор: одни считают, что это была богадельная церковь, другие склоняются к тому, что своими формами постройка больше похожа на парковые усадебные павильоны той поры, ссылаясь на сохранившиеся эскизы В.И. Баженова. В 1787–1790 годах в северо-западной части каре также И.А. Селиховым была сооружена церковь Воскресения Словущего, освящённая московским митрополитом Платоном. Сюда перенесли иконы и утварь закрытой Воскресенской церкви старого Преображенского дворца. Новый храм был украшен сферическим куполом, а наружные стены покрывала прекрасная роспись. Внутреннее пространство украшала классическая ротонда, создание которой приписывают М.Ф. Казакову. Принимается во внимание то, что в этот период времени он выполнял какие-то заказы в Екатерининской богадельне.

В следующем столетии в здании и окружающих его постройках были проведены многочисленные строительные и ремонтные рабо-

⁴ Демкин А.А. Полотняное производство в России на рубеже XVIII–XIX вв. М.: Институт российской истории РАН, 2004. С. 188.

⁵ Лавров А.И. Краткий исторический очерк Императорского Екатерининского богаделенного дома, 1775 г. — 1875 г. М.: тип. И.И. Родзевича, 1875. С. 3–17.

ты. В 1806 году над западными воротами поднялась колокольня со шпилем. В 1826 году архитектор О.И. Бове перестроил северную и западную части каре в классическом стиле. При этом были уничтожены остатки декора петровской эпохи. В 1855 году на заднем дворе построили деревянную на каменном фундаменте часовню для выноса покойников, в 1872 на хорах Воскресенской церкви устроили придел во имя великомученицы Екатерины, в 1875 году на земле богадельни возвели деревянное здание вместимостью 400 человек для проведения публичных духовно-нравственных бесед и чтений, которые проводились настоятелем храма для призываемых и местных жителей. Здесь же разместились бесплатные классы начального образования для детей из бедных семей. Особое внимание начальство Екатерининской богадельни обратило на борьбу с сыростью, поскольку Хамовный двор строился на глинистой почве с высокой влажностью. Поэтому в 1873 году внутри двора вдоль стен проложили дренажные трубы, а сам двор вымостили булыжным камнем. Во все помещения провели воду, в палатах встроили камины и вентиляционные форточки в печах, установили умывальники и металлические ванны. На внутреннем и заднем дворах были разбиты сады, при въезде на главный двор проложен бульвар⁶. В 1887 году архитектор П.А. Кудрин перестроил Воскресенскую церковь, присоединив к ней несколько новых приделов.

В 1920-х годах Екатерининскую богадельню переименовали в Инвалидный дом им. А.Н. Радищева. Местную церковь закрыли в 1923, разрушив её купол и роскошный классический интерьер. Тогда же была демонтирована и колокольня. В 1930 году здание перешло в ведение Наркомата просвещения. В ближайшие несколько лет все корпуса каре подняли на два этажа, чем разрушили первоначальный вид и органичность строения. Здание вошло в состав Центрального студенческого городка Наркомпроса на Стромьнке. Часть помещений арендовал для своих учащихся Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова⁷. В 1936 году здесь же был открыт Московский заочный институт металлообрабатывающей промышленности, переименованный в 1950 во Всесоюзный заочный машиностроительный институт. В ноябре 1941 года северо-восточный угол здания был разбит немецкой авиабомбой и впоследствии разобран. Тем самым сплошное архитектурное каре оказалось разорванным. После закрытия общежития МГУ в середине 1950-х годов в здании остался только институт, в 1988 переименованный в Московский

⁶ Там же. С. 18–20.

⁷ Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967. С. 89.

институт приборостроения, в 1994 — в Московскую государственную академию приборостроения и информатики, в 2005 — в Московский государственный университет приборостроения и информатики (МГУПИ). В 2014 году последовал приказ Министерства образования и науки о включения МГУПИ в состав Московского технологического университета, образованного в результате слияния нескольких вузов. Дом № 20 на Стромынке стал одним из кампусов нового учебного заведения.

В наши дни историческая часть здания едва угадывается. Её выдают карнизы на уровне второго этажа и окна разной ширины. В западном корпусе сохранились въездные ворота с парными пилястрами. Здесь же можно увидеть и анкеры на границе первого и второго уровня здания, что свидетельствует об имевшихся сводчатых перекрытиях. В интерьерах сохраняются редкие по нынешним временам фрагменты убранства XIX века — чугунные колонны, лестницы и др. Во внутреннем дворе в полуразрушенном состоянии, лишённая культовой атрибутики, находится Воскресенская церковь. Тем не менее, Хамовный двор остаётся единственным достоверно сохранившимся архитектурным памятником Петровской эпохи в современных Сокольниках.

Гостев Игорь Михайлович
(Архангельск)
Старший научный сотрудник
Архангельского краеведческого музея

Архангельская Новодвинская крепость: проблемы изучения, сохранения и музеефикации

Истоки решения Петра I о возведении первой каменной бастионной морской крепости на подступах к Архангельску со стороны Белого моря логично вытекают из целей и задач Великой Северной войны и функций единственного на то время в стране города-порта. Через него осуществлялись практически все важнейшие поставки из западноевропейских стран, пассажирские перевозки и дипломатические вояжи. Морской путь вокруг Скандинавии порой становился единственно возможным, когда следовало избежать мест боевых действий различных военных конфликтов или территорий, на которых бушевали эпидемии. Импорт вина, фруктов, специй, посуды, дорожных тканей и иных предметов роскоши и экспорт зерна, поташа, пеньки, леса и пиломатериалов не только обеспечивали стабильную и очень значительную прибыль в государственную казну, но и маскировали сделки по закупке за рубежом стратегических материалов и оружия, которые были остро необходимы для оснащения русской армии¹.

Важнейшее стратегическое значение Архангельского порта, остро ставило задачу обеспечения его защищённости от внешних угроз. Крепостные сооружения, возведённые в городе в XVI и XVII веках,

¹ *Беспярых Ю.Н.* Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010. С. 11–26, 483–504.

не могли препятствовать нападению противника и способны были оборонять только себя и близлежащую береговую линию. Даже судовой верфь — важнейшее стратегическое предприятие оставалась беззащитной.

После сокрушительного поражения русской армии под Нарвой в 1700 году, когда были потеряны орудия полевой армии и частично крепостные пушки, которые были привезены к месту осады в качестве штурмовых, необходимо было срочно восполнить потери личного состава, перевооружить и реформировать вооружённые силы². Всё это требовало времени, денег и специалистов. В таких условиях проведение новых крупных наступательных операций было невозможно.

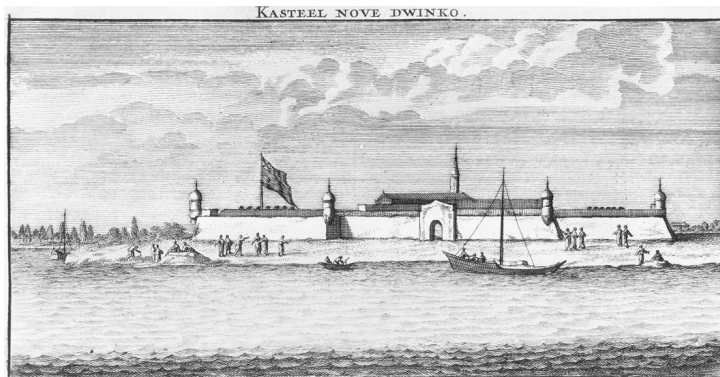
Нападение шведов на Архангельск было совершенно логично и рационально. Прекращение торговли через северную гавань стало бы трудновосполнимой утратой для российского бюджета, а главное, что прервались бы поставки оружия и стратегических материалов, необходимых для восполнения боевых потерь. В таких условиях, и основываясь на донесениях дипломатов и слухах из Европы, Пётр I смог понять логику противника и принять решение для подготовки отпора врага, и решение не срочное и половинчатое, а стратегически верное, сохранявшее свою актуальность и полтора века спустя — в годы Восточной (Крымской) войны (1853–1856).

17 декабря 1701 года царь повелел заложить на подступах к Архангельску со стороны моря новую крепость³. В первые январские дни в Холмогоры приехал саксонский инженер на русской службе Яган Адлер и привёз двинскому воеводе князю А.П. Прозоровскому царский указ. В помощь иностранцу была немедленно сформирована команда из офицеров, солдат, корабельных вожей⁴ и простых крес-

² В отечественной историографии число потерь артиллерии под Нарвой явно занижено — около 145 орудий (Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого. Вып. 1. М., 2004. С. 209; *Авдеев В.А., Алексеев Ю.А., Басик И.И. и др.* На пути к регулярной армии: Армия и флот в эпоху Петра Великого. СПб., 2002. С. 33), в шведских источниках приводятся другие цифры: 147 22-фунтовых гаубиц и 18 40-фунтовых мортир, «из них некоторые не совсем 40-фунтовые», а также сообщается о 30 мортирах, «оставленных русскими в Ямбурге (Jamo)» (*Handlingar, hörande till Konung Carl XII:s Historia*. Stockholm, 1826. С. 214–215); приведённые шведские сведения В.С. Великанов считает наиболее достоверными (*Великанов В.С.* К вопросу об организации и численности русской армии в Нарвском походе 1700 года // *Война и оружие: Новые исследования и материалы / Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года*. СПб., 2011. Ч. I. С. 138).

³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 11–11 об.

⁴ Так до петровской реформы лощманской службы на Руси именовались лощманы.

Новодвинская крепость.

Гравюра из кн.: *К.де Бруин. Путешествие через Московию. 1711.*

трян, хорошо знавших дельту Северной Двины, с участием которых Я. Адлер выбрал наиболее удачное место для размещения крепости⁵.

Наибольшие тяготы легли на северян в первые два года строительства — 1701 и 1702 годы. К работам по возведению гигантского фортификационного сооружения смогли приступить только 1 мая 1701 года, хотя ещё лежал снег и на реке не прошёл ледоход⁶. Существовала опасность подтопления полыми водами строительной площадки, но откладывать начало работ было нельзя. Необходимую территорию освободили от леса к 13 мая и начали копать котлован под фундамент крепостной стены⁷, в конце мая была начата забивка свай и уже 12 июня, на готовом свайном поле, блоками известняка стали выкладывать плиту фундамента⁸. Надо отметить, что к этому времени уже были оборудованы первые артиллерийские позиции.

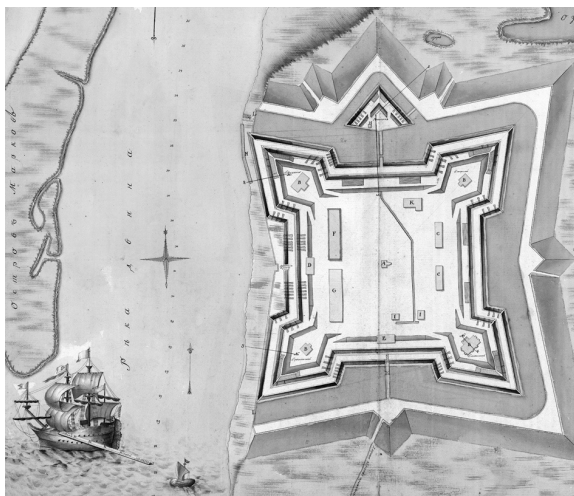
Чтобы понять объём выполненных и предстоявших работ, приведём, для примера, только размер котлована: периметр по внешнему обводу более 1500 м, ширина около 7 м, глубина от 1,5 до 2 м. Работы выполнялись по подряду наёмными людьми из Архангельска, Холмогор, Каргополя, Чаронды, Кевролы и Мезени. Всего было задействовано до 1800 человек. Люди были распределены по разным участкам: от мест добычи камня и извести и их транспортировки по воде, до устройства батарей и засорения русла на мелководных усть-

⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 31–32.

⁶ Там же. 1701. Д. 271. Л. 2.

⁷ *Голубцов Н.* Новодвинская крепость // Пётр Великий на Севере: сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. и [предисл.] А.Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. С. 53.

⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 287.

План Новодвинской крепости.
Фрагмент чертежа 1780. РГА ВМФ.

ях (рукавах дельты Северной Двины). Известно, что непосредственно на строительстве цитадели трудилось около 400 человек. Деньги, необходимые на первый сезон строительных работ, по царскому указу собирали по рублю со двора, при этом, нет сведений, чтобы кто-то в тот год недоплатил или уклонился от уплаты. Работали не только наёмные работники, но и солдаты Двинского гарнизона.

Высокая скорость работ обеспечивалась хорошей организацией процесса, снабжением и транспортной логистикой, а также высоким уровнем механизации. Всё это удачно сложилось благодаря двинскому воеводе А.П. Прозоровскому, холмогорскому архиепископу Афанасию и инженеру Георгу Эрнесту Резе — автору проекта крепости⁹. С самого начала и до завершения работ, в течение 20 лет, бранденбургский инженер Г.Э. Резе руководил строительством. В 1701 году ему в помощь были присланы из Москвы: кондуктор Иван Вейде¹⁰, стольники С.П. Иевлев¹¹, И.Ф. Головин¹², Г.И. Волков¹³, которые

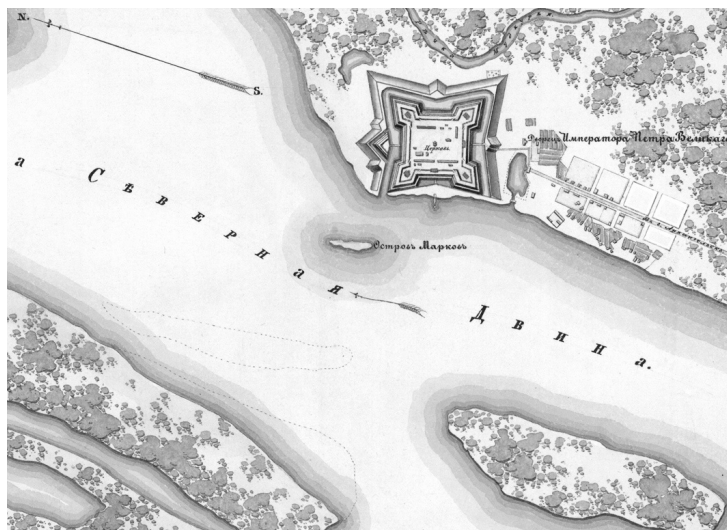
⁹ Подробно о личности Г.Э. Резе см.: *Гостев И.М.* George Ernest Rese, Ingenieur. Бранденбургский инженер Георг Эрнест Резе // *Архангельская старина. Популярный исторический журнал.* № 2. 2010. С. 34–37; *Festungsingenieur Georg Ernst Rese 1696–1721 in Archangelsk* // *Festungsjournal.* Deutsche Gesellschaft für Festungsforschung. № 37. Juli 2010. S. 56.

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1700. Д. 333. Л. 218.

¹¹ Там же. Л. 253–254.

¹² Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Л. 29.

¹³ Там же. Ф. 141. Оп. 8. 1701. Д. 252. Л. 1.

План Архангельской Новодвинской крепости с прилегающей территорией. 1863. РГА ВМФ.

выполняли функции прорабов, а также приданы в помощь «двинские жители: полковник Семен Ружинской, да зять ево поляк Федор Венерич, да кормовщики Иван Соловской, Петр Салтанов, да отставной капитан Иван Корневской»¹⁴.

Вечером 25 июня 1701 года передовой отряд шведского флота напал на строящуюся крепость, рассчитывая застать защитников врасплох и, перебив гарнизон и строителей, расчистить проход к городскому рейду Архангельска. Встретив ожесточённое сопротивление защитников на хорошо подготовленных позициях, шведы вступили в бой, который длился в общей сложности около 13 часов, и, потеряв два корабля, вынуждены были отступить, не решившись более на повторное нападение.

Победа 26 июня 1701 года под Архангельском предопределила возможность Полтавской виктории — поворотного момента в отечественной и европейской истории начала XVIII века. Благодаря разгрому передового отряда эскадры шведского флота был сохранён единственный морской порт, обеспечивавший внешнюю торговлю, через который в Россию поступали новейшее европейское оружие и

¹⁴ Допрос стольника С.П. Иевлева в Новгородском приказе; 1701 г., декабря 20 // Тревожные годы Архангельска. 1700–1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Издание подготовили: Ю.Н. Беспятых, В.В. Брызгалов, П.А. Кротов. Архангельск, 1993. № 61. С. 149.

так необходимые стратегические материалы. Была сохранена судовой верфь, обеспечивавшая Россию морскими военными кораблями и торговыми судами, — верфь, на которой зарождался флот. Всё это помогло России одержать победу в Северной войне, положив конец безраздельному господству Швеции на Балтике.

Испуг от нападения врага прошёл быстро, тем более что ущерб был минимальным. За период с мая по сентябрь 1701 года был полностью готов каменный фундамент для возведения стены и ворот цитадели, в будущем Флажном бастионе крепости примерно на метр поднялись стены, а внутри бастиона построен большой каменный пороховой погреб. К концу лета — началу осени производительность труда резко упала, наёмные работники стали возвращаться домой, что было обусловлено, в частности, нехваткой материалов. Это подтвердило справедливость утверждения архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия о неэффективности наёмного труда. Для успешного продолжения работ было необходимо значительно увеличить количество работающих, что невозможно было сделать по найму из-за малой плотности населения.

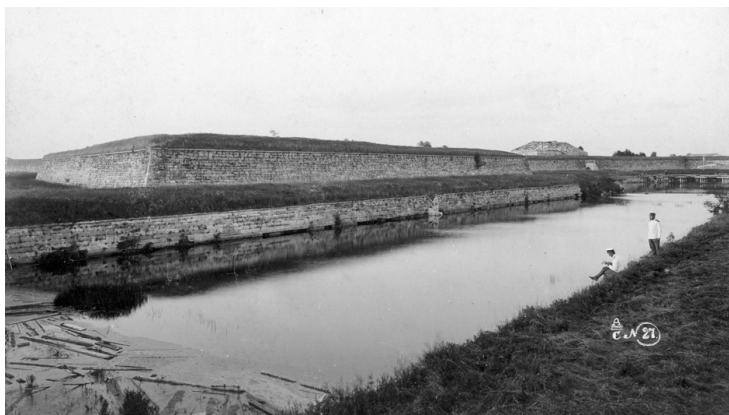
Недостатки минувшего строительного сезона были учтены.

5 октября жители Архангельска, Холмогор, Каргополя, Чаронды, Кевролы и Мезени, на которых было возложено строительство крепости, обратились с челобитной к царю, где сообщили о своём разорении от этих работ и просили привлечь к нему другие города: «А той крепости им одним теми городами достроит наготово некоторыми делы невозможно. А наперед сего, у Архангельского города, город и гостины каменные дворы строили с ними двиняня, вологжяня, важня, Устюга Великого, тотмяня, Соли Вычегодской, вятчяня посадские люди и уездные крестьяня»¹⁵. 28 октября своим указом, кроме уже приписанных городов, Пётр I дополнительно определил к строительству Новодвинской крепости Вагу¹⁶, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Тотьму и Вятку¹⁷. Работных людей и подводы предписывалось брать по одному с пяти дворов со своими инструментами — с заступами, кирками и железными лопатами, всего «10 437 человек, лошадей, и заступов, и кирок, и лопат». Кроме того, с приписных городов должны были «все каменных дел подмастерья и каменщики, и кирпичного дела мастера, и кузнецы... со всякими снастями выслать к городу

¹⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 12.

¹⁶ Территория по берегам среднего и нижнего течения реки Вага, административно управлявшаяся из Шенкурска, в настоящее время разделена между Виноградовским, Шенкурским и Вельским районами Архангельской области.

¹⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 13–14.

Вид на крепостной ров, Рогаточный бастион и южную куртину Новодвинской крепости. Конец XIX века. Фото Я.И. Лейцингера. Архангельский краеведческий музей.

Архангелскому»¹⁸. 5 февраля царский указ от 28 октября 1701 года был скорректирован. Количество работных людей, которых требовалось собрать на строительство крепости, осталось прежним, но число лошадей уменьшено более чем втрое — до 3000 голов¹⁹.

Царь же не только заботился об обороне Архангельска, но и, втайне от всех, готовился к новому походу — манёвру войск через Архангельск и Белое море в Онежское озеро, а оттуда — в Ладжское, к истоку Невы. Подготовка требовала огромных трудозатрат по перевозке грузов и войск сначала вниз по Северной Двине, затем в самом Архангельске, а потом и по морю до места разгрузки у Нюхчи на западном побережье Белого моря.

В марте 1702 года были собраны предварительные статистические данные: в перечисленных городах и волостях подлежало обложению 52 185 дворов. Всего с них надлежало выслать на работы 10 423 человека с заступами, кирками и лопатами и 3 000 лошадей. Каменщиков, к тому времени, удалось найти и приписать к строительству крепости 985 человек²⁰. 18 марта царским указом было вновь уменьшено число людей и лошадей, подлежащих отправке к новой крепости в Архангельск: было указано выслать работных — 9 661 человек, а лошадей — 2 958 голов²¹. 19 марта в помощь, для работ на Малой

¹⁸ Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 8.

¹⁹ Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 2. Л. 169–170.

²⁰ Там же. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 29. Л. 17–18.

²¹ Там же. Л. 17–19 об.

Двинке, дополнительно приписаны к Ваге все десять Устьянских волостей, которые должны были компенсировать тяготы, возложенные на важан²².

В 1702 году на работы было собрано 9 564 человека разнорабочих, 300 каменщиков и 40 кузнецов²³. Кроме них в работах участвовали вятские и устюжские стрельцы, солдаты двинских (архангелогородского Городского, холмогорских Русского и Гайдуцкого) и московских (М.М. Бордовика, А.А. Шневенца и И.А. Ознобишина) полков, общая численность которых превышала 4 000 человек. Конечно, не весь личный состав участвовал в строительных работах, неся в то же время гарнизонную службу, но значительная часть рядового и сержантского состава была задействована на работах²⁴.

Такая концентрация людских ресурсов обеспечила не только потребность в рабочей силе непосредственно на строительстве Новодвинской крепости, но и позволила, без ущерба для работ на главном объекте, возвести деревянную крепость на Мурманском устье Северной Двины, береговую батарею на Пудожемском устье, активизировать работы в Адмиралтействе, и строительство первой флотилии береговой обороны, которая, при необходимости, должна была действовать в тесном взаимодействии с береговыми укреплениями. Большую роль в организации этих работ сыграли сподвижники царя: Ф.А. Головин, А.Д. Меншиков, К.И. Крюйс, Е.Е. Избрант-Идес, сержант М. Шепотьев и др.

29 июня, в день тезоименитства государя, архиепископ Афанасий освятил возведённую в центре строящейся крепости церковь во имя св. апостолов Петра и Павла²⁵. Позже одноимённый и аналогичный по архитектурному облику храм возвели в Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости²⁶.

²² Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–25 об. Л. 8–8 об.

²³ Там же. Л. 19–19 об.

²⁴ В последующие годы численность рабочих людей снизилась, но это не отразилось на темпах работ в крепости. В 1703 году было задействовано 5 295 человек, в 1704 — 6 395, в 1705 — 5 966, в 1706 — 5 683, в 1707 — 4 766, в 1708 — 4 580. (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 202. Л. 19).

²⁵ *Огородников С.Ф.* Пётр Великий в Архангельске и плоды пребывания его на нашем севере. Архангельск, 1872. С. 52–54.

²⁶ Церковь Петра и Павла в Санкт-Петербургской крепости изображена на гравюре П. Пикарта 1704 года, другая гравюра опубликована: *Богданов А.И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. Указанные изображения приведены в книге: *Степанов С.Д.* Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб., 2000. С. 80, 146.

За 1702—1703 годы были построены стены, ворота, дома над воротами, боевые казематы, казематированные убежища с бассейнами и водоводные трубы, которые обеспечивали приток воды в бассейны, отток талых и ливневых вод, и дренаж почвы. Весной 1704 года была окончательно завершена доделка стен и крыш над домами и начата присыпка земляного вала. За 1705—1709 годы был устроен крепостной ров с каменными стенами, стенками батардо и каменной набережной реки, были построены ещё три каменных пороховых погреба. В 1709—1714 годах на северном бастионном фронте крепости был сделан рavelин и обвод крепостного рва вокруг него.

Царским указом 1714 года на всей территории страны было запрещено каменное строительство, для обеспечения работ по обустройству петровского Парадиза — Санкт-Петербурга и порта Кроншлот²⁷. Из-за этого остановились работы по доделке крепости в камне: четвёртые восточные ворота крепости пришлось заложить, так как они не получили внешней защиты, а тыловой южный фронт крепости, который нельзя было оставить без ворот, получил усиление за счёт дополнительного препятствия — инженерного затопления территории — за рвом были устроены мелководные пруды, которые отодвигали боевые порядки вероятного противника на расстояние неэффективного огня. В эти годы были завершены земляные работы и минимально необходимое деревянное строительство.

Строительство крепости было остановлено в 1721 году с завершением Великой Северной войны²⁸. В 1724 году Пётр Великий написал о Новодвинской крепости, что она «регулярная и готовая»²⁹. Крепость вошла в первый «Анштальт» крепостей и оставалась на страже северных рубежей до 1863 года, когда Александр II её упразднил своим указом.

Вооружение крепости и береговых батарей на 1720 год состояло из 211 орудий различных типов и калибров³⁰. В последующие годы истории крепости её значение, а соответственно и вооружение то уменьшалось, то вновь возрастало, в зависимости от роли Архангельского порта в экономике страны.

²⁷ Именной указ царя Петра I архангелогородскому вице-губернатору П.Е. Лодыженскому о временном запрете производить во всём государстве каменное строение; 1714 г., сентября 17 // Архангельский Север в документах истории (С древнейших времён до 1917 года): Хрестоматия. Архангельск, 2004. № 70. С. 132.

²⁸ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 134—134 об.

²⁹ Извлечение из «Летописи» Новодвинской крепости // Пётр Великий на Севере: Сб. статей и указов... С. 72.

³⁰ РГВИА. Ф. 827. Оп. 1. Д. 8. Л. 52—58.

После событий 1701 года Новодвинская крепость неоднократно приводилась в оборонительное состояние и становилась центром организации защиты северных рубежей, как было в 1708/09, 1741/42, 1790, 1800/01, 1808/09 и 1814 годах. За это время крепость с береговыми батареями выросла до большого глубокоэшелонированного укрепрайона береговой обороны, что значительно опередило своё время, но сыграло важную роль в защите города-порта и крупнейшего центра парусного деревянного судостроения России. Фактически, демонстративное укрепление дельты реки упреждало и остужало агрессивные замыслы вероятного противника.

С началом Восточной (Крымской) войны крепость была переведена на осадное положение, и 22 июня 1854 года передовая батарея укрепрайона, располагавшаяся на Мудьюжском острове, отразила попытку высадки английского десанта³¹.

После завершения войны, ликвидации Архангельского военного порта и Адмиралтейства, в 1863 году была упразднена и крепость³². Вопреки военным традициям она не осталась в ведении военных для организации там складов или размещения военно-учебных заведений, а была передана Архангельской епархии и подверглась нещадному разграблению, которое с большим трудом удалось остановить усилиями МВД и Императорской археологической комиссии только к 1897/98 годам.

Несмотря на разорение памятника, 9 января 1893 года из канцелярии Архангельского губернатора, за его подписью, в Императорскую Академию художеств было направлено описание памятников старины, имеющих на территории губернии, которое включало и описание Новодвинской крепости³³.

Внимания к памятнику со стороны государства было достаточно, чтобы разрушение памятника прекратилось. Архангельский губернатор А.П. Энгельгардт поручил охрану памятника уездному исправнику. Порядок был восстановлен, но ненадолго, — А.П. Энгельгардт был переведён из Архангельска с повышением, и снова крепость осталась без присмотра со стороны местной власти.

В 1913 году в Императорскую Археологическую комиссию от архангелогородца В.А. Симановского пришло взволнованное письмо, в котором он сообщал, что продолжается «систематическое разрушение редкого... памятника старины — Новодвинской крепости».

³¹ Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. Екатеринбург, 2005. С. 51–53.

³² РГИА. Ф. 1341. Оп. 111. Д. 921. Л. 1–2.

³³ Архив ИИМК РАН. Ф. 1/1890. Д. 25. Л. 47 об.–48.

В письме автор утверждал, что «с отъездом А.П. Энгельгарда всё пошло по-прежнему, о крепости забыли, а епархиальное ведомство продолжило свою деятельность в том же духе. Ни губернская администрация, ни полиция на которую возлагается ст. 76 “Устава строительного” обязанность охранять памятники старины, не предпринимает никаких мер к сохранению хотя бы только стен крепости»³⁴.

Для обследования крепости в Архангельск приехал академик архитектуры П.П. Покрышкин — основоположник отечественной школы реставрации памятников русской архитектуры. Он осмотрел крепость 12 сентября «с печальным состоянием её»³⁵. По возвращении из Архангельска им был сделан обстоятельный доклад о состоянии памятника. Подводя итог, П.П. Покрышкин «настаивал на необходимости составления архитектурных чертежей крепости и поддержания её; на ремонт её потребовались бы сравнительно небольшие средства». Академик архитектуры В.В. Суслов «высказался за желательность передачи крепости [из церковного] в иное ведомство»³⁶.

29 октября 1913 года из Императорской Археологической комиссии, за подписью председателя комиссии гофмейстера двора его величества графа А.А. Бобринского, в адрес Архангельского губернатора было направлено письмо с просьбой дать распоряжение о прекращении расхищения камня и кирпича, а также о составлении сметы для выделения средств необходимых для восстановления крепости³⁷.

В декабре 1913 года Архангельский губернатор С.Д. Бибииков отделался формальной отпиской, дескать, ничего не воруют, а смету посчитать невозможно из-за наступления зимы. Архангельская духовная консистория, виновная в разрушении крепости, в выделении средств на ремонт «пострадавших мест» вообще отказала.

Учитывая грустные перспективы для памятника, археологическая комиссия 5 мая 1914 года решила: «Имея в виду, что на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект об отпуске средств на поддержание памятников старины, собрание постановило возбудить своевременно ходатайство об отпуске необходимых средств на поддержание этого исторического памятника, созданного гением Великого Петра на северной окраине России»³⁸. Этот закон так и не

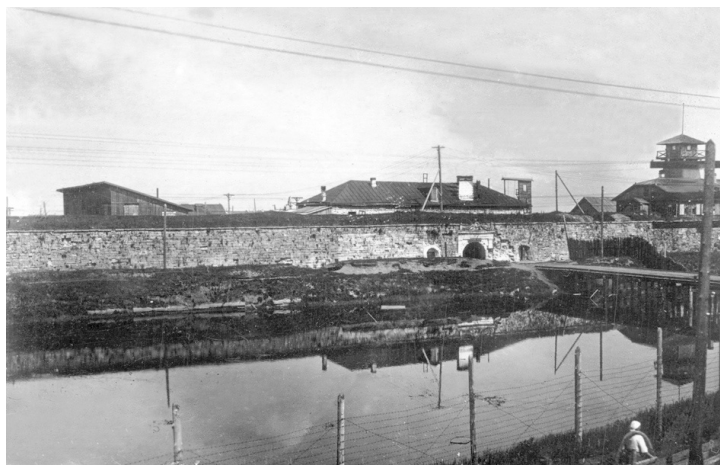
³⁴ Там же. Л. 47, 49.

³⁵ Там же. Л. 63.

³⁶ Там же. С. 61.

³⁷ Там же. Л. 63–64.

³⁸ Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к выпуску 56-му. СПб., 1914. С. 15.

Южная куртина и Летние ворота Новодвинской крепости. 1947.
Архангельский краеведческий музей.

был принят — началась Первая мировая война, которая в России завершилась коренным сломом политической системы.

В годы Первой мировой и Гражданской войн территория крепости использовалась под склад боеприпасов (в т.ч. химических) и взрывчатых веществ³⁹. В двадцатые годы прошлого века укрепления стояли бесхозными и использовались местными крестьянами под выпас и выгул скота. В 1930-е годы на форштате крепости открылась детская воспитательная колония, а на территории крепостного двора разместились производственные цеха Спецзавода НКВД «Конвейер». Под производственные нужды вновь началась разборка и перепланировка оставшихся строений крепости, а под нужды городского хозяйства — разборка каменной кладки стен. В 1960 году детскую колонию сменило исправительное учреждение для взрослых.

В 1947 году, ещё находясь за колючей проволокой, Новодвинская крепость получила паспорт памятника и в 1961 году была отнесена к памятникам союзного значения.

В 2006 году исправительное учреждение покинуло территорию памятника, и в декабре 2007 сооружения внутри крепостного рва были переданы в пользование Архангельскому областному краеведческому музею (ныне ГБУК Архангельской обл. «Архангельский краеведческий музей»).

³⁹ Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 82.

Не дожидаясь освобождения территории крепостного двора от развалин производственных и хозяйственных строений, уже летом 2008 года музей приступил к срочным противоаварийным работам на трёх зданиях крепости, постройки 1701 и 1704 годов. Финансирование работ на памятнике было включено в федеральную программу «Историческая память», за счёт средств которой были частично выполнены проектные работы, и реставраторы смогли приступить к восстановлению Комендантского дома в крепости.

Это удалось сделать благодаря тому, что историко-архивные исследования по строительству и последующим перестройкам этого памятника военно-инженерного искусства в основном были выполнены, а на сегодня, можно сказать, что в основном завершены.

Проблем в изучении памятника остается ещё очень много. К сегодняшнему дню, прежний пользователь — УФСИН Минюста РФ — освободил внутреннюю территорию крепостного двора от развалин советского периода, однако, учитывая, что культурный слой XX века составляет 1–2 м, а памятнику недостаёт средств на археологические исследования и земляные работы, мы не имеем возможности локализовать фундаменты полностью или частично утраченных строений. Значительная толщина культурного слоя подняла уровень грунтовых вод, как минимум на метр, в результате чего фундаменты сохранившихся зданий освобождаются от подтопления только к середине лета, и то при постоянно работающих насосах для откачки воды.

Необходимо решить вопрос о дополнительном землеотводе территорий прудов, бывшего Государева двора и ранней исторической части форштадта, где размещались инженерная и артиллерийские службы крепости и первые жилые и служебные строения гарнизона. Конечно, катастрофически не хватает финансирования, объём которого снижается с каждым годом, что сказывается на скорости ведения реставрационных работ.

Принятая Министерством культуры Российской Федерации концепция музеефикации Архангельской Новодвинской крепости предусматривает создание федерального музея-заповедника с полноценной музейной экспозицией и рекреационной зоной, включающей парк, экскурсионный центр с магазином сувениров и кафе, гостевыми домиками для длительного пребывания и отдыха. Памятник расположен в экологически чистом месте дельты Северной Двины в нескольких километрах от Белого моря. Рядом лес, где много ягод и грибов.

Сегодня силами Архангельского краеведческого музея в крепости оборудован экскурсионный маршрут, возобновлена традиция —

Двинские ворота Новодвинской крепости и Комендантский дом в ходе реставрации. 2014. Фото И.М. Гостева.

ежегодно 12 июля в день Петра и Павла проводится праздник крепости, открываются выставки. На территории установлены информационные стенды, оборудованы места для отдыха. Третий год, по инициативе школьников и при активном участии музея проводится детская акция «Новодвинской крепости — новую жизнь!», в ходе которой участники проводят субботники по уборке территории, помогая подготовить объект к экскурсионному сезону, сотрудники музея проводят экскурсии по крепости, тематические беседы, викторины, квесты.

Есть место для проведения слётов реконструкторов, поисковиков, кадетов. Желающих много, включая театральные труппы и музыкальные фестивали, однако не хватает элементарных удобств для организации и проведения мероприятий.

Удаление объекта показа от центра города — 20 км — при обычных условиях не вызывало бы проблем, но не в нашей ситуации, когда крепость находится на дальней окраине города на островной территории. В зимнее время до памятника можно добраться автотранспортом по понтонной переправе, однако зимой на объекте вообще отсутствует какая-либо инфраструктура для приёма людей. Летом проблем на объекте показа меньше, но добираться надо с использованием паромной переправы, а это дорого, неудобно и, в значительной степени, зависит от погоды. Дорога от переправы до крепости, принадлежащая муниципалитету, находится в отвратительном состоянии. Трудности транспортного сообщения в период навигации легко можно решить возобновлением маршрутов речного

транспорта, но это станет актуальным при активизации работ на крепости и реализации принятой концепции музеефикации.

Больших препятствий для реализации концепции нет, нужна лишь политическая воля Министерства культуры России. Принятие решения о создании музея-заповедника может обеспечить реализацию всего задуманного и полноценно ввести в культурный оборот выдающийся памятник петровской эпохи, который станет не только местом отдыха и объектом туристического притяжения, но и центром патриотического воспитания.

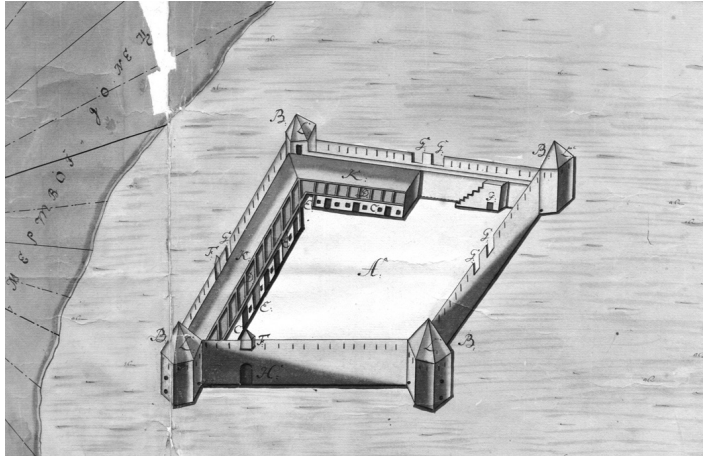
Аваков Пётр Ашотович
(Ростов-на-Дону)
*Старший преподаватель
Ростовского государственного
экономического университета*

Памятники фортификации петровской эпохи на территории Ростовской области (утраченные и сохранившиеся)

В годы правления Петра I при его непосредственном участии в Северо-Восточном Приазовье* развернулось грандиозное по своим масштабам и интенсивности фортификационное строительство. Ценою больших издержек и многих жертв на побережье Азовского моря и Дона возводились новые укрепления и модернизировались старые. Эти работы позволили царю приобрести важный опыт, использованный и развитый при сооружении крепостей на берегах Невы и Балтийского моря, послужив одновременно толчком для развития военно-инженерного дела в России.

Сделаем краткий обзор российских фортификационных сооружений, существовавших на территории современной Ростовской области в царствование Петра I, то есть на протяжении 16 лет — с 1695 по 1711 год. Лишь некоторые из них сохранились до наших дней, но и они неуклонно продолжают разрушаться. Степень их археологической изученности крайне невысокая. Хранящиеся в РГА-ДА, РГВИА, РГА ВМФ, РГИА, ГАВО, БАН, РНБ, НБУВ, НИА ССПБ И РАН документальные и изобразительные исторические ис-

* Северо-Восточным Приазовьем принято называть земли, окружающие Таганрогский залив Азовского моря и примыкающую к нему многоорукавную дельту р. Дон.

Крепость Лютик.
«Абрис городка Лютика, как оной в проспекте виден».
И. Зверев. Рисунок. 1736–1737. Фрагмент. НБУВ.

точники, вкпе с археологическими данными, позволяют представить и визуализировать реальность, оставшуюся в прошлом, и тем самым существенно повысить достоверность культурно-хронологического облика этих памятников.

К тому времени, когда Пётр I направил острие своего внешнеполитического курса против турецкой крепости Азов в дельте Дона, Северо-Восточное Приазовье уже давно являлось зоной перманентной конфронтации между Российским государством и Османской империей. Захват Турцией устьев Дона в 1475 году и последующее создание здесь Азакского санджака привело к образованию близ южных границ России нового очага внешней агрессии¹.

Основу фортификационных сооружений Азова составляли два каменных замка итальянской фактории Тана, построенные в XV

¹ Новый турецкий источник по истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 8. Симферополь, 2001. С. 364–365; *İnalçik H. Azağ* // The Encyclopedia of Islam: New edition. Vol. 1. Leiden, 1986. P. 808; Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М., 1978. С. 40, 194, 197, 199; *Аваков П.А.* Геополитическое положение Подонья-Приазовья в XV–XVI вв. в свете противостояния России и Турции // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. Сер. Обществ. науки. 2011. № 1. С. 33–34; *Он же.* Генезис русско-турецкого противостояния в Подонье-Приазовье в XVII в. (до 1695 г.) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 4 (в печати).

веке. На протяжении последующих двух веков Турция целенаправленно укрепляла его фортификационные сооружения².

Стремясь усилить оборону Азова и сделать более эффективным противодействие военно-морской угрозе со стороны донского казачества в Азово-Черноморском бассейне, в 1660 году Османская империя активизировала фортификационное строительство в дельте Дона. В течение двух месяцев под руководством крымского хана Мухаммед-Гирея IV и кафинского бейлербея Мустафы-паши выше Азова были построены две каменные башни и крепость, призванные блокировать выход в Азовское море для казачьих судов. Крепость Сед-Ислам (Щит Ислама) на левом берегу р. Мёртвый Донец казаки прозвали городком Лютиным, по протекавшему рядом ерику Лютин, а башни Шахи и Султанийе (Султана и Султанши), расположенные на обоих берегах протока Каланча, получили название Каланчинских башен. Крепость имела прямоугольную, почти квадратную планировку и одни ворота, на исходящих углах её ограды находились четыре восьмиугольные башни с шатровой крышей из тёса. Длина перпендикулярно расположенных крепостных стен составляла 18 и 19 сажений (38,8 и 41 м), с трёх сторон их окружал ров³.

В последней четверти XVII века Турция кардинально модернизировала укрепления Азова. Накануне Азовских походов Петра I он представлял собой довольно мощную крепость, о чем можно су-

² Волков И.В. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби русских военных топографов XVII–XVIII вв. // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1992. С. 91–92; Тафур П. Странствия и путешествия. М., 2006. С. 166; İnalçik H. Op. cit. P. 808; Öztürk Y. Osmanli Nakimiyetinde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000. S. 111–112, 155; Эвлия Челеби. Книга путешествия... Вып. 2. С. 40–41, 198–202; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 4. Л. 219; Ф. 111. Оп. 1. Кн. 8. Л. 490–491 об.; Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 1. М., 1964. С. 151.

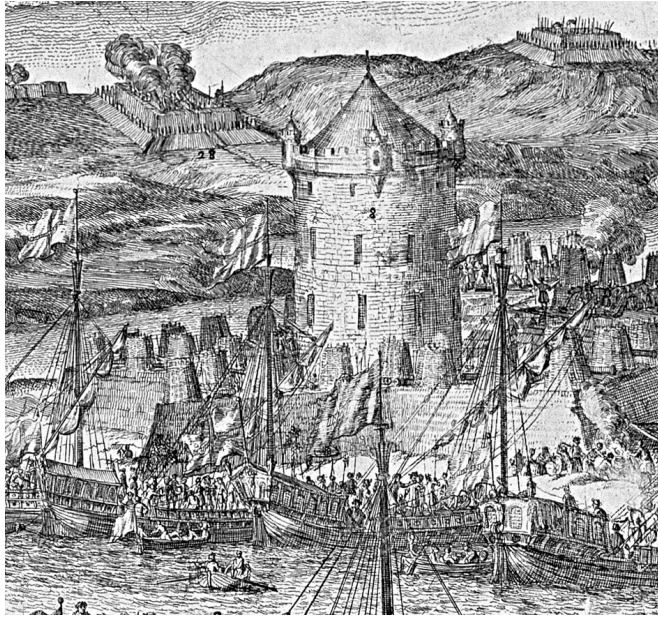
³ Донские дела. Кн. 5. Пг., 1917. Стб. 729–731, 734–740, 760–761, 765–766; Эвлия Челеби. Книга путешествия... Вып. 2. С. 128, 208–212; Поход боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное отгуды с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных произшествий и с имянным списком бывших при том: сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских, вышних и нижних военачальников числе всех войск и учиненным оным награде. СПб., 1773. С. 146–147; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 445–445 об.; Чеснок В.Ф. Крепость Лютик: (XVII–XVIII в.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д., 1988. С. 66–68; РНБ. Отд. эстампов. Э-ПогЛ/9-396; НБУВ. Сектор картографічних видань. № 45415; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 31; РГВИА. Ф. 424. Оп. 1. Д. 3; Ф. 846. Оп. 16. Д. 1588. Л. 2; Ф. 349. Оп. 3. Д. 95.

дить по документам и планам второй половины 1690-х годов. К тому времени каменная ограда города стала внутренней, так как снаружи её окружила земляная ограда, местами бастионного начертания. По всему периметру её опоясывал сухой ров. Каменная крепость по-прежнему была разделена стенами на три части, которые турки называли Таш-кале (Каменная крепость), Орта-кале (Срединная крепость) и Топрак-кале (Земляная крепость). На российских планах Азова того времени количество башен колеблется от восьми до десяти⁴.

Первое российское военное укрепление в Северо-Восточном Приазовье было построено в июне 1695 года, во время первого Азовского похода. Продвигаясь с авангардом к Азову через дельту Дона, 27 июня генерал Патрик Гордон сделал остановку у курганной группы на левобережье р. Койсуг, близ современного пос. Овощной (Азовский район Ростовской области), и заложил форт, «обнимающий 2 земляных горы», то есть два кургана. Одним из них, вероятно, был Скопин курган — известный в наши дни памятник археологии. В документах конца XVII века это полевое укрепление фигурирует как «Скопин городок». В 1695 году он служил перевалочной базой российских войск, идущих к Азову. Изображения Скопина городка (в том числе в виде точки на карте) до нас не дошли. Определить его примерное местоположение позволяют карты низовьев Дона 1740 и 1748 годов, а также план села Койсугского Ростовского уезда 1801 года, на которых показана Скопинская крепость, возобновленная генерал-фельдмаршалом графом Б.К. Минихом в марте 1736, незадолго до начала очередной осады Азова, на месте укрепления Петровской эпохи. Сохранились два плана Скопинской крепости второй половины 30-х годов XVIII века. На них изображён ретраншемент в виде неправильного прямоугольника с бастионом посередине южной стороны и курганом внутри ограды⁵. В наши дни точное место-

⁴ *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. Т. 1. Владимир, 1903. С. 581; Поход боярина и Большаго полку воеводы Алексея Семеновича Шеина... С. 126, 131, 133–136; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 2. Л. 232 об., 234, 276, 279 об., 281, 285 об.; НИОР БАН. Собр. иностранных рукописей. Ф. 226. Т. 2. Л. 87; Т. 3. Л. 33; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21602; *Корб Й.Г.* Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 г.). СПб., 1906. С. 288–289. Изобр. 4.

⁵ *Гордон П.* Дневник: 1690–1695. М., 2014. С. 365–366, 368; ПЖПВ. 1695 г. СПб., 1853. С. 20–21; *Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы для биографии: в 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 208; НИОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. [109] об.; Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семёновича Шеина, в 1697 году // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 7. Одесса, 1868. С. 155; РГВИА Ф. 422. Оп. 1. Д. 3; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 55; Д. 543. Л. 32; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 118. Д. К-10; Ф. 192. Оп. 1

Левобережная Каланчинская башня.

«Города Азова описание о взятия, как великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец осадил мая 16 числа, а взял июля 19 числа 7205-го году».

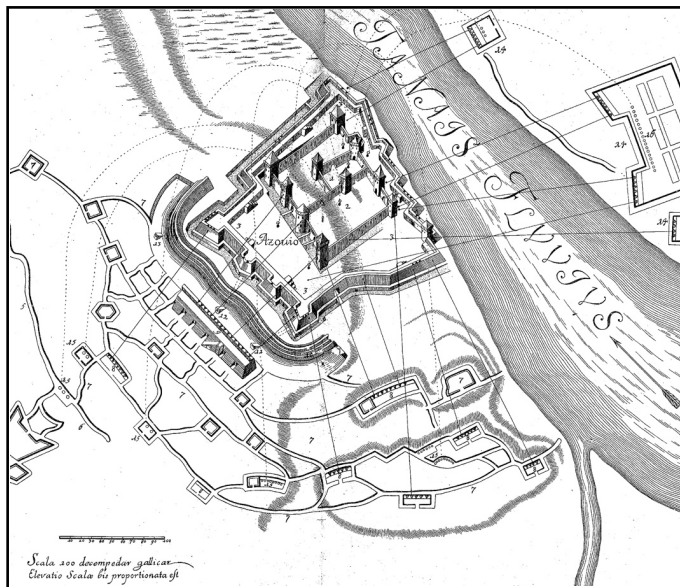
А. Шхонебек. Офорт. 1699. Фрагмент. РНБ.

положение Скопина городка (Скопинской крепости) не установлено, так как следы его пока не обнаружены⁶.

Как известно, итогом первого Азовского похода 1695 года стало взятие Каланчинских башен. Левобережная башня Шахи под руководством П. Гордона была обведена земляным валом бастионного начертания и получила название «города Сергиева». Правобережную башню Султанйие позже назвали «городом Никоновым» и тоже

(Екатеринославская губ.). Д. 27/1; Д. 27/2; Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. 1 // Сб. военно-исторических материалов. Вып. 10. СПб., 1897. С. 56; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Командное отделение. Д. 107. Л. 40.

⁶ К таковым нельзя отнести фрагмент рва глубиной более 3 м, обнаруженный археологами в 1997–1999 годах в ходе раскопок Скопина кургана с его северной стороны (*Бойко А.Л., Верещагин В.В., Игнатенко Д.А.* К вопросу о местонахождении Скопинского редута // Рубикон: Сб. научных работ молодых учёных. Вып. 13. Ростов н/Д., 2001. С. 47). Как свидетельствуют планы Скопинской крепости, её ров находился с противоположной стороны кургана, и на большом расстоянии от него.

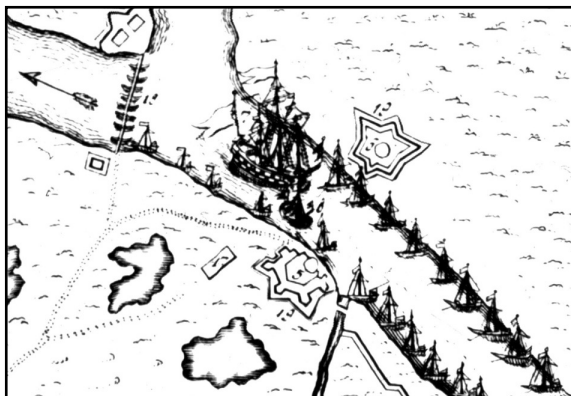

Осада Азова в 1696 году.

Гравюра по оригинальному плану Э.Ф. фон Боргсдорфа 1696 года.
Около 1701. Из кн.: Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698
и 1699). СПб., 1906. Фрагмент.

огородили земляным валом. Земляные укрепления Сергиева и Никонова изображены на плане осады Азова австрийского инженера барона Э.Ф. фон Боргсдорфа 1696 года и на плане устьев Дона, выполненном Петром I во время посещения музея Я. де Вильде в Амстердаме в 1697 году. Наружная ограда Сергиева имела форму неправильного пятиугольника, длинной стороной повернутого к реке, периметр которого составлял 232,5 сажени (495 м). Три его бастиона были обращенные к полю, а два полубастиона — к реке. Высота вала — 2 сажени (4 м). Валы Никонова в плане представляли собой ассиметричную шестиконечную звезду. Его аксонометрическое изображение имеется на известном офорте А. Шхонебека «Города Азова списание от взятия...» 1699 года. К 1711 валы Никонова почти полностью обвалились⁷.

⁷ ПЖПВ. 1695 г. С. 22, 28; Гордон П. Дневник: 1690–1695. С. 376, 390, 391, 392, 396, 398, 413, 428; Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 240–241, 243, 256; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 298–299; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 62. Л. 2–4; Д. 446. Л. 7–9 об.; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 443 об.; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1535; НИОР БАН. Собр. Петровской галереи. № 32/2; РНБ. Отд. эстампов. Э-ПогЛ/9-396.

Сергиев и Никонов в 1696 году. Гравюра по оригинальному плану Э.Ф. фон Боргсдорфа 1696 года. Около 1738. Фрагмент. Из кн.: [Байер Т.З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. 3-е изд. СПб., 1782.

Овладев во время второго Азовского похода 1696 года Азовом и Лютином, Российское государство ликвидировало Азакский санджак и взяло под контроль всё Северо-Восточное Приазовье⁸. Следует отметить, что после этого в архитектурном устройстве Лютина (в отличие от Азова) не произошло никаких конструктивных изменений, имеющих отношение к внедрению идей новейшей европейской фортификации.

Реконструкция укреплений Азова с 1696 года велась по проекту австрийского обер-инженера Антония де Лавалья, произведённого Петром I в чин генерала. Во время третьего Азовского похода 1697 года он заложил с восточной стороны Азова горнверк Алексеевский, а напротив города отдельную крепость — «город Петровский». В 1698 арестованного генерал-инженера сменил его соотечественник обер-инженер барон Эрнст Фридрих фон Боргсдорф⁹. В последую-

⁸ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 327–329, 332–333.

⁹ Статейный список похода в Азов... С. 150, 151, 153–154, 162; НИОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. [57–57 об.], [78]; Письма императора Петра Великого к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану с ответами на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, князя Бориса Александровича Голицына, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1788. С. 74; *Бранденбург Н.Е.* Азовский поход Шеина: 1967: (Материалы для истории военного искусства в России) // Военный сборник. Т. 63. СПб., 1868. № 10. Отд. 2. С. 197, 201; *Корб Й.Г.* Указ. соч. С. 290. Изобр. 5; *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 324, 336; *Аваков П.А.* Город

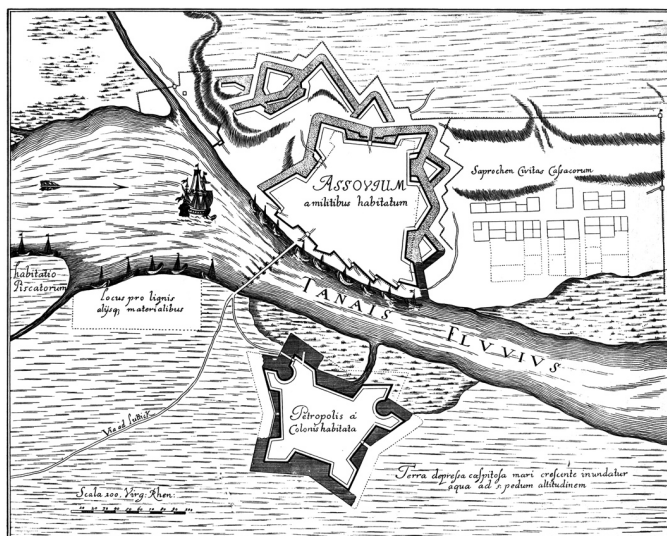
щие годы фортификационными работами в крепости руководили подполковник Христофор Эрнест, майоры Григорий Эвертсон, Карлус Мас и Герхард Людвиг Шток (с 1709 полковник).

К концу первого десятилетия XVIII века укрепление Азова с применением новейших достижений фортификации было в основном завершено. Реконструировать внешний вид крепости позволяют её планы конца XVII—начала XVIII века и многочисленные документальные источники. Азов имел форму ассиметричного многоугольника и земляную наружную ограду с тремя бастионами, обращёнными к полю, и двумя полубастионами, обращёнными к р. Дон. Периметр наружной ограды крепости составлял 1046 сажен 2 фута (2233 м). Фундамент главного вала (эскарп) был выложен камнем. Три из четырёх куртин прикрывали рavelины. Дополнительную защиту Азова с восточной стороны обеспечивал Алексеевский горнверк из двух полубастионов и реданта, усиленный рavelином. Слабую горжу крепости защищал недостроенный «город Петровский» на правом берегу Дона, представлявший собой бастионный четырёхугольник трапециевидной формы, длинной стороной обращенный к реке. С этой стороны на исходящих углах крепостной ограды располагались по два бастиона, имевших особое начертание: их обращённые друг к другу фланки были закруглены. Периметр крепостной ограды составлял 897 саженей (т.е. 1 км 937,5 м), в ней имелось трое ворот. Земляную ограду Петровского окружал ров шириной в 20 саженей (42 м). Наиболее достоверно её начертание изображено на фиксационном плане Азова 1737 года, выполненном поручиком артиллерии Иваном Бишевым. С противоположной стороны Азов окружал ров, наполненный водой из Дона, с гласисом и частоколом впереди. Турецкие каменные укрепления, расположенные внутри наружной ограды Азова, уже не имели никакого оборонительного значения. Артиллерия Азова (в т.ч. горнверка Алексеевского) и Петровского в 1711 году насчитывала 105 орудий разного калибра¹⁰.

В соответствии с условиями Прутского мирного договора от 12 июля 1711 года, Пётр I приказал генерал-губернатору Азовской губернии адмиралу графу Ф.М. Апраксину разрушить в Северо-Вос-

Петровский на Нижнем Дону (1697–1711) // Рубикон: Сб. научн. раб. молодых учёных. Ростов н/Д., 2010. Вып. 56. С. 83; Борисов [Вейнберг] Л.Б. Антоний ДеЛаваль: По неизданным документам Воронежского архива // Русский вестник. Т. 211. 1890. № 12. С. 6–44.

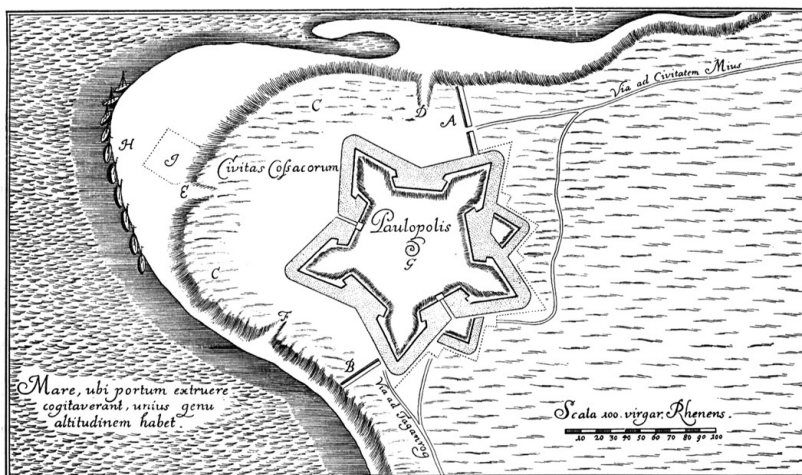
¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 440–445; Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к II части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Л. 31. Изобр. 103; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21602; РГАДА. Ф. 192. Оп. 1 (Екатеринославская губ.). Д. 25; Д. 23.

Азов и Петровский в 1698 году. Гравюра по оригинальному плану Э.Ф. фон Боргсдорфа 1696 года.
Около 1701. Из кн.: Корб Й.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699). СПб., 1906.

точном Приазовье все фортификационные сооружения, построенные Россией в течение 1695–1711 годов, в том числе наружные укрепления Сергиева, Петровский и горнверк Алексеевский, что и было сделано к январю 1712¹¹. Второй период господства Турции в устьях Дона продлился недолго: весной 1736 года российская армия вновь овладела Каланчинскими башнями, Лютиным и Азовом. Их дальнейшую судьбу решил Белградский мирный договор между Российской и Османской империями, подписанный 18 сентября 1739 года. Согласно его букве, в октябре 1741 России пришлось полностью разрушить все укрепления в устьях Дона, а прилегающие к ним земли получили статус нейтральной и демилитаризованной зоны, служащей «барьерой» между двумя державами. Окончательно эта территория вошла в состав России в ходе очередной войны с Турцией: в марте 1769 года российский отряд занял руины Азова и приступил к восстановлению его укреплений. После присоединения к Российской империи Крыма и Кубани Азовская крепость потеряла прежнее

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–100 об., 136 об., 148 об.; Д. 31. Л. 295, 309–309 об., 311а; РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1711 г. Д. 11. Л. 7 об.–8, 9 об.–10, 11–11 об.; ПиБ. Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 12–13, 138, 151, 466, 568; НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4896. Л. 1–1 об.

Павловский в 1698 году.

Гравюра по оригинальному плану *А. де Лавалья* 1697 года. Около 1701.
Из кн.: *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699). СПб., 1906.

стратегическое значение и по распоряжению императора Александра I от 31 марта 1810 года была упразднена¹².

В течение XX века государство не раз принимало остатки бывшей Азовской крепости под свою охрану. В последний раз — по решению Ростовского областного Совета народных депутатов от 18 ноября 1992 года, в качестве памятника археологии. 17 декабря того же года в этом же качестве под охрану были приняты развалины Лютина.

До наших дней от укреплений Азова, уничтожавшихся городской застройкой в течение двух столетий, остались лишь фрагменты наружной земляной ограды и часть рва. Кроме них, под государственную охрану была взята территория, занимаемая в прошлом крепостью. Сохранившиеся крепостные валы вряд ли можно связывать с Петровской эпохой, так как в 1741 году укрепления Азова были полностью уничтожены. Разрушение фрагментов земляной ограды крепости продолжалось и в последующие века. Реконструированные в наше время Алексеевские ворота Алексеевского горнверка были

¹² *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг. [Т. 1]. СПб., 1906. С. 224–226; ПСЗ. Т. 10 (1737–1739). СПб., 1830. С. 900; Т. 11 (1740–1743). С. 526–527; Т. 31 (1810–1811). С. 104–105; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 543. Л. 35; *Петров А.Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. СПб., 1866. С. 296–297; Журнал военных действий армей ея императорскаго величества 1769 года. СПб., [1770–1773]. С. [132–133].

построены в 1800—1805 годах. Позднее, когда они стали разрушаться, к ним пристроили контрфорсы из кирпича. В наши дни на одном из контрфорсов с внешней стороны Алексеевских ворот висит табличка, информирующая туристов о том, что перед ними — объект культурного наследия федерального значения. К сожалению, её текст содержит орфографическую ошибку: слово «горнверк» напечатано без буквы «р». Хочется надеяться, что эта досадная ошибка не вкралась в официальные охранные документы. Музеефицированный бывший пороховой погреб Азовской крепости также не имеет никакого отношения к Петровской эпохе: он был построен в 1797—1799 годах, а в 1809 перестроен в цейхгауз¹³. Контуры оплывшей земляной ограды Петровского, площадь которого занята частной застройкой хутора Задонья, четко просматриваются на сделанных из космоса фотоснимках.

Лютин и Каланчинские башни навсегда остались в развалинах. До наших дней сохранились лишь фундамент и цоколи каменных стен Лютина. Археологическое исследование памятника осуществляли экспедиции Ростовского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Археологического музея-заповедника «Танаис» в 1970—1973 и 1993—1994 годах¹⁴. Каланчинские башни к настоящему времени оказались полностью стёртыми с лица земли. Картографические источники первой половины XVIII века позволяют лишь приблизительно локализовать их местоположение. К сожалению, археологические раскопки в той местности пока ещё не проводились, без чего точно установить расположение башен невозможно.

Северо-Восточное Приазовье рассматривалось Петром I, прежде всего, как стратегический военно-морской плацдарм для предстоящей борьбы с Османской империей за выход в Чёрное море. Царь сразу предусмотрел распространение российской колонизации за пределы обжитого турками района устьев Дона, а именно — на Миусский полуостров, где у мыса Таган (Таганрога) он запланировал построить военно-морской порт и крепость. Однако генерал-инженер А. де Лаваль в 1697 году признал Таган-рог непригодным для этих

¹³ *Передача Л.Б.* Крепость и посад Азов (конец XVII — начало XX вв.) // Очерки истории Азова. Вып. 3. Азов, 1995. С. 95–96, 102–103, 105–106, 108–111; Она же. Пороховой погреб. Азов, 2009. С. 11–17.

¹⁴ *Чеснок В.Ф.* Крепость Лютик: (XVII–XVIII в.). С. 73; *Он же.* Альбом иллюстраций к отчёту о раскопках в крепости Лютик летом 1970 г. Недвиговка, 1970 (АМЗТ. НВФ-180); *Кузьмин В.Н.* Отчёт о раскопках крепости Лютик в июле 1993 года. Недвиговка, 1994 (АМЗТ. НВФ-304); *Он же.* Отчёт о раскопках крепости Лютик в июле 1994 года. Недвиговка, 1996 (АМЗТ. НВФ-305).

целей и заложил земляной «город Павловский» на Петрушиной косе, где также предполагал построить и порт. Крепость в виде правильно-пятиугольника являлась типичным образцом простой бастионной системы С. Вобана¹⁵.

После дополнительных изысканий, проведённых шведским инженером Кристианом Ругэлем на северном побережье Азовского моря, правительство в лице Пушкарского приказа распорядилось строить порт в гирле Миусского лимана. Для защиты порта в сентябре 1698 года воевода А.П. Салтыков основал в гирле лимана новую земляную крепость в виде пятиугольного полигона с семью бастионами, спроектированную бароном Э.Ф. фон Боргсдорфом. Длина наружной ограды крепости составляла 980 саженей (2116,8 м) в окружности, со стороны суши её огибал сухой ров. Поначалу крепость называли «городом Миусом», но в начале XVIII века её переименовали в Семёновский шанец¹⁶.

Тем временем, в августе 1698 капитан венецианского флота Маттия Милланковидж (Матвей Симонтов) убедился, что порт следует строить именно у Таган-рога. Согласившись с ним, инженер К. Ругэль пришёл к выводу, что на мысу можно построить и крепость. По указу Пушкарского приказа в октябре 1698 года воевода И.И. Щепин возвёл на Таган-роге временные земляные укрепления по проекту барона Э.Ф. фон Боргсдорфа, представлявшие собой три звездообразных «городка», соединённые линией вала со рвом впереди. Кульминацией освоения Миусского полуострова стала закладка в 1699 году при участии царя Таганрогской гавани и «города Троицкого», более известного как Таганрог. В сентябре этого года были построены лишь гражданские объекты Троицкого, сооружение укреплений

¹⁵ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 334–335, 347–348; Письма императора Петра Великого... С. 74–75; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 307 об.; *Елагин С.И.* История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. С. 103–104; НИОР БАН. Собр. иностранных рукописей. Ф. 226. Т. 2. Л. 107; *Корб Й.Г.* Указ. соч. С. 291. Изобр. 6.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 5. Л. 31 об., 33 об.; НИА СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 44, 259, 260; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 307 об.; *Корб Й.Г.* Указ. соч. С. 292. Изобр. 7; *Елагин С.И.* Указ. соч. С. 106; *Аваков П.А.* Таганрог на заре своей истории: вехи градообразования // *Фронтири міста: Историко-культурологічний альманах*. Вип. 2. Дніпропетровськ, 2013. С. 71; *Он же.* Участие украинского казачества в российской колонизации Примиусья 1698–1711 гг. // *Украинцы Юга России: Проблемы истории, культуры, социально-экономического развития: Материалы международной научной конференции* (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д., 2013. С. 70; *Пустынников С.Ф.* Семёновская крепость // *Петровские укрепления Миусского полуострова: [Сб. статей]*. Таганрог, 2015. С. 154–163; *Ласковский Ф.Ф.* Указ. соч. Л. 32. Изобр. 110–111.

развернулось уже в 1700 году. Город-крепость строился по проекту прусского инженера Рейнгольда Трозьена, разработанному с учётом передовых достижений европейской фортификации и одобренному царём. После его смерти в 1700 году фортификационные работы в Троицком последовательно возглавляли шведские инженеры К. Ругэль, Юхан Георг Рекхаусен, майор Юхан Якоб Бреклин (с 1709 полковник)¹⁷.

На пороге второго десятилетия XVIII века строительство Троицкого подходило к концу. Долгое время его подлинный облик оставался неизвестным даже специалистам — историкам и архитекторам. Хрестоматийную известность в литературе получил проектный план крепости на Таган-роге, выполненный бароном Э.Ф. фон Борсдорфом в 1698 году, и впервые опубликованный около 1701 секретарём австрийского посольства Й.Г. Корбом¹⁸. Многочисленные авторь, тиражировавшие впоследствии эту гравюру на страницах своих трудов, понятия не имели, что проект барона так и не был реализован. Представление о внешнем виде Троицкого позволяет составить недавно обнаруженный в РГАДА фиксационный план крепости 1704 года, а также её документальные описания.

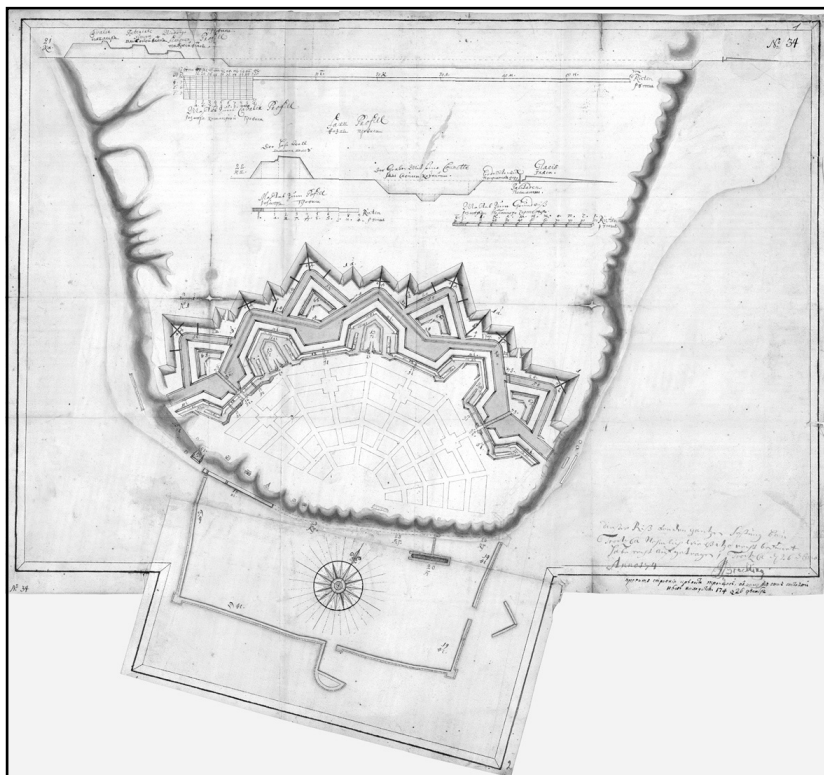
Город-крепость Троицкий имел форму неправильного пятиугольника и земляную наружную ограду с обращенными в поле тремя бастионами и двумя полубастионами на нижних углах. В бастионах и куртинах располагались каменные постройки. Протяжённость крепостной ограды составляла 960 саженей (2044 м), высота главного вала с внешней стороны — 24 фута (7,29 м), глубина рва — 16 футов (4,8 м). Прикрытие куртин обеспечивали четыре рavelина, открытую горжу со стороны моря защищали каменные укрепления Таганрогской гавани. С суши ограду Троицкого окружал сухой ров с гласисом и частоколом впереди. Крепостная артиллерия в 1711 году насчитывала 227 пушек разного калибра¹⁹.

В 1702 году под руководством Ю.Г. Рекхаусена на перешейке Миусского полуострова была сооружена укреплённая Троицкая линия, замкнутая двумя земляными шанцами — Павловским и Черепан-

¹⁷ Корб Й.Г. Указ. соч. С. 293. Изобр. 8; НИА СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 29, 30, 77–77 об., 108, 146, 147, 195; РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 394–395, 405–406 об.; Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 422 об., 557; ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 474, 800; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 303; *Аваков П.А.* Таганрог на заре своей истории... С. 71–73; *Он же.* Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // *Родина.* 2015. № 8. С. 98–99.

¹⁸ Корб Й.Г. Указ. соч. С. 294. Изобр. 9.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Л. 19. Л. 510–514 об.; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 66. Ч. 34; *Аваков П.А.* Город Троицкий на Таган-роге... С. 99–100.

Город-крепость Троицкий. «Dießen Riß von d[e]m gantzen festung bau Troitzsa nehlich wie eß itzo recht befindet habe recht aufgetragen, Troitzsa den 26 Decmbr Anno 17[0]4». Чертёж. 1704. РГАДА.

хой, построенными по типовым европейским проектам XVII века. Выявленный недавно в НБУВ рабочий чертёж 1702 года содержит уникальную информацию о месторасположении, начертании, профилях и размерах линии и шанцев, существенно дополняющую документальные свидетельства. Длина Троицкой линии составляла 4487 сажений (9691,9 м). На всей её протяжённости примерно на равном расстоянии друг от друга располагались девять редутов бастионного типа, каждый из которых имел открытую горжу, два фаса и два фланка одинаковой длины — 9 сажений (19,4 м). Высота валов линии и редутов составляла 8 футов (2,5 м). Вдоль линии с её внешней стороны был вырыт ров шириною 15 футов и глубиною 9 футов (4,7 и 2,8 м). Павловский шанец представлял собой классический бастионный четырёхугольник, а шанец Черепаха имел треугольную планировку и полубастионы на исходящих углах. Линия служила

заслоном от набегов крымских татар для населения Троицкого и его предместий. После её сооружения Павловский шанец на Петрушиной косе был заброшен²⁰. Время не пощадило его фортификационные сооружения — вероятно, они полностью утрачены.

Семёновский шанец был оставлен гарнизоном в июле 1711 года в связи с открывшимися в регионе военными действиями между Россией и Турцией, но его укрепления специально не уничтожались. Со временем значительную их часть разрушила береговая эрозия. В 1950 году по решению Исполкома областного совета депутатов трудящихся остатки шанца были признаны памятником археологии и взяты государством под охрану. До наших дней сохранились северный, восточный и юго-восточные бастионы. Высота валов достигает 1–1,5 м, глубина рва — не более 1,5 м. Валы и ров шанца распахиваются местными жителями, по его территории проложена грунтовая дорога, северо-западная куртина уничтожена дачными усадьбами. В результате незаконного отвода земель Лакедемоновским сельсоветом в 1992 году под застройку попала остальная часть укрепления. В 1992 году совместная экспедиция Ростовского государственного университета и Таганрогского музея-заповедника произвела на территории укрепления спасательные раскопки, которые дали интересные материалы VIII–XI веков и Петровской эпохи²¹. Постановлением главы Администрации Ростовской области В.Ф. Чуба от 14 марта 1994 года открытое на месте шанца средневековое поселение было принято государством под охрану как памятник археологии «Семёновская крепость». Остатки самого укрепления с тех пор не считаются объектом культурного наследия и государством не охраняются.

Разрушение укреплений «города Троицкого» состоялось в соответствии с условиями Прутского мирного договора 1711 года. При этом Пётр I, надеясь в дальнейшем вернуть Северо-Восточное Приазовье в состав России, приказал графу Ф.М. Апраксину в Троицком

²⁰ *Аваков П.А.* Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 62–63; НБУВ. Сектор картографічних видань. № 6342; *Ласковський Ф.Ф.* Указ. соч. Л. 31. Изобр. 104; Л. 32. Изобр. 105–109.

²¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 13. Л. 7–7 об.; *Аваков П.А.* Участие украинского казачества... С. 74; ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 983. Л. 287; *Ларенок П.А.* Исследования на территории Семёновской крепости // *Прохорова Т.А.* Отчёт о спасательных работах на археологических памятниках Беглицкой косы (16–17 участки Неклиновского района Ростовской области) в 1992 г. Ростов н/Д., 1993 (Архив Археологической лаборатории ЮФУ. Ф. 4. Д. 617); *Он же.* Охранные раскопки Семёновской крепости // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып. 12. Азов, 1994; *Пустынников С.Ф.* Указ. соч. С. 162–167.

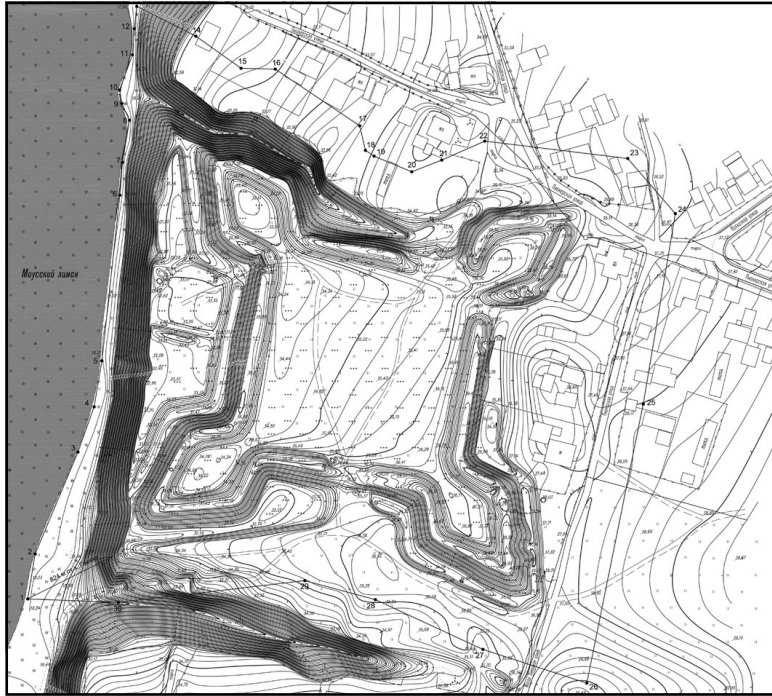
разрушить лишь один полигон (то есть фасы и фланки двух соседних бастионов, куртину между ними, и лежащие напротив рavelин и фрагмент рва) «как возможно низко, однакож не портя фундаменту, но разрывать или в валу подкопы делать, а не под фундамент..., а протчево ничево не портить...». После оставления российскими войсками Таган-рога в феврале 1712 года разрушение крепости продолжили уже турки. Тем не менее, остатки земляной ограды Троицкого частично сохранились. О том, что они представляли из себя спустя 25 лет после ликвидации Троицкого как крепости, можно судить по чертежам, выполненным в 1738 году генерал-майором П.П. де Бриньи, обследовавшим Таган-рог. Восстановление крепости началось в апреле 1769 года, после занятия мыса российскими войсками²².

В связи с расширением границ Российской империи на Юге императрица Екатерина II 10 февраля 1784 года указала оказавшийся «внутри государства» Таганрог более крепостью «не почитать». Фортификационные сооружения екатерининского Таганрога на протяжении почти четверти века препятствовали развитию города, застройка которого продолжилась за крепостью и на её гласисе. В 1806 году таганрогский градоначальник барон Б.Б. Кампенаузен вынужден был ходатайствовать перед министром военных сухопутных сил С.К. Вязмитиновым «о срытии» укреплений. В марте 1808 года император Александр I утвердил этот план, и вскоре началось уничтожение давно упразднённой крепости²³.

В XX веке государство не единожды принимало бывшую крепость под свою охрану. В последний раз — по решению Ростовского областного Совета народных депутатов от 17 декабря 1992 года, в качестве памятника археологии. До наших дней от укреплений Троицкого, уничтожавшихся городской застройкой Таганрога в течение двух столетий, почти ничего не сохранилось. Под государственную охрану фактически была взята территория, занимаемая в прошлом крепостью, без каких-либо конкретных признаков её укреплений. С оговоркой остатками крепостной ограды можно считать невысокие холмики у ул. Петровской и Комсомольского спуска, где ранее располагались 3-й бастион и 2-й полубастион Троицкого. Городская застройка вдоль переулков Д. Гарибальди и 2-го Крепостного в це-

²² ПиБ. Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 12–13, 43, 138, 151, 466, 568, 569; Т. 12. Вып. 1. М., 1975. С. 296; Т. 12. Вып. 2. М., 1977. С. 351; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 103, 116, 117, 118; Д. 35. Л. 172 об., 243, 248; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 39. Л. 40–40 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 75, 76; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 297; Журнал военных действий армией ея императорскаго величества 1769 года. С. [133].

²³ ПСЗ. Т. 22 (1784–1788). СПб., 1830. С. 22; *Филевский П.П.* История города Таганрога. М., 1898. С. 212–216; РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 161. Л. 11–15, 17–18.

Павловский шанец в наши дни. Схема границы территории и правового режима земельных участков объекта археологического наследия «Крепость XVII–XVIII вв.». Тахеометрический план, *И.А. Давыденко*. 2014. Фрагмент.

лом повторяет контур наружной ограды крепости. В 1989 и 2008 годах на двух участках по ул. Петровской были произведены охранные раскопки и шурфовочные работы, позволившие получить представление о конструкции сохранившейся части вала бастиона, восстановленного во второй половине XVIII века. Исследованный в 1989 году фрагмент вала по окончании раскопок был разрушен, но строительство школы в том месте так и не началось²⁴.

От Троицкой линии сейчас мало что осталось. Практически полностью сохранился лишь Павловский шанец, расположенный на окраине хутора Гаевка Неклиновского района Ростовской области.

²⁴ *Верещагин В.В., Ларенок П.А.* Валы Троицкой крепости (по материалам археологических раскопок 4 бастиона в 1989 и 2008 г. // Петровские укрепления Миусского полуострова. С. 102–107; *Верещагин В.В.* Отчёт об археологическом обследовании земельного участка по адресу ул. Петровская, 12 в г. Таганроге Ростовской области в 2008 году. Ростов н/Д, 2008 (личный архив В.В. Верещагина).

Впервые государство взяло его под охрану в 1950 году как памятник археологии «Турецкая крепость XVI–XVII вв.». В ноябре 1992 года шанец повторно получил статус памятника, но уже истории, с нелепым названием «Земельная крепость». В декабре того же года укрепление было в третий раз принято государством под охрану, на этот раз в качестве памятника архитектуры с более адекватным наименованием «Павловская крепость». Сейчас памятник находится в неудовлетворительном состоянии. Площадь укрепления задернована, валы оплыли, на стыке северо-западного бастиона и западной куртины зияет брешь, через которую проложена грунтовая дорога, частично разрушен оврагом северный фас северо-западного бастиона, ров перед восточной куртиной засыпан и занят огородами местных жителей²⁵. Стёртому с лица земли шанцу Черепаха в декабре 1992 года также был присвоен статус памятника архитектуры с названием «крепость Черепахин городок». Место, где он располагался, погребено под шлаковым отвалом Таганрогского металлургического завода. Археологические раскопки на территории обоих шанцев никогда не производились.

С 2003 года Павловский шанец является объектом особого рода массового ажиотажа: на его территории ежегодно проводится молодёжная правовая акция «Наша крепость» с участием сотен студентов юридических факультетов нескольких ВУЗов Ростова-на-Дону. К сожалению, ни организаторы акции, ни тем более её участники, почти ничего не знают об этом укреплении. Во время мероприятия 2009 года при содействии Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры внутри шанца был установлен охранный знак в виде бетонной тумбы с памятной доской, сообщающей ошибочную дату постройки укрепления: 1698 год. Хочется надеяться, что эта досадная погрешность будет исправлена (тем более что табличка в настоящее время разбита).

Ограниченный объём публикации не позволил включить в неё сведения о двух укреплениях, сооружённых поочередно в 1711–1712 годах на берегу Дона у Монастырского урочища и у устья Васильева ерика, в окрестностях нынешней ст. Старочеркасской Аксайского района.

²⁵ ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 983. Л. 33; Дедюлькин А.В. Итоги разведки и топосъёмки на территории Павловской крепости // Археология, Древний мир и Средние века. Вып. 3. Ростов н/Д., 2009. С. 59–63.

Юркин Игорь Николаевич
(Москва)
*Главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники
имени С.И. Вавилова РАН*

200-километровый памятник Петру (Ивановский канал): проблемы изучения и сохранения его сооружений

1. Ивановский канал (другое название — Ивановская водная система) по величине затраченных на его создание трудовых ресурсов занимает заметное место среди проектов Петровской эпохи, направленных на совершенствование и развитие транспортной системы Российского государства. Образующие его естественные и искусственные водные пути, на 210 вёрст протянувшиеся по территории нынешней Тульской (преимущественно), а за её пределами — по границе Липецкой и Рязанской областей — зримое воплощение одной из первых попыток соединить водные бассейны Волги и Дона. Для её реализации была использована естественная их связка через Иван-озеро, из которого вытекают река Шат (Окского бассейна) и Дон. Строительство гидротехнических сооружений, весьма энергично начатое в 1701 году, к концу первого десятилетия своей истории замедлилось¹. «Какая же была причина столь далеко заведённое производство работы остановить, совершенно неизвестно», констатировал автор статей «Дон» и «Ивань-озеро» в словаре

¹ А.И. Миловидов полагал, что это произошло уже в 1709 году (*Миловидов А.И. Достопримечательные сёла Тульской губернии. Вып. 1: Село Иван-озеро и Ивановский канал, начатый Петром Великим. Тула: Тип. Н.И. Соколова, 1892. С. 23*).

А.М. Щекатова². Помимо отвлечения людей и средств на войну со Швецией, в литературе указывалось на два прямо не связанных, но действовавших в одном направлении, обстоятельства: Полтавская победа (1709) открывала доступ к Балтийскому морю, а неудачный Прутский поход (1711), напротив, закрывал дорогу на юг, к устью Дона, делая Ивановский канал ненужным³. Особое внимание придавалось второму из них⁴. Окончательная остановка строительства произошла, по одним данным, в 1720⁵, по другим — в 1724 году⁶. «Сими местами, — писал И.К. Кирилов в известном труде «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1726–1727), — с 1701 году была великая работа... и тако учинена была камуникация водою между Каспийского и Азовского морей, точию ныне оной канал упущен»⁷.

Тем не менее, существовавшие гидротехнические сооружения по мере возможности охраняли, обследовали, составляли планы продолжения работ. Известно, по крайней мере, об одной серьёзной попытке (время императора Александра I) их восстановить и усовершенствовать, добавив несколько дополнительных шлюзов⁸. Надежды закончить начатое не умирали до конца 1830-х годов.

История проекта тесно связана с личностью и деятельностью Петра Великого. Проект идеально вписался в систему политических и экономических приоритетов, какой она сформировалась в его сознании к началу XVIII столетия. Пётр, готовясь к Северной войне и уже ведя её, долгое время не оставлял своим вниманием и южный вектор развития. Он справедливо полагал, что работа по освоению Приазовья будет более успешной, если укрепить транспортную его связь с центром Европейской части России. Маршрут одного из вариантов такого укрепления прошёл через Иван-озеро.

³ Миловидов А.И. Указ. соч. С. 23.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семёнова. Т. 2: Среднерусская чернозёмная область. СПб.: А.Ф. Девриен, 1902. С. 274.

⁵ Там же; Миловидов А.И. Указ. соч. С. 24, 28.

⁶ Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России, издаваемые начальником экспедиции ген.-лейт. А.А. Тилло. Бассейн Дона. Исследования Гидротехн. отдела под рук. нач. отдела инж. Ф.Г. Зброжека. 1895 г. Бассейн верховьев р. Дона до устья р. Непрядвы, бассейн р. Непрядвы и бассейн верховьев р. Красивой Мечи до устья р. Гоголя. СПб.: Типо-литография К. Биркенфельда, 1897. С. 4.

⁷ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 153.

⁸ Миловидов А.И. Указ. соч. С. 33–37; Труды Экспедиции для исследования источников главнейших рек Европейской России... С. 5.

Этот созданный природой водный путь эпизодически человеком уже использовался. Так, именно по нему в 1664 году доставляли к царскому столу живую рыбу (сазанов и шук), ловившуюся «на Воронеже или в ыных тамошних же городех, где в которых реках есть» — её везли в прорезных стругах и лодках «Доном, и Иванем-озером, и рекою Шатом, и Упою, и Окою, и Москвою реками»⁹. Догадка, что идея сделать этот путь судоходным, принадлежит лично Петру, была высказана ещё в XIX веке¹⁰. И хотя это предположение до сих пор не нашло документального подтверждения, критики оно тоже не встретило и по-прежнему упоминается¹¹.

Строили канал приписанные к этой работе крестьяне окрестных уездов и пленные шведы, инженерное руководство осуществляли специалисты из Нидерландов и местные мастера. Непосредственно на объекте работами руководил облечённый доверием царя князь М.П. Гагарин, в будущем комендант Москвы и губернатор Сибири.

Пётр лично посетил строительство (достоверно известно о двух его приездах на Иван-озеро), привозил сюда иностранных гостей¹². На берегу озера (откуда начинались работы) находился построенный для него «дворец» — деревянный домик, купленный готовым и здесь смонтированный¹³. В послепетровское время в домике хранилось казённое имущество. Здание существовало, по меньшей мере, до 1745 года¹⁴, но к этому времени оно уже было основательно разрушено временем¹⁵.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стлб. 523. Л. 103.

¹⁰ Миловидов А.И. Указ. соч. С. 12.

¹¹ Так, Д.М. Лебедев вполне определённо эту идею поддержал (*Лебедев Д.М.* География в России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 289).

¹² *Бруин К., де* Путешествия в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 112–113. Вопросы, связанные с посещениями Петром Великим мест по трассе канала, подробно рассмотрены в нашей книге: *Юркин И.Н.* Пётр Железный (Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы). СПб., 2012. С. 81–93.

¹³ *Юркин И.Н.* «В селе дворец — одна светлица...» (Пётр Великий на строительстве Ивановского канала) // Ораниенбаумские чтения: Сб. науч. статей и публикаций. Вып. 1 (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 53–63; *Он же.* Пётр Железный. С. 125–132; Новейший обзор упоминаний о Иван-озерском царском дворце дан в статье: *Он же.* Иван-озеро // Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2015. С. 125–134.

¹⁴ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1 Д. 6725. Л. 2.

¹⁵ Хотя источники дают некоторые сведения, вселяющие надежду на возможность установления точного местоположения этой примечательной постройки, предпринятая автором в 2009 году попытка определить это место успехом не увенчалась.

Сохранилось предание, что во время одного из приездов царь посетил расположенное поблизости Куликово поле, где отдал распоряжение по поводу деревьев исторической Зелёной Дубравы¹⁶. В селе Иванькове Гранковской волости Епифанского уезда, находящемся неподалеку от трассы канала, существовал установленный местным помещиком памятник (четырёхгранный каменный столб) в честь посещения Петром этого места (о царских занятиях в надписи на нём: «забавлялся стрельбой и кушал квас»). Как и петровский «домик» близ Иван-озера, этот памятник ныне не существует¹⁷.

2. Автор на протяжении нескольких лет совместно с Государственным музеем-заповедником «Куликово поле» вёл и продолжает вести исследования остатков Ивановской водной системы. В ходе работы решаются несколько задач, важнейшими из которых являются изучение истории каналостроения в России и изучение истории Куликова поля. Одновременно выясняются возможности сохранения и безопасной эксплуатации относящихся к этой системе объектов.

Искусственные водные пути России и связанные с ними гидротехнические сооружения объектом исследовательского интереса становились неоднократно. Но чем старше подобные объекты, тем менее они изучены. Ивановская водная система — среди российских одна из старейших. Из-за почтенного возраста и в силу других причин её сооружения в значительной степени разрушены. Как и на всех связанных с техникой памятниках той эпохи (в том числе, на ранних металлomanуфактурах), из сооружений до настоящего времени сохранились только земляные — выемки и насыпи. Преимущественно это искусственные русла и многокилометровые дамбы (валы) вдоль них. По трассе нашего канала самые интересные гидротехнические сооружения — шлюзы, практически все во второй половине XIX века были разобраны. Изучение того, что осталось, осложняется тем, что некоторые из объектов, возникших при

¹⁶ *Афремов И.Ф.* Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8 день сентября 1380 года: Отрывок из Исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849. С. 65; *Юркин И.Н.* Пётр Великий на Куликовом поле // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Труды юбил. науч. конф. «Дмитрий Донской — государственный деятель, полководец, святой» (Тула—Куликово поле, 12—14 октября 2000 г.). Тула, 2001. С. 99—110; *Он же.* Пётр Железный. С. 151—166.

¹⁷ *Юркин И.Н., Фомин Н.К.* Неизвестное свидетельство о памятнике в честь посещения Петром Великим района Иван-озера // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2: История, этнография, искусствоведение. Тула, 2002. С. 273—278.

строительстве канала, позднее были вторично использованы при строительстве мельниц.

Довольно плохо сохранился и документальный материал по теме. Выявленный на данный момент, он полезен, но явно недостаточен ни для надёжной локализации объектов, ни для интерпретации полевых наблюдений.

Итак, многие постройки утрачены, их места в ландшафте без специальной «настройки глаза» уверенно не читаются, культурный слой нарушен, документы освещают лишь историю строительства, причём скупо и неравномерно, старых планов и карт, отображающих объекты системы — немного. Но понять, что представляли собой первые петровские каналы, найти и интерпретировать их материальные остатки (не только видимые, но и скрытые в земле) — задача при всей трудности её решения чрезвычайно привлекательная.

Второй аспект решаемой задачи связан с изучением истории Куликова поля. В его разработке заинтересован музей-заповедник «Куликово поле», граница территории которого проходит по руслу Дона на участке, некогда входившем в трассу канала. Хотя исторический период и содержание событий, связанных с каналом, весьма далеки от ключевого для этой территории события — Куликовской битвы 1380 года, — музею-заповеднику военно-исторического и природного профиля они, как легко заметить, тоже не чужды.

Одно из естественных для природного заповедника направлений научной работы — изучение воздействия человека на природную среду. Занимаясь полевыми исследованиями Ивановской водной системы, мы изучаем участки ландшафта, которые испытали многократные разнонаправленные воздействия. Их следы сохранились и во многих случаях могут быть расшифрованы.

Нетрудно заметить точки соприкосновения истории Ивановской водной системы и «военно-исторической» тематикой музея-заповедника. Строительство Ивановского канала — прямое следствие взятия Азова (первой победы Петра-воина) и завоевания Россией Приазовья. Роковое для его (канала) судьбы торможение работ — прямой результат военной неудачи Петра в Прутском походе и последовавшего за этим временного отступления России в её хозяйственном и политическом продвижении на юг.

Важность проводимых исследований не исчерпывается заполнением лакун, с одной стороны, в истории каналостроения, с другой — в прошлом местности, попавшей на страницы истории Отечества. Они привлекательны также и в методическом плане, поскольку, будучи междисциплинарными, позволяют плодотворно соединить возможности многих исследовательских методов. Таким образом, это

ещё и полигон, на котором может производиться отработка приёмов решения задач такого рода.

3. Коротко о результатах работы по изучению канала, продолжающиеся более десятилетия¹⁸.

Проведённые архивные исследования охватили пять архивов в Москве, Петербурге и Туле. Из выявленных документов наибольший интерес представляют столбцы Разрядного приказа, отразившие историю строительства в начальный его период (1701–1703), документы 1720–1740-х годов, характеризующие состояние канала в период паузы в строительстве, а также документы, связанные с обследованием трассы канала в XIX веке. В документах обнаружены упоминания о царском дворце, некогда стоявшем на берегу Иван-озера, найдено краткое его описание. Прослежена история здания. Особый интерес представляют картографические материалы: план 1763 года, схематизм изображения которого окупается информативной экспликацией, материалы межеваний (в том числе план Бобринской Спасской волости 1768 года, на котором обозначены и «копаный канал», и некоторые из шлюзов), относящиеся к 1800-м годам «проектированные» планы шлюзов. Выявленный материал даёт обильную пищу для размышления и помогает интерпретировать ряд полевых наблюдений.

Полевые исследования проводились двумя группами. Постоянно работала сухопутная группа, по мере необходимости к ней подключалась также водная. Изучались оба — Донской и Шатский — участка системы. Но если на Шатский было совершено лишь несколько ознакомительных и не давших результата заездов по пути, то участок Донской был осмотрен на всём его протяжении — от Шатского водохранилища до деревни Гаи, где находился последний шлюз. Более или менее подробно были обследованы все места, в которых можно было ожидать обнаружить следы шлюзов. На ряде участков (Монастырщина, Михайловка-Ренево) была проведена тахеометрическая съёмка местности.

Работы позволили сделать ряд наблюдений и заключений, в том числе следующие:

Наиболее заметный элемент ландшафта, указывающий на трассу канала, — дамбы, с одной или двух сторон окружающие искусственные русла. На Донском участке они тянутся от Иван-озера до Епифани, по визуальной оценке обваловано примерно 20–30 % от про-

¹⁸ Начатые в 2003 году, экспедиционные выезды на объект с 2009 проводятся ежегодно.

тяжённости русла. Валы имеют сходные размеры и профиль, расстояние между ними тоже одинаковое (около 18 м). Состояние большинства — хорошее, хотя их высота и профиль за прошедшие 300 лет, разумеется, изменились. На некоторых участках дамбы распаханы. Это произошло, в частности, ниже устья левого притока Дона реки Ивановки: участок, на котором на старых топографических планах валы видны, в настоящее время их не имеет. В других местах по трассе канала, в частности в районе Михайловского шлюза, их разрушение происходит в настоящее время — их срывают, «добывая» слагающую их плодородную почву.

Дон в его верховье, приблизительно до устья правого своего притока реки Бобрик течёт полностью по искусственному руслу. Ниже чередуются участки искусственного и естественного русла. На участках, где предполагалось использование естественного русла, выявляются следы работ, направленных на а) спрямление русел и б) на локальное дополнение старых русел дублирующими искусственными участками, на которых мог строиться шлюз.

Характерный элемент русла по трассе канала — наличие его спрямлений. Таких немало (например, у населённого пункта Новый), однако не исключено, что не все из них искусственные. Известно, что долины рек могут развиваться таким образом, что изгиб меандра «отшнуровывается» от главного русла естественным путём — за счёт боковой эрозии (подмыва высокого берега) река сама «прогрызает» в нём стягивающий перехват.

С наименьшим шагом шлюзы строились в верхней части канала (вблизи Иван-озера), ниже они ставились реже (расстояние между последними двумя шлюзами превышает 10 км). Вместе с тем нельзя утверждать, что большое расстояние между нижними шлюзами определялось исключительно гидрологическими условиями и изменившимся уклоном местности. Не исключено, что часть запроектированных нижних шлюзов не успели построить.

На местности большинства шлюзов на участках, где они, по данным источников XVIII—XIX веков, когда-то находились, обнаружить не удалось. Это вполне согласуется со сведениями других источников о том, что во второй половине XIX века они были разобраны. Но встречаются и исключения. Таков выявленный в 2015 году объект рядом с устьем левого притока Дона реки Ивановки, на котором сохранились не только валы петровского времени и рвы, оставшиеся после разборки шлюзовых стен в пореформенное время, но и блоки тесаного камня числом не менее десятка, не вывезенные после извлечения их из кладки. Ещё в одном случае (севернее деревень Михайловка и Ренево) на линии идущего вдоль правого берега

сухого канала удалось выявить углубление, размеры и профиль дна которого позволяют предположить, что именно здесь находился позднее разобранный шлюз. Объект был обследован геофизическими методами.

Кроме шлюзов были обнаружены и другие объекты, в которых с определённым вероятием можно увидеть остатки гидротехнических сооружений. Таковы выявленные на разных участках в русле Дона деревянные конструкции, представляющие собой, вероятно, укрепления искусственного берега (участок выше села Дубового и др.). Существование таких укреплений упоминается в источниках петровского времени. Также интересно явно искусственного происхождения расширение акватории при входе в канал, которое могло предназначаться для судов, ожидавших проводки через шлюз (район шлюза у деревень Михайловка-Ренево).

Здравый смысл и сравнительный материал по аналогичным проектам того времени позволяет утверждать, что по трассе канала должны были существовать временные лагеря строителей — «шалаша рабочих», как они названы в одном из документов. Исследования позволяют связать одно из уже давно обнаруженных поселений на пойме Дона в районе с. Монастырщина с такими именно «шалашами». Временные лагеря рабочих людей — новая разновидность археологических памятников, которая входит в комплекс объектов Ивановской водной системы.

На ряде участков интерпретация наблюдений затруднена в связи с тем, что на них (у сёл Лупишки, Люторич, Козлово, Муравлянка) в более позднее время существовали мельницы, использовавшие земляные сооружения петровского времени по новому назначению. Объяснение сделанных здесь наблюдений невозможно без сбора и анализа данных об этих мельницах. Учитывая это, было проведено специальное обследование всех мест на Донском участке канала, где впоследствии были поставлены мельницы.

Сделанные наблюдения позволяют выйти на некоторые обобщающие выводы. Сегодня мы уже имеем варианты ответа на вопрос: на что следует ориентироваться в поисках мест шлюзов, и где их искать — в русле реки или на берегу. Они особенно важны для сложных случаев, таких, например, как определение места шлюза у села Монастырщина, особенно интересного музею по причине его близости к музейным объектам. Ситуация с локализацией этого шлюза усложняется тем, что правобережная пойменная терраса в этом районе за счёт речных отложений сильно сглажена. Те старицы, которые видны на планах специального межевания XIX века, на данный момент отчётливо в рельефе не прослеживаются. Не исключено, что

построенный здесь шлюз ставился на искусственно создаваемом перехвате, по которому сейчас идёт русло реки. Не исключено, что здесь придётся заняться подводной археологией.

4. Каковы же музейные приложения этих исследований? Пока, естественно, материал для них ещё аккумулируется. Но общее их направление и возможности прорисовываются всё отчётливее. Когда вопрос будет достаточно разработан в научном плане, можно:

- а) Воссоздать один из шлюзов (допустим, под Монастырщиной) с точным воспроизведением форм и размеров объекта петровского времени. Он может передавать лишь внешний облик объекта, но может быть и действующим;
- б) воссоздать петровский домик-дворец. Как уже говорилось, выявлено описание такого домика, стоявшего у Иван-озера, содержащее размеры помещений и сведения об их назначении. Работу облегчает наличие сохранившихся аналогов — прежде всего, домиков в Петербурге и московском Коломенском¹⁹. Здание может быть размещено на новой, более удобной для музея площадке, то есть так, как это сделано для недавно воссозданного в Коломенском дворца царя Алексея Михайловича;
- в) воссоздать один из элементов инфраструктуры петровского времени: небольшой участок «царской» дороги Москва — Воронеж 1703 года — одной из первых дорог европейского образца, созданных в России (с востовыми столбами, обсадкой деревьями и т.д.).

Опираясь на результаты научных исследований, можно получить новый экспозиционный комплекс, связанный с инновационным проектом переломного для России времени и персонально с побывавшим в этих местах Петром Великим — выдающимся деятелем национальной культуры. Такой комплекс без всякой натяжки вписывается в концепцию музея-заповедника, вместе с тем, будучи во многих отношениях уникальным, усиливает его своеобразие. Отдельные элементы комплекса (шлюз) могут использоваться для насыщения историческим материалом маршрутов водного культурного и спортивного туризма, другие (воссозданный домик-дворец) — в экспозиционных целях. К подходящему юбилею (а их впереди немало) по петровскому маршруту (воссозданным участком петровских дорог) можно провести водный и пеший поход (пробег, эстафету и т.д.). Параллельно — проводку маломерных судов по участку трассы канала.

¹⁹ Большой материал по аналогам аккумулирован в сборнике: Дома и домики Петра I / Сост. В.В. Яковлев. СПб., 2015. 496 с.

5. К настоящему времени разработан детальный план дальнейших исследовательских работ — фактически дорожная карта действий. План обсуждён и одобрен на Учёном совете музея. Как и прежде, работы будут включать полевые и камеральные исследования. По их результатам планируется подготовить научную монографию по истории Ивановского канала и книгу научно-популярного характера. В перспективе — также издание источников по истории проекта и книга, посвящённая человеку, который запустил и непосредственно руководил его реализацией — князю М.П. Гагарину. На Учёном совете музея обсуждалась организация специальной научной конференции по истории каналов.

В 2017 году исполнится 310 лет первой и единственной проводке судов по трассе канала. Не подтверждённая документально, она, тем не менее, устойчиво упоминается в литературе с начала XIX века. Не за горами юбилей и бóльшего — *общегосударственного* — значения — 325-летие российского флота (если отсчитывать его начало от спуска на воду первых судов Воронежской флотилии). И, наконец, юбилей, особенно важный для участников Петровского конгресса: 2022 год, 9 июня — 350-летие со дня рождения Петра Великого. Времени до него достаточно, чтобы спокойно к нему подготовиться.

Невозможно, да уже и ненужно, в полном объёме завершить дело, начатое Петром Великим у Иван-озера. Однако хочется верить, что его замысел в приближённых к нашим дням формах — формах, в первую очередь, музейных — может быть воплощён.

Валькова Мария Юрьевна
(Шлиссельбург)

Заведующая Музеем истории города Шлиссельбурга

История и современность Староладожского канала

В этой статье излагается история постройки и эксплуатации, а также сегодняшняя судьба Староладожского канала, рассматриваются некоторые причины его современного запущенного состояния, выносятся предложения по использованию канала в качестве большого туристического потенциала для множества населённых пунктов двух соседних районов Ленинградской области.

Шлиссельбург (Петрокрепость) имеет долгую и достаточно хорошо изученную историю.

Город Шлиссельбург расположен на левом берегу Невы, там, где в истоке реки находится остров и крепость Орешек, основанная новгородцами в 1323 году. В течение нескольких столетий эта местность и крепость Орешек были форпостом Руси на Северо-Западе. Своё имя Шлиссельбург получил от Петра I в 1702 году, когда был освобождён от шведов.

В XVIII веке, после расширения границ Российского государства, Шлиссельбургская крепость лишилась своего военного значения. Эпоха Петра Великого ознаменована здесь ещё одной исторической вехой: постройкой Ладожского канала, явившегося градообразующим, дала новую жизнь посаду крепости. «Архитектурный комплекс канала, проложенного на протяжении 104 верст от устья реки Волхов до истока Невы, составили не только шлюзы, водоспуски, мосты, но и караульные, жилые дома, путевые дворцы, храмы...»¹

¹ *Лермонтова М.А.* Автореферат «Староладожский канал: история строительства и архитектура его зданий и сооружений». 1997.

Шлиссельбург. Староладожский канал
в историческом центре города.
Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

Не лишним будет заметить, что Ладожский канал в то время стал крупнейшим гидротехническим сооружением Северо-Западной Европы (и мира), настоящим чудом, воплощением торжества человеческого разума над природой. Шлиссельбург сегодня — небольшой провинциальный город с населением около 15 000 человек. Город стоит в стороне от магистральных дорог, но на пути экскурсионных маршрутов, ведущих в крепость Орешек.

Город вправе рассчитывать на собственную туристическую исключительность: на территории Шлиссельбурга расположены памятники гидростроительной архитектуры, связанные с эпохой Петра I: Староладожский канал 1719–1731; мост на гранитных колоннах и четырёхкамерный шлюз; бечевник; третьевёрстный водоспуск; эпохой Екатерины II: комплекс зданий ситценабивной фабрики; эпохой Павла I: комплекс Малоневского канала: «горбатый» мост, двухкамерный шлюз; эпохой Александра II: Новолодожский канал.

«Староладожский канал — одно из наиболее масштабных строительных начинаний XVIII века, связанное со строительством Санкт-Петербурга. На протяжении двухсот лет он был главным водным путём, по которому в Санкт-Петербург проходила из глубины России главная часть грузов»².

² Там же.

Шлиссельбург. Мост на гранитных колоннах
в историческом центре города.

Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

С 1712 года транспортное обеспечение строившегося Санкт-Петербурга, флота и войск выполнялось из центральных губерний по водным коммуникациям. Но основная связь Невы с Волгой шла через Волхов и Ладожское озеро, судоходство по которому было чрезвычайно опасно³.

На пути судов, следовавших в Петербург по Вышневолоцкому водному пути, лежало бурное Ладожское озеро, на котором от бурь и ветров гибло множество судов⁴.

В одном из указов Петра I отмечалось, что со времени основания Петербурга до конца 1718 года на Ладожском озере погибло более 10 тысяч барок, причём за одну только навигацию 1718 года «с тысячу судов пропало»⁵.

Утрата продовольствия, возимого на судах, серьёзно ухудшала снабжение столицы, вызывая в ней дороговизну и угрозу голода.

Поэтому Пётр принял решение начать строительство канала в обход Ладожского озера от устья Волхова до истока Невы. Своё ре-

³ *Титко В.В.* Применение войск на строительстве Ладожского канала. 1719–1731 гг. // Военно-исторический журнал Министерства обороны РФ. 2014. <http://history.milportal.ru/2014/05/primenenie-vojsk-na-stroitelstve-ladozhskogo-kanala-1719-1731-gg/>.

⁴ Журнал Главного управления путей сообщения, 1856. Т. 33. Кн. 3 (май, июнь). С. 382.

⁵ Там же.

Шлиссельбург. Перемычка на Староладожском канале в центре города. Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

шение Пётр передал на рассмотрение Сенату, который должен был за 7 дней предложить, какими силами строить канал. Указом Петра I от 26 сентября 1718 года официально возвещалось о строительстве Ладожского обходного канала⁶.

Положение двух населённых пунктов — Шлиссельбурга и Новой Ладоги — как бы само собой определяло его направление. Пётр лично составил план канала и определил размеры: длина канала должна была составлять 110 км (104 версты), шириной 21,4 метра (10 сажень) и глубиной 4,28 метров (2 сажени)⁷.

Дело было сложным. В пустынной, слабозаселённой местности нужно было собрать весьма значительное количество рабочих, обеспечить их инструментом и продовольствием. Расходы предстояли немалые, так что для их покрытия пришлось установить новый особый налог — по 70 коп. с каждого двора, а с купечества — по 5 коп. с рубля капитала⁸.

Составлением технического проекта занимался Григорий Скворняков-Писарев. Для того чтобы выдержать установленный срок окон-

⁶ Там же. С. 383.

⁷ Тутко В.В. Указ. соч.

⁸ Там же.

чания строительства, наёмных работников должно быть не менее двадцати пяти тысяч⁹.

С целью увеличения темпов строительства канала в 1721 году Пётр принял решение о посылке войск в помощь наёмным рабочим¹⁰.

Плохо организованные Скворняковым-Писаревым работы немало способствовали неудаче строительства. Растянутый фронт работ, ежегодно затопляемый, требовал каждую весну много времени для отлива воды из недорытых частей канала.

Вернувшись в Петербург в феврале 1723 года из персидского похода, Пётр I тотчас же осведомился о Ладожском канале. Ответы сенаторов были путаны и нерешительны. Тогда он отправил на канал для осмотра и заключения генерал-лейтенанта Миниха¹¹.

После осмотра Миних посчитал, что в таком виде, в каком велись работы, совершенно невозможно продолжать их. Пётр собрал комиссию. В ней мнения разделились. Разногласия заставили Петра осенью 1723 года лично отправиться на канал.

После осмотра Пётр понял, насколько Скворняков-Писарев был несведущ во многих вопросах гидротехники и как грубо нарушались основные технические требования.

Указом Петра от 13 января 1724 года руководство строительством канала было поручено Миниху, который приступил к осуществлению своего проекта¹².

Увидеть конец строительства канала Петру было не суждено.

К концу 1725 года закончено рытьё канала с отделкой берегов на длине 28 вёрст и построено 2 бейшлота (плотина с левой стороны канала, с помощью которой удерживалась вода, и образовывалось водохранилище для поддержания судоходного уровня воды во второй половине навигации). Они строились на канале в месте впадения в него рек с целью питания канала водой и предохранения от загрязнения речным илом.

С лета 1726 года началось грузовое движение судов на 48 верстах от реки Волхов до деревни Чёрная. По этой части канала подвозились материалы к месту работ и продовольствие для рабочих.

В 1727 году общая длина почти готовой части канала составляла 60 вёрст от Новой Ладоги до деревни Кобона. В устье Кобоны для выхода из канала был построен шлюз¹³.

⁹ Журнал Главного Управления Путей сообщения, 1856. Т. 33. Кн. 3 (май, июнь). С. 387.

¹⁰ Там же. С. 391.

¹¹ Там же. С. 393.

¹² Там же. С. 398.

¹³ Там же. С. 409.

Шлиссельбург. Вид на четырёхниточный шлюз и Неву.
Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

В 1729 году начаты работы на последнем 22-вёрстном участке — от реки Назия до Шлиссельбурга. Работы двигались медленно по причине крепкой и каменистой земли, которую разбивали ломами. На этом участке было сделано несколько бейшлотов и один шлюз. Теперь через водоспуски, скапливающаяся на южной (правой) стороне канала вода от таяния снегов и дождей, минуя канал, уходила в Ладожское озеро. По проекту Миниха в 1724 году соорудили первый бейшлотный спуск — Красный Шлюз, ставший образцом для остальных.

В 1730 году все земляные работы, которые велись круглый год, были полностью завершены и берега укреплены деревом. Строительством большого шлюза в Шлиссельбурге завершилась прокладка жизненно важной для столицы водной дороги.

Открытие канала решило проблему снабжения Петербурга всем необходимым.

В марте 1731 года именным указом императрицы Анны Иоанновны объявлено об открытии Ладожского канала¹⁴.

Однако поддержание в рабочем состоянии этой единственной на то время транспортной артерии было делом непростым. Дело в том, что первоначально канал должен был быть открытым, а ошибки, внесённые в процессе проектирования и строительства первых восьми вёрст, привели к необходимости запирать канал в шлюзы.

¹⁴ Там же. С. 416.

Малоневский канал (новое русло Ладожского канала).
Вид на двухниточный шлюз и Малую Невку.
Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

Ещё во время осмотра начала канала в 1721 году Миних узнал, собрав сведения у жителей Шлиссельбурга, Новой Ладоги и прибрежных деревень, что вода в озере повышается и понижается примерно каждые семь лет, а это значит, что канал надо рыть глубже, но из экономии нужная глубина задана всё равно не была¹⁵.

Состояние воды в канале представляло для судоходства особенную важность, от глубины воды в канале зависела и мера загрузки судов.

В 1732 году императрица Анна Иоанновна совершила путешествие по каналу на яхте с осадкой 8 футов, тогда как вода в канале не поднималась выше семи. Миних сделал распоряжение поднять уровень до 9 футов, т.е. на два фута выше глубины канала. Такое возвышение уровня канала можно было сделать только благодаря спуску воды из резервуаров, которые образовались за левой дамбой по всей низменной местности. Из описания, сделанного Минихом нигде не видно, что он собирался питать канал искусственными водами, однако случай с яхтой императрицы дал повод обратить внимание на воду, которая скапливалась за дамбой и превратить её в искусственные резервуары для питания канала водой в случае необходимости. Также возросла необходимость и в водоспусках,

¹⁵ «Сын Отечества», журнал. 1818. № IV.

Посёлок Назия. Староладожский канал.
Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

которые были необходимы для сдерживания воды в канале и выпуске лишней в период высокой воды. Так с течением времени была создана сложнейшая система резервуаров, водоспусков и шлюзов Ладожского канала¹⁶.

По данным журнала Главного управления путей сообщения за 1856 год глубина в первой половине канала — от Новой Ладоги — варьируется от пяти до семи футов, а во второй — до Шлиссельбурга — от шести и до девяти. При подобном состоянии горизонт его выше уровня воды Волхова до четырёх футов и выше уровня Невы до шести футов¹⁷.

Применялись постоянные меры для поддержания судоходства в канале. Но риски были большими, поэтому по указу Николая I стали сооружаться новые гранитные шлюзы в Шлиссельбурге на старом устье — четырёхкамерные, на новом устье (ныне Малоневский канал) — двухкамерные, в Ладоге: на старом устье — трёхкамерные, на новом устье — двухкамерные. В мае 1842 года Николай I лично осматривал новые шлюзы. Кроме основных сооружений в царствование Николая I возобновлены и другие гидротехнические сооружения канала, деревянные водоспуски заменены на гранитные, резервуары очищены и подняты, бечевник обновлён и улучшен.

¹⁶ Журнал Главного Управления Путей сообщения, 1856. Т. 33. Кн. 3 (май, июнь). С. 421.

¹⁷ Там же. С. 437.

С прекращением судоходства и с наступлением морозов вода из канала на зиму выпускалась почти вся, это делалось, чтобы не задерживать судоходство во время ожидания таяния льда¹⁸.

По деятельности судоходства Ладожский канал — это одно из самых замечательных гидротехнических сооружений в мире. В нём сосредотачивались все суда Вышневолоцкой, Мариинской и Тихвинской судоходных систем, и, следовательно, всё продовольствие столицы и сбыт Санкт-Петербургского порта¹⁹.

В 1734 году по нему было перевезено грузов на 4 млн рублей, в 1820 — уже на 30 млн, а в 1857 по каналу провезено различных грузов на 53,5 млн рублей серебром²⁰.

К середине XIX века, со строительством Нового канала, а затем и железной дороги, значимость этой транспортной артерии снизилась.

В июне 1941 года Староладожский канал в районе Шлиссельбурга ещё действовал: им пользовались в «домашних» целях: перевозили грузы в соседние поселения, ездили в гости в соседние деревни, рыбачили и т.д. Чем ближе подходила война, тем напряжённее работал канал: по нему пытались на лодках уйти на восток жители Шлиссельбурга. Но бомбёжка 7 сентября 1941 года прервала последние надежды. По воспоминаниям жителей, «бомбы сыпались, как картошка из ведра», город подвергся страшным разрушениям, не миновала участь и старый канал: были разбиты шлюзы, и вода из канала ушла.

Долгих 16 месяцев Шлиссельбург находился во власти врага. В «Акте кровавых преступлений фашистских захватчиков...», который составлен 20 февраля 1943 года и подписан старшим лейтенантом Голубевым, лейтенантом Семёновым и жителями Мельниковым и Войничем, хранящемся в Музее истории города Шлиссельбурга, говорится: «Фашисты превратили цветущий город в груды развалин. Из 953 домов... остались развалины только от 72... До основания разрушены все промышленные предприятия... Полному разгрому подверглись культурные учреждения... Немецкие бандиты организованно истребляли население города. Из 6,5 тысяч жителей к моменту занятия города немцами, теперь осталось всего 300 человек, остальные расстреляны, погибли от голода и болезней, сосланы в лагеря, насильно отправлены на каторжные работы в Германию».

«Шлиссельбургско-синявинский выступ», или «бутылочное горло» — это и есть Шлиссельбург. Между двумя фронтами, Ленинград-

¹⁸ Там же. С. 438.

¹⁹ Там же. С. 440.

²⁰ Там же. С. 443.

Деревня Шальди́ха. Староладожский канал.
Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

ским и Волховским, в этом месте чуть больше 10 км. Все эти 16 месяцев не прекращались отчаянные попытки выбить врага. И вот, наконец, 18 января — освобождение Шлиссельбурга и тем самым прорыв блокады Ленинграда. Артподготовка, призванная обессилить врага, довершила разрушения исторического центра города, полученные за годы оккупации. Сразу после прорыва в Шлиссельбурге стали строить мосты через Неву — возводить так называемую дорогу Победы. Для строительства применялось все: кирпич, венцы домов, металлические фермы строений фабрики... Несколько железнодорожных мостов, автомобильных, понтонных и к ним, конечно, дороги: железные и автомобильные, всего на маленькой городской территории от Преображенской горы до пристани (это в рамках сегодняшнего центра) более шести транспортных подъездов к семи мостам неузнаваемо изменили прежний образ города и каналов.

Сегодня внешний вид и судьба канала вызывают тревогу и у музейных работников, и у общественности, и у властей.

Староладожский канал за долгие годы обмелел, зарос, берега канала во многих местах соединены перемычками, нарушена система снабжения канала водой, в середине XX века в черте Шлиссельбурга по дну канала проложены городские коммуникации... Последние реставрационные работы велись в конце XIX века. Без государственной помощи и комплексного подхода тут не обойтись.

Муниципальные власти озабочены экологией каналов. В решении экологических проблем одной из основных задач стояла задача реализации проекта «Восстановления и оздоровления гидросистем

Малоневского и Староладожского каналов», который был разработан в 2005 году за счёт средств областного бюджета Ленинградской области по программе «Водоохранные, водохозяйственные работы в Ленинградской области».

Финансирование работ ведётся поэтапно. С 2006 по 2011 год велись работы по восстановлению проточности Малой Невки. Работы финансировались из федерального и областного бюджетов.

В 2010 году был разработан рабочий проект по переносу инженерных коммуникаций, который был профинансирован из городского бюджета.

В 2013 году реализован ещё один этап — перенос инженерных коммуникаций, пересекающих каналы. Эти работы необходимо было выполнить для проведения очистки донных отложений каналов.

В 2014 году не решился вопрос финансирования разработки проекта строительства моста через Староладожский канал. Строительство моста также является неотъемлемой частью восстановления гидросистем каналов. Только после строительства моста можно будет снять перемишки для восстановления проточности.

Проблема восстановления и оздоровления гидросистем каналов носит комплексный характер, в 2015 году планируется продолжить работы по их восстановлению.

Вопрос выделения финансирования в 2015 году на производство дноочистных работ находится в стадии решения²¹.

Музей истории Шлиссельбурга не остаётся в стороне от проблемы сохранения Староладожского канала.

Отличием краеведческих музеев является их особая роль в сохранении культурного наследия на данной территории. Особенность малого музея даёт уникальную возможность постоянного долговременного целевого воздействия на практически одну и ту же аудиторию. Учёт особенностей и возможностей малого музея позволяет построить программу краеведческой работы с образовательными учреждениями поселения, с привлечением разновозрастной аудитории: от детских садов до ветеранов.

Ежедневно шаг за шагом Музей старается привлечь внимание широкой общественности и властей к истории и судьбе уникальных гидростроительных сооружений — Ладожских каналов, к возможности их очистки и восстановления, в том числе, и для последующего развития туризма.

Среди принимаемых мер и мероприятий — тематические выставки, уроки истории, публикации в СМИ.

²¹ Шлиссельбург. Официальный сайт Администрации: <http://moshliisselburg.ru>.

Деревня Шальдиха. Староладожский канал.
Фото из Музея истории города Шлиссельбурга.

В Шлиссельбурге уже существует молодёжная организация «За чистоту шлиссельбургских каналов», которая, не дожидаясь приказов сверху или денежных вливаний, несколько раз в год собирает добровольцев на очистку берегов и шлюзовых камер.

Наш музей предлагает туристам разнообразные маршруты, в том числе «Мифы и легенды Староладожского канала», прогулки по Староладожскому каналу и т.д. В следующем году будет готова виртуальная экскурсия «Путешествие по Староладожскому каналу во времени и пространстве».

Однако чтобы привести систему каналов в надлежащий вид, только работы по популяризации наследия и помощи волонтеров мало.

Шлиссельбургский канал мог бы быть зримым свидетельством великих свершений Петровской эпохи, но сегодня он практически предан забвению.

За три столетия это масштабное гидротехническое сооружение, сыгравшее столь значительную роль в экономике России, подверглось разрушающему воздействию природы, испытывало катастрофические последствия войн, неквалифицированного хозяйствования и времени.

Но мы не устаём напоминать, что Староладожский канал в границах Шлиссельбурга входит в реестр памятников ЮНЕСКО, наряду с пирамидами Египта, Венецией, Московским Кремлём.

Положение Староладожского канала плачевно, но не катастрофично: донные отложения можно очистить, резервуары для хране-

ния воды можно восстановить (там, где они ещё не закопаны новыми землевладельцами), потихоньку уходящая в сторону Волхова вода, вследствие естественного географического уклона, может быть остановлена шлюзами... Это исторический объект, который ещё возможно реставрировать и законсервировать, пусть, для начала, малым кольцом: в границах Шлиссельбурга, закольцевав Староладожский канал с Новоладожским, создав таким образом туристический маршрут длиной в пять километров.

Пока канал существует и его надо не воссоздавать заново, а только реставрировать, — терять время преступно.

Система Ладожских каналов — это уникальные гидротехнические сооружения, которые оставили нам во владение наши предки. С этим связаны и большая ответственность, и большие проблемы, и огромные — ещё не использованные — перспективы создания новых туристических маршрутов и проектов.

ПАМЯТНИКИ
ЦЕРКОВНОЙ
АРХИТЕКТУРЫ

Пётр Еремеев, игумен
(Москва)

*Наместник Высоко-Петровского
ставропигиального мужского монастыря,
ректор Российского православного университета*

Роль Высоко-Петровского монастыря в развитии храмового зодчества в России петровского периода

С личностью императора Петра I связан период грандиозных реформ, практически преобразивших Московское государство. Реформы касались и церковной жизни. Был кардинально изменён принцип управления Православной Российской церковью (так Церковь именовалась в документах Святейшего Правительствующего Синода). Принесли ли эти преобразования пользу Русской православной церкви — вопрос дискуссионный. И споры вряд ли когда-либо прекратятся ввиду чрезвычайной сложности и многоаспектности проблемы.

Однако совершенно очевидно, что вопросы личной религиозности Петра I и его ближайшего окружения имели принципиальное значение для развития государства, культуры, а также русского церковного и светского искусства. Потому что здесь формировались фундаментальные установки, на которых затем выстраивалась вся общественная и внутренняя жизнь страны. Говоря сегодня об исторической роли императора Петра I, мы будем всё время держать в памяти свидетельство Нартова А.К., русского учёного, механика и инженера, члена Академии наук, который слышал от императора слова: «Кто не верует в Бога, тот либо сумасшедший, или от природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать

должен»¹. Кроме того, мы должны помнить о христианской кончине императора.

Так сложилось, что обстоятельства жизни Петра I на протяжении многих лет юности были связаны с Высоко-Петровским монастырём. Дело в том, что московский двор Нарышкиных был расположен прямо у южной стены монастыря. И для Нарышкиных монастырский храм свт. Петра был родным храмом, где происходили главные события их духовной жизни. Нарышкины почитали своим небесным покровителем святителя Петра. Родившийся 9 июня 1672 года венценосный младенец, будущий наследник царя Алексея Михайловича, был крещён 29 июня в день первосвятителей апостолов Петра и Павла. Имя Пётр было близким царской семье ещё и потому, что и царица Наталья, и её род, и сам Алексей Михайлович были глубокими почитателями первого Московского митрополита². Есть документальные свидетельства, что в монастыре периодически бывал царь Алексей Михайлович³.

Начиная с 1682 года, мы видим ещё более тесные отношения рода Нарышкиных, к которому принадлежал и Пётр I, с монастырём. После гибели двух братьев царицы Натальи Кирилловны — Ивана и Афанасия — Высоко-Петровский монастырь был избран усыпальницей ближайших родственников царя. Как известно, близкие молодого Петра были жестоко убиты стрельцами в ходе стрелецкого бунта: Артамон Матвеев, воспитавший царицу Наталью Кирилловну, князь Василий Долгорукий и стольник Фёдор Петрович Салтыков, которого приняли за одного из Нарышкиных. Был убит и брат царицы Афанасий Кириллович, спрятавшийся в сенной церкви Воскресения под престолом и выданный окружающими.

А Иван Кириллович, второй брат царицы принял мученическую кончину. Он с близкими родственниками и друзьями укрылся во внутренних покоях дворца. Стрельцы пригрозили перебить всех бояр, если Нарышкин не будет им выдан. Иван Кириллович сделал свой выбор: исповедовался, приобщился Святых Таин и ссорился в церкви Спаса за Золотой решёткой, и вышел к стрельцам. Его пытали в Константиновском застенке как государственного изменника, затем на Красной площади рассекли на части⁴. Это оказало огромное

¹ См.: *Нартов А.К.* Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Записки Императорской Академии наук. 1891. Т. 67. Прил. № 6. С. 74.

² *Покровский В.* Родословие Петра Великого // Калужские Епархиальные Ведомости. 1872. № 23. Прибавление к Епархиальным Ведомостям. С. 603–604.

³ Дворцовые разряды. СПб., 1850–1855. Т. 3. С. 14, 152, 196, 201.

⁴ *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. СПб., 1896. Т. 2. С. 721; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1836. Ч. 4. С. 140.

эмоциональное воздействие на молодого Петра; он никогда не забывал кровавых последствий бунта.

Известно, что впоследствии Лев Кириллович, брат царицы, принимал активное участие в материальных делах монастыря, помогая в сложных обстоятельствах⁵.

Позднее в Высоко-Петровском монастыре были погребены и родители царицы Натальи Кирилловны. Отец, Кирилл Полиектович, пожалованный в период возвышения рода Нарышкиных в думные дворяне, затем в окольные. Во время трагических событий 1682 года он был насильно пострижен в монахи под именем Киприана и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер. Мать царицы Анна Леонтьевна за несколько лет до смерти приняла постриг в монастыре (не установлено, в каком), где и «преставися в 1706 году, июня в 2 день»⁶.

Над могилами убиенных Нарышкиных в 1684–1685 годах был сооружён храм в честь Боголюбской иконы Божией Матери. По велению царя Петра I на месте деревянной Покровской церкви была построена каменная пятиглавая церковь. Под её сводами со временем упокоились более 20 родственников Петра I. У юго-западного угла Боголюбского собора находится небольшая каменная часовня, поставленная над могилой Кирилла Полиектовича и его супруги.

На протяжении своего существования храм в честь Боголюбской иконы Божией Матери подвергался переделкам. В середине XVIII века было изменено устройство железной кровли, скрывшей первоначальные кокошники, и в 1807 году изменена трапезная часть, делались пристройки. (На протяжении столетий переделкам подвергались многие постройки монастыря⁷).

Вплоть до закрытия храма в 1929 году в нём сохранялся уникальный иконостас, выполненный в конце 1680-х годов мастерами Спиридоном Григорьевым, Феодором Евтихиевым, Тихоном Ивановым Филатьевым и Михаилом Милютиним, который был учеником Симона Ушакова. Когда церковь закрыли, иконы выломали из иконостаса и, по некоторым свидетельствам, сожгли в монастырском дворе. В 1930-е годы в храме находился Осовиахим, позднее мастерские ремонтно-механического завода Совхозреммаштреста.

⁵ См. напр.: Челобитная к Боярину Льву Кирилловичу Нарышкину от Высокопетровского Архимандрита Иоасафа с братиею (Тяжба Астраханского митрополита с Высокопетровским монастырём, 1697) // ЧОИДР. 1874. Кн. II. С. 8–9.

⁶ См.: *Крылов И.З.* Достопамятные могилы в Московском Высокопетровском монастыре. М., 1841.

⁷ *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 419.

В архитектурном декоре храма в честь Боголюбской иконы Божией Матери сохранились образцы «русского узорочья» со сложным, изобильным орнаментом, украшавшим стены и наличники окон. Самобытная манера орнаменталистики органично перешла в стиль, формировавшийся в конце XVII века и названный нарышкинским, или московским барокко. Появление этого революционного для своего времени стиля свидетельствовало о глубинном повороте всего общественного сознания в Московском государстве, из которого рождалась империя. И ключевым фактором этих перемен была личность царя Петра.

В молодом Петре соединились любовь к красоте и гармонии традиционного православного богослужения с приобретённым в Немецкой слободе интересом к протестантскому мировоззрению. Это выводило его на знакомство с западноевропейским искусством; интерес этот всемерно поддерживался близкими ему людьми. Сложное мироощущение нарождающейся в конце XVII — начале XVIII века российской элиты вызвало активное творческое развитие русского церковного искусства, в частности архитектуры. Появление уникального национального стиля напрямую связано с участием Петра I в развитии именно Высоко-Петровского монастыря, где опробовались многие новшества архитектурного строительства и декора. Он и его ближайшее окружение диктовали новое эстетическое понимание действительности.

В стиле нарышкинского барокко решены храм преподобного Сергия Радонежского (1690—1702), построенный по прямому указу Петра I, и Нарышкинские палаты, возведённые в 1690-е годы.

Храм преподобного Сергия в значительной степени повторяет очертания трапезного храма Троице-Сергиевой Лавры, в стенах которой укрывался Пётр I в 1689 году во время второго стрелецкого бунта, однако решён в принципиально другой эстетической концепции. Изначально храм был одноглавый, но уже в 1702—1704 годах его четверик надстроили, украсив завершением в виде пяти глав. Храм отличает характерное для московского барокко обилие мелких декоративных узоров, сочетание резных белокаменных деталей с красной кирпичной стеной. Отсюда возникает ощущение кружевной воздушности, что отражает взгляд человека конца XVII — начала XVIII века на природу среднерусской полосы. (Мы отчётливо видим это отношение в стихах Третьяковского и Ломоносова, вплоть до Державина).

В 1930-е годы храм лишился крестов, уже в 1940-е годы его состояние характеризовалось как «аварийное». В 1966 году М.Л. Богоявленский, один из крупнейших специалистов по истории Москвы так

описывал состояние Сергиевской церкви: «Храм обезглавлен, один из входов разрушен, местами разрушена и галерея. Вид очень запущенный. Начинают ремонтировать, ставят леса. Внутри спортивный зал, висит вывеска»⁸.

Особое внимание привлекают к себе Нарышкинские палаты, возведённые попечением Петра I. На протяжении многих лет это было самое длинное здание в Москве. Здесь находились официальные помещения и административные службы, и отчасти братские кельи. После революции здесь было устроено общежитие с чрезвычайно плотным заселением, затем туберкулёзный диспансер.

В архитектурном ансамбле Высоко-Петровского монастыря особое место занимает Собор святителя Петра — самое древнее строение монастыря. Он возведён в 1514–1517 годах Алевизом Фрязиным (Алоизо Ламберти да Монтаньяна). Над восьмилепестковым нижним ярусом возвышается восьмигранная башня, завершающаяся шлемовидной главой. Собор неоднократно изменяли в деталях: вносили элементы нарышкинского стиля (живописные наличники, нарядные порталы), затем эти детали убирала. Сам по себе факт существования в одном ансамбле различных стилевых направлений требует тщательного изучения этого явления и историками архитектуры, и культурологами. Потому что это — исторический феномен, в котором наглядно выявлено развитие эстетических концепций, а стало быть, мировоззренческое движение эпохи.

Весь архитектурный ансамбль Высоко-Петровского монастыря является живым свидетельством духовного состояния эпохи раннего Петра, с его стремлением к рациональному преобразованию реальности, которое уравнивалось православной созерцательной любовью к Божию творению. Это был короткий период равновесия, зафиксированный в гармоничной красоте Высоко-Петровского монастыря, который является ценнейшим артефактом и духовной и светской национальной культуры.

За XX век монастырь пришёл в запустение. Его строения эксплуатировались различными гражданскими учреждениями. Вопрос о реставрации уникального памятника архитектуры петровского времени встал лишь после передачи монастыря Церкви. С 1990 года Высоко-Петровский монастырь существовал в статусе Патриаршего подворья. В 2009 году решением Священного Синода и Патриарха здесь возрождается монастырь. Сегодня работы по проектированию реставрации проводятся на основе тщательного изучения всей исто-

⁸ Цит. по: Русское православие. Храмы. Храм во имя прп. Сергия Радонежского (патриаршее подворье, бывший монастырский) // http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?6_1573.

рической «биографии» каждого здания. Цель этой работы — реставрация первоначального облика здания. Конечно, это трудоёмкая и объёмная работа, но только этот путь позволит восстановить исторический облик прекрасного творения многих талантливых художников, подвигнутых к творчеству в данном случае созидательной энергией Императора Петра I, его матушки царицы Натальи и его близких родственников Нарышкиных.

Шкаровский Михаил Витальевич

(Санкт-Петербург)

*Главный архивист Центрального государственного
архива Санкт-Петербурга*

Благовещенская церковь Александро-Невской Лавры — памятник петровской эпохи

Благовещенская церковь Александро-Невской Лавры представляет собой один из самых известных и старейших церковных памятников петровской эпохи в Санкт-Петербурге. В 1715–1716 годах знаменитый архитектор Доминико Трезини составил первый проект монастыря («Генеральное каменное строение»), в том числе двухэтажной церкви Благовещения и св. кн. Александра Невского. Со следующего года под руководством князя А.Д. Меншикова началось строительство храма в стиле «петровского барокко», завершённое в 1723 году. Помощниками Д. Трезини были с 1718 года Х. Конрат, с 1720 — Т. Швертфегер (Швердфегер). Облик построенного храма типичен для петербургской архитектуры петровского времени.

Через два года после окончания Северной войны, 29 мая 1723 года, Пётр I посетил «Невский монастырь» и распорядился перенести туда из Владимира мощи св. кн. Александра Невского. Был устроен особый ковчег с балдахином. Настоятель Рождественского монастыря сопровождал святыню весь путь. 11 августа мощи были вынесены из Владимира, 17 августа — встречены в Москве, далее 9 сентября на судне из Боровичей вывезены на Ильмень, к Новгороду, встречены в Юрьевском, а затем в Антониевом монастырях и по Волхову отправлены до Ладоги.

На всём пути следования толпы народа стремились поклониться святыне, служились молебны. Царь решил приурочить церковное

Церковь Благовещения. Апрель, 2010.
Фото С.К. Ионова.

торжество к светскому — дню заключения Ништадтского мира. Поэтому он повелел поставить ковчег с мощами в соборе Шлиссельбургской крепости. Только почти через год, 30 августа 1724 года, в третью годовщину Ништадтского мира, состоялся последний этап перенесения святыни в Санкт-Петербург. В Усть-Ижоре процессию встречал сам Пётр. Затем к ней присоединились галеры царской свиты во главе с «ботиком Петра Великого» — родоначальником русского флота. Под традиционный для петровского времени пушечный салют и колокольный звон раку с мощами перенесли в освящённый 30 августа к этому событию во имя святого князя верхний храм Благовещенской церкви, где мощи находились почти 70 лет. Восприятию святого, прежде всего как воина-покровителя российских правителей, содействовало распоряжение Святейшего Синода от 1724 года «благоверного великого князя Александра Невского в монашеской персоне никому отнюдь не писать, а писать тот святой образ в одеждах великокняжеских».

Нижний храм церкви был освящён во имя Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта 1725 года архиепископом Феодосием (Янковским). Образа в алебастровом иконостасе написали художники И.Г. Адольский, И.Н. Никитин и Д.Н. Соловьёв. Резные работы

выполнили резчики Адмиралтейства. Князь А.Д. Меншиков подарил храму серебряное паникадило.

В 1743 году императрица Елизавета Петровна учредила в день перенесения мощей святого князя крестный ход из столичного кафедрального собора в Александро-Невский монастырь. С тех пор ежегодно, 30 августа по окончании литургии, всё столичное духовенство во главе с Владыкой в белых облачениях крестным ходом направлялось по Невскому проспекту к Лавре. Этот праздник был более значим для города, чем день кончины святого князя Александра.

В 1750–1752 годах по указу императрицы Елизаветы Петровны для пребывания мощей св. кн. Александра Невского была устроена по эскизу Г.Х. Грота великолепная рака из первого серебра, добытого на Кольванских рудниках. Длина её составила около 3 м, ширина — 1,3 м. Справа по кругу были вырезаны стихи М.В. Ломоносова:

Святый и храбрый князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает,
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо Петру споспешествовал.
Являя Дщерь Его усердие святое
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого серебра, что недро Ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

На верхней доске раки был помещён образ святого князя по атласу письма И.Г. Адольского, над ракой — серебряный балдахин и на нём подушка с царскими регалиями. Позднее позади раки была установлена пирамида с чеканными изображениями святого князя и его супруги, по сторонам пирамиды размещались трофеи князя и старинное оружие.

Для установки новой раки в храме была устроена временная деревянная лестница с запада, вместо ещё не готовой пирамиды сделано её изображение на холсте. Для прочности нижняя церковь была укреплена четырьмя колоннами, так как вес раки составлял 300 пудов. Всеми приспособлениями распоряжался архитектор Пьетро Трезини. 30 августа 1790 года рака с мощами святого князя была перенесена во вновь построенный Свято-Троицкий собор Лавры (в настоящее время рака находится в Эрмитаже)¹.

¹ Подробнее см.: Краткое описание Свято-Троицкия Александро-Невския лавры. М., 1809; Павлов А.М. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. СПб., 1842; Чистович И.А. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. 8. С. 477–513; Тихон (Покровский), архим. К столетию Свято-Троицкого

Ещё при Петре Великом Благовещенская церковь была задумана как храм-усыпальница для родственников императора и наиболее известных государственных деятелей. В первой половине XVIII века здесь были похоронены несколько членов императорской семьи: сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна (1675–1716), чей прах был перенесён из монастырской Лазаревской церкви-усыпальницы, сын императора великий князь Пётр Петрович (1715–1719), царица Прасковья Фёдоровна (1664–1723), Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбург-Шверинская (1691–1733) и свергнутая правительница Анна Леопольдовна (1718–1746). В 1764–1765 годах к зданию храма, по проекту И. Росси или М.Д. Расторгуева была сделана лестничная пристройка.

В конце XVIII — начале XIX века Благовещенская церковь оставалась наиболее почётным местом захоронения в Лавре. 18 ноября 1796 года её стены стали свидетелями мрачной церемонии, которая произвела неизгладимое впечатление на современников. Прах Петра III, по повелению занявшего престол его сына Павла I, был извлечён из каменного склепа. Вторичное погребение императора, со всеми соответствующими его титулу почестями, было проведено в декабре в Петропавловском соборе рядом с его женой, Екатериной II. 12 мая 1800 года в Благовещенской церкви был погребён генералиссимус Александр Васильевич Суворов. Его похороны стали заметным событием в жизни Петербурга. Над местом погребения, согласно воле генералиссимуса, была установлена каменная плита с предложенной поэтом Г.Р. Державиным надписью: «Здесь лежит Суворов».

В 1808–1809 годах в церкви производились значительные ремонтные работы. Перед этим в 1807 году по указу императора Александра I на месте первого захоронения Петра III (в его склепе) был погребён прах последней царевны Кахетии и Картли Дарьи Георгиевны (1738–1807). Вскоре здесь похоронили её сына — царевича Вахтанга Ираклиевича (1761–1814)². В те же годы в усыпальнице были погребены братья князя Долгоруковы: Пётр Петрович (1777–1806), генерал-адъютант, друг Александра I, и Михаил Петрович (1780–1808),

собора Александро-Невской лавры. СПб., 1890; Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1908. Вып. 1. С. 49–59; Рункевич С.Г. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 2001; Кудрявцев А.И., Шкода Г.Н. Александро-Невская лавра. Л., 1986; Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Т. 1. С. 29–48; Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1994.

² Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. СПб., 2005. С. 36.

генерал-адъютант и генерал-лейтенант, герой войн с Наполеоном, погибший в Русско-шведскую кампанию. Однотипные надгробия-щиты над их могилами напоминают такой же щит над захоронением А.В. Суворова³.

В 1808–1809 годах в восточной (алтарной) части усыпальницы, над местом погребения дочерей Александра I, малолетних великих княжон Марии (1799–1800) и Елизаветы (1806–1808), и сестры императора великой княгини Ольги Павловны (1792–1795), по проекту архитектора Луиджи Руска были поставлены три мраморные колонны с бронзовыми фигурами ангелов работы скульптора Ж. Тибо. Иконы к надгробиям написал на меди профессор Г.И. Угрюмов⁴.

В 1780-е годы к юго-восточной части здания была пристроена «палатка» — сводчатое помещение, предназначенное для погребений. Ещё до её сооружения на этом месте были положены каменные плиты, оказавшиеся внутри палатки. Среди них — надгробия митрополита Черногогорского Василия (Петровича, 1709–1766) и архиепископа Сербского Василия (Ивановича, 1720–1772). Палатка была устроена для погребения жены фаворита Екатерины II графа Г.Г. Орлова княгини Е.Н. Орловой, урождённой Зиновьевой (1758–1781), прах которой был перевезён сюда из Ливорно.

Позднее здесь появился целый ряд захоронений с сохранившимися до наших дней надгробиями: основателя Московского университета и Академии художеств, фаворита императрицы Елизаветы графа И.И. Шувалова (1727–1797), президента Академии художеств, устроителя Смольного института и Воспитательного дома для сирот И.И. Бецкого (1704–1795), генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского (1727–1793), гофмаршала Петра III, сенатора А.А. Нарышкина (1726–1795). Следует отметить вмурованную в стену мраморную доску со стихотворной эпитафией, сочинённой Г.Р. Державиным архиепископу Псковскому и Рижскому Иннокентию (1721–1799). В 1802 году в палатке под напольной мраморной плитой был погребён директор Морского корпуса, президент Адмиралтейской коллегии адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов (1729–1802). Более поздние захоронения в палатке немногочисленны.

С восточной стороны к Благовещенской церкви была пристроена небольшая приземистая галерея-ризница. Время её сооружения точно не установлено, но, вероятно, это произошло в 1780-е годы почти одновременно с пристройкой соседней палатки. В ризнице находят-

³ Там же. С. 54–55.

⁴ Иконы и изваяния ангелов утрачены, кроме установленных в 1999 году над могилой Ольги Павловны. См.: Художественное надгробие... С. 58–59.

ся семейные памятники князей Юсуповых, в частности, там погребена герцогиня Курляндская Евдокия (урождённая Юсупова), жена П. Бирона († 1780). Не все надгробия конца XVIII века сохранились в церкви, к числу утраченных относятся: надгробные плиты Санкт-Петербургских архиепископов Феодосия (Яновского, 1696–1750) и Сильвестра (Кулябки, 1701–1761), сподвижника Петра I графа С.Л. Рагузинского (1670–1738), его матери монахини Феофании († 1726), начальника Канцелярии тайных розыскных дел графа А.И. Ушакова (1672–1747), сестры царицы Прасковьи княгини А.Ф. Ромодановской († 1735), генерал-фельдмаршала, члена Верховного тайного совета князя В.В. Долгорукова (1670–1746), двоюродной сестры императрицы Елизаветы, статс-дамы М.С. Глебовой (1723–1756).

Свято-Троицкий собор Лавры не имел отопления, и в конце XIX — первой четверти XX века зимой все службы совершались в теплой Благовещенской церкви. В 1810-е годы знаменитые проповеди митрополита Санкт-Петербургского Михаила (Десницкого) привлекали в монастырь огромные толпы народа, не вмещавшиеся зимой в Благовещенскую церковь, и Владыка в 1818 году распорядился «открыть» примыкавший к ней зал соседнего корпуса Лавры. Для этого скульптором Францем Тибо по проекту архитектора В.П. Петрова были перенесены два надгробия: графа А.Г. Разумовского с супругой (1779) и князя А.М. Голицына (1788) и устроен проход.

В 1820–1821 годах был проведён следующий этап ремонтных работ в Благовещенской церкви, который коснулся, главным образом, фасадов здания. В 1833 году было изменено внутреннее убранство нижнего храма, через четыре года старый «алебастровый» иконостас заменили деревянным, на Горнее место перенесли написанный А.В. Шевелкиным образ «Преображение» из Свято-Духовской церкви, после чего 21 декабря 1838 года Благовещенский храм вновь освятил бывший экзарх Грузии митрополит Иона (Василевский). Могилы великих княжон оказались не на солее, как раньше, а в алтаре.

В 1839 году в верхней Александро-Невской церкви, остававшейся со времени её постройки почти без изменений, был разобран прежний каменный и алебастровый иконостас и вместо него поставлен новый деревянный, резной и золочёный, причём иконы большей частью написаны вновь. На южной и западной стенах художник Александр Григорьев выполнил новую роспись на редкие сюжеты из Апокалипсиса и видения пророков Иезекииля, Исаии и Даниила. В куполе были изображены Господь Саваоф, архангелы и евангелисты; у правого клироса, у места, где ранее стояла рака с мощами, —

святой Александр Невский во гробе и сделана надпись. На потолке было изображено коронование Божией Матери, а на потолке в обширной паперти, имеющем небольшой купол, нарисованы в лицах девять блаженств евангельских. За левым клиросом между окон была помещена икона Распятия, поступившая от наместника Лавры. 29 августа 1841 года Александро-Невскую церковь вновь освятил митрополит Иона (Василевский)⁵.

В 1855 году в Благовещенской церкви похоронили Л.К. Нарышкина (1809–1855), действительного тайного советника, участника Русско-турецкой войны. В 1866 году под церковью, в её западной части, устроили ещё семь могильных мест. В том же году здесь упокоился граф М.Ю. Виельгорский (1794–1866), обер-гофмейстер, первый директор Русского музыкального общества, виолончелист-виртуоз. Надгробие — обелиск, увенчанный крестом и украшенный барельефами (скульптор К.К. Годабский), — расположено в юго-западной части церкви-усыпальницы⁶. На следующий год в усыпальнице был похоронен крупнейший знаток Афона, юрист, путешественник, действительный статский советник П.И. Савостьянов (1811–1867).

Весной 1868 года, посещая Лавру, император Александр II повелел возобновить надгробные плиты лиц, принадлежавших к императорскому дому и похороненных в алтарной части Благовещенской церкви. Историк Н.Г. Устрялов провёл специальную работу по уточнению надписей. В результате в 1868 году в пол уложили семь однотипных плит светло-серого итальянского мрамора, выполненных в мастерской А.А. Трискорни по рисунку архитектора А.А. Пуаро. Это были надгробия правительницы Анны Леопольдовны (1718–1746), великой княжны Анны Петровны, дочери Петра III (1757–1759), Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбург-Шверинской (1691–1733), царевны Натальи Алексеевны (1675–1716), великого князя Петра Петровича (1715–1719), царицы Прасковьи Фёдоровны (1664–1723) и великой княгини Натальи Алексеевны (1755–1776). Новые составленные Устряловым надписи Пуаро в 1868–1869 разместил и на надгробиях великих княжон Ольги Павловны, Елизаветы Александровны и Марии Александровны. Очевидно, к этому времени относится мраморное надгробие младшей дочери князя А.Д. Меншикова, герцогини А.А. Бирон (1712–1736).

⁵ *Пирютко Ю.М.* Кладбища Александро-Невской Лавры // Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 168–179; РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 133. Л. 301; Ф. 797. Оп. 1. Д. 3616; Ф. 815. Оп. 4. Д. 11, 122, 146; Оп. 6, Д. 226; Оп. 7. Д. 28. Л. 92; Оп. 8. Д. 12. Л. 237.

⁶ *Художественное надгробие...* С. 37.

Под лестничной пристройкой в западной части Благовещенской церкви, предположительно по проекту известного архитектора И.А. Монигетти в 1867 году была сооружена облицованная мрамором усыпальница Бобринских. Начало её устройства связано с обращением внука Екатерины II графа А.А. Бобринского (1800–1868) к митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору (Никольскому) с планом устройства «памятника покойной жене» — С.А. Бобринской (1799–1866). Сам Алексей Алексеевич был похоронен здесь же под беломраморной плитой⁷. По другим источникам, усыпальница была создана в 1871 году по проекту архитектора П.Д. Соханского⁸.

В той же части церкви в 1860-е годы были устроены два небольших семейных склепа⁹. В центральной части притвора в 1869 году установили мраморный пристенный киот у могильной плиты тайного советника, управляющего Коммерческим банком и Комиссией погашения долгов А.И. Ростовцева (1800–1867) и его супруги¹⁰. В 1860-е годы художник М.Н. Трощинский заново расписал нижний храм, в 1897 году были сделаны мраморный престол и жертвенник на деньги, пожертвованные вдовой потомственного почётного гражданина О.Ф. Мыльниковой.

В 1928 — начале 1930-х годов церковь принадлежала оппозиционному советской власти церковному течению иосифлян, что во многом обусловило её закрытие 15 февраля 1933 года¹¹. При этом нижний храм передали музею-некрополю, а верхний перестроили, разделив в 1935 году межэтажными перекрытиями. Не помогло и письмо А.М. Горького 1-му секретарю Ленинградского обкома РКП(б) А.А. Жданову с призывом беречь старые могилы. В 1988–1999 была проведена реставрация Благовещенской церкви с участием польских специалистов, при этом вернули первоначальный облик верхнему Александро-Невскому храму. В настоящее время в усыпальнице сохранилось около 60 исторических захоронений¹². Нижний храм по-прежнему принадлежит Музею городской скульптуры, а верхний был в начале 2010-х возвращён Александро-Невской Лавре.

⁷ Там же. С. 33–34.

⁸ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996. С. 286.

⁹ См.: Художественное надгробие... С. 79, 109–110.

¹⁰ *Алексеев А.А.* Дворяне и графы Ростовцевы. Забытые могилы. СПб., 2001. С. 11–13.

¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 25. Л. 50–51.

¹² См.: *Пирютко Ю.М.* Указ. соч. С. 168–179.

Федотова Ольга Викторовна
(Казань)
*Начальник отдела публикации документов
Национального архива Республики Татарстан*

Петропавловский собор — главный памятник петровской эпохи в Казани: прошлое, настоящее, будущее

Казанский собор во имя святых Первоверховных апостолов Петра и Павла является ценнейшим архитектурным памятником XVIII века и объектом культурного наследия народов Российской Федерации. Построенный на возвышенном месте, красивый и величественный, он всегда являлся одним из символов Казани. И, несмотря на то, что за минувшие столетия этажность казанской застройки значительно увеличилась, собор по-прежнему участвует в создании городского силуэта. Значимость Петропавловского собора велика ещё и потому, что он, в отличие от многих памятников истории и культуры, дошёл до нас практически в первоначальном виде.

История строительства собора непосредственно связана с посещением императором Петром I Казани в 1722 году. К этому времени проходившие в России преобразования коренным образом изменили жизнь города. В 1708 году Казань становится центром огромной губернии, включавшей в себя большую часть Поволжья и Приуралья. В 1718 году учреждается Казанское адмиралтейство, второе в России для строительства судов будущего каспийского флота.

Именно ревизия адмиралтейства и была главной целью посещения Петром Казани по направлению в Персидский поход. Император прибыл в город 27 мая водным путём и был встречен пушечной пальбой и колокольным звоном. За время визита Пётр подробно

Петропавловский собор в Казани. Лестница и вход в главный храм. Современное фото.

осмотрел город и его учреждения, посетил татарские слободы, где общался со старейшинами. Проверил работу губернской канцелярии и остался очень недоволен. Но особый гнев его вызвала деятельность суконной фабрики, открытой несколькими годами ранее для выработки и поставки в армию сукна. Особенно в сравнении её с частным суконным заводом

казанского купца Михляева. Иван Афанасьевич Михляев был одним из богатейших людей Казани того времени. Кроме суконного, в его владении находились кожаный и винокуренные заводы, 34 лавки. Михляев вёл обширную торговлю в Москве, Петербурге, на Макарьевской ярмарке¹. Дом купца, кстати, единственный сохранившийся до наших дней памятник гражданской архитектуры Казани начала XVIII века, был одним из лучших в городе. И поэтому именно в нём и был размещён венценосный гость. Одно из преданий гласит, что Михляев воспользовался случаем и предложил императору посмотреть своё производство. Пётр пришёл в восторг от увиденного и тут же решил передать казённую фабрику в полное распоряжение предприимчивого купца. Михляев же в благодарность преподнёс государю целый поднос золотых и серебряных денег. Позднее своё решение император закрепил собственноручным рескриптом от 15 июня 1724 года: «Господин Михляев! Мы, ведая доброе ваше состояние, отдаём вам казанский шерстяной завод с готовым домом и со всеми станами и прочими инструментами; только вы приложите свое старание об оном, размножить для своего интереса, а какое в том заводе надобно вам вспоможение, о том пишете прямо к нам в кабинет,

¹ Татарская энциклопедия. Т. 4. Казань, 2008. С. 207.

также в Мануфактур-Коллегию, а мы не только что тебе помогать будем, но и в милости своей вас не оставим. Петр»².

30 мая 1722 года император Пётр I отмечал в Казани своё пятидесятилетие. Именно во время торжества Иван Афанасьевич Михляев и объявил о желании построить за свой счёт собор во имя святых апостолов Петра и Павла. Место для строительства нового храма было выбрано неслучайно. Здесь, рядом с домом самого Михляева и недалеко от Кремля, долгое время существовала небольшая деревянная церковь во имя Петра и Павла, построенная вскоре после взятия Казани Иваном Грозным. К началу XVIII века она пришла в полную ветхость³. Михляев задумал построить вместо неё грандиозный храм. Но первоначальная постройка по неизвестной причине обрушилась. Далее местная легенда гласит, что, узнав о таком несчастье, Пётр самолично нашёл мастеров и прислал их в Казань⁴. К сожалению, имена строителей храма остались неизвестны. Но уже к началу 1726 года собор был построен и 30 апреля освящён архиепископом Казанским Сильвестром. Действовать же собор начал ещё раньше. Первая метрическая запись в соборной книге относится к маю 1724 года. В разделе о родившихся значится «15 мая в доме Ивана Афанасьевича Михляева у дворового его человека у Тимофея Иванова дочь Елена»⁵. Всего за этот год в соборе крещено 11 детей, венчано 4 брака, отпето 9 усопших.

В Национальном архиве Республики Татарстан хранится «Летопись Петропавловского собора», составленная протоиереем Петром Васильевичем Маловым в 1890 году, с подробным описанием внешнего и внутреннего убранства храма.

Здание собора двухэтажное каменное, выложено сплошной кладкой из кирпича крупного размера в 19 фунтов каждый. Перекрытия сводчатые, полы из чугунных плит и тёсаного камня⁶. С юго-западной и северо-западной части расположен одноэтажный пристрой с плоской крышей, используемый как открытая терраса для входа на второй этаж. На террасу ведут две каменные лестницы. Композиция храма выполнена в стиле так называемого русского, или «нарышкинского» барокко, распространённого в России в конце XVII — первой половине XVIII века. Тем не менее, многие элементы компо-

² Спутник по Казани / Под ред. профессора Н.П. Загоскина. Казань, 1895. С. 212.

³ Казанский сборник статей архиепископа Никанора. Казань, 1909. Л. 441.

⁴ Там же. Л. 443.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 2. Д. 1. Л. 31–32.

⁶ Там же. Оп. 122. Д. 31. Л. 5 об.

Петропавловский собор в Казани.
Открытка начала XX века.

зиции и детали декора не характерны ни для какого архитектурного стиля. Главным отличием Петропавловского собора является то, что его стены украшены иконами, написанными на железных листах. По стенам и колоннам высечены из камня виноградные ветви с гроздьями как напоминание слов Спасителя из прощальной беседы с учениками: «Аз есмь лоза, вы же рождие»⁷. Подобным образом украшены стены и внутри основного храма.

Главный престол во имя святых апостолов Петра и Павла расположен на втором этаже. Престол на первом этаже освящён в честь Сретенья Господня. С северной стороны храма один над другим находятся два небольших придела: внизу первоначально в честь Рождества Иоанна Предтечи, а с 1848 года — в честь чудотворной иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», верхний — в честь чудотворной иконы Божией Матери «Живonosный Источник».

До наших дней сохранился главный иконостас собора, огромный, богато убранный в стиле русского барокко. Иконостас деревянный в 7 ярусов, причём верхний ярус дугообразный в виде небесного свода, изготовлен казанскими мастерами во главе с резчиком Гусевым. Весь иконостас покрыт позолоченной резьбой, изображающей травы, цветы, виноградные гроздья, персики и другие фрукты⁸. В 1864 году иконостас реставрирован известным казанским резчиком по дереву Михаилом Александровичем Тюфилиным. Иконостас был весь разобран, заново переклеен, сломавшиеся детали починены, нанесена новая позолота. Организатором реставрации выступил цер-

⁷ Там же. Л. 6 об.

⁸ Там же. Оп. 125. Д. 5. Л. 53 об.

ковный староста, степенный казанский гражданин Василий Николаевич Унженин. Он же пожертвовал на это дело 5 тысяч рублей, и ещё 7 тысяч составили добровольные пожертвования.

Одновременно с собором в 1726 году построена отдельно стоящая шестиярусная колокольня, изукрашенная столь же богато иконами и лепкой, как и сам храм. Нижний ярус колокольни квадратный, остальные — восьмиугольные. К концу XIX века на колокольне насчитывалось 10 колоколов, из которых самый большой весом в 189 пудов. Колокола отливались на казанском заводе Сергея Корнилова на частные пожертвования, в частности на одном из них была надпись «сей колокол отлит в царствующем граде Казани пожертвованием Петра и Николая Молоствовых и старанием протоиерея Виктора Петровича Вишневого и старосты, казанского купца Савелия Степановича Зайцева»⁹. Под колокольней был устроен фамильный склеп семьи Михляевых, где в 1728 году был погребён строитель собора Иван Афанасьевич.

В 1850 году архитектурный облик собора дополнила изящная ограда, построенная по проекту известного архитектора Михаила Петровича Коринфского.

Однако, являясь с одной стороны выдающимся архитектурным сооружением, с другой — Петропавловский собор был обыкновенной приходской церковью. Штат при нём был положен небольшой: священник, дьякон и псаломщик. Приход собора также был небольшой. Его составляли в основном горожане, проживавшие на соседних улицах. Согласно клировым и исповедным ведомостям, за целое столетие количественный состав прихода практически не изменился: 20–25 домов, 120–140 человек. Самая ранняя из сохранившихся исповедных росписей относится к 1771 году: в ней значится священник Стефан Григорьев и его семья, далее идут военные и их домашние: казанской губернской канцелярии прокурор подполковник Николай Петров сын Львов и другие. Всего в росписи записаны 68 мужчин и 82 женщины¹⁰.

И, разумеется, сохранить собор в таком хорошем состоянии было бы практически невозможно, если бы большую часть прихода не составляли купеческие дома. Огромная заслуга в том, что в Казани сохранился такой великолепный храм, принадлежит его старостам и частным благотворителям. После Михляева, попечительство над собором приняли на себя купцы Зайцевы. С 1841 года, почти целое столетие, старостами собора избирались представители знаменитой

⁹ Там же. Оп. 122. Д. 31. Л. 24.

¹⁰ Там же. Оп. 6. Д. 3 Л. 1–4.

Метрическая книга
Петропавловского собора.
1724.

№	Имя
1	18 Свѣтъ Степанъ сѣрванскій Еремѣевъ Мокшанскій Угрюмовъ Ето дѣла Угрюмовъ Степанъ Угрюмовъ Еремѣевъ
2	14 Семѣянъ Пѣловъ Удѣльскій Сремѣянъ Степанъ Свѣтъ сѣрванскій
3	Штепъ Степанъ Пѣловъ Удѣльскій Пѣловъ Степанъ Еремѣевъ Степанъ
4	9 Удѣльскаго дѣла Удѣльскаго Степанъ Степанъ Степанъ Свѣтъ Степанъ
5	Пѣловъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Свѣтъ Степанъ
6	12 Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Свѣтъ Степанъ
7	Штепъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Свѣтъ Степанъ
8	10 Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Свѣтъ Степанъ
9	1 Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Степанъ Свѣтъ Степанъ

купеческой семьи Унжен-
ниных. Практически весь
доход с лавок, построен-
ных купцом Андреем Пет-
ровичем Сапугольцевым
на церковной земле с се-
верной стороны ограды,
перечислялся на содержа-
ние собора и его причта.

За свою долгую исто-
рию храм неоднократно
подвергался частичному
разрушению, виной чему
были многочисленные по-
жары. Особенно сильно
собор пострадал в 1815
году. 3 сентября 1815 года
— одна из трагических

страниц в истории нашего города. «...Описать весь ужас, происходя-
щий во время сего пожара, никакое перо не в состоянии», — доносил
через три дня казанский губернатор Илья Андреевич Толстой (дед
Льва Николаевича Толстого) в Министерство юстиции. «После дол-
говременной и необыкновенной засухи, продолжавшейся повсеместно
в Казанской губернии, сего сентября 3 числа в 9 часу поутру при
жестокоем ветре загорелось во 2-ой части города Казани, имеющей
положение своё за речкою Булаком, в Ямской слободе, не менее двух
вёрст расстоянием от крепости. С невероятною скоростью распро-
странился пламень по стремлению ветра... Пожар уничтожил более
тысячи домов. На ул. Воскресенской (ныне ул. Кремлёвская) оста-
лось, например, только 10 домов, в том числе и здание Казанского
университета»¹¹. Досталось и Петропавловскому собору. Особенно
пострадала его нижняя часть — Сретенский храм: сгорели иконы

¹¹ Там же. Ф. 168. Оп. 2. Д. 35. Л. 1—4 об.

малого иконостаса, крыльцо, обрушилась лестница. В результате разрушений богослужения не могли проводиться, и приход вынужден был на несколько лет переместиться в расположенную неподалёку Гостинодворскую церковь. Восстановительные работы продолжались до 1825 года под руководством соборного старосты, казанского купца Саввы Степановича Зайцева — деда выдающегося учёного-химика Александра Михайловича Зайцева. Сохранилось прошение протоиерея собора Гурия Ласточкина архиепископу Казанскому и Симбирскому Амвросию от 24 сентября 1817 года. В нём говорится о том, что иконостас уже отделяется и необходимо начинать писать иконы. Работу эту согласен принять на себя «известный здесь искусством живописец, коллежский регистратор Василий Степанов Турин»¹².

Несколько слов об этом художнике. Выпускник Академии Художеств Василий Степанович Турин, несомненно, оставил значительный след в истории отечественного искусства 1-й половины XIX века и ныне его работы хранятся в крупнейших музеях страны: в Государственном Эрмитаже и Русском музее. Но ещё более значимым это имя является для нашего города, в котором он провёл большую часть своей жизни, став основоположником художественного образования в Казани. Более 20 лет Турин преподавал рисование в Казанском народном училище, открыл частную рисовальную школу, выпускники которой стали учителями в средних учебных заведениях Казанского учебного округа. Главным наследием художника являются два альбома литографий с видами губернского города Казани, позволяющими наглядно представить облик города двухвековой давности. Тем не менее, при жизни Василий Турин снискал себе известность как мастер церковной живописи. В разное время он занимался росписью храмов Богородицкого монастыря, Николо-Низской церкви, церкви Казанского университета. В Петропавловском соборе Турин обновил стенные росписи, царские врата и 20 икон в иконостасе нижнего храма¹³.

К концу XIX века из всех икон, имевшихся со времени основания храма, осталась одна, а именно храмовая икона апостолов Петра и Павла. Остальные были переписаны вновь из-за полученных во время пожаров повреждений. В 1860-е годы иконы обновлялись лучшим в то время казанским иконописцем, мещанином заштатного города Арска Тимофеем Терентьевичем Гагаевым¹⁴.

¹² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 473. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁴ Там же. Оп. 122. Д. 31. Л. 21.

К 1880 годам собор сильно обветшал, основной причиной этого было разрушение фундамента, а колокольня даже стала крепиться, потеряли первоначальный облик многие детали декора. Староста Пётр Васильевич Унженин и настоятель собора, протоиерей Пётр Малов, организовали в 1888–1890 годах масштабную реконструкцию храма. Работы проводились на средства, накопленные приходом, и добровольные пожертвования. Значительную часть, 20 000 рублей, составил капитал, завещанный Гавриилом Фёдоровичем Мелановским, бывшим настоятелем собора в 1867–1882 годах. Проект реконструкции составил архитектор Михаил Нилович Литвинов, архитектор Казанского университета, бывший впоследствии смотрителем здания Храма Христа Спасителя в Москве. Он скрупулезно, по детальным рисункам и чертежам, восстановил первоначальный облик собора. В ходе реконструкции были разобраны и вновь выстроены придельные храмы, паперты, лестницы, под колокольню подведён новый фундамент, восстановлена уникальная лепнина фасадов. В это же время на колокольне были установлены часы известного мастера Петра Ионовича Климова. Эти работы стали одним из первых в России примеров высокопрофессиональной реставрации памятников архитектуры. Благодаря этой реконструкции собор был воссоздан практически в первоначанном виде.

И едва ли кто, приехавший сюда по казённой или собственной надобности, мог избежать знакомства с Петропавловским собором. Путеводители всех времён сообщают о нём, только-только закончив рассказ о Казанском кремле. Петропавловский собор посещали все представители Дома Романовых, приехавшие в Казань.

Петропавловский собор, переживший четыре пожара, нашествие Пугачёва, устоял и в революционном пожаре, разумеется, немало при этом пострадал. 23 мая 1922 года была проведена реквизиция ценностей собора. Были сняты драгоценные ризы со всех икон, оклады с евангелий. В 1925 году часть богослужебных предметов забрал археологический музей. В их числе большое евангелие с металлическим окладом, украшенное разноцветными камнями, дарохранильница с нижнего престола, стихарь, шитый бисером и жемчугом, большое старинное кадило с бубенцами, а также золочёная лжица для причащения с латинской надписью — «Peter Michailoff», по традиции подаренная Петром лично Ивану Афанасьевичу Михляеву¹⁵.

В это же время на хранение в собор стали поступать иконы и предметы из закрытых храмов города: Спасского и Зилантового монастырей, Грузинской церкви, церкви при Ложкинской богадельне

¹⁵ Там же. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 25. Л. 6–8.

Петропавловский собор в Казани.
Фрагмент внешнего декора. Современное фото.

и др. 12 февраля 1926 года община Петропавловского собора была официально зарегистрирована в НКВД ТАССР и заключён договор о принятии собора с богослужебными предметами в бессрочное и бесплатное пользование. Договор подписали почётный председатель церковного совета Пётр Васильевич Унженин, председатель церковного совета Бекренев, настоятель протоиерей Андрей Боголюбов¹⁶. Община тогда состояла из 72 членов.

В конце 1920-х годов специальная комиссия Государственной академии истории материальной культуры обследовала архитектурные памятники на территории ТАССР. 14 июля 1929 года был составлен акт, согласно которому все сооружения были разделены на категории. Петропавловский собор был отнесён к 1-ой категории. В заключении было сказано: «Представляет памятник первоклассного значения. Сохранность хорошая, но требуется ремонт площадок открытой паперти. В колокольне заметны трещины у основания, ввиду опасности этого места необходимо тщательное наблюдение с постановкой маяков»¹⁷.

В марте 1930 года председатель общины сообщил в НКВД ТАССР, что Рудметалторгом без предоставления документов были сняты все колокола, разбиты и вывезены. При этом повреждены каменные пролёты колокольни. Кроме того, был разобран и увезён механизм башенных часов¹⁸. После этого события община была вынуждена отказаться от использования колокольни и передать её в ведение

¹⁶ Там же. Л. 3–4.

¹⁷ Там же. Д. 133. Л. 87, 90.

¹⁸ Там же. Д. 25. Л. 28.

Колокольня Петропавловского собора в Казани.
Современное фото.

музейной комиссии по охране памятников. Дни существования самой общины тоже были сочтены. Последний староста, Пётр Васильевич Унженин, уехал из страны, но ещё несколько лет присылал на содержание собора крупные переводы. После его смерти, не имея должного ухода, собор стал ветшать. В то же время в Президиум Верховного Совета ТАССР, в Казанский городской исполком регулярно поступали протоколы рабочих собраний различных учреждений с просьбой превратить собор «из распространителя религиозного мрака в культурный очаг»¹⁹.

В 1939 году постановлением Казанского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов Петропавловский собор был закрыт²⁰. Здание передавалось в ведение Центрального музея ТАССР для размещения в нём антирелигиозного музея, лекционного зала и установки маятника Фуко, последний, к счастью, так и не установили. С 1950-х по 1980-е годы в здании размещался планетарий. Но и после закрытия собор официально считался памятником архитектуры, охраняемым государством. Тем же вышеуказанным постановлением Центральный музей ТАССР обязывался «ввиду того, что здание Петропавловской церкви является ценнейшим архитектурным памятником высшей категории, принять все меры предосторожност-

¹⁹ Там же. Л. 62.

²⁰ Там же. Д. 133. Л. 103.

ти, обеспечивающие полную сохранность архитектурных особенностей здания»²¹.

На протяжении всего советского времени фасад храма постоянно поддерживался в хорошем состоянии. Но внутренняя реставрация началась только после возвращения храма православной церкви в 1989 году.

В настоящее время Петропавловский собор имеет высокий статус кафедрального храма. Здесь регулярно совершаются архиерейские богослужения и проходят епархиальные торжества. Дважды за новейшую историю во время Первосвятительских визитов в Казанскую епархию в 1997 и 2005 годах в соборе совершал богослужения Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Среди новых святынь собора — чудотворная Седмиозерная икона Божией Матери, переданная в собор из церкви Ярославских чудотворцев на Арском кладбище г. Казани, где долгие годы хранилась, будучи спасена исповедником иеросхимонахом Серафимом, после закрытия в 1928 году Седмиозерной пустыни. Другой почитаемой святыней Петропавловского собора являются мощи преподобных Ионы и Нектария Казанских. Преподобные Иона и Нектарий (отец и сын), в миру — бояре Иоанн и Нестор Застольские, были помощниками первого Казанского святителя — архиепископа Гурия. В нижнем храме собора сейчас находятся мощи митрополита Казанского Ефрема, венчавшего в 1613 году на царство Михаила Фёдоровича Романова. Отделом Татарстанской митрополии по канонизации святых проводится необходимая подготовка для прославления митрополита Ефрема в лике святых²².

Таким образом, местоположение, история, художественная ценность и статус Петропавловского собора делают его одним из важнейших центров духовной жизни Казани.

²¹ Там же.

²² Петропавловский собор, город Казань // Электронный ресурс, режим доступа: http://tatarstan-mitropolia.ru/all_publications/hramy_tatarstana/?id=44611.

Сазонова Татьяна Викторовна
(Санкт-Петербург)
Научный сотрудник
отдела древней истории России
Санкт-Петербургского института истории РАН

Кирилло-Новоезерский монастырь и Пётр I

Кирилло-Новоезерский монастырь, один из небольших монастырей Белозерского края, был основан в начале XVI века Кириллом Белым, учеником Корнилия Комельского, на Красном острове Нового озера в 30 км от Белозерска. Вначале это была маленькая пустынь, но уже в середине XVII века в обители началось каменное строительство. К этому времени там проживало 50 человек, из которых 24 монашествующих, монастырь владел более чем 120 дворами¹. Согласно переписным книгам 1678 года, за монастырём числился уже 191 двор². В 1710 году в монастыре проживало 46 человек братии: игумен, 8 иеромонахов и 37 монахов³.

В ходе реформы 1764 года Кирилло-Новоезерский монастырь лишился своей вотчины и был причислен к третьему классу. К концу XVIII века монастырь пришёл в запустение, из которого его вывел назначенный в 1793 году игуменом Феофан (Соколов)⁴. В начале XIX века обитель привлекала молодых людей, избравших духовный

¹ Сазонова Т.В. Кирилло-Новоезерский монастырь: Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011. С. 9.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12756. Л. 138.

³ Там же. Л. 117–118.

⁴ Субботин Н. Архимандрит Феофан, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря. Биографический очерк с портретом покойного архимандрита и приложением его записок, нравственных наставлений и писем. СПб., 1862. С. 2–39.

подвиг: здесь подвизались св. Игнатий (Брянчанинов) и преп. Пимен (Мясников), которые позднее были канонизированы⁵. В начале XX века большинство жилых и хозяйственных построек в монастыре были каменными, а жилые кельи — двухэтажными, и в монастыре жили 63 человека⁶.

В 20-х годах XX века Кирилло-Новоезерский, как и большинство монастырей, был закрыт, а комплекс построек с тех пор используется для пенитенциарных учреждений, на что повлияло его островное положение. С 1994 года на его территории располагается одна из пяти колоний для осуждённых к пожизненному лишению свободы (ФКУ ИК № 5)⁷.

Кирилло-Новоезерский монастырь представляется типичным средним монастырём, которых только в Белозерье в XVII веке было более двадцати. Однако, несмотря на своё периферийное положение и сравнительно небольшие размеры, он являлся религиозным и экономическим центром округа, распространяя духовное влияние за пределы Белозерья вплоть до Москвы⁸.

Среди вкладчиков Кирилло-Новоезерского монастыря встречаются имена государей всея Руси и их родственников. В правление Ивана IV монастырь получил несколько земельных пожалований, благодаря которым сложилась его вотчина, а также право на получение ружного жалованья. Михаил Фёдорович заменил ругу на владение тремя озёрами, жаловал колокола и ризы. Пожалования обители делали также его отец патриарх Филарет и мать старица Марфа, первая жена царя Алексея Михайловича царица Мария Ильинична, а также их родственники и свойственники — князь И.М. Катырев-Ростовский, бояре Б.И. Морозов, И.Д. Милославский, Ф.И. Шереметев, Б.М. Салтыков⁹.

На рубеже XVII и XVIII веков монастырь получал пожалования от правительницы царевны Софьи, царевны Татьяны Михайловны

⁵ Полное собрание творений Святителя Игнатия Брянчанинова. Том VII: Письма. М., 2007. С. 170; *Пимен (Мясников)*. Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 36.

⁶ *Тихомиров П.И.* Краткий исторический очерк Кирилло-Новоезерского монастыря // Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 43. С. 1348–1349.

⁷ Тюремный портал России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prisonlife.ru/mesta-lisheniya-svobodi/1204-ispravitel'naya-koloniya-5-vologodskiy-ryatak-pos.-novoozero-vologodskaya-oblast.html#.Uhc16N17KaZ> (дата обращения: 10 мая 2015 г.).

⁸ *Сазонова Т.В.* Указ. соч. С. 178–229. *Карбасова Т.Б.* Кирилл Новоезерский: История почитания: Исследования и тексты. М.; СПб., 2011. С. 208–232 (благодарю Т.Б. Карбасову за помощь в подготовке статьи).

⁹ *Сазонова Т.В.* Указ. соч. С. 68–69, 145–146, 219–220.

и царицы Прасковьи Фёдоровны. В послепетровское время обитель также не оставалась без внимания августейших особ: Анна Ивановна пожаловала 1000 руб.; Екатерина II прислала большой покров из чешуйчатого глазета на мощи преподобного; Павел I пожаловал обложенное серебром напрестольное евангелие, серебряный напрестольный крест и потир с утварью, серебряное кадило, полные облачения священнослужителям для соборных служб и крупную сумму денег; Александр I пожаловал архимандриту Феофану митру и наперсный крест, осыпанный драгоценными камнями, а также 1000 руб.; Николай I прибавил монастырю пашенной и сенокосной земли и пожаловал лесную дачу¹⁰.

Несмотря на внимание августейших особ, сведений об их посещении монастыря нет. Единственным исключением является Пётр I.

В монастырской вкладной книге начала XVIII века (далее — Вкл. 1) есть запись о том, что «1722-го апреля в 7 день благочестивейший государь Петр Великий, император и самодержец всероссийский, пожаловал на позолоту иконостаса денег двести рублей»¹¹, а «722 года марта в 9 день, егда изволил быть во святые обители благочестивейший император Петр Великий, поднесен ему образ чудотворцов (то есть преп. Кирилла Новозерского. — Т.С.) и житие в десть крупного письма Иосифовой руки»¹².

Сохранилась ещё одна вкладная книга Кирилло-Новозерского монастыря (далее — Вкл. 2), информация в которой о визите императора более детально: «1722 г. марта 9 дня всепресветлейший государь наш царь и великий князь Петр Алексеевич всея России изволил прибыть в Кириллов монастырь Новозерский в 4 часу дни в первой четверти, и изволил молиться в соборной церкви у гроба чудотворца, и потом изволил ходить в ризницу, а из ризницы паки изволил ходить в соборную церковь с одним игуменом Пахоимем, а у соборной церкви изволил прийти во игуменскую келью и довольно изволил читать житие чудотворца Кирилла, а из обители изволил отбыть в шестом часу дни в третьей четверти»¹³.

В 1740-е годы в Кирилло-Новозерском монастыре трудился известный книжник иеродьякон Кириак Ястребенский. В числе прочего его перу принадлежит особый вариант «Сказания о летех преподобного и богоносного отца нашего Кирилла Белого Новозерскаго чудотворца», которое представляет собой краткую хронологическую

¹⁰ Ванифатьев Н. Отрывки из путевых заметок странника. СПб., 1859. С. 15–16.

¹¹ СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 1073. Л. 8.

¹² Там же. Л. 52.

¹³ Собрание ЧерМО. 361/374. Кн. 9–65. № 29. Л. 8.

выборку из жития преподобного. От других вариантов он отличается вставкой текста, по-видимому, из Вкл. 2, повествующего о пребывании Петра I в монастыре, слово в слово повторяющий фрагмент этой вкладной книги. Кроме того, Ястребенский дополнил «Сказание» описанием переложения мощей Кирилла Новоезерского: «По указу великого государя Петра Перваго, самодержца всероссийскаго, к архимандриту Кириллова болшаго монастыря Белозерскаго Иринарху при игумене Пахомии преложены быша святые мощи преподобного Кирилла Белаго в новую кипарисовую раку в лето 7230, а от Рождества Христова 1722 году септвемвриа в 11 день»¹⁴.

Таким образом, хозяйственные документы и нарративный источник XVIII века свидетельствуют об однодневном пребывании Петра I в Кирилло-Новоезерском монастыре и о последующих императорских пожалованиях обители. При каких же обстоятельствах великий реформатор посетил монастырь?

Из «Походного журнала Петра Великого» нам известно, что Пётр I в феврале 1722 года из Москвы ездил на Марциальные Воды — первый российский курорт, расположенный в Карелии недалеко от Петровских заводов (совр. Петрозаводск). Этот документ показывает, что путь Петра I проходил через Переяславль-Залесский, где император был 6 февраля, Ярославль (8 февраля, «где был до ночи»), Вологду (9 февраля), погост Мгинский (11 февраля), Кирилло-Белозерский монастырь (12 февраля), Белоозеро (проехал ночью 13.02), Петровские заводы (14 февраля). 15 февраля император прибыл на Марциальные воды¹⁵.

После лечения на Марциальных водах Пётр I, согласно Походному журналу, некоторое время находился на Петровских заводах. Последний день его пребывания там — 7 марта¹⁶. К сожалению, маршрут императора на обратной дороге в Москву не нашёл отражения в петровских бумагах. Опираясь на данные монастырской документации, о которой говорилось выше, мы видим, что Пётр заехал в Кирилло-Новоезерский монастырь на обратном пути с Марциальных Вод и был там уже 9 марта¹⁷. Это вполне возможно, так как по пути на Марциальные Воды государь 13 февраля ночью проехал Белоозеро (город находился примерно в 32 км от монастыря), а уже 14 февраля был на Петровских заводах¹⁸.

¹⁴ Карбасова Т.Б. Указ. соч. С. 129, 133, 167, 419–420.

¹⁵ ПЖПВ. 1722 г. СПб., 1855. С. 27 (благодарю Е.В. Анисимова за предоставленные сведения, которые очень помогли автору в написании данной статьи).

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Собрание ЧерМО. 361/374. Кн. 9–65. № 29. Л. 8.

¹⁸ ПЖПВ. 1722 г. С. 27.

Одновременно с Петром I в 1722 году Марциальные Воды посещала его супруга императрица Екатерина I¹⁹. И туда, и обратно она ехала отдельно от супруга. 8 марта императрица выехала из Петровских заводов. Известно, что по пути она останавливалась в Кустове²⁰. Это село представляло собой ближайший пункт к Кирилло-Новозерскому монастырю на берегу Белого озера, откуда шёл водный путь до города Белоозеро²¹. Согласно Первой вкладной книге, в селе Кустове Екатерине Алексеевне и адмиралу Фёдору Матвеевичу Апраксину были поднесены экземпляры жития Кирилла Новозерского. А в Белоозере императрице и адмиралу были поднесены «образы чудотворцовы»²². Петру I, как уже говорилось выше, аналогичные подношения были сделаны в самом монастыре.

В этот же день, согласно данным Вкл. 1, Екатерина Алексеевна пожаловала монастырю крупную денежную сумму. На листе 9 в ней говорится, что «марта в 9 день благочестивая императрица Екатерина Алексеевна пожаловала тридцать червонцов», а на листе 12 — что «1722-го марта в 9 день благочестивая государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексеевна пожаловала в Кирилов монастырь Новозерскаго чудотворца игумену Пахомию с братиею в милостыню пятьдесят червонцов. И то ее благочестивые царицы жалованье игумен и братия положили в колокол»²³. Неясно, входили ли 30 червонцев в число тех пятидесяти, которые «положили в колокол».

В монастыре некоторое время не было благовестного колокола, а использовавшийся временно для этой цели малый был разбит в 1720 году во время пожара. Монахи в течение нескольких лет собирали средства на его изготовление, так что пожалование императрицы оказалось как нельзя кстати. В Петербурге за 110 рублей были приобретены две пушки, которые были перевезены на Пушечный двор. Оттуда медь с пушек весом 117 фунтов была перевезена в Москву к колокольному мастеру, который и отлил колокол. Колокол был доставлен в Новозерский монастырь в январе 1725 года²⁴. Таким образом, хрестоматийная фраза о переливании церковных колоколов в пушки на примере Кирилло-Новозерского монастыря превратилась в свою противоположность.

¹⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 136.

²⁰ Там же.

²¹ Сазонова Т.В. Указ. соч. С. 185.

²² СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 1073. Л. 52 и об.

²³ Там же. Л. 9, 12.

²⁴ Там же. Л. 43 об.—44 об.

Следует отметить, что упомянутые пожалования Петра I и Екатерины I не были единственными. По сведениям церковного историка начала XX века П.И. Тихомирова, Пётр I 2 апреля 1722 года пожаловал Новоезерскому монастырю чугунные плиты для церковных полов с Устюжских заводов, а в 1723 Екатерина I добавила такие же плиты, «но за указанную цену»²⁵. В монастырской документации подтверждения этой информации пока не найдено.

С какой целью император отклонился от своего пути, оставив часть сопровождающих в Кустове? Профессор Московского университета, историк словесности С.П. Шевырёв, посетивший Кирилло-Новоезерский монастырь в 1847 году, в изданном в 1849 описании своей поездки связал визит императора с островным положением обители: «Пётр Великий посещал этот монастырь и любил его: ему, конечно, нравилась смелая мысль утвердить стены его над водами озера, которое довольно глубоко и изобильно рыбою»²⁶.

Однако впечатлившая Шевырёва, как и других современников, каменная ограда на вбитых под водой деревянных сваях, на которых поверх брусев на гранитном цоколе были возведены кирпичные стены с шестью башнями и Святыми воротами, была сооружена только в 1809–1814 годах. При Петре I существовала простая деревянная ограда, про которую никак нельзя было сказать как о «стене», утверждённой «над водами озера»²⁷.

Интересное предположение высказал в середине XVIII века историк-самоучка из Новгорода П.Н. Крёкшин, связавший визит императора с так называемым «Пророчеством». Это фрагмент Жития Кирилла Белого, в котором описывается сидящий на престоле Царь, перед которым стоят два отрока, «храбры и умильны, имущи на главах венцы царские». Отроки получают оружие «на противные враги», которое позволит им одержать победу, в результате которой «будет царствование устроено». По мнению Крёкшина, поездка императора в Кирилло-Новоезерский монастырь могла быть связана с желанием «свидетельствовать» мощи автора «Пророчества»²⁸, так как

²⁵ Тихомиров П.И. Краткий исторический очерк Кирилло-Новоезерского монастыря // Новгородские епархиальные ведомости. 1916. № 38. С. 1183.

²⁶ Шевырёв С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С. 154.

²⁷ Субботин Н. Указ. соч. С. 32–33.

²⁸ <Крёкшин П.Н.> О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца Всероссийского, и о прочем // Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Феодора Туманского. СПб., 1787. Ч. 1. С. 241–242.

упомянутые в «Пророчестве» два отрока воспринимались в конце XVII века как цари-соправители Пётр I и Иван V²⁹. С этим хорошо сочетается уже цитировавшееся известие Вкл. 2, согласно которому император во время посещения монастыря «довольно изволил читать житие чудотворца Кирилла»³⁰.

Хотя уже современники рассматривали работы П.Н. Крёкшина как «новгородское баснословие», нельзя отрицать наличие в его труде рационального зерна. С одной стороны, только неутомная натура Петра I была способна на спонтанный визит в дальний монастырь, оказавшийся почти «по пути». Но, с другой стороны, выбрать для посещения из многих малых монастырей Белозерского края именно Новоезерский могло помочь слышанное в детстве и сбывшееся пророчество о двух отроках и «устроенном царстве».

²⁹ Карбасова Т.Б. Указ. соч. С. 158.

³⁰ Собрание ЧерМО. 361/374. Кн. 9–65. № 29. Л. 8.

Прот. Александр Берташ
(Санкт-Петербург – Германия)
*Настоятель прихода свв. Царственных
страстотерпцев в г. Бремене,
научный сотрудник Санкт-Петербургского
государственного университета*

Петровская архитектура и барочные реминисценции в православном храмостроительстве Нового времени

Один из общих принципов архитектуры петровского времени — выбор стиля на основе образцов прошедших эпох (в этом аспекте целесообразно употребление термина «историзм», т.е. «обращение к культуре прошлого... для решения проблем настоящего» /А.В. Иконников/), или иного географического региона, т.е. то, что для архитектуры XIX века именуется эклектикой. «Петровская эклектика» была преимущественно ориентирована на «актуальное искусство» Западной Европы и поэтому для неё преобладает выбор второго типа.

«Тут господствует какой-то выморочный архитектурный стиль, средний между итальянским, французским и голландским»¹, — подчёркивал наблюдательный путешественник в 1739 году. Уже в 1881 году Н.В. Султанов едва ли не первым дал характеристику перемен петровского времени: «В конце XVII в. в московской архитектуре начинает сильно чувствоваться новое влияние — ... западное, формы итальянского Возрождения последнего периода, т.е. периода барок-

¹ *Альгаротти Ф.* Из книги «Путешествие в Россию» / Пер. с итальянского, вступительная заметка и примечания Ю.Н. Ильина // Звезда. 2003. № 5.

ко, начинают покрывать собою русские здания, образуя при этом весьма оригинальную смесь местных строительных приёмов своеобразно переделанными западными деталями».

Круг заимствований в петровской архитектуре рассмотрен в ряде публикаций отечественных искусствоведов последнего времени². А.А. Аронова подчёркивает, что «в русской архитектуре периода перехода от Средневековья к Новому Времени произошло последовательное освоение двух стилистических направлений — северного маньеризма и первого европейского классицизма». «В первой четверти XVIII века описанный выше процесс завершился: отечественное зодчество, расставшись с декоративной изощрённостью «нарышкинского стиля», распрощалось и со своим средневековым прошлым, исчерпав его формальные и содержательные возможности. Эпоха Петра I обозначила на уровне государственной инициативы последовательное обращение к современным европейским архитектурным образцам и градостроительным приёмам, технологиям строительства и производства материалов, методам архитектурного образования»³. А.Е. Ухналёв также находит прототипы петровского барокко в «ренессансно-маньеристической» архитектуре Северной Европы начала XVII века.

Таким образом, сам термин «петровская архитектура» содержит в себе многие стилевые направления и смыслы. Но важная объединяющая черта петровского времени — использование элементов классического ордера как основы архитектурной формы. Эта общность позволяет представить «концепцию единого эволюционного движения», начиная от «нарышкинского стиля» 1680-х—1690-х годов, когда ордер использовался ещё атектонично.

² См.: Аронова А.А. Северный маньеризм или нарышкинское барокко // Проблемы русской художественной культуры. М., 1991. С. 39–42; Она же. Архитектурные связи России с Северной Европой в последней четверти XVII — первой четверти XVIII вв. Автореферат на соиск. уч. степени к. иск. М., 1993; Она же. Маньеризм — классицизм — барокко // Барокко в России. М., 1994. С. 70–80; Она же. К вопросу о природе ордера в русской архитектуре позднего Средневековья // Древнерусское искусство: Идея и образ. Опыт изучения визуального и русского искусства. М., 2009. С. 16–27; Кириллов В.В. На переломе от средневековья к новому времени (Русская модель европеизации архитектуры) // Вестник Московского университета. Серия 8. 1997. № 2, март; Она же. Русская архитектура на путях вестернизации: От обновлений послед. четверти XVII в. к петровским преобразованиям. М., 2000; Ухналёв А.Е. Свидетельства стилистической полифонии в зодчестве Петровского Петербурга // Архитектурное наследство. Вып. 59. М., 2013. С. 97–103; См. также работы Л.К. Масиель Санчеса и Вл.В. Седова.

³ Аронова А.А. Русская архитектура Петровского времени // История русского искусства (в печати).

1. Санкт-Петербург. Александро-Невская лавра. Благовещенская церковь. 2007. Фото А. Берташа.

Собственно, церковные памятники петровского времени в Санкт-Петербурге, дошедшие до нас, немногочисленны. Помимо Петропавловского собора, недостроенного при Петре, следует отметить старейший по времени освящения (1724) из дошедших до нас храмов столицы — Благовещенскую (Александро-Невскую) церковь Александро-Невского монастыря, возводившуюся при непосредственном участии Петра (*илл. 1*). Характерной для петровского времени является более поздняя, но архаичная Трёхсвятительская церковь 1740 года.

Расцвет барокко в последующие царствования — Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, показывает, что из петровской архитектуры была выбрана в качестве образца именно эта составляющая, а не более рациональная классицистическая, хотя и классицизм также «произрастает» из петровской архитектуры: «Классицизм проекта петровского времени, в плане композиционных приёмов соотносящийся с ранним екатерининским классицизмом, не только на полстолетия опережает его, но оказывается последовательнее и чище своего стилового визави»⁴.

Принцип выбора и полистилистика «перекочевали» из петровского времени в эклектику XIX века. Разница состоит в том, что эклектика Нового времени была преимущественно ориентирована

⁴ Ухналёв А.Е. Указ. соч. С. 99–100.

на стили отдалённого прошлого. В историзме XIX — начала XX века акцентируется обращение к национальным истокам, задача создания национального стиля и в архитектуре, и в других видах искусства. Консервативное по своей природе церковное зодчество, начиная с 1830-х годов, было ориентировано на русский стиль.

Петровское барокко, возможно, по причине разностилья («эkleктика эkleктики») и малого числа образцов не являлось главным источником вдохновения для мастеров историзма XIX века. Тем не менее, небольшой круг церковных памятников эkleктики и раннего модерна несёт в своей архитектуре заимствования из архитектуры петровского времени и барокко последующих царствований, которое также включало элементы осознанного выбора — например, древнерусского пятиглавия в храмостроительстве по желанию императрицы Елизаветы Петровны. Заметим, что церковное необарокко, в отличие от русского стиля, представляет собой практически неизученный феномен. Исключением является монография А.В. Бурдяло «Необарокко в архитектуре Петербурга» (СПб., 2002), в которой представлен анализ памятников необарокко в эkleктике и модерне столицы.

Можно со значительной долей условности выделить следующие формы необарочного проектирования середины XIX — начала XX века (не только на примере столицы, но и других регионов Российской империи).

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ, СВЯЗЫВАЕМЫЕ ИСТОРИЧЕСКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИ С ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХОЙ

В формах петровского барокко стилизован футляр над домиком Петра Великого — часовней Спасителя (1843—1844) — ранняя работа выдающегося мастера эkleктики, придворного архитектора профессора Р.И. Кузьмина, который предложил свой проект по результатам обследования памятника. По разрешению императора Николая I летом 1844 года футляр был разобран, на его месте в старых границах было возведено новое здание. Кирпичная кладка стен и карнизов была уложена «по-голландски» и оставлена без штукатурки. Тип кладки, формы проёмов, опор и кровли цитируют петергофский Монплефир. В 1889 году для удобства богомольцев каменный шатёр был расширен двумя пристройками, в результате футляр приобрёл крестообразный план, наиболее соответствующий, как считалось тогда, типу древнего христианского храма⁵.

⁵ Бурдяло А.В. Необарокко в архитектуре Петербурга. СПб., 2002. С. 115; Яковлев Н.А. К истории каменного футляра над Домиком Петра I в XIX веке //

В обширном комплексе больницы императора Петра Великого в 1912–1914 годах по проекту арх. Л.А. Ильина и А.В. Розенберга была построена часовня-прозекторская. В журнале «Зодчий» отмечалось желание проектировщиков, «основанное на наименовании больницы, придать зданиям характер времени Петра Великого»⁶. Здание наиболее точно из поздних храмов Санкт-Петербурга воспроизводит черты петровского барокко, в стиле которого строился весь комплекс больницы. Часовню в 2000 году переосвятили в церковь во имя свв. апп. Петра и Павла. В 2001–2003 годах восстановили шпиль, отремонтировали фасады.

Самым значительным проектом этого типа стало воссоздание после пожара 1913 года в петровских формах (а точнее, на 1756 год) первого приходского храма Санкт-Петербурга — Троицкого («Петровского») собора (1709–1711) (1923–1926, арх. Е.И. Катонин, храм разрушен в 1933). В той же стилистике как копия прежнего храма была выполнена временная церковь рядом с остатками собора (1913, арх. А.П. Аплаксин, разрушен в 1927)⁷.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТИЛИЗАЦИИ В ДУХЕ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО «СТИЛЯ МЕСТНОСТИ»

Самыми ранними и ещё нетипичными для своего времени необабочеными проектами можно считать две работы крупнейших мастеров столичной эклектики — А.И. Штакеншнейдера и Г.А. Боссе. Петергоф и Петергофская дорога, несомненно, навевали ассоциации с Петром Великим и барочной архитектурой. В 1857 году Штакеншнейдер разработал проект церкви на Собственной даче, достаточно точно воспроизводивший первоначальный, одноглавый вариант проекта Петропавловской церкви Большого дворца в Петергофе (Ф.Б. Растрелли, 1747–1751). Барочные овальные панно на ризалитах боковых фасадов и высокий аттик с волютами над входом не удовлетворили императора Николая I, который нашёл в них черты «церквей католических», но, что показательно, не потребовал «русифицировать» стиль храма в тоновском духе, а просто заменить «украшение другим, в стиле наружности церкви»⁸, т.е. «гармонизировать»

Страницы истории отечественного искусства. XVI–XX века. Выпуск XIII. СПб., 2007. С. 282–290; Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2015.

⁶ Зодчий. 1906. № 44. С. 440.

⁷ Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 69–71.

⁸ Бурдяло А.В. Указ. соч. С. 131–134.

тот же необарочный проект. Храм во имя пресв. Троицы был построен по проекту А.И. Штакеншнейдера в 1858–1860 годах.

Менее повезло варианту проекта церкви при усадьбе в Михайловке, принадлежащему Г.А. Боссе (1858)⁹. Храм базиликального типа, но акцентированный мощным центральным объёмом с компактным пятиглавием, колокольной над притвором и главкой над алтарём, был спроектирован в формах зрелого барокко и не имеет прямых прототипов. Сложность и экспрессивность системы ордерного убранства центрального объёма, контрастирующую с другими частями здания, подчёркивает разнообразие форм фронтонов и окон. В Михайловке в 1862 году была сооружена церковь св. Ольги в русском стиле по проекту Д.И. Гримма.

Одна из последних работ Р.И. Кузьмина — часовня во имя св. Александра Невского в память о спасении императора Александра II от покушения 4 апреля 1866 года у Летнего сада (1866–1867, разрушена в 1930). За составленный немедленно после события профессором А.И. Кракау проект памятной часовни он получил благодарность государя, но отказ в реализации, т.к. «Его величеству угодно в сооружении означенной часовни держаться строгого стиля решётки Летнего сада». 19 мая 1866 года «из числа представленных проектов на сооружение у Летнего сада часовни... удостоен Высочайшего утверждения проект профессора архитектуры Кузьмина с тем расчётом работ, чтобы она могла быть освящена 4 апреля 1867 г.»¹⁰ Критики указывали на наличие в архитектуре часовни элементов французского рококо и зрелого ренессанса, но скорее здесь доминировали мотивы раннего барокко¹¹. Тактичный выбор исторических западноевропейских прототипов (в отличие от проектов в русском стиле) позволил удачно вписать постройку в одну из самых красивых Невских набережных.

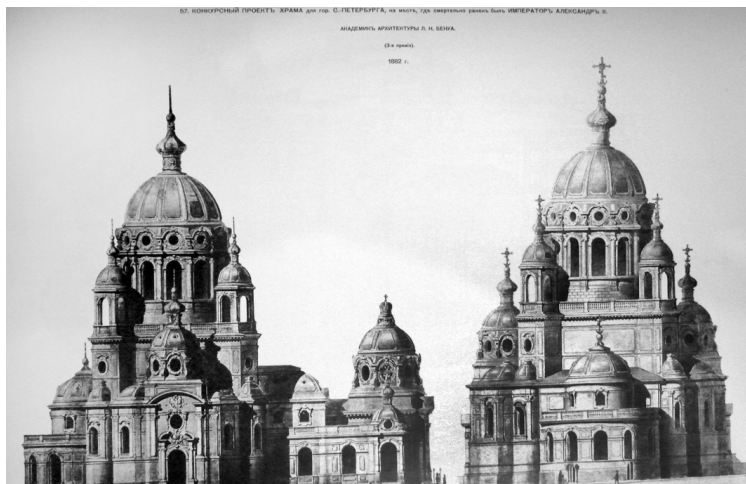
Значимые проекты в стиле необарокко принадлежат семье Бенуа. Н.Л. Бенуа — автор капитальной перестройки Крестовоздвиженской церкви в Успенском Большом Тихвинском монастыре конца XVII века (1871–1877), в результате которой она приобрела тип завершения Воскресенского собора Смольного монастыря Растрелли в виде компактного пятиглавия. Декор храма имеет черты «русско-романского» стиля.

Л.Н. Бенуа, идя по стопам своего отца, стал автором одного из лучших конкурсных проектов храма на Екатерининском канале в

⁹ Там же. С. 165–167.

¹⁰ Цит. по: *Хвостова Г.А.* Часовня святого благоверного князя Александра Невского в ограде Летнего сада (в печати).

¹¹ *Бурдяло А.В.* Указ. соч. С. 192.

2. Санкт-Петербург. Проект храма на месте, где смертельно ранен был император Александр II. Конкурсный проект. 3-я премия. Арх. Л.Н. Бенуа. 1882. Из кн.: *Барановский Г.В.* Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. I. Архитектура исповеданий. СПб., 1902.

Петербурге (1881) на месте смертельного ранения императора Александра II (*илл. 2*). «Проект он сочинил эффектный и красивый (едва ли не лучшее, что им было сочинено за всю жизнь), в котором он, из уважения к стилю Петербурга, пожелал вдохновиться произведениями Растрелли. Однако жюри присудило ему всего 3-ю премию тогда, как первые две были даны архитектурным композициям, сочинённым в более национальном вкусе. Мания национализма всё более и более начинала тогда давать себя чувствовать», — писал А.Н. Бенуа¹². Проект Л.Н. Бенуа был вдохновлён не только произведениями Ф.Б. Растрелли, но и ренессансными храмами с барочной отделкой, возможно, собором в Комо. Крестообразный в плане храм предполагалось завершить гранёными филёнчатыми куполами, увенчанными луковичными главками: малыми и массивным центральным куполом, переключившимся по форме с крупнейшими соборами Санкт-Петербурга¹³.

Л.Н. Бенуа капитально перестроил в 1896–1899 годах церковь во имя свв. Захарии и Елисаветы л.-гв. Кавалергардского полка в стиле

¹² *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания. Т. I. М., 1980. С. 101.

¹³ *Бенуа Л.Н.* Записки о моей деятельности // Невский архив. М.; СПб., 1993. С. 24; *Бурдяло А.В.* Указ. соч. С. 243–246.

елизаветинского барокко с чертами придворной Петропавловской церкви в Петергофе и корпуса «под гербом», осознанно или неосознанно «разрабатывая» тему Штакеншнейдера и Боссе. Пятиглавый храм имел колокольню, завершённую шпилем. Предшествующим опытом использования подобной композиции является нереализованный проект начала 1893 года — вероятно, для новой придворной Петропавловской церкви в Петергофе. Четыре пилона близкого к квадрату здания должны были нести единственный купол сложной барочной формы. В своих записках зодчий упоминает о том, что он представил на усмотрение императора Александра III три варианта проекта: в ярославском, московском и «нарышкинском, или петровском» варианте (обращает на себя внимание то, что для Бенуа это синонимы). Последний он считал «наиболее подходящим для Петергофа», но выбран был «московско-ярославский» вариант Н.В. Султанова. Также «ярославские» чертежи были предпочтены Ю.С. Нечаевым-Мальцевым, заказчиком строительства церкви св. Георгия Победоносца при своих заводах в Гусь-Хрустальном — уже из четырёх вариантов самого Бенуа. Два других были выдержаны в нарышкинском стиле и формах раннебарочной московской архитектуры¹⁴.

В альбоме «Проектов на постройку церквей в Белорусских губерниях» («Приложении к атласу народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям». СПб., 1863)¹⁵ один проект трёхчастного шестистолпного храма № 58 на 700 человек в с. Высокозаводске Оршанского уезда исполнен в стилистике неоренессанса с элементами необарокко, остальные — в русском стиле.

Возможно, архитектура знаменитой колокольни и Смоленской церкви Троице-Сергиевой лавры повлияла на проектирование в Подмоскovie двух церковных сооружений с чертами необарокко. Одно из них — 5-ярусная колокольня, была возведена в 1895 году по проекту архит. М.Я. Кульчицкого и А.А. Нетыксы в с. Иванова Гора совр. Серпуховского района. Важной причиной выбора стиля могло послужить и то, что не сохранившаяся церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, к которой была пристроена колокольня, являлась барочной и датировалась 1722 годом. Она близка по композиции и имитации «полосатой» византийской кладки и колокольне Благовещенского собора в Харькове. Одноглавый крестообразный в плане

¹⁴ Бенуа Л.Н. Указ. соч. С. 37; Бурдяло А.В. Указ. соч. С. 246–248; Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа. СПб., 2003. С. 122–125.

¹⁵ РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 1168. Собрания проектов, утверждённых г. министром внутренних дел, на построение православных церквей в Белорусских губерниях. СПб., 1863.

храм в духе архитектуры середины XVIII века предполагалось пристроить к колокольне Николо-Угрешского монастыря (1905, художник-архит. Н.А. Ченцов)¹⁶. Опыт проектирования в стиле необарокко Ченцов уже приобрёл, выполнив богатую по декору пристройку к барочной церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Перово в Москве (1904)¹⁷.

СТИЛИЗАЦИИ В СОСТАВЕ СЛОЖИВШИХСЯ БАРОЧНЫХ МОНАСТЫРСКИХ АНСАМБЛЕЙ

Барочная доминанта является определяющей в архитектуре ансамбля Александро-Невской лавры и реализовывалась в лаврском храмостроительстве середины XIX — начала XX века. Санкт-Петербургский епархиальный архитектор Г.И. Карпов (1824–1900) составил проекты и сметы на постройку центральных и северных ворот с часовнями¹⁸. Рядом с алтарной частью Николо-Феодоровской церкви в 1890–1891 годах по его проекту согласно представлению Духовного собора Лавры, митрополит Исидор разрешил постройку палатки-усыпальницы «на 167 двухъярусных могильных мест». Ввиду обширности сооружения возникло предложение устроить в ней церковь. Император Александр III утвердил проект 4 октября 1890 года¹⁹. Церковь была освящена митрополитом Исидором 6 октября 1891 года в честь его небесного покровителя — преп. Исидора Пелусиота (илл. 3). Невысокая базилика органично дополнила сложившийся лаврский ансамбль. В наружной отделке храма-усыпальницы архитектор Карпов тактично повторил барочные формы фасадов Николо-Феодоровской церкви и соседних корпусов. Центральная часть храма завершалась низким глухим барабаном-восьмериком, увенчанным луковичной главкой.

С южной стороны Свято-Духовской церкви в 1885–1886 годах была пристроена фамильная усыпальница по заказу М.В. Варпаховской (илл. 4). Новый проект часовни-усыпальницы, завершённой

¹⁶ РГАДА. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 115.

¹⁷ Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-е–1917 годы) / Науч. рук. А.Ф. Крашенинников. М., 1998. С. 152, 258.

¹⁸ РГИА. Ф. 815. Оп. 9 (1860 г.). Д. 90. Л. 191. По этому проекту сохранившиеся ныне ворота были сооружены подрядчиками крестьянами Иваном Бояровым и Михаилом Филатовым.

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 60. 2 отд. 3 ст. Д. 272; Ф. 815. Оп. 16. Д. 1275; Ф. 1287. Оп. 40. Д. 491; Ф. 1293. Оп. 123. Д. 83. Л. 5; Ф. 835. Оп. 1. Д. 635; Рункевич С.Г. Александро-Невская лавра. Т. 2. СПб., 1913. С. 353–354.

3. Санкт-Петербург.
Александровская лавра.
Портал церкви прп. Исидора
Пелусиота и завершение
Никола-Феодоровской
церкви. 2009.
Фото А. Берташа.

4. Санкт-Петербург.
Александровская лавра.
Усыпальница Варпаховских.
Проект гр. инж. В.Д. Николая.
Фрагмент фасада. 1885. РГИА.
Ф. 815. Оп. 12. Д. 30.

куполom и отделанной в стилистике необарокко и неоренессанса, был создан гражданским инженером В.Д. Николаем в 1885 году²⁰.

В 1896–1897 годах по проекту гр. инж. Л.П. Андреева была произведена надстройка второго этажа в северном флигеле Митрополичьего корпуса в стиле необарокко с устройством над трапезной церкви во имя Покрова Богородицы и преподобного Палладия — небесного покровителя правящего архиерея. В 1900–1901 годах по проекту того

²⁰ РГИА. Ф. 815. Оп. 12. Д. 30.

же Андреева и в той же стилистике был перестроен митрополичий подъезд.

При митрополите Антонии (Вадковском) завершилось формирование лаврского архитектурного ансамбля в необарочных формах, что было связано с деятельностью гражданского инженера Л.П. Шишко (1873–1943). Будучи адъюнкт-профессором родного института, Шишко ходатайствовал 23 июня 1903 года о занятии должности архитектора лавры. По докладу Духовного собора от 22 декабря 1903, на следующий день утверждённому митрополитом Антонием, было решено предоставить Шишко данную должность с условием проведения и всех капитальных ремонтных работ²¹. Впоследствии Л.П. Шишко занимал высокие должности профессора Института гражданских инженеров, ректора Технологического института. Им было выполнено множество проектов, особенно зданий учебных заведений²².

По проекту Шишко в лавре были сооружены: трёхэтажное здание в восточном дворе, облицованное декоративным кирпичом, для ризницы, библиотеки и архива (1904–1910)²³; северные ворота восточного двора (*илл. 5*); решётка между зданиями кладбищенской конторы и ризницы, ограждающая Никольское кладбище от лаврского двора; пятиэтажный доходный дом на Невском пр. 153 (1901–1903, совместно с А.А. Венсаном), оформленный барочными наличниками. Массивное здание ризницы с полуциркульным фронтоном и фигурными наличниками воспроизводит образцы монастырского австрийского барокко 1700–1720-х годов — «петровского времени» в России (арх. Л. Гиндельбрандт, Я. Прандтауер)²⁴ (*илл. 6*).

Летом 1904 года появилась возможность выстроить в лаврском скиту Зачеренье на р. Оредеж церковь во имя преп. Серафима Саровского. Её проект²⁵ был поручен Л.П. Шишко. Как и для здания ризницы и библиотеки на территории самой лавры, Шишко избрал для нового храма — отдалённой части Лавры, стиль необарокко, но в духе елизаветинского времени, и использовал волюты, фигурные наличники, люкарны. Здание завершал плоский купол; на котором возвышался барабан с луковицей. Небольшая главка украшала также и апсиду. Трапезная соединяла храм с трёхъярусной колокольной, которую с трёх сторон обрамляли портики с гранитными колоннами.

²¹ Там же. Оп. 11 (1903). Д. 93.

²² Напр., в 1908–1914 гг. — ряд гимназий и училищ: 4 в столице и Александровская гимназия к 300-летию Дома Романовых в стиле необарокко в Гельсингфорсе.

²³ РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1904). Д. 80.

²⁴ *Бурдяло А.В.* Указ. соч. С. 285–286.

²⁵ РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 633.

5. Санкт-Петербург.
Александро-Невская лавра.
Боковые врата. Рис. арх. Ю.С. Ушакова.
Б.д. ГМИ СПб.

Храм напоминал церковь святых Захария и Елисаветы Кавалергардского полка и был освящён 2 ноября 1908 года²⁶ (не сохр.).

Ещё один монастырский ансамбль — Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, также сохранил интересные произведения необарокко, ныне доминирующие в его панораме после утрат

двух соборов в послевоенные годы. Уже в 1834 году архитектор А.П. Макаров соорудил в пустыни необарочную трапезу «в том же стиле, как настоятельские кельи», воспроизведя декор построек «дней Петра и Анны» (на самом деле, П.А. Трезини 1760-х годов) — первый пример «парацерковного» необарокко. Руководителем постройки церкви во имя преп. Сергия Радонежского (1854–1859)²⁷, продолжившей трапезную, был настоятель пустыни архим. Игнатий (Мальшев, 1811–1897), ученик свят. Игнатия (Брянчанинова), воспитанник Академии художеств и затем её почётный вольный общник. В архитектуре церкви автор проекта А.М. Горностаев сумел соединить наружное убранство в стиле необарокко, соответствовавшем окружающим постройкам — Троицкому собору и настоятельскому корпусу, с воспроизведением в интерьерах образа раннехристианских базилик Синая и Сицилии. Принципы устройства и символику постройки о. Игнатий изложил в брошюре «Храм преп. Сергия в 1-кл. Троицкой Сергиевой пустыни с изъяснением священных изображений и надписей внутри его (СПб., 1860)». Тактичностью к суще-

²⁶ Антонов В.В. Серафимо-Антониевский скит Александро-Невской лавры // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 23. 2000. С. 71–75; Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб., 2001. С. 241–245; Берташ Александр, свящ. Серафимо-Антониевский скит // Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. 1913–2013. Т. 1. СПб., 2013. С. 113–118.

²⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 867. О построении церкви преп. Сергия Радонежского.

6. Санкт-Петербург. Александро-Невская лавра.
Здание ризницы. 2009. Фото А. Бергаша.

ствующему стилю отличались и работы А.М. Горностаева в других барочных зданиях: Андреевском соборе в Санкт-Петербурге (1857–1858) и по расширению митрополичьего корпуса в Александро-Невской лавре, в частности, пристройке в южной части корпуса с церковью, а также кабинетом и спальней митрополита (1861–1863).

Сочетание элементов русского стиля (одноглавое завершение), классицизма (отделка 1-го этажа с рустом) и барокко (оформление окон 2-го этажа) позволило удачно вписаться в древнерусский и барочный контекст Псково-Печерского монастыря одноглавой Среденской церкви (1868–1870). Кирпичный декор в значительной степени соответствует убранству соседней ризницы, которое выполнено из плиты.

ПРОЕКТЫ ДОСТРОЕК К СУЩЕСТВОВАВШИМ ЦЕРКОВНЫМ ЗДАНИЯМ, ВОСПРОИЗВОДЯЩИЕ ИХ ФОРМЫ

Первыми в столице примерами расширений барочных храмов с воспроизведением их стилистики можно считать работу по пристройке приделов к Тихвинской церкви в ансамбле Крестовоздвиженского храма (1842–1844, архит. В.Е. Морган) и особенно к Андреевскому собору (1848–1850, архит. Н.П. Гребёнка).

В целом сохранили стилистику барочных зданий столичные архитекторы, работавшие в церквях аннинского времени: Симеоновской (расширение колокольни и часовни, надстройка ризницы, 1869–

1871, архит. Г.И. Винтергальтер) и Пантелеимоновской (южный притвор, 1875, архит. В.Ф. Геккер; северный придел во имя свв. Михаила и Феодора Черниговских, 1895, архит. Е.Е. Аникин /?/) ²⁸.

Наиболее выразительным примером перестройки храма с сохранением его архитектурных форм в столице стала работа гражданского инженера Г.И. Карпова над проектом двух приделов, двухъярусной колокольни и трапезной церкви св. ап. Матфия (Покровской) на Санкт-Петербургской стороне, сооружённой в переходных формах от барокко к классицизму, в 1800 году. Работы были осуществлены в 1889–1890 годах (церковь разрушена в 1932) ²⁹.

Необарочный характер имеет архитектура Александро-Невской часовни при столичном Князь-Владимирском соборе, подражающей его архитектурным формам (1882–1886, архит. Н.Н. Ковригин). Важнейшее градостроительное значение имеет Великокняжеская усыпальница в Петропавловской крепости, в архитектуре которой очевидна стилизация форм барокко (проект Д.И. Гримма, 1885) ³⁰.

«Идейным обоснованием» для выбора необарокко при юбилейной реставрации Сампсониевского собора, проектировании притвора — паперти и ряда других сооружений на его участке (1908–1909) стал осознаваемый руководителем работ А.П. Аплаксиным переходный стиль его архитектуры, нетипичного как для петровского, так и для елизаветинского времени — аннинского барокко ³¹. Такого рода понимание отразилось и в проекте Юбилейного домика в ограде собора для библиотеки, архива и ризницы, выстроенного в стилистике барокко — петровского с элементами елизаветинского (А.П. Аплаксин, при участии одного из лучших мастеров необарокко Н.Е. Лансере) ³². Часовня Сампсониевского собора во имя Спаса Нерукотворного Образа была построена в 1908–1909 годах арх. А.П. Аплаксиным в стилистике елизаветинского барокко и воспроизводила тип угловой башни Смольного собора ³³ (илл. 7).

Особенно часто примеры такого рода встречаются при расширении провинциальных храмов XVIII века, особенно их трапезных с

²⁸ См.: Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч.; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века / Под общ. ред. Б.М. Кирикова. СПб., 1996.

²⁹ Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 104–105.

³⁰ Подробнее см.: Трубинов Ю.В. Великокняжеская усыпальница. СПб., 1997.

³¹ Аплаксин А.П. Сампсоновский собор в Санкт-Петербурге и его реставрация в 1909 г. СПб., 1909. С. 2.

³² Бурдяло А.В. Указ. соч. С. 271–275; Белоножкин А.Е. Санкт-Петербургский епархиальный архитектор А.П. Аплаксин. СПб., 2013. С. 122–123.

³³ Там же. С. 122–123.

7. Санкт-Петербург. Сампсониевский собор.
Притвор и часовня. 2014. Фото А. Берташа.

устройством дополнительных приделов при увеличении числа прихожан в центральных регионах России (Московская, Орловская губ. и др.). Так, московский епархиальный архитектор С.В. Крыгин в 1888–1889 годах осуществил перестройку в Москве Знаменской церкви в Переяславской слободе, построенной в стиле барокко (1757–1765), а также соорудил её ограду. В архитектуре приделов во имя свят. Николая Чудотворца и Усекновения главы св. Иоанна Предтечи и пристроек церкви Крыгин последовательно и точно воспроизвёл первоначальные барочные формы, включая оконные наличники в духе «аннинского барокко», что позволяет воспринимать здание как единое целое³⁴.

Профессионально выполненным представляется расширение Спасо-Обыденской церкви в Сольвычегодске (Архангельская обл.), сооружённой в духе узорочья в 1691–1730 годах. В эпоху господства русского стиля была достроена шатровой колокольней (1892) и северным приделом (1899), стилизованными в формах XVII века³⁵ (илл. 8).

Позднебарочные формы были сохранены при расширении двумя приделами — Успенским и Димитриевским, Никольской церкви в погосте Иловицы (Никола-Пустынь) Вышневолоцкого уезда Тверской губ. (1791, не сохр.). Перестройка была осуществлена в 1903–

³⁴ Берташ Александр, прот. Крыгин С.В. // Православная энциклопедия. Т. 39. М., 2015. С. 88–92.

³⁵ Слезкин А. Сольвычегодск и окрестности. М., 2006. С. 32.

8. Сольвычегодск.
Спасо-Обыденская церковь.
Вид с юго-запада. Фото 2000-х.

1908 годах местными помещиками Назимовыми, которые, вероятно, привлекли для её осуществления профессионального архитектора и позаботились о чистоте стиля сооружения³⁶.

Достаточно многочисленные работы по расширению и перестройке храмов Вятской губернии, построенных преимущественно в формах «вятского барокко», осуществлял

известный архитектор И.А. Чарушин, с 1893 года работавший в Вятке³⁷ (Иоанно-Предтеченская, Всехсвятская, Спасо-Хлыновская церкви в Вятке, Вознесенская церковь в с. Суна, Троицкая церковь г. Орлова, Сретенская в с. Арбаж, церковь в с. Юм Котельнического уезда). Расширения храмов, на которых настаивали священники, вели к наращиванию объёмов по поперечной оси, что затрудняло освещение интерьеров — низкие своды боковых приделов не позволяли осветить центральную часть. Но с 1905 года было строго предписано согласовывать проекты реконструкции старых церквей с Императорской Археологической комиссией. По её мнению, устройство второго света нарушало характер старой архитектуры и придавало сооружениям пирамидальный характер, поэтому считалось «излишним и неудачным» (Спасо-Хлыновская церковь, церковь в с. Прокорье Слободского уезда).

При реконструкции Троицкой церкви в Орлове, Всехсвятской в Вятке и особенно Вознесенского храма в с. Суне архитектор создал эффектные необарочные композиции, основанные на региональных

³⁶ Торжество освящения двух приделов-храмов к церкви во имя св. Николая Чудотворца в погосте Иловицы (Никола-Пустынь) Вышневолоцкого уезда Тверской губ. СПб., 1908. С. 5–8.

³⁷ См.: *Андреева Е.А.* Архитектор Иван Чарушин. Ижевск, 2007.

барочных формах. Чарушин в этих работах вводил в проекты реконструкции и мотивы неоклассицизма (Всехсвятская церковь), и русского, византийского стилей, а при перестройке Троицкого храма в с. Лекме (Слободской р-н) использовал самобытно трактованные элементы «петровского барокко»³⁸.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ БАРОЧНЫХ ФОРМ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ СООРУЖЕНИЙ

Ранним и редким для своего времени примером являются две капитальные перестройки в формах неobarocko конца царствования императора Николая I. Необычный выбор стиля Крестовоздвиженской церкви (с 2000 года — Казачий собор) (илл. 9) обычно объясняется консерватизмом заказчиков — жителей Ямской слободы, пожелавших увидеть в новом храме привычные формы обветшавшей к тому времени постройки Елизаветинского времени (1740–1749). Вследствие дороговизны работ и давности сооружения самой церкви, создававшейся как признак духовной и исторической ценности, причт обратился с просьбой сохранить храм «в настоящем виде», но здание пришлось капитально перестроить. Было указано, что при перестройке церкви увеличится её вместимость, а пять куполов и возвышение наружных стен придадут храму большую величественность. После утверждения комиссии о возможности её перестройки, 25 февраля 1848 года, был утверждён проект архитектора Е.И. Диммерта³⁹. 2 декабря 1851 года новый храм был освящён во

9. Санкт-Петербург.
Крестовоздвиженская церковь.
Вид с юго-востока. Фото 1935.
Архив прихода.

³⁸ Борова И.В. Зарождение научной реставрации в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской учёной архивной комиссии). 1994. С. 458–461.

³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 11. Д. 29205. Л. 31.

имя Воздвижения Креста Господня, а на следующий год — его приделы. «Фасад церкви сегодня не похож на прежний, так как с изменением плана церкви из продолговатого в крестообразный изменились как внутреннее расположение, так и наружный вид церкви. Храм незатейливой архитектуры времён Анны Иоанновны был одним из лучших представителей русско-византийского стиля. Сегодня церковь имеет крестообразную форму, западная часть удлинена. Крест более напоминает римский, нежели греческий» «Лёгкая, простая, но красивая» архитектура Крестовоздвиженской церкви напоминает стилистику одновременно аннинского барокко и отделку фасадов Меншиковского дворца⁴⁰.

Церковь Пресв. Троицы в Красном Селе, сооружённая в 1733–1735 годах арх. И.Я. Бланком, была полностью перестроена (кроме колокольни, апсид и трапезной) и расширена в 1851–1854 архитектором А.И. Резановым при участии А.М. Камуцци с воспроизведением барочной стилистики. Перестройка Троицкого храма «в стиле рококо, по характеристике современников, стала первой существенной самостоятельной работой Резанова. Впоследствии, в 1867 году, он воссоздал в стиле барокко Екатерининскую церковь в Царской Славянке⁴¹.

На территории современной Латвии одним из самых своеобразных по архитектуре храмов второй половины XIX века стал трёхпрестольный Свято-Духовский собор монастыря в Якобштадте (Екабпилс, 1885–1888, архит. А.П. Кизельбаш)⁴². Храм на 650 человек воспроизводил формы сгоревшей деревянной церкви-предшественницы в стиле украинского барокко, с главами, поставленными по сторонам света. Отмечалось, что «строителю А.П. Кизельбашу удалось довольно хорошо сохранить главнейшие формы древнего церковного здания»⁴³. Три ветви крестообразного в плане двухъярусного храма, образующие мощные пятигранные боковые ризалиты, и пря-

⁴⁰ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7. С. 146; Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси. С.-Петербургская епархия. СПб., 1909. С. 127–128; *Бурдяло А.В.* Указ. соч.; *Антонов В.В., Кобак А.В.* Указ. соч. С. 85–87.

⁴¹ *Берташ А.В.* Соборная церковь Пресвятой Троицы в Красном Селе // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Исследования и материалы [Вып. 5]. СПб., 2000. С. 81–89; *Он же.* Действующие храмы Красного Села // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 173–183.

⁴² См.: *Бескровных С.* Екабпилсский Свято-Духов мужской монастырь, Екабпилс, 2004.

⁴³ *Иоаким (Левицкий), архим., Плисс Владимир, свящ.* Высокопреосвященный Арсений (Брянцев). Рига, 1897. С. 190–191.

моугольная в плане апсида завершены баями с барочными главами. Западная ветвь креста более вытянута и охвачена в 1-м ярусе резной деревянной галереей.

Черты необарокко можно видеть в композиции соборной церкви во имя свв. Симеона и Анны⁴⁴ в Елгаве (Митаве) — главном городе Курляндской губернии, при том, что декор её выполнен в русско-романском стиле с преобладанием арочных элементов (проект виленского губернского архитектора Н.М. Чагина, 1892—1894). Средства предоставили император Александр III (30 тыс. руб.), Синод и местные власти. Причиной выбора стиля является то, что основанием храма послужила предшествующая постройка 1780 года, приписываемая Ф.Б. Растрелли. Пятиглавый храм с колокольной над притвором отличается «приземистостью» и имеет сложное объёмно-пространственное решение, в котором доминирует гигантская центральная луковичная глава и шатровая колокольня над притвором. Как центральная глава, так и колокольня, окружены 4 луковичными главами на цилиндрических глухих барабанах.

СТИЛИЗАЦИИ В ФОРМАХ НАРЫШКИНСКОГО БАРОККО

Первым редким примером такого рода стилизации является не реализованный проект Л.Н. Бенуа новой придворной Петропавловской церкви в Петергофе (1893). Храм решён в формах базилики, над восточной частью которой возвышается восьмерик с луковичной главкой, а над западной — колокольня по типу восьмерик на четверике, увенчанная шпилем⁴⁵.

Наиболее ярким и уникальным для Петербурга примером воспроизведения форм нарышкинского барокко не только в декоре, но и композиции, является церковь-усыпальница Воскресения Христова на Смоленском кладбище (1901—1904, архит. В.А. Демяновский)⁴⁶ (илл. 10). Её прототипом считается Успенская церковь на Покровке в Москве. Храм построен по типу «восьмерик на четверике». Четверик завершён пышным карнизом, восьмерик увенчан фронтоном и золочёной луковичной главкой и украшен колонками по углам и в обрамлениях оконных проёмов. Над боковыми придела-

⁴⁴ Пухляк О. Собор во имя Свв. Симеона и Анны в Елгаве // Прибалтийские русские: история в памятниках культуры. Рига, 2010. С. 136—139; Putniņa M. Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Zemgalē. Rīga, 2015. L. 64—71.

⁴⁵ Лисовский В.Г. Указ. соч. С. 119—121.

⁴⁶ Антонов В.В., Кобак А.В. Указ. соч. С. 387.

10. Санкт-Петербург. Воскресенская церковь на Смоленском кладбище. Вид с юга. 2012. Фото А. Берташа.

ми — купола и фонарики с малыми главками. Гладь стен, лопатки и пилястры оформлены полихромным (красно-белым) рустом.

НЕОБАРОЧНЫЙ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ» НА УКРАИНЕ

В конце XIX — начале XX века проявился интерес к национальным формам архитектуры Украины, прежде всего, к украинскому барокко. Особенности украинской архитектуры видели в простоте и отсутствии наружных украшений, «всефасадности» церквей. Типичными считались композиции в виде трёхкупольной церкви из 3 срубов, соединённых по направлению от востока к западу, с половины XVII века — пятикупольных с крестообразным планом, с XVIII века — 9-главых, с планом в виде 9-угольной звезды, над каждым срубом помещались один или несколько сужающихся восьмериков с шатровым покрытием и главкой с крестом⁴⁷.

Интересным и едва ли не первым примером преломления форм тоновской и классицистической архитектуры через призму украинского барокко является пятиглавая Вознесенская церковь в городе Козельце Черниговской губ. (1866—1874), знаменитом своими барочными храмами, прежде всего, собором.

⁴⁷ *Левицкий О.И.* Новый храм в старом украинском стиле. Покровская церковь в с. Плешивце Полтавской губ. Киев, 1907. С. 7—9.

Более чем 75-метровая колокольня Благовещенского собора в Харькове, построенного в 1888–1901 годах гр. инж. И.М. Ловцовым, декорирована «полосатой» под Византию штукатуркой и имеет композицию в виде уменьшающихся сверху четвериков. Компоновка объёмов, их пластика, пучки колонок и раскрепованные карнизы, купол с фонарём и крестом напоминают памятники барокко, в частности, колокольню Троице-Сергиевой лавры Д.В. Ухтомского (1753–1762). Возможно, храм должен был переключаться с Покровским собором 1689 года — образцом украинского барокко⁴⁸.

Деревянный девятидольный, девятиверхий Троицкий собор в Новомосковске (бывшей запорожской Новоселице), который построил в 1773–1775 годах народный мастер Аким Погребняк, стал образцом для двух выдающихся памятников украинского неobarocko. Крестообразная 9-главая Покровская церковь в с. Плешивце Полтавской губ. была построена в 1902–1906 годах московским архит. И.С. Кузнецовым по желанию заказчика — уроженца села, епископа Парфения (Левицкого), который после долгого поиска выбрал в качестве образца знакомый ему с детства тип запорожского храма. По мнению О. Левицкого, это — «первый опыт художественного воспроизведения национального украинского зодчества» и «безукоризненно прекрасное, стильное, оригинальной красоты здание»⁴⁹. Проект Георгиевского храма-памятника на Казацких могилах под Берестечком (1910–1914)⁵⁰, отличающегося сложной композицией с подземным склепом и 6-главой надземной частью, составил ученик В.А. Покровского и А.В. Щусева, тогда петербургский студент В.Н. Максимов.

Архитектор С.С. Кричинский в своей «Памятной записке», доложенной 26 апр. 1916 года на заседании Общества возрождения художественной Руси, указывал, что для храмостроительства Малороссии и Новороссии подошли бы образцы русско-украинского зодчества XVII — начала XVIII веков и русское барокко времён царя Алексея Михайловича⁵¹.

⁴⁸ Кишкинова Е.М. «Византийское возрождение» в архитектуре России. Середина XIX — начало XX века. СПб.: Искусство-СПб., 2006. С. 115–116.

⁴⁹ Левицкий О.И. Указ. соч. С. 3–9, 15.

⁵⁰ Иннокентий, епископ. Храм-памятник на казацких могилах под Берестечком (К 300-летию воссоединения Украины с Россией) // ЖМП. 1954. № 3. С. 13–15.

⁵¹ Федотов А.С. Древнерусское зодчество и поиски нового русского стиля в архитектуре начала XX века // Москва в начале XX века. М., 1997. С. 352.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ ИНОСЛАВНЫХ ЦЕРКОВНЫХ СООРУЖЕНИЙ (КАТОЛИЧЕСКИХ КОСТЁЛОВ) В ЗАПАДНОМ КРАЕ С ЧАСТИЧНОЙ РУСИФИКАЦИЕЙ

Перестройка костёлов под православные церкви мотивировалась не столько идеологией, сколько практическими целями и обычно происходила после неудачных для поляков восстаний 1831 и 1863 годов. Барочный костёл пиаров в Варшаве после событий 1831 года было решено перестроить под православный собор. Проект перестройки составил архитектор А. Караччи, Николай I внёс в него собственноручную правку. Работы начались весной 1835 года и велись мастерами из России под руководством архитектора А. Голонского. Две башни, венчавшие главный храм, были разобраны, вместо них храм увенчали пять барочных луковичных куполов в «расстрелиевских» формах, в большой башне устроили колокольню. Трёхъярусный иконостас был исполнен по проекту архитектора Л. Русска, иконы написали в Петербурге художники А. Венецианов и И. Тербенев⁵².

Для католических церквей Литвы XVII века примером стал фасад и план главной церкви ордена Иисуса — римской церкви *Il Jesu* (1568–1584, архит. Дж. да Виньола и Дж. делла Порта), которая стала также одним из прообразов Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. Первым барочным храмом Вильнюса стал иезуитский костёл святого Казимира (1596–1616, реконструирован в 1750–1755, возможно, архит. Глаубицем) с большим куполом над средокрестием и мраморной отделкой алтаря, план — в виде латинского креста. От римского прототипа его отличает двухбашенный фасад. Костел св. Казимира в 1832 году по именному указу императора Николая Павловича был обращён в приходскую Николаевскую церковь, с 1840 года — собор (с 1915 — вновь костёл) (илл. 11). Он дважды перестраивался — в 1834–1839 и в 1864–1867 годах (архит. Н.М. Чагин), сохранив при этом свой барочный облик и приобретя пятиглавие во время второй реконструкции. Для внутреннего убранства потрудились лучшие столичные художники: напр., новый необарочный иконостас был изготовлен по рисунку акад. А.И. Резанова (1864), который получил за него медаль на Парижской выставке (1867). Собор стал местом собрания старинных святынь Западной

⁵² *Paszkiewicz P.* Pod berłem Romanowów. Sztukarosyjska w Warszawie 1815–1915, Warszawa, 1991; *Sokoł K., Sosna A.* Cerkwie w centralnej Polsce. 1815–1915. Białystok, 2011. S. 138–139.

11. Вильнюс. Костёл св. Казимира. 2014.
Фото А.В. Кобака.

Руси⁵³. Таким образом, при перестройке католических храмов в православные соборы происходила умеренная и компромиссная (если говорить о фасадах) русификация, в частности, через устройство луковичного пятиглавия, но в привычных для Литвы и Польши барочных формах.

АРХАИЧНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, ПРОДОЛЖАЮЩИЕ ТРАДИЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПРОВИНЦИИ

Особенностью некоторых северных регионов (Русского Севера, Вятки, периферии Новгородской епархии) является сохранение храмоздательства в архаичных формах барочной архитектуры, особенно там, где имелись региональные школы, и сохранялся артельный метод строительства. Барочные и классицистические композиции храмов кораблём удерживались, благодаря консерватизму заказчиков, до конца 1850-х годов (каменные: Воскресенская церковь в с. Турья,

⁵³ *Виноградов А.А.* Путеводитель по г. Вильне и его окрестностям. Вильна, 1904. С. 80; *Берташ Александр, прот., Маханько М.А.* Литва. Архитектура // Православная энциклопедия. М., 2016 (в печати).

ныне Республика Коми, 1851; Цареконстантиновская церковь в д. Нокшино Великоустюгского р-на, 1854, обе в переходных формах от барокко к классицизму, ныне в аварийном состоянии; Покровский храм в Чушевицах Верховажского р-на Вологодской обл., 1862–1867, построенный в стилистике местной барочной школы; деревянная барочно-классицистическая Александро-Невская Ухтомская церковь Вологодской епархии, совр. Вашкинский р-н, 1885).

Примерно с 1860-х годов стали строить храмы в тоновском стиле с довольно свободной композицией. Троицкий четырёхпрестольный двухэтажный собор в Шенкурском монастыре стоялся с перерывами с 1853 до 1872 год (нижний Покровский храм — 1868–1869), церковь во имя свв. Зосимы и Савватия Соловецких там же — в 1880–1884 годах. «Тоновский» собор (ныне в аварийном состоянии) имел классицистическую колокольню над притвором и мощное одноглавое завершение барочного типа.

Петропавловская церковь в с. Ситское Кирилловского района (не ранее 1853) органично сочетает ярусную колокольню с шатровым верхом в «тоновско-классицистических» формах с храмом в традициях позднего местного барокко. Элементы местного барокко, готики и русского стиля причудливо сочетаются в декоре трёхпрестольной Никольской церкви Нимендского пог. (д. Няменда, совр. Котласский р-н Архангельской обл., 1859, ныне аварийное состояние).

К этой группе относится пятиглавая с ярусной колокольней над притвором Введенская церковь в д. Байдарово (Лохово) Никольского района Вологодской области с эклектичным барочным, классицистическим и русским декором (1873–1889). Поздняя церковь во имя арх. Михаила на Городище в Великом Устюге (1888) соответствует по своей архаичной объёмно-пространственной композиции формам местной барочно-классицистической школы.

Богатой и сложной ярусной композицией отличалась краснокирпичная Михаило-Архангельская церковь в д. Верховское Новгородской губернии (1906 г., ныне руины). Изысканные завершения храма: пятиглавие основного объёма и колокольня над притвором, были выполнены в формах необарокко, а в достаточно лаконичном декоре можно было видеть черты неоклассицизма⁵⁴.

Необычную для своего времени барочно-классицистическую композицию и лаконичный декор имеет краснокирпичный Свято-Димитриевский храм, построенный А.П. Фёдоровым в 1898 году

⁵⁴ См.: Народный каталог православной архитектуры: Описания и фотографии православных церквей, храмов и монастырей. Электронный ресурс: <http://sobory.ru/index.html>.

в д. Березино Калининского района. Сооружения этой группы лишь условно можно отнести к необарочным.

НЕОБАРОККО В ПРИЧТОВЫХ –
«ПАРАЦЕРКОВНЫХ» («ОКОЛОЦЕРКОВНЫХ»),
«ПРИЦЕРКОВНЫХ») СООРУЖЕНИЯХ

Наиболее последовательно и выразительно необарочная линия присутствует в творчестве Г.И. Карпова (около 10 зданий, включая кладбищенскую контору и гостиницу, и ворота в Лавре). В 1861–1863 годах им были спроектированы два симметрично расположенных дома причта Николо-Богоявленского собора в Санкт-Петербурге со стороны Екатерининского канала. Их отделка вторит барочному облику собора, но выдержана в значительно более скромных формах более раннего, чем елизаветинское, барокко. Карповым были сооружены также в необарочных формах два дома причта церковью Митрофаниевского кладбища (1868, ещё один дом и здание приходской школы были построены в стилистике карповского «необарокко» гражданским инж. С.И. Андреевым в 1902)⁵⁵.

Стремление к созданию ансамблевой композиции предопределило новое художественное решение фасадов двух лицевых корпусов Смольного монастыря, переделанных в 1860-х годах архитектором П.И. Таманским. Эти здания, фланкирующие главный вход, были построены в 1822–1835 годах В.П. Стасовым в формах позднего классицизма. Таманский, стремясь стилистически приблизить их облик к постройкам елизаветинского барокко, переделал фасады «во вкусе Растрелли», обработав их барочной лепниной, впрочем, несколько более дробной по проработке деталей в сравнении с оригиналом.

В 1904 году студентом Института гражданских инженеров Б.И. Конечким был выполнен выпускной проект духовной семинарии в стиле елизаветинского барокко (1904). Проект А.П. Аплаксина подворья Великолукского Троице-Сергиева монастыря на Большой Охте в стилистике петровского барокко (1909)⁵⁶ не был исполнен.

В некоторых случаях причины появления барочных мотивов объясняются, скорее, личными пристрастиями архитектора. Так, классическим примером церковной эклектики с использованием элементов русского стиля, барокко и классицизма является Петропавловская (с 1925 года — кафедральный собор, с 1946 — Никольская) церковь в Сортавале (Карелия, ранее — Сердоболь). Она со-

⁵⁵ *Бурдяло А.В.* Указ. соч. С. 231–233.

⁵⁶ *Белоножкин А.Е.* Указ. соч. С. 143.

оружена купцами 1-й гильдии, коммерции советниками Г.П. и С.П. Елисеевыми по проекту Н.П. Гребёнки, известного работами в стилистике необарокко. Храм только по плановому решению напоминает предшествующие проекты Г.И. Карпова (1861) и К.Е. Лазарева (1866) в русско-романском стиле. Техническо-строительный комитет МВД указал зодчему изменить проект, «придав церкви стиль более православный» (1869), что архитектор быстро и выполнил⁵⁷. Строительство церкви с приделами Успения св. прав. Анны и преподобных Сергия и Германа Валаамских велось в 1870–1873 годах. Основной объём храма в плане близок к греческому кресту, углы его скошены, он увенчан громадным восьмериком, перекрытым восьмигранным куполом, по форме соответствующим верхней части луковичи, с миниатюрной главкой на барабанчике. По углам центрального ядра поставлены малые главки на барабанчиках. К восточной рукаву креста примыкает малая трёхгранная апсида, с запада — трапезная в 2 оси и трёхъярусная квадратная в плане колокольня, завершённая невысоким шатром с главкой. Южная и северная ветви креста завершены крупными волотообразными аттиками и оформлены лопатками. В убранстве храма использованы также люкарны и полуциркульные окна в рамочных наличниках, профилированные карнизы с сухариками, выложенные в кирпиче четырёхконечные кресты, кронштейны, волюты, филёнки.

Воспроизведение декора, а иногда и композиции различных церквей петровской эпохи позволяют говорить о преемственности в русском храмостроительстве на его последних этапах не только по отношению к древнерусским прототипам в рамках русского стиля, но и к поздним храмам, начиная со времени Петра I. Этому содействовал распространённый с петровского времени и особенно со второй трети XVIII века аппликативный метод — отсутствие связи декора с конкретной объёмной формой и определение стиля преимущественно через декор.

Занимая второстепенное место в храмостроительстве, церковное необарокко отличалось разнообразием используемых форм, полистилистикой, что требует особого рассмотрения, и способностью к саморазвитию от эклектики к модерну, не воплотившейся в полной мере вследствие прекращения церковного строительства в России. На последнем этапе русского храмостроительства ретроспективизм окончательно вышел за рамки собственно русского стиля, другие стили — необарокко и неоклассицизм, начинают более активно применяться для строительства храмов. Заметим, что не только барокко,

⁵⁷ Краснолуцкий А.Ю. Сортавала. СПб., 2012. С. 486.

но и неоклассицизм начала XX века, дал немногочисленные, но интересные памятники в сфере церковного зодчества. «Неужели храм в стиле ампир менее христианский храм, чем построенный в византийском стиле, неужели Смольный собор менее молитвенный храм, чем новый храм на Екатерининском канале?» — вопрошал один из апологетов нового направления и одновременно известный мастер неорусского стиля А.П. Аплаксин⁵⁸. Необарочные формы церковного зодчества воспринимались как альтернативные официальному русскому стилю и завоевали симпатию склонного к лёгкой фронде круга «Мира искусства».

Богатство форм даже на основе образцовых проектов, органичное и длительное сосуществование традиций русского стиля и классицизма, использование элементов барокко и народного зодчества в храмостроительстве рассматриваемого периода не позволяет говорить о насильственной унификации, отсутствии возможности для творческой реализации зодчих. Сам принцип эклектики — архитектуры выбора, отрицает такого рода рамки.

⁵⁸ *Аплаксин А.П.* Русское церковное искусство и его современные задачи. СПб., 1911. С. 45–46.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Тульчинский Григорий Львович
(Санкт-Петербург)

*Профессор департамента прикладной политологии
Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге*

Медный всадник: политическая герменевтика монумента

Выдающимся российским вкладом в мировую культуру является русская литература, привнесшая тему трагедии маленького человека, которой мировая литература до того не знала. Впервые эта тема была поднята и выражена практически во всей её полноте в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник», опубликованной уже после смерти поэта. «Бедный Евгений», грозящий «медному истукану» («Ужю тебе!»), в ужасе бегущий от него (илл. 1) и лишаящийся разума перед лицом последствий реализации властной воли — фигура архетипическая для понимания российской интеллигенции, являющейся, кстати, тоже одним из результатов петровских реформ.

Илл. 1

Илл. 2

Так или иначе, но монумент Фальконе является не только символом, но и богатным материалом и даже средством осмысления природы и содержания российской политической культуры и

власти — как её системообразующего фактора.

Композиция Медного Всадника проста до гениальности: скала, змея на ней, попирающий змею конь, вздёрнутый на дыбы всадником с простёртой рукой (илл. 2). Как прочесть эту композицию? Кто в ней смыслообразующее начало? Согласно обычному прочтению: всадник-император вздёрнул свою волею Россию-коня, попирающую врагов-гадину, утверждая новые основы жизни и указывая её новые горизонты.

Но ведь возможны и иные прочтения, задаваемые не только и не столько ракурсами рассмотрения монумента, сколько ракурсами российской политической культуры, в нём выраженными...

СКАЛА

Основанием монумента является скала, «гром-камень», основа и фундамент, как коня-страны, так и «оседлавшего» её императора (илл. 3). Напрашивается прямая аналогия с твёрдой властью — основой и фундаментом российской политической культуры, властью, предполагаемой сильной и твердой.

Илл. 3

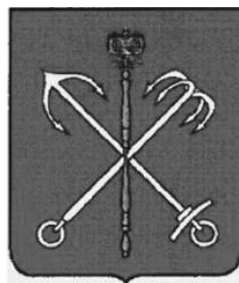
Санкт-Петербург — де-моверсия петровских реформ — каменный город. Город Петра — камня. Он назван в честь первоапостола Симона-Петра. Герб города — два якоря лапа-

Илл. 3

ми вверх на красном фоне (илл. 4) — является калькой герба Ватикана: два ключа бородками вверх на красном фоне (илл. 5). Ватиканский холм, на котором стоит собор св. апостола Петра — место, свя-

занное с судьбой первоапостола, первого главы христианской церкви, хранителя ключей от рая. Сам Пётр I, подписывая указ о гербе новой столицы, прокомментировал его: «Сии якоря ключами являются к парадизу». В обоих случаях — ключи, только одни — от царствия небесного, другие — от «парадиза» земного. Город, как морской и речной порт давал ключи к европейской цивилизации — петровскому представлению о «парадизе». Идея Санкт-Петербурга — идея ещё одной столицы христианской империи. Причём, с апелляцией к наследию собственно Рима, через головы Византии и Москвы — «Римов» второго и третьего, минуя их, как наследник Рима первого. Первоапостол получил своё второе имя от Христа — как символ крепости новой церкви. Пётр — камень, наука о камнях так и называется — петрография. Бурх — крепость. Санкт Питерс бурх — святая каменная крепость? Или крепость святого камня?

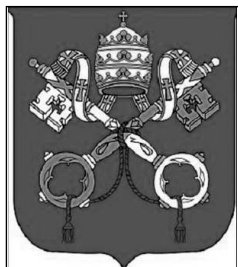

Илл. 4

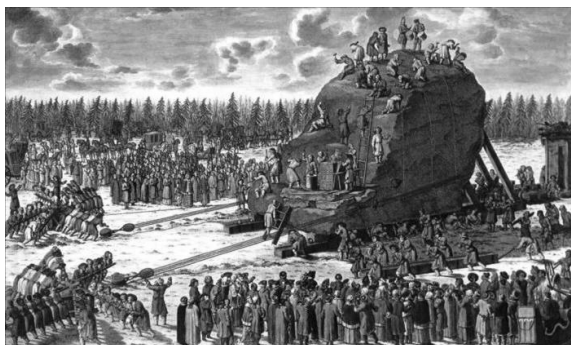
Но этот камень — отнюдь не неподвижная твердь и опора, а нечто зыбкое, камень на болоте. По финской легенде, приводимой В.Ф. Одоевским в «Саламандре»¹, при строительстве города кладные камни уходили и уходили в топь, пока сам царь не выстроил город на руках и опустил его на землю. Город без фундамента, без основания. Его камень — подвижен. Недаром Медный всадник столь активен у Пушкина и у Андрея Белого². Да и сама скала для

¹ *Одоевский В.Ф.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Повести. М., 1981. С. 141–219.

² *Белый Андрей.* Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. М., 1981. Этот феномен подвижности Медного Всадника позволил А.А. Цымбал в докладе на конгрессе об истории памятника Петру I в Таганроге (который

Илл. 5

Илл. 6

него «пришла» на болотистый берег и взметнулась застывшей волной (илл. 6).

Б. Пильняк писал, что Петербург — каменный город, но камень его — фикция, туман³. Как писал Ф. Достоевский в «Подростке», «А что как разлетится этот туман, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подымется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото». И где же защита от реализации таких предположений? Что гарантирует послепетровской России твёрдую опору? Даже нынешняя дамба, защищающая город от наводнений — сооружение насыпного, тоже подвижного, зыбкого «камня».

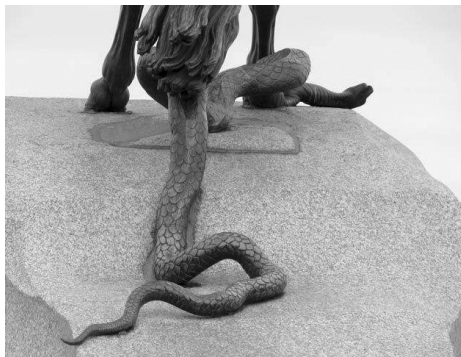
ЗМЕЯ

Змея, зачем-то выползшая на скалу... (илл. 7) может просто хотела погреться на скупом северном солнышке... А тут такое... Топот... Конь, всадник Или это враг (выдуманный или реальный), которого надо подавить — иначе никак не утвердиться. Враг для утверждения власти очень даже необходим... Включая оппозицию, безжалостное подавление которой всегда было свойственно российской государственности... Или это коварная тварь, подобная «змее гробовой», принесшей гибель князю Игорю из другой поэмы А.С. Пушкина

подвергался активным перемещениям в мирное время и во время немецкой оккупации) сформулировать удачный концептуальный каламбур: если в Санкт-Петербурге медный Пётр гонялся за «маленькими людьми», то в Таганроге наоборот — маленькие люди гоняли памятник императору.

³ См.: Пильняк Б. Повесть Петербургская. М.; Берлин, 1922; *Он же*. «Мне выпала горькая слава...»: Письма 1915–1937. М., 2002.

Илл. 7

Илл. 8

кина (илл. 8). И она — то ли изготовилась к такой атаке, то ли уже успела укусить всадника?

Петербургские набережные и фундаменты — из гранита, научное (петрографическое!) название которого — «раппакиви» в переводе с финского означает «гнилой камень» — на срезе его вкрапления напоминают древесные гнилушки. Санкт-Петербург — камень, который вода точит. Его земля — «мать сыра земля», сырая до слякоти, до топи, до испарений. Эта среда обитания именно хтонических — не только дохристианских, но и до-олимпийских существ и стихий. Эту языческую мифологию удачно описал Г. Гачев — как единство земной сырости, отсыревшего камня, света и ветра («светер»), порождающих хтонических существ и недоовплощённых людей — «воз-духов»⁴. Змеи,

⁴ Гачев Г.Д. Космос Достоевского // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1978. С. 110–124. См. также: *Он же*. Космо-Психо-Логос. М., 1995.

гады, крокодилы Ф. Достоевского и К. Чуковского, теряющие чешую на коммунальных квартирах «чудовища» Н. Катерли — естественные обитатели Санкт-Петербурга.

Во время избирательной кампании Губернатора Санкт-Петербурга в середине 1990-х был объявлен конкурс на животное, символизирующее город, что оказалось совсем не просто. Вроде бы, напрашивался сфинкс — в меру хтоничен и метафизичен. Кроме того, своей полуженской сущностью напоминает об императрицах Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Екатерине Великой, которым город обязан возвратом и закреплением столичного статуса, а значит — величием и великолепием. Ну, и немного — загадочную В. Матвиенко. Но сфинксы — существа древнеегипетские, а городу всего 300 с небольшим лет. Да и молчат они, в городской жизни — культурной и обыденной — не участвуют. Львы — существа слишком теплокровные и темпераментные для этого города. Комары с тараканами — достойные претенденты, но мало презентабельны, мелковаты для такого-то города: Северной (Культурной, Криминальной) Столицы, Окна в Европу, Северной Пальмиры, Города-Героя (Труженика, Интеллекта), Северного форпоста России, Центра Туризма и т.д.

Автором этих строк был предложен крокодил, который близок сфинксам — тоже водится по берегам Нила. Он, в отличие от слонов, всегда есть в питерском зоопарке и не только — он давно и прочно вошёл в быт и нравы города. Ф. Достоевским в известном рассказе о «пассаже в Пассаже» описан достоверный случай активности крокодила в общественных местах города. Накануне революции, как известно, по улицам ходила «большая крокодила», а в советское время, если верить Н. Катерли⁵, земноводное стало завсегдатаем питерских коммуналок и большим другом интеллигентных питерских старушек.

Своим космополитизмом (например, свободно говорит по-турецки) крокодил органичен мультикультуральной питерской идентичности. Согласно К. Чуковскому⁶, Крокодил Крокодил Крокодилович стал большим другом и защитником питерской детворы. Он известен своей (совместной с Мойдодыром) активностью в привитии подрастающему поколению навыков гигиены. Крокодил защищает питерских детей даже в Африке от происков бармалеев и даже перевоспитывает последних, которые после крокодилих воспитательных санкций становятся добрее, начинают любить детей, рабо-

⁵ Катерли Н. Окно. Л., 1981.

⁶ Чуковский К. Крокодил // Электронный ресурс, режим доступа: <http://chukovskiy.ouc.ru/krokodil.html>.

тать над собой, приобретают полезные профессии, а творить добрые дела приезжают именно в наш город.

Кроме того, крокодил выполняет важную задачу оздоровления общества путём избавления его от лиц, подобных Упрямому Фоме — проблема весьма актуальная в наши дни, когда кое-кто, несмотря на очевидные вещи, творящиеся с политическим климатом, продолжают близко подходить к власти без галош. В этой связи сам крокодил может выступать и символом власти («Аллигатор вздохнул и сытый в зелёную воду нырнул») — как в плане заботы («вздохнул»), удовлетворённостью плодами своей деятельности («сытый»), уходом на дно от публичности и ответственности. Более того, крокодил, как известно, даже солнце проглотил, дав возможность «Медведю» выступить защитником всеобщего «Единства» под солнцем.

Крокодил дружен с птичкой тари, которая чистит ему зубы — момент уже отмеченный в фирменном стиле некоторых питерских дантистов. Он также стоит у истока слоновьего имиджа, вытянув нос в своё время у одного любопытного слоненка. Крокодил — постоянный персонаж абсурдистских анекдотов чёрного юмора и там он даже летает: как высоко-высоко в небе, так и по утверждению одного старшины, низенько-низенько. Крокодил — противоречив как наш город: бывший дебошир, хищный пожиратель излишне наивных, но при этом — воспитатель, друг детей и старушек. Он брутален и зрим в отличие от комара, адекватен ожиданиям и страхам горожан. Крокодил как бы интегрирует в себе практически все образы города. Он не только наиболее типичен, он архетипичен для Санкт-Петербурга, города, которому предсказана особая судьба и именно в связи с водной стихией. Он отнюдь не чужой в этом космополитичном городе, где всё не своё. А главное, он — земноводное! Существо, органично существующее в двух стихиях, что весьма немаловажно для «города на болоте, где не сеют и не пашут, но белее белого едят» (А.И. Солженицын), который «из тьмы лесов, из топи блат вознёсся пышно, горделиво» (А.С. Пушкин). Такого зверя не «замочишь», как других «животных», он сам кого надо утянет на дно. Как и положено символу, он вызывает почтение и некоторый страх. Да и живёт крокодил намного дольше комара, даже дольше слона, и при этом неприхотлив, как настоящий питерец: может спокойно жить не только в нашем зоопарке, но даже в ванне. Наконец, он — ближайший родственник финно-угорской змее, подпирающей вздыбленного российского коня с царственным всадником в монументальной композиции Медного Всадника.

Илл. 10

КОНЬ

В мифологии многих народов конь — посредник между этим миром и миром иным, открывающий человеку новые возможности и горизонты: Пегас, Конёк-горбунок, Сивка-бурка-вещая каурка... И одновременно — добрый и верный спутник героического персонажа. Однако конь под Медным всадником (илл. 10) скорее напоминает прообраз коней из гоголевской «птицы-тройки» — символа России, перед которой расступаются другие страны и народы, — несущейся в апофатическое безмолвие (илл. 11).

Илл. 11

ВСАДНИК

Всадник — сам Пётр I — фигура в российской истории, вызывающая до сих пор довольно ожесточённые споры (илл. 12). Оценки, звучащие в этих спорах, связаны с петровскими реформами, переносится на Санкт-Петербург как воплощение этих реформ.

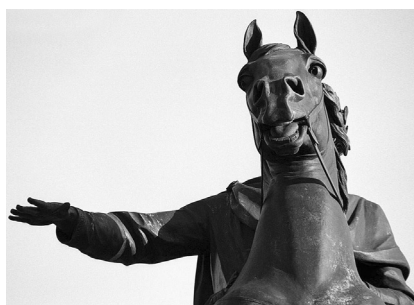
Действительно, Пётр I — великий реформатор, вступивший в борьбу с российской исторической (илл. 13) и природной стихией

Илл. 12

Илл. 13

(илл. 14). Воплощением властной воли эксцентричного императора стал Санкт-Петербург — эксцентрическая столица. Во-первых, как столица на самом краю молодой империи, её резко смещённый центр, на краю русской ойкумены, в краю финских болот, на границе мира и света. В истории это обычно выглядит жестом, знаком, с одной стороны, дальнейшей экспансии (теперь здесь будет новый центр). И, во-вторых, как противопоставление традиции, «концентрической» столице, каковой в России всегда

Илл. 14

Илл. 15

была и осталась Москва. (В наши дни добавился ещё и третий смысл — экс-центричность: город-экс-центр, бывший центр, «великий город с областной судьбой».)

В определённом смысле Санкт-Петербург — PR-бург — демоверсия петровских реформ. Столица империи с её культурой культур (илл. 15). В Санкт-Петербурге можно найти и Рим, и Берлин, и Париж, и Вену, и Лондон. Воплощённая идея европейской столицы вообще. Город-миф, идея. Речь идёт именно об идее, о смысле, о духовной ценности, когда город — не только и не столько предмет осмысления, сколько средство. Он связан с глубинными вопросами и смыслами российской истории и культуры, национального самосознания, играет особую роль в их становлении. Своеобразие этой идеи в её особой страстности, соприкасаясь с нею, человек попадает в поле исключительного духовного напряжения, которое выдерживает далеко не каждый.

Эта идея пропитывает всю российскую культуру последних столетий. А поскольку город связан с петровскими реформами и личностью царя-реформатора, постольку и вся противоречивость их оценок переносится и на город. Он и центр зла, и преступлений, символ народных страданий, антигуманного насилия, схем властной воли, историческая ошибка Петра и — торжество разума, гения Петра, открывшего новые горизонты российской жизни и культуры, символ особой красоты рационального устройства жизни, идеальный город, город-идея. Согласно В. Белинскому, Санкт-Петербург оскорбляет в человеке всё святое, но только в Санкт-Петербурге человек может узнать себя⁷. А. Герцен полюбил этот город, так как тот заставил его страдать и

⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 тт. М., 1953–1959. Т. XI. С. 418.

мучиться до отчаяния, вызывая всегда состояние физической и нравственной лихорадки⁸. А И.С. Аксаков в 1863 году писал Ф.М. Достоевскому, что первое условие освобождения русского народного чувства — это от всего сердца и всеми силами души ненавидеть Петербург.

Жизненная среда в Санкт-Петербурге — критическая для существования человека. И не в том дело, что «Чёрный вечер. Белый снег. Ветер, ветер! На ногах не стоит человек». И даже не в тектонических разломах, проходящих по руслу Невы, порождающих «отрицательную энергетику» и геопатогенные зоны. Просто — то ничего не видно, тьма крошечная, угнетённое и подавленное состояние, то видать во все концы, беспредельный простор, свежесть и лёгкость дыхания. Крайнее напряжение психики: ума и души. Границы существования, сон, бред, лихорадка, границы этого мира и потустороннего мира, много. Всё двойится, отражается в воде и зеркальных стёклах, миражи, двойники, призраки, обилие легенд, странных историй, сфинксы, грифоны...

Искушение разума и искушение разумом. Колыбель трёх революций. Солженицынское — «город на болоте, где не сеют и не пашут, но белее белого едят, а революции происходят от того, что чёрный хлеб есть, но белого не привезли» — зло, но и справедливо. Город-инноватор России. Именно петербургская культура породила три поколения российской интеллигенции: аристократической (символами которой стали декабристы, А.С. Пушкин), разночинной и советской. Город-испытание. «Белые ночи» — название повести Ф. Достоевского, ставшее обозначением городской реалии: одновременно научным термином и культурным символом. Но Ф. Достоевский имел в виду, «белые ночи» — вид испытания крепости духа будущего рыцаря.

Санкт-Петербург вызывает исключительно остро парадоксальное и напряжённое состояние души. Острые отрицательные переживания существования как бы во сне, в бреду, в лихорадке, тоске и страдании, наваждения на грани сумасшествия. И — едва выносимой радости, свободы, переполняющей тебя энергии и преображения. Это жизнь на краю жизни и смерти, заглядывание в мир иной, поиск и надежда на обретение спасения: себя, России, человечества. Высшее напряжение сил — интеллектуальных и нравственных, экономических и физических, политических и просто — человеческих. Постановка предельных и запредельных вопросов, поиск ответов на

⁸ Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Электронный ресурс, режим доступа: <http://russkay-literatura.ru/gercen-a-i/405-gerczen-ai-dnevnik-1842-1845.html>.

них. Отсюда и особая роль Санкт-Петербурга в становлении общественного сознания и личностных духовных биографий.

Россия осознает себя через отношение к Санкт-Петербургу. Но и Россию понимают через Санкт-Петербург — окно не только в Европу, но и в Россию. Амбивалентность добра и зла, их противостояние и неразрывность, взаимопереход, противостояние народа и власти, личности и государства, свободы и воли, разума и стихии, особая государственность культуры — всё это и Россия и Санкт-Петербург. Главные характеристики российской культуры — надэтничность, имперская собирательность, внешняя культурность, освоение культурных форм других времён и других народов — характеристики и Санкт-Петербурга. Более того, если цветом российского самосознания и духовного опыта является интеллигенция, с её жизнью «в идее», неукоренённостью, неоднозначным отношением к народу и власти, подвешенностью между добром и злом, исканиями путей на топкой трясине их диалектики, то и в этом плане полное совпадение с Санкт-Петербургом. Он — город-интеллигент, идейный и беспочвенный русский интеллигент, воплощение российского духовного опыта и его судьбы. Город — испытание России и личности.

Одним из выражений такого испытания и является Медный Всадник. Что задаёт смыслообразующий центр монумента? Император, результаты властной воли которого вызывают до сих пор неутихающие споры? Конь, вздыбленной этой волей на краю обрыва? Змея, на которую опирается (не попирает!) взметнувшийся конь с безумным всадником. Змея — хтоническое существо, исчадие ада и всадник-антихрист? Монумент хтоническому сатанизму? Или камню-«Петру на воде», вынесшему из топи это наваждение? Или пророчество вечной российской утопии? У-топия — место, которого нигде нет. Но не значит — быть не может!

И монумент стоит в центре великого города-утопии, который велик в основании, в становлении, в революциях, в блокаде. Монумент является наиболее полным символом этого города-испытания России, испытания физических и нравственных сил, синонима культуры вообще — как истока, процесса и результата этого испытания. Испытание продолжается. Новое испытание новых поколений.

Логунова Марина Олеговна
(Санкт-Петербург)
*Главный научный сотрудник
Государственного музея истории Санкт-Петербурга*

Формирование мемориала на могиле Петра I в Петропавловском соборе

Пётр I скончался 28 января 1725 года. Тело императора перенесено в Петропавловский собор, туда же переместилось из петровского Зимнего дворца убранство Печальной залы, созданное Н. Пино и Л. Караваком. В соборе тело оставалось незахороненным до 29 мая 1731 года, когда останки Петра I и его супруги Екатерины I были преданы земле. Первоначальное надгробие из алебастрового камня (гипс) во время правления Екатерины II заменено на памятник из рускеальского мрамора, а в 1860-е годы на надгробие из белого каррарского мрамора с восьмиконечным русским крестом и двуглавыми орлами на углах (так полагалось для императорских захоронений)¹.

Могила Петра I стала местом особого почитания, как со стороны простых посетителей собора, так и императоров. Практически каждый правитель России стремился внести свою лепту в формирование мемориала, со временем сложившегося у могилы Петра Великого.

При императрице Анне Иоанновне Пётр I и его жена императрица Екатерина I были преданы земле в 11 утра 29 мая 1731 года. Оба гроба поместили в единый склеп перед иконостасом в южном нефе перед киотом с изображением Апостола Петра, святого покровителя Петра I. Единого подвала под собором нет, поэтому для похорон

¹ См. *Логунова М.О.* Печальные ритуалы императорской России. М.; СПб., 2011.

Мои́ла Петра I
в Петропавловском соборе.
Фото 2015.

каждого члена семьи склеп, глубиной примерно 2–2,5 м делался персонально. В случае с Петром I и Екатериной I склеп был сделан на два гроба. Сверху установили надгробия из «алебастрового белого камня на воспоминания в предние роды»². Скорее всего в 1730-е годы у могилы появилась Пьета работы венецианского скульптора Джованни Дзордзони (Джорджони, Зарзони)³. Данную группу можно идентифицировать со скульпту-

рой, купленной Саввой Владиславичем (Рагузинским) в Венеции в конце 1716 года за 47 дукатов, которая была привезена в Россию в 1717 на фрегате «Джон Джудит». В переписке Рагузинского указано: «1. Гропа, сиречь статуа преобрающа Христа снимающагося с креста доброй работы»⁴. В описи скульптуры Летнего сада 1728 года упомянуто «Снятие Христа с креста», находившееся в Гротe, однако, уже в описи 1736 года произведение не значится. Впоследствии группа была перенесена в Петропавловский собор, где около 1756 года о ней писал Якоб Штелин⁵.

² Элькин Е.Н. Надгробия на царских могилах // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 160–162.

³ С.О. Андросов считает, что с 1872 года группа находилась на надгробии Петра Великого.

⁴ Андросов С.О., Берташ А.В., Талалай М.Г. Античные и библейские сюжеты в камне и бронзе. СПб., 2009. С. 38.

⁵ Андросов С.О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб., 1999. С. 76–78.

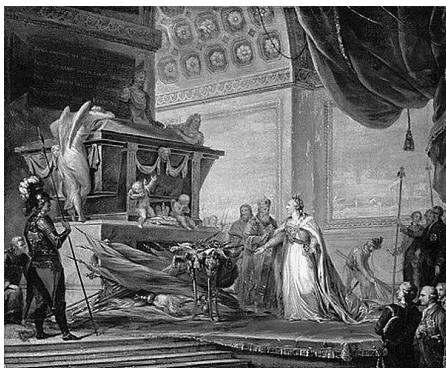

*М.В. Ломоносов. Полтавская баталия. Мозаика.
Здание Академии наук в Санкт-Петербурге.*

Во времена правления Елизаветы Петровны было решено превратить Петропавловский собор в своеобразный мавзолей Петра Великого. «Дщерь Петрову» занимала мысль об увековечивании памяти её великого отца. В 1758 году М.В. Ломоносов предложил создать в Петропавловском соборе пышную триумфальную арку из чёрного российского мрамора с золочёной медью, на ступенчатом стилобате, уходящем под купол собора с мозаичными картинами, изображающими наиболее существенные эпизоды деятельности Петра и аллегорические сцены. Цикл завершала сцена погребения Петра. Ломоносов писал о ней: «Сия картина будет чрезвычайна. По Неве реке, льдом покрытой, церемония в черных платьях, факелы, балдахин, блистание от пальбы пушек, все сие видно сквозь падающий густой снег...» Из грандиозного проекта удалось осуществить в мозаике две большие картины: «Полтавскую баталию» и «Взятие Азова» (вторая из них не окончена и погибла). Был объявлен конкурс, но энергичный Ломоносов уже приступил к работе над мозаикой «Полтавская баталия» для этого проекта. После смерти Елизаветы Петровны проект был заморожен и не выполнен⁶. «Полтавская баталия»⁷, созданная в 1762–1764 годах, сейчас находится в Санкт-Петербургском научном центре РАН (здание Академии наук).

⁶ Крашенников А.Ф. О проекте памятника Петру Великому // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 174–176.

⁷ Полтавская баталия. Автор эскиза и подготовительной картины маслом К.-Л. Христинек, 1732/33 — между 1792 и 1794.

Андреас Каспар Гюне. Екатерина II возлагает Чесменские трофеи на гробницу Петра Великого. 1791. Государственный Эрмитаж.

Убранство могил Петра и Екатерины менялось со временем. Первоначальные надгробия из «алебастрового камня» впоследствии, очевидно, во время правления Екатерины II, заменили памятниками из серого рускеальского мрамора. Мраморные ломки близ деревни Рускеала Сортовальского (Сердобольского) уезда в Карелии были организованы в 1765–1766 годах в связи со строительством Академии Художеств и третьего Исаакиевского собора.

Осуществив давнюю мечту Петра I о завоевании выхода в Чёрное, через него и в Средиземное море, Екатерина II разрабатывала собственный имидж продолжательницы дел Петра Великого. Она возложила на могилу императора трофейное знамя, взятое у турецкого паши в 1770 году. Обставлено это было с большой торжественностью и сопровождалось своеобразным репортажем о событии. В Эрмитаже хранится картина немецкого художника Андреаса Каспара Гюне «Екатерина Великая возлагает Чесменские трофеи на гробницу Петра I». На ней совершенно неузнаваем стал Петропавловский собор, о реальном надгробии напоминает лишь постамент под ковчег с бюстом, зато вполне выдержано портретное сходство основных действующих лиц. 29 августа 1772 года по приказанию Екатерины II была отслужена заупокойная литургия и панихида на могиле Петра I, во время которой императрица подошла к могиле Петра и положила у надгробия взятый при Чесме первый флаг турецкого адмирала со словами «твоя от твоих тебе приношу». После этого выдающийся проповедник того времени и законоучитель цесаревича Павла Петровича Платон, перечислив заслуги императора, сошёл с кафедры, подошёл к гробнице и, касаясь лежащего на ней покрыва, стал громко восклицать: «Восстань теперь великий монарх, взгляни на плоды твоих трудов... Слушай, мы говорим с тобой, как с живым!» и т.д. Павел Петрович потом сам рассказывал, как он испугался, что прадедушка действительно встанет, «а, известный остряк того времени, граф К.Г. Разумовский говорил близ стоявшим: “Чего вин его кличе?»

Яко встане, то всем нам достанетца”». Пламенная речь иерарха императрице понравилась, и она отправила её французский перевод Вольтеру, также её похвалившему⁸.

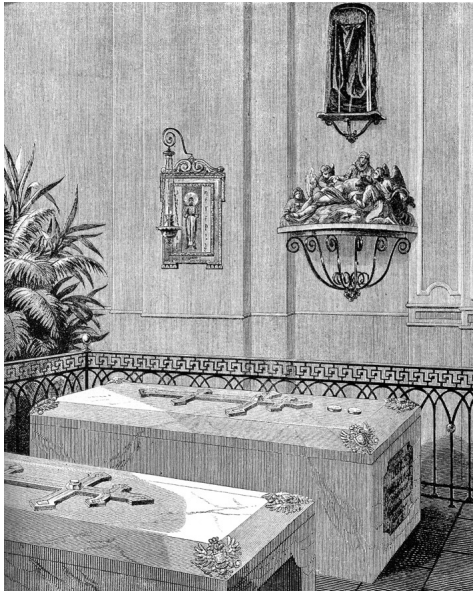
АЛЕКСАНДР I

16 мая 1803 года в дни празднования первого значительного юбилея Санкт-Петербурга министр юстиции Г.Р. Державин и старейший из сенаторов граф А.С. Строганов, представляя депутацию от города Александру I в Зимнем дворце, преподнесли ему золотую медаль, на одной стороне которой был изображён профиль Петра с венком и надпись «От благодарного потомства», а на другой стороне — Геркулес с палицей, щитом с датой «1803» и планом крепости. Под фигурой Геркулеса — план Петропавловской крепости с Кронверком и дата «1703». Над Геркулесом изображение знаков зодиака: Телец и Близнецы. 17 мая император повелел Сенату возложить эту медаль с «подобающей честью и приличными обрядами на гроб Отца Отечества, в незабвенное свидетельство перед грядущими веками, колико память его России священна». В это время к могиле было принесено большое количество медалей, венков, как золотых и серебряных, так и простых от разных депутатий Санкт-Петербурга, других городов и стран.

По приказанию Николая I в 1827 году для украшения могилы Петра из придворной ризницы была взята икона с ликом апостола Петра, писанная Симоном Ушаковым и Фёдором Козловым и доставлена в собор. Икона эта славилась тем, что представляла меру роста Петра при рождении — 11 вершков (49 x 13 см). Современное нахождение этой иконы не выяснено. Судя по сохранившимся фотографиям середины XX века, до реставрации 1950-х годов она продолжала находиться у этой могилы, однако затем исчезла. В фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Государственного Эрмитажа, ГРМ не числится.

Во времена Александра II выяснилось, что состояние надгробий в соборе не отвечает статусу людей, погребённых под ними. Многие доски были разбиты, плохо отшлифованы, имели заплаты. В 1866—1867 годах в числе прочих надгробия над могилами Петра I и Екатерины I были заменены беломраморными, выполненными из белого каррарского (итальянского) мрамора по проекту архитектора А.А. Пуаро купцом II гильдии Г.А. Балушкиным. Тексты на бронзо-

⁸ Русский биографический словарь. Т. 14. «Плавильщиков — Примо». СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 50.

Гробница Петра Великого.
Из кн.: *Петров П.Н., Шубинский С.Н.*
Альбом 200-летнего юбилея Петра
Великого: 1672–1872. (Репринтное издание
СПб.: Альфарет, 2013).

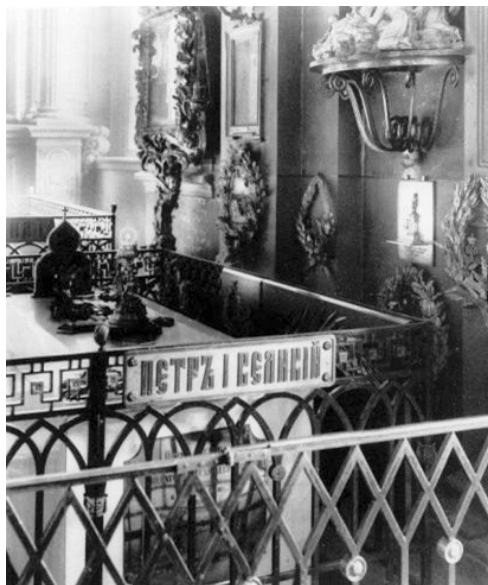
вых досках составлял известный историк Н.Г. Устрялов. Надгробия украшены бронзовыми позолоченными восьмиконечными крестами, по углам надгробий Петра I и Екатерины I, так же как и на других императорских надгробиях, укреплены бронзовые позолоченные двуглавые орлы. Орлы и кресты сделаны на фабрике Ф. Шопена⁹. При замене надгробий получилось смещение их против могил. Надгробие Екатерины I стоит почти над гробом Петра I, а надгробие Петра I стоит практически над пустым местом. При Александре II к медали, возложенной к 100-летию Санкт-Петербурга, добавилась золотая медаль к двухсотлетию Петра I.

НИКОЛАЙ II

К 1913 году на гробнице и около захоронения Петра находилось: четыре лампы, шесть медалей и 17 серебряных венков, один из которых от Охты, был возложен ещё в 1808 году. На стене висела на серебряной доске модель-барельеф памятника Петру I, установленного в Таганроге в память 200-летия основания этого города 1698–1898. Сохранялся Чесменский флаг, возложенный Екатериной II, и мерная икона в золотой ризе и деревянном позолоченном киоте. Одна из лампад изображала двуглавого орла, с ней соединился складень, в верхнем углу которого находилось изображение Николая-Чудотворца, а в нижнем — Преображение Господне и Введение во храм Богородицы. Это было подношение от первых лейб-гвардейцев — полков Лейб-Гвардии Преображенского, Семёновского и Первой великого князя Михаила Павловича батареи. От 65 Пехотного

⁹ *Элькин Е.Н.* Указ. соч. С. 161–166.

Московского полка подношением являлась лампада, изображавшая колено-преклонённого молящегося солдата со знаменем в руке. К решётке у могилы крепилась лампада от Лейб-Гвардии Кексгольмского полка «в память двух веков ненарушимой верности и веры. 1710—1910 гг.». В ногах также на решётке располагалась лампада в виде крепости с надписью «в память основания Кронштадтской крепости от чинов гарнизона».

Могила Петра I.
Фото 1911.

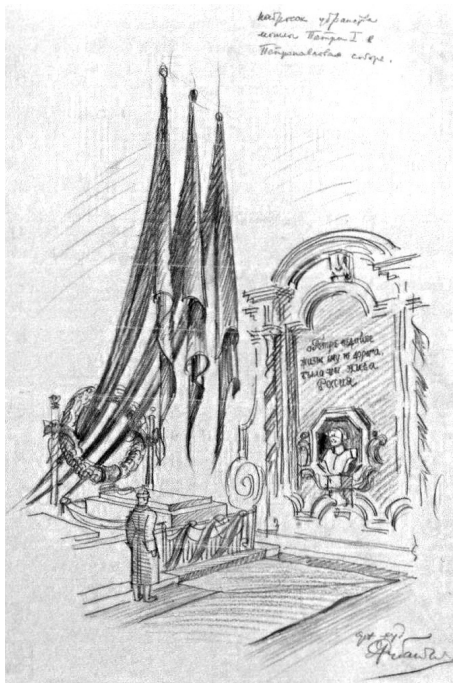
К уже означенным добавилось несколько медалей: к 200-летию Санкт-Петербурга, две в память 200-летия Полтавской победы и одна — в честь 200-летия взятия Нарвы¹⁰: на ней изображён герб города Нарвы: «В лазоревом поле вверху обнажённый меч и около него по одному пушечному ядру; в середине две серебряные рыбы, под ними сабля, под оною ядро», надпись: «В память 200-летия взятия г. Нарвы» и даты: «1704—1904». Украшали собор и предметы, выполненные самим императором: паникадила и кресты.

Многое из драгоценного убранства собора исчезло после 1917 года.

Во время Великой Отечественной войны могила Петра I была оформлена особо. В 1942 году появилась программа особого убранства захоронений российских военачальников. От их могил воины шли на фронт, и следовало обратить особое внимание на поднятие патриотического настроения в обществе. Архитектор Я.О. Рубанчик сделал проект убранства надгробия Петра I (октябрь—ноябрь 1942). 1945 годом датируется более поздний вариант оформления, созданный К.Л. Иогансенем и В.А. Петровым, в котором уже как данность показаны некоторые детали, появившиеся раньше.

Это, в первую очередь, гипсовая голова Петра I работы М.-А. Колло, созданная ею для Медного всадника, выставленная в

¹⁰ Верёвкин М.С. Краткое описание придворного Петропавловского собора в Петроградской крепости. Пг., 1915. С. 15—16.

Проект убранства могилы Петра I
в Петропавловском соборе.
Арх. Я.О. Рубанчик. 1942.

нише южных дверей собора. Над скульптурным изображением была помещена цитата из легендарной речи Петра I, сказанной им перед Полтавским боем, адаптированная к современным нормам русского языка: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия...». В знаменитом обращении царя к солдатам говорилось о благодетели, блаженстве и благосостоянии, но в то время для страны важнее было просто «жить...».

Сразу стоит оговориться, что знаменитая речь Петра является, по мнению историка Е.В. Анисимова, апокрифом, т.е. мифом, рождённым много позже означенных событий. Он указывает на реальные слова, с которыми царь обращался к своим воинам: в «Журнале или Поденных записках» Петра Великого — их редактировал сам царь — упоминается, что Пётр действительно произнёс речь. Он сказал: «Делайте, братья, так, как я буду делать, и все, с помощью Всевышнего, будет добро. За победою, после трудов, воспоследует покой», т.е. получите отдых¹¹. Но миф о Полтаве был чрезвычайно важен для имперской политики страны, поэтому поддерживался как до, так и после 1917 года. Необыкновенно торжественно праздновалось 200-летие Полтавской баталии при Николае II в 1909 году — поэтому на могиле Петра I появилось несколько медалей, посвящённых этому юбилею. Во время Великой Отечественной войны Полтава также стала программным элементом патриотической политики руководства Советского Союза. Поэтому «речь» Петра была процитирована и у его захоронения.

¹¹ Анисимов Е.В. Миф Полтавы // Forbes, август 2009. URL: <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-08/5504-mif-poltavy> (дата обращения 2 июня 2015).

Могила Петра I.
Фото 1942.

Могила Петра I.
Фото конца 1950-х годов.

На фотографии могилы 1942 года хорошо видно, что многое из подношений прежних времён ещё сохраняется. Мерная икона висит на своём месте на южной стене храма, рядом находится несколько венков, по-прежнему на кронштейне стоит Пьета, а над ней на другом кронштейне укреплена некая реликвия, очевидно, тот самый турецкий флаг, который возложила на надгробие Екатерина II. Следовательно, разговор о полном разграблении собора в начале 1920-х годов не подтверждается документальным свидетельством.

Могила Петра I.
Фото 1980-х годов.

При сравнении этой фотографии со снимком, сделанным в середине 1950-х годов во время реставрации собора после передачи его Государственному музею истории Ленинграда видно, что исчезло всё: ни икон, ни венков рядом с могилой нет, на надгробии заметны следы от крепежа медалей, бюст императора стал, по всей видимости, экспонатом Комендантского дома.

В 1972 году оформление могилы изменилось. Музей готовился к празднованию 300-летия Петра Великого. Рядом с могилой к этому вре-

мени уже был установлен гипсовый бюст императора, являвшийся копией с работы итальянского скульптора К. Альбачини второй половины XVIII века. Но бюст этот уборщицы уронили, он был повреждён, и директор Государственного музея истории Ленинграда Л.Н. Белова попросила ленинградского скульптора Ю.С. Тюкалова поработать над изображением. Скульптор создал своё произведение, оттолкнувшись от работы К. Альбачини, который в свою очередь воодушевлялся прижизненным восковым бюстом Петра I работы Б.-К. Растрелли, сделанным в 1719 году. Тюкалов создал своё произведение в технике гальванопластики из меди. Его работа, установленная в ногах могилы, стала поистине копией копии прижизненного изображения Петра¹².

Могилу императора в 1972 году украсили знамёна: Андреевский морской флаг — основателю российского флота и ротное гвардейское знамя Петровского времени — реформатору и организатору российской армии. Флаги исчезли в самом начале XXI столетия. Тогда же на надгробие Петра были возложены гальванокопии подлинных медалей, украшавших захоронение до революции. В 1981 году хранителем собора Ю.М. Голобоковым к захоронению императора была возвращена Пьета работы венецианского скульптора Джо-

¹² Подробнее о бюсте Петра I работы ск. Ю.С. Тюкалова см. *Логунова М.О.* Бюст Петра Великого в Петропавловском соборе: к истории создания // *История Петербурга.* 2009. № 3 (49). С. 35–40.

ванны Дзордзони (Джорджони, Зарзони), установленная тогда на фанерной тумбе. В 1990-е годы восстановлен кронштейн под Пьету, утраченный в 1950–1960-е годы.

2015 ГОД

Когда исчез с могилы бюст, созданный Ю.С. Тюкаловым, непонятно. В настоящее время могилу Петра I украшает бронзовый бюст, отлитый в 1979 году на заводе «Монументскульптура», как две капли воды похожий на тюкаловский. Пьета на кронштейне сохранена. К медалям, появившимся в 1972 году, добавились ещё две. В настоящее время на надгробии укреплены следующие медали:

1. Медаль к 200-летию взятия г. Нарвы. 1904. Копия 1972 с медали 1904, работа медальера А.А. Грилихеса (Металл; гальванопластика, декоративное покрытие).
2. Медаль в память 100-летия Петербурга. Копия 1972 с медали 1803, работа медальера К.А. Леберехта (Металл; гальванопластика).
3. Медаль в память 200-летия Полтавской битвы. Копия 1972 с медали 1909, работа медальера А.Ф. Васютинского (Металл; гальванопластика).
4. Медаль в память 200-летия Петра I. Копия 1972 с медали 1872, работа медальера Василия Сергеевича Баранова (1810–1885) (Металл; гальванопластика). Медаль без подписи и даты, с профилем Петра в лавровом венке.
5. Медаль в память 200-летия Полтавской битвы (лицевая и оборотная стороны). Копия 1972 с наградной медали 1909 (Металл; гальванопластика).
6. Медаль в память 200-летия Петербурга. Копия 2003 с медали 1903, работа медальера А.Ф. Васютинского (Металл; чеканка).
7. Медаль 300-летия Петербурга. 2003. Медальер С.А. Корнилов. Петербургский монетный двор (Металл; чеканка). В отличие от остальных не копия.

В 2011 году у могилы появился венок от завода Арсенал с надписью «Державному основателю завод “Арсенал” — 1711–2011» (Бронза. Литъё, чеканка, серебрение, золочение. Худ. А.Ю. Вавашкин).

Жизнь продолжается. Личность великого реформатора по-прежнему привлекает внимание не только исследователей, но и огромного числа так называемых простых людей. К могиле Отца Отечества буквально не зарастает народная тропа. Очевидно, коллекция подношений в Петропавловском соборе будет только увеличиваться.

Айдашева Галина Андреевна

(Москва)

*И.о. начальника отдела по просветительской работе
Московского государственного объединённого
художественного историко-архитектурного
и природно-ландшафтного музея-заповедника
(Коломенское – Лефортово – Измайлово – Люблино)*

Из истории памятников Петру I в Москве

Москва — необыкновенный город, обладающий удивительной притягательной силой. На её улицах и площадях, в парках и скверах в любое время года можно встретить гостей со всех концов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Их интересует всё, ведь в Москве столько прекрасных дворцов, архитектурных ансамблей, скульптурных монументов, музеев и иных достопримечательностей, что наверняка потребуется значительное время, чтобы осмотреть всё это. И, конечно же, многие гости приезжают в Москву для того, чтобы посетить исторические места, связанные с жизнью и деятельностью императора Петра I.

Таких мест в Москве немало: это и Коломенское, где, по преданию, в 1682 году родился маленький Петруша; и Измайлово, так горячо любимое Петром в детстве и юности; и берега реки Яузы, где молодой царь Пётр I начинал строительство новой России, а также многие-многие другие.

Старинное и прекрасное Коломенское — парадная летняя резиденция царя Алексея Михайловича — своеобразный «подмосковный Кремль». К 1670-м годам в Коломенском сложился замечательный ансамбль Государева двора, включавший деревянный дворец (названный современниками «восьмым чудом света», «игрушкой, вы-

Коломенское — парадная летняя резиденция
царя Алексея Михайловича.

нутой из ларца»), каменную дворцовую церковь Казанской иконы Божией матери, соединённую с дворцом крытым переходом, многочисленные хозяйственные и служебные постройки. До наших дней сохранились Дворцовые (Передние) ворота — главный въезд на Государев двор, обращённый в сторону церкви Вознесения и Москвы-реки. С севера к Дворцовым воротам примыкают палаты Приказной избы — дворцовой канцелярии, а с юга — Палаты на погребах, иногда называемые Полковничьими.

Царь Алексей Михайлович часто приезжал в свою любимую загородную усадьбу. Здесь он не только отдыхал и охотился, но и принимал иноземных послов, встречался с патриархом и боярами. После смерти Алексея Михайловича значение Коломенского постепенно уменьшилось. Царь Пётр Алексеевич лишь изредка навещался в любимую отцом усадьбу. Вначале эти приезды были связаны с военными потехами, а позже с празднованием одержанных побед. В Коломенском Пётр собирал войска после успешного II Азовского похода и уже отсюда входил в Москву. В декабре 1709 года по царскому приказу шведские военнопленные, взятые в боях под Лесной и Полтавой, вместе с пушками и знамёнами, были специально свезены к Москве и расположены по сёлам и деревням, находящимся в непосредственной близости от Коломенского. Сам Пётр приехал в усадьбу 12 декабря, как всегда деятельно распоряжавшийся всей церемонией торжественного въезда вместе с войском в старую столицу, перед самым её началом получил известие о рождении дочери. Он дал приказ отложить на три дня вступление победителей шведов

Коломенское. Дворец царя Алексея Михайловича (реконструкция).
Фото 2012.

в Москву и начал пир в честь рождения девочки, названной редким тогда именем Елизавет.

Заботясь о сохранности отцовского дворца, Пётр приказал поднять старые хоромы на каменные фундаменты. 14 мая 1724 года, в день Вознесения, император Пётр I в последний раз посетил Коломенское.

В 2012 году рядом с домиком Петра был установлен памятник Петру I работы скульптора Г.В. Франгуляна. Небольшой дворец Петра I был перевезён в Коломенское из Архангельска в 1934 году, где летом 1702 его построили русские и голландские корабельные плотники. В настоящее время домик Петра I — «Государевы светлицы» — единственный в Москве мемориальный музей Петра I.

Фигура Петра I, максимально приближённая к человеческой, стоит на необычном подиуме — бронзовом круге, уподобленном печати, который накрепко «припечатал» памятник к конкретному месту. В статуе, рассчитанной на близкий контакт и круговой обзор, одинаково важно всё: и портрет, и фигура, и ботинок. Этот памятник — точная копия памятника, установленного в рамках фестиваля «Дни Петра Великого» в Нидерландах. Бронзовый Пётр встал на том самом месте, куда когда-то ступил сам император, прибывший в Антверпен для установки торговых связей — недалеко от Кроненбургских ворот, рядом с несохранившимся аббатством Святого Михаила, где он и жил. На этом месте давно уже нет воды, а находится пересечение двух важнейших улиц города и площадь. Любопытный эффект

Коломенское. Домик Петра I — «Государевы светлицы».
Современное фото.

возникает при движении вокруг скульптуры — сколько бы раз вы не обходили фигуру, вам захочется сделать это ещё раз. Причина желания продолжать движение в том, что перед вами не просто бронзовый истукан — фигура динамична. Эффект достигается тем, что у императора одна рука на 20 см длиннее другой, при том, что внешний вид царя совершенно гармоничен. Ещё один интересный факт касается невидимой зрителям части скульптуры. В основе внутренних конструкций Петра — настоящие корабельные ванты. Они закреплены внутри памятника, между бронзовым кольцом в груди Петра и подземными опорами, создавая внутреннее напряжение и придавая монументу дополнительную устойчивость.

Коломенское. Памятник Петру I.
Скульптор Г.В. Франгулян.
Современное фото.

Памятник императрице Елизавете Петровне в г. Балтийске. Скульптор Г.В. Франгулян. Современное фото.

Известный российский скульптор Г.В. Франгулян много и плодотворно работает. Им были созданы монументально-декоративные композиции в Бельгии, Венгрии, Болгарии, многих городах России. В 2003 году на берегу моря в Балтийске был открыт созданный им монументально-архитектурный ансамбль «Елизаветинский форт». Памятник впечатляет не только своей архитектурной и художественной формой. Он словно голос живой истории. По словам Г.В. Франгуляна, «...скульптура Елизаветы Петровны на коне войдёт в историю. Это пока единственный в России памятник, посвящённый императрице». Императрица Елизавета Петровна изображена скульптором такой, как диктуют традиции парадного

портрета: верхом на коне, в платье и в мундире полковника лейб-гвардии Преображенского полка, в парике и маленькой женской треуголке на голове. Символично изображение Елизаветы Петровны, представленной скульптором в пору расцвета своей красоты. Кажется, будто она лично встречает все корабли, идущие в Калининград Балтийским проливом. Властный жест отведённой назад руки как бы показывает, что за её плечами великая Россия.

В Коломенском, рядом с воссозданным деревянным дворцом царя Алексея Михайловича, несколько лет назад была установлена небольшая копия замечательной конной скульптуры императрицы Елизаветы Петровны работы скульптора Г.В. Франгуляна. Интересен тот факт, что памятники великим людям России — Петру I и Елизавете Петровне, — отцу и дочери, — находятся вблизи друг от друга на территории Коломенского, входящего в состав объединённого музея-заповедника.

В Измайлове, в детские и юношеские годы неоднократно и подолгу бывал Пётр I. Однажды, прогуливаясь неподалёку от деревянного дворца царя Фёдора Алексеевича, Пётр I обнаружил на Льянном

дворе старый английский ботик боярина Никиты Ивановича Романова — двоюродного дяди царя Алексея Михайловича. Голландский корабельный мастер Карстен Брандт исправил ботик, поставил на нём мачту и парус, и спустил его на Язу. Здесь шестнадцатилетний Пётр освоил управление лодкой, а затем перевёз её на Просяной пруд в Измайлове. С этого маленького кораблика, прозванного Петром «дедушкой русского флота», начинается славная история российских побед на море.

После смерти в 1696 году царя Ивана Алексеевича Пётр I стал полновластным правителем России. Он стремился как можно реже посещать Москву и свои подмосковные усадьбы. Измайлово стало местом проживания родственников царя по линии брата Ивана: овдовевшей к тому времени царицы Прасковьи Фёдоровны и трёх её дочерей: Екатерины, Анны и Прасковьи. В 1702 году на месте сгоревших царских хором для них был построен новый дворец.

В сентябре 1998 года, к 300-летию создания российского флота, на Измайловском острове был открыт памятник Петру I работы знаменитого скульптора-монументалиста Л.Е. Кербеля. Архитектором монумента стал заслуженный деятель искусств Российской Федерации Г.Г. Лебедев. На торжественной церемонии открытия памятника присутствовали мэр столицы Ю.М. Лужков, первый заместитель главнокомандующего Военно-морского флота России Игорь Касатонов, а также члены Российской академии художеств.

В течение всей жизни морская тема была для Л.Е. Кербеля главной. В 1942 году он ушёл добровольцем на фронт, попал служить на Северный морской флот и на всю жизнь «прикипел» к морякам душой.

Измайлово. Памятник Петру I.
Скульптор Л.Е. Кербель.
Современное фото.

Кербель создал два памятника Петру I: один установлен в Москве, на Измайловском острове, другой, очень похожий — в Калининграде. Над памятником, украсившим Измайлово, скульптор работал около 22 лет. По его собственному признанию, на создание памятника он был вдохновлён фильмом «Пётр I» 1937 года, режиссера Владимира Петрова, с Николаем Симоновым в главной роли. Этот фильм получил в своё время Сталинскую премию и один из главных призов Парижского кинофестиваля.

Лев Ефимович считал скульптуру Петра I одной из лучших своих работ. Памятник изображал Петра I в рабочей одежде, опирающимся на якорь и бухту корабельного каната. Первоначально памятник Петру I работы Кербеля планировалось установить у Третьяковской галереи. В 1995 году моряки Российского флота обратились к главе правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину с письмом, подписанным командующим Военно-Морского флота адмиралом В.Е. Селивановым, о необходимости установить понравившийся им памятник в сентябре 1996 года рядом с Третьяковской галереей. В письме особо подчёркивалось, что в связи с предстоящим юбилеем Российского флота памятник будет иметь особое, общероссийское значение. При благоустройстве территории для установки памятника рядом с Третьяковской галереей был сооружён новый пешеходный мост через водоотводный канал, украшалась набережная Москвы-реки. Однако уже весной 1996 появился проект памятника Петру I скульптора З.К. Церетели, одобренный правительством Москвы. Открытие самого высокого российского памятника Петру I, высотой 98 метров, состоялось в 1997 году. Пожалуй, нет другого памятника Петру I, который вызвал бы столько критики и нареканий со стороны москвичей. В 2010 году активно велась работа по предстоящему демонтажу памятника, но до сих пор он является одной из московских достопримечательностей. Интересно, что сам Л.Е. Кербель высоко оценивал этот проект, несмотря на то, что он конкурировал с его памятником.

Порывистый, стремительный, одухотворённый Пётр, созданный Л.Е. Кербелем, навсегда украсил собою Измайловский остров. Пластическая структура памятника отражает размышления автора о героизме, времени и скоротечности человеческой жизни. Скульптурный объект существует не изолировано, а в связи со стилистическим многообразием современной материально-художественной культуры.

В 2007 году часть Измайловской усадьбы вошла в состав Московского государственного объединённого музея-заповедника. Музейным сотрудникам предстоит большая работа — Передние и Задние

Лефортовский парк («Головинский сад»).
Грот Растрелли у Крестового пруда. Фото 2014.

ворота Государева двора, Чугунная арка, фонтан и Мостовая башня ещё ожидают реставрации. Сегодня Измайловский остров продолжает привлекать внимание гостей своими многочисленными тайнами и легендами, которые ещё предстоит разгадать.

Среди многих московских достопримечательностей Лефортовский парк («Головинский сад»), находящийся на левом берегу реки Яузы, занимает не последнее место. Он хорош в любую погоду — и в душный летний вечер, и в дождливое ненастье, и в ясный морозный день... Есть в этом старинном парке какое-то спокойствие, несуетливость, не свойственные шумной Москве размеренность и упорядоченность. Неслучайно, именно здесь, вдалеке от Кремлевских стен так любил бывать Пётр I. В 2005 году Лефортовский парк («Головинский сад») как неотъемлемая часть дворцово-паркового ансамбля Лефортово вошёл в состав Московского государственного объединённого музея-заповедника.

В начале XVIII века здесь, на левом берегу реки Яузы, располагалась усадьба ближайшего сподвижника Петра I — графа, верховного канцлера, генерал-фельдмаршала и адмирала Фёдора Алексеевича Головина. По его фамилии усадьба долгое время называлась Головинским садом. После покупки её в 1722 году в казну Петром I это название сохранялось вплоть до вступления на престол Анны Иоанновны, при которой московская резиденция стала именоваться на немецкий манер — «Анненгофом», что означало «дом» или «двор» императрицы Анны. В годы царствования императрицы Елизаветы

Лефортовский парк
(«Головинский сад»)
Памятник-бюст Петру I.
Современное фото.

Петровны резиденции было возвращено старое название — Головинский сад. Существующему ныне названию — Лефортовский — парк обязан наименованию местности в районе современной Солдатской улицы.

В 1700–1702 годах Ф.А. Головин пожелал построить для себя усадьбу. Она отвечала новейшим европейским тенденциям в архитектуре и организации парка. Великое посольство 1697–1698 годов, несомненно, способствовало приобщению Ф.А. Головина к передовым европейским идеям и в области паркостроения. Необходимо отметить, что общий замысел усадьбы определялся также вкусами и наклонностями Петра I, которые существенно изменились после его первой поездки в Европу.

Детально усадьба Головина показана на известном офорте Адриана Шхонебека 1704–1706 годов, где в наиболее характерном виде изображены садовые постройки и планировка владения. Известно, что проектированием усадьбы Головина занимался голландец Николаас Бидлоо, придворный врач Петра I.

В 1706 году Головин умер, и его усадьба в дальнейшем была выкуплена в императорскую собственность. В 1721–1722 годах Пётр I планирует возрождение полюбившейся ему Головинской усадьбы.

Вдохнуть новую жизнь в работы, начатые при Головине, император поручает Н. Бидлоо, своему придворному медику. Начав переустройство усадьбы Головина, Бидлоо проектировал новое садовое пространство близ Яузы, руководствуясь рисунками Петра I. В 1723 году императором присылались инструкции относительно работ в строящемся «водном» саду.

Нижние водоёмы должны были стать ядром «водного» сада Петра I в новом Головинском ансамбле. Система нижних каналов и прудов

получала единый уровень воды с Яузой, а планировочная структура Головинского ансамбля должна была присоединиться к структуре Лефортовского (Меншиковского) дворца, находящегося на правом берегу Яузы.

К 1724 году, моменту коронования Екатерины I, Н. Бидлоо возвёл плотину, которая отделила Прямоугольный (Головинский) пруд от Восьмигранного острова. Через плотину вода поступала в нижние каналы и пруды. Полуциркулярный фронтон плотины украсился барельефом, на котором был изображён Пётр I с символами Истины и Мудрости, а по сторонам располагалась галерея подвигов Геркулеса. В центральной нише плотины, на полукруглой белокаменной площадке, была установлена статуя Геркулеса с поверженным и скованным цепями Цербером, из трёх голов которого фонтанировала вода. По бокам Цербера лежали два каменных золочёных сфинкса, из сосцов которых также текла вода.

В 1730-е годы плотина была кардинально перестроена, предположительно архитектором Ф. Растрелли.

Параллельно с плотиной в 1724 году у Крестового пруда Н. Бидлоо был сооружён грот. Его скульптурное убранство прославляло военные победы России. В 1731 году архитектор Ф. Растрелли перестроил грот. Впоследствии грот переделывался дважды: в 1770–1780-е годы в связи со строительством Екатерининского дворца и в первой половине XIX века. В начале 1900-х годов обветшавшее архитектурное оформление грота вновь было изменено.

В 1724 году Головинский ансамбль ещё при жизни Петра I стал крупнейшей дворцовой усадьбой Москвы, своим фасадом обращённой к Яузе и Ново-Немецкой слободе. В число главных построек продолжали входить Головинские палаты, а также вновь устроенный «водный» сад с системой каналов и прудов. Пётр I мечтал когда-нибудь посредством Ладожского канала соединить водную систему Санкт-Петербурга с московской. Смерть Петра I в начале 1725 года не позволила осуществить его планы относительно Головинской усадьбы, а Екатерина I после смерти мужа не проявляла к ней интереса.

В 1805 году в Головинском саду, на берегу Крестового пруда, был построен храм, в память о «месте откровения» Петра I в усадьбе Ф.А. Головина¹. Этот храм стал первым памятником императору Петру I в Москве. Автором проекта являлся архитектор М.Ф. Каза-

¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 150. Л. 1. План и фасад беседки в Слободском саду (в начале XIX в. «Головинский сад» всё чаще называют Слободским. — Г.А.). Внизу подпись: «Оригинальный план принадлежит Казакову».

ков. Место для храма было выбрано не случайно, ведь именно здесь, по преданию, любил отдыхать Пётр I.

До строительства храма на этом месте находилась небольшая каменная площадка со ступенями по обеим сторонам. Сохранилось её описание: «Площадка каменная в небольшом косогоре длиною 5, шириною 3 аршина, с 4 ступенями по сторонам, коих на пьедесталах сидящих каменных же вызолоченных с держащими щитами 2 орла, из коих на одном изображен шифровой вензель Петра I, а на другом орден святого Андрея Первозванного»².

Накануне Отечественной войны 1812 года, была составлена очередная опись Головинского сада, в которой перечислялись и описывались все находящиеся в нём строения и деревья. О храме в ней говорилось следующее: «Храм, сделанной весь из белого камня на 8 колоннах с лепными капителями, равно и карниз внутри онаго то ж лепной работы, внутри купол написан живописной работы мозаик. Над оным карнизом аттик, украшенной лепной работой и посредине онаго сделана с надписью мраморная доска... Купол покрыт чёрным листовым железом и выкрашен чёрной краскою... Внутри онаго пол выслан белой лещадью, перед оным площадка и крыльцо о 4 ступенях выслана чугунными дорожатыми плитами. По сторонам площадки на тумбах сидящих каменных выкрашенных краскою с держащими щитами два орла...»³

Судя по описанию храма, данному в документах, возможно, это была часовня⁴. Несомненно, сама часовня может являться памятником: «В жизни христиан всегда происходили события, за которые хотелось бы поблагодарить Бога. Это могла быть, например, победа в битве или завершение строительства. Одной из самых известных часовен-памятников является часовня «Крест» у Переславля-Залеского. Она построена на том месте, где, по преданию, в 1557 году родился сын Ивана Грозного, будущий царь Фёдор Иоаннович. В Москве известна часовня «Проща» (название происходит от слова «прощаться») Спасо-Андроникова монастыря — это место, где, по преданию, преподобный Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву»⁵. Возможно, поэтому именно

² Там же. Оп. 3. Д. 29522. 1812 г. Л. 68. О сдаче Слободского сада Изгейму.

³ Там же.

⁴ Часовня — небольшая христианская постройка без специального помещения для алтаря. Название «часовня» происходит от слов «час», «часы». «Часами» называются краткие службы, совершающиеся в православной церкви. «Час» в древнерусском языке означало время.

⁵ Петров Н., Анисимов А., Гайдуков Н. Зачем строят часовни? // <http://www.pravmir.ru/zachem-stroyat-chasovni/>. (дата обращения 20.08.2014).

часовня, созданная по проекту архитектора М.Ф. Казакова на «месте отдохновения Петра I», стала первым памятником императору в Москве.

Во время сильнейшего московского урагана 1904 года храм был полностью разрушен, но в том же году восстановлен в виде беседки в классическом стиле. Предположительно за основу проекта беседки был взят вариант, созданный ранее архитектором И.В. Еготовым. Позже в беседке был установлен памятник-бюст Петру I. Автор памятника неизвестен.

В первые годы советской власти в Москве были снесены многие памятники царям и императорам. Не стал исключением и памятник-бюст Петру I в Лефортовском парке. Возможно, мы утратили бы его навсегда, но, к счастью, сохранилась его маленькая фотография размером 3 x 4 см. На ней запечатлён памятник-бюст Петру I, отлитый из металла и установленный на гранитной стеле. На стеле выбито изречение Петра I: «Труды моего Миниха сделали меня здоровым. Я надеюсь некогда ехать вместе с ним водою из Петербурга в Москву и выйти на берег в Головинском саду».

В 1997, готовясь к празднованию 850-летия Москвы, руководство Московского военного округа (МВО), в чьём ведении находился парк (название Лефортовского парка — парк МВО — существовало до 2000 года), решило восстановить утраченную реликвию. Скульптору С.В. Мокроусову-Гульельми было дано поручение воссоздать, по возможности, существовавший ранее памятник.

Степан Владимирович Мокроусов-Гульельми — сын известного московского скульптора, члена-корреспондента Академии художеств, заслуженного художника России, Владимира Петровича Мокроусова. В.П. Мокроусов был одним из первых советских скульпторов, создавших памятники Петру I в Советском Союзе. Среди его произведений наибольшей известностью пользуется скульптурная композиция «Пётр I», созданная специально для города Калининграда в 1983 году. Фигура Петра I, выполненная из тёмной бронзы, была установлена в 1984 году в городском Парке скульптуры, в западной части острова Канта (бывший Кнайпхоф). Этот парк является филиалом Калининградского историко-художественного музея. Не менее известна скульптура Петра I работы В.П. Мокроусова, находящаяся в музее «Ботик Петра Первого» в городе Переславле-Залесском. Скульптура представляет собой фигуру царя в полный рост, опирающегося на руль корабля.

Именно В.П. Мокроусов, человек увлечённый и страстный, «забил» своего сына — скульптора С.В. Мокроусова-Гульельми пет-

ровской темой. Через 20 лет образ Петра I стал ведущим в творчестве молодого скульптора.

За основу скульптурного портрета императора Петра I были взяты его прижизненные изображения: живописный портрет Петра работы Иоганна Купецкого, написанный в Карлсбаде в 1711 году; портрет Петра работы Бенедикта Кофра 1716 года, а также знаменитый портрет Петра Великого работы Карла Моора, написанный в Гааге в 1717 году. Известно, что этот портрет работы К. Моора особенно понравился императору; поэтому, по его личному указанию, он был куплен князем Б. Куракиным и доставлен из Франции в Россию.

Большое внимание в своей работе Мокроусов-Гульельми также уделил скульптурным портретам Петра I, особенно бронзовому бюсту Петра, созданному скульптором Б. Растрелли в 1723–1729 годах. Этот портрет императора Петра Великого — работы Растрелли — уникален по своей портретной достоверности, так как при работе над ним был использован восковой слепок с лица императора 1719 года.

Первый памятник, установленный в 1997 в Лефортовском парке, был из гипса. Позже памятник был отлит из чугуна — прекрасного материала, прочного и надёжного, наиболее подходящего для парковой скульптуры.

Скульптурный портрет Петра I, созданный Мокроусовым-Гульельми, представляет императора в последние годы жизни. Пётр изображён скульптором созидателем, защитником, отцом Отечества. И в этом, несомненно, заключена историческая справедливость. Многие российские искусствоведы считают, что этот скульптурный портрет — один из лучших памятников императору Петру Великому в Москве. Несомненно, он является символом и визитной карточкой Лефортовского парка («Головинского сада»), известного своей удивительной историей.

Болотина Наталья Юрьевна

(Москва)

*Доцент Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
специалист Российского государственного архива древних актов*

Памятники-пирамиды в честь Полтавской баталии и Петра I (первая половина XVIII века)

Традиционно в допетровской Руси в память знаменательных событий возводились храмы, часовни, кресты. С воцарением Петра I европеизация всех сторон жизни России привела к появлению таких западных нововведений как памятники. Корпус их — обелиски, пирамиды, колонны, бюсты, статуи и конные статуи, был выработан ещё древними римлянами, и к началу XVIII столетия активно использовался в Европе. Архитектурная форма пирамид и обелисков для обозначения выдающегося места ведёт своё происхождение из Древнего Египта, она получила необычайно широкое распространение во всём мире. На возвышениях, считавшихся священными, египтяне ставили каменные обелиски — символы солнца.

Первое личное знакомство Петра I с монументальными памятниками состоялось во время Великого посольства 1697—1698 годов. Во время путешествия по Голландии весной 1698 года в Роттердаме юный царь был поражён медной статуей Эразма Роттердамского с книгой, страница которой переворачивалась ровно в полдень¹. В «Юрнале» сохранилась запись за 4 апреля 1698 года о посещении им монумента в Лондоне в память Великого пожара 1666 года, прототи-

¹ См.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697—1698. СПб., 2008. С. 202.

пом которого послужила знаменитая римская колонна Траяна². Как отмечают исследователи Д.Ю. Гузевич и И.Д. Гузевич, Великое посольство «погрузилось в иную архитектурно-пространственную среду»³. Впоследствии многие её элементы, включая монументальные памятники, были привнесены в российское пространство.

Широко известна история о первой попытке Петра I увековечить знаменательную Полтавскую баталию в первые же дни после этого знакового для России события⁴. Находясь 11–13 июля 1709 года в Киеве, царь предписал Монастырскому приказу «в знак и вечное напоминание преславной той виктории на том самом месте, где бой был» возвести по русской традиции мужской Петропавловский монастырь, и уже следуя европейскому образцу — перед ним поставить «пирамиду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, и под ней бой самым добрым художеством. А по сторонам той пирамиды на досках медных учинить подпись с объяснением всех действий от вступления в Украину того короля шведского и с получением сей баталии»⁵.

Возможно, что идея создания мемориала на поле Полтавской битвы родилась у Петра I после произнесения похвального слова префектом Киевской академии Феофаном Прокоповичем. Царь обнаружил в учёном монахе не только симпатии к себе, но и горячую приверженность к своим делам. В «Похвальном слове о баталии Полтавской, сказанном в Санкт-Петербурге в церкви Живоначальных Троицы» 27 июня 1717 года Феофан Прокопович говорил о древней традиции создания различных монументов, в том числе он называлobeliski и пирамиды, в память значимых событий: «Буди нам не в пример древний еллинских и римских и протчих славлюбных людей обычай, которые великим иждивением сооружали столпы, и врата, иobeliski, и пирамиды, и иныя трофеи, или победоносныя знаменья, еже бы в них оставити неумирающую славных дел своих память последним веком»⁶. Феофан Прокопович, будучи ещё воспитанником коллегии св. Афанасия в Риме, обнаружил интерес к ста-

² Там же. С. 600.

³ Там же. С. 218.

⁴ См.: *Маркевич Н.А.* История Малороссии. Т. 4. М., 1842. С. 300–301; *Павленко Н.И.* Пётр Первый // <http://www.studfiles.ru/preview/2622658/page:14>. (дата обращения 29.05.2015); *Максимов В.И.* В честь победителей. Об увековечении памяти героев Полтавы в XVIII–XX веках // Московский журнал. 2009, № 7 // <http://www.mosjour.ru/index.php?id=370>. (дата обращения 29.05.2015) и др.

⁵ ПиБ. Т. 9. Вып. 1. М., 1950. С. 285. В РГАДА в Малороссийских делах сохранился список в другой редакции (см.: Ф. 124. Оп. 1. 1709 г. Д. 48. Л. 1–2).

⁶ РГАДА. Библ. МГА МИД СПК. № 217. С. 3.

ринным и новым памятникам римской архитектуры и живописи. Форма обелисков (столпов) была использована при создании триумфальных ворот в Москве для торжественного въезда Петра I в декабре 1709 года. Это понятие встречается в описании изображений на воротах, возведённых Славяно-греко-латинской академией: «От сего пример и подобие в символях и еблематах приемше пред входом и аки бы пред притвором храма воинския первеишыя добродетели, си есть МУЖЕСТВА, ДВА ОБЕЛИСКИ (сиречь: столпы в славу победителям и чести достойным возставляемы) поставихом...»⁷

Руководство устройством монастыря и возведение памятника в 1709 году на поле Полтавского сражения было поручено Монастырскому приказу на средства от конфискованных имений изменников бывшего полтавского полковника Г.П. Герцика и других. На архивном документе сохранилась помета о том, что указ был послан руководителю Монастырского приказа боярину И.А. Мусину-Пушкину, но в делах Монастырского приказа за 1709–1713 не обнаружено информации об исполнении указа. Своеобразным памятником в честь победы русского оружия при Полтаве стала сооружённая в подмосковном Преображенском дворце специальная пирамида-«арматура», составленная из части шведского трофейного оружия, не поступившего на хранение в Оружейную палату⁸.

Мотив пирамид в древнеримском и новоевропейском искусстве нередко использовался в сооружениях мемориального типа. На наш взгляд, под пирамидой в указе 1709 года подразумевался пьедестал конного памятника. Идея его создания, но теперь уже в новой столице империи — Санкт-Петербурге, не оставляла Петра I. Особый интерес он проявлял к образу конной статуи Марку Аврелию, созданной около 170 года и поставленной в XVI веке на Капитолийской площади в Риме⁹. В 1720 году архитектор Н. Микетти вёл переговоры об изготовлении для Петра I её копии из меди. Рубеж XVII и XVIII веков в Европе был отмечен созданием памятников Людовику XIV (скульптор Ф. Жирардон, открыт в 1699) во Франции, курфюрсту Фридриху Вильгельму I (скульптор А. Шлютер, 1696–1703) в Берлине, изображающих монархов, сидящими в спокойных позах на шагающих вперед лошадях.

⁷ Там же. Библ. Маз. № 6919. С. 5.

⁸ См.: *Болотина Н.Ю., Новосёлов В.Р.* «Взятое в баталии свейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы принимать в полату Оружейную». Документы РГАДА о трофеях, взятых у шведов после Полтавской виктории 27 июня 1709 г. // Исторический архив. 2009, № 3. С. 15.

⁹ См.: *Андросов С.О.* О статуе Петра Великого работы Фальконе // Феномен Петербурга. СПб., 2000. С. 209–219.

Во время посещения Парижа в 1717 году Пётр I мог воочию увидеть монументы французской столицы, что ещё более утвердило его замысел создания своей конной статуи в Петербурге. 30 апреля он посетил площади Парижа, украшенные конными памятниками: Королевскую (ныне площадь Вогезов), в центре которой располагалась статуя Людовика XIII, затем площадь Людовика Великого (ныне Вандомская), украшенную памятником «королю-солнцу» Людовику XIV, а также площадь Побед в квартале Сен-Рок, где находилась ещё одна статуя Людовика XIV, увенчанного лавровым венком. По мнению исследователя С.А. Мезина, особенно Петра I привлекали именно конные монументы, поскольку в это время итальянскому скульптору Б. Растрелли, поступившему на русскую службу, уже была заказана конная статуя царя в память о победах русских войск над шведами¹⁰.

В РГАДА в деле о выезде Растрелли на службу сохранился рисунок, который свидетельствует о предложенной архитектором в феврале 1717 года модели конного памятника¹¹. Пётр I в древнеримских одеждах на спокойно идущем коне изображён на высоком двухъярусном постаменте. Вокруг него по четырём сторонам пьедестала располагались медные фигуры четырёх полоняников, представляющих «нации, которыми Его величество повелевает», оружие вокруг них предполагалось вызолотить. Над царём должна была парить женская фигура, коронуемая его. На широкой части пьедестала («тумбе») «из пёстрого мрамора и все уборы вызолочены» предполагалось поместить барельеф, изображающий Полтавскую баталию. Выше должна была находиться «медаль медная» с изображением, выбранным лично царём, а под ней «подпись на чёрном мраморе золотыми литерами»¹². В проекте Растрелли видно явное влияние конного памятника Фридриху Вильгельму в Берлине работы А. Шлютера¹³. Модель памятника архитектор подготовил ещё при жизни Петра I, однако скульптура была завершена только к 1747 году.

После окончания Северной войны Пётр I вернулся к замыслу увековечивания Полтавской баталии. В решённых делах правительствующего Сената сохранилось «Дело о Полтавской пирамиде» за

¹⁰ См.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003 // [Электронный ресурс] <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-1.html> (дата обращения 29.05.2015).

¹¹ См.: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1715 г. Д. 1. Л. 18.

¹² Там же. Л. 23.

¹³ О работе Растрелли над конным памятником Петру I см.: Нестеров В.В. Львы стерегут город. Л., 1971 // [Электронный ресурс] <http://gigabaza.ru/doc/140230.html> (Дата обращения 29.05.2015).

1722 год, в котором содержатся документы о разработке проекта памятника на поле Полтавской битвы. В решении Сената от 24 октября 1722 года, подписанном А.Д. Меншиковым, Я.В. Брюсом, И.А. Мусиным-Пушкиным, П.П. Шафировым и А.А. Матвеевым, говорится о посылке указов в Военную коллегию, Штатс-контору и киевскому губернатору И.Ю. Трубецкому об исполнении царского повеления «на незабвенную память на полтавских полях, где с швецким войском была баталия, сделать пирамиду каменную с фигурами той баталии»¹⁴. Проектные чертежи памятника-пирамиды, «каким образом оную сделать и с какими фигуры» было поручено

Проект Б.-К. Растрелли конного памятника Петру I. Автограф. 1717, февраль.

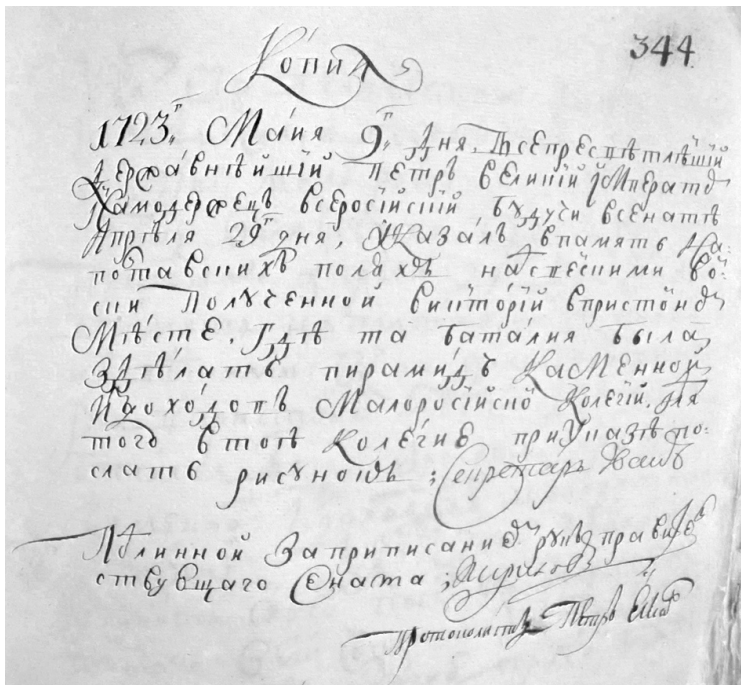
подготовить Военной коллегии. В течение месяца было сделано два чертежа, и 15 ноября 1722 года в Сенат из Военной коллегии поступило доношение, с которым, как следует из пометы на документе, доставили и сами рисунки. Их велено было «принять и написать в реэстр»¹⁵. При просмотре картографических материалов Сената, выделенных в отдельную опись (№ 160), проектных чертежей Полтавской пирамиды обнаружено не было.

Сразу после получения документов в ноябре 1722 года Сенат «слушав сего доношения и смотря выше означенных рисунков» решил поручить Военной коллегии составить и немедленно прислать смету необходимых материалов, а «против которого рисунка строить, о том доложить Его императорскому величеству»¹⁶. На сенатском приговоре имеется помета от 3 декабря 1722 года «отложен до доклада», которая позволяет предположить, что окончательное решение Петра I, только вернувшегося из Персидского похода, было

¹⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 699. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 4.

Именной указ Сената о возведении каменной пирамиды на месте Полтавского боя. Копия. 1723 года апреля 29.

отсрочено¹⁷. Только 29 апреля 1723 года последовал именной указ из Сената о возведении каменной пирамиды на месте Полтавского боя из доходов Малороссийской коллегии, в котором говорится о посылке в Глухов рисунка памятника¹⁸. При просмотре дел Сената по Малороссийской коллегии был обнаружен текст именного указа Петра I¹⁹.

¹⁷ Нами были предприняты поиски документальных материалов во входящих бумагах «Кабинета Петра I» за 1722–1723 гг.; ни в докладах Сената и Военной коллегии, ни в письмах А.Д. Меншикова и генерал-прокурора Сената П.И. Ягужинского никаких упоминаний о Полтавской пирамиде не обнаружено (просмотрены дела: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Д. 60–63).

¹⁸ ПСЗ. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 7 (1723–1727). С. 53. № 4202.

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 1766. Л. 344, 345. Можно предположить, что рисунок сохранился в делах фонда № 53 «Первая Малороссийская коллегия» в Центральном государственном историческом архиве Украины, но согласно ответу на наш запрос документов о памятнике-пирамиде там не обнаружено.

Можно высказать предположение, что на каменной пирамиде планировалось установить доски с изображением главных героев и событий Полтавского сражения по мотивам батальных картин знаменитого художника Л. Каравака, в том числе его произведения «Полтавская баталия» (1718), но документально подтвердить нашу версию можно будет только после обнаружения чертежей памятника-пирамиды, посланных в Малороссийскую коллегию.

Только в работе И.Ф. Павловского приводятся свидетельства о существовании на поле Полтавской баталии в XVIII века памятника в виде большого столба, на котором было вырезано изображение сражения: Пётр I сидел в латах на коне, около него располагались генералы Меншиков, Шереметев, Голицын, а шведские военачальники стояли перед царём и подавали свои мечи, моля о пощаде. Внизу располагались четверостишие:

В сих полях имел сраженье с Карлом Петр.
И Шведов разметал, как прах бурливый ветер
Вселенну устрашил Российской державою
И шел отселе вспять с победой и славою²⁰

Образ пирамиды, как монументального сооружения, был использован при создании фонтана «Пирамида» в Восточной (Монплеэирской) части Нижнего парка Петергофа в честь победы России в Северной войне. Возник он по замыслу самого Петра I и по примеру увиденного им в Версале трёхгранного «Обелиска», но с четырёхгранным основанием.

Термин «пирамида» был использован и при создании проекта памятного знака на Старо-Ладожском канале по распоряжению племянницы Петра I императрицы Анны Иоанновны. 10 октября 1743 года директор Ладожского канала князь Б.Г. Юсупов подал в Сенат доношение о ходе выполнения указа об увековечивании памяти основателя водного транспортного пути, соединившего Волхов и Неву в котором назывались пункты высочайшего повеления: «1. В Шлютербурхе и в Ладогe по концам канала каменные главные шлюзы. 2. При оных же при въезде в канал пирамиды на имя Ея императорского величества и блаженные и вечнодостоинные памяти Его императорского величества Петра Великого»²¹.

В мае 1732 года Анна Иоанновна торжественно открыла канал, лично по примеру дяди-императора разрыла лопатой перемычку —

²⁰ См.: Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и её памятники. Полтава, 1908. С. 217.

²¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 603. Л. 106.

*Дж. Кваренги. Шлиссельбургская крепость.
Вид с правого берега Невы.*

последнюю поперечную стенку в Шлиссельбурге и нарекла канал именем Петра Великого. После начала судоходства выяснилось, что не были учтены местные гидрологические особенности, и возведение шлюзов стало насущной задачей. В августе того же года императрица во время закладки двойного шлюза в Новой Ладоге дала указание генерал-фельдмаршалу графу Б.-Х. Миниху строить каменные шлюзы, а на них установить каменные пирамиды²². Как следует из доношения Юсупова, в Шлиссельбурге памятный знак был построен «в прошлых годах», и можно предположить, что работы по сооружению шлюзов и памятников-пирамид начались после указа от 12 сентября 1732 года о выделении средств «на достройку Ладожского канала и дело каменных шлюзов»²³. Местоположение пирамиды отмечено на ряде планов Ладожского канала, а внешний вид памятника запечатлён на акварелях Уланова «Вид Шлиссельбурга» (1776) и Дж. Кваренги «Шлиссельбургская крепость. Вид с правого берега Невы»²⁴.

Вступив на престол, императрица Елизавета Петровна возвестила о своих планах возвращения к идеям отца-преобразователя. Она не только завершила замысел сестры по установке второго памятника-пирамиды в честь Петра I в Новой Ладоге, но и предприняла ряд шагов по увековечиванию его мемориальных вещей. В доношении Юсупова говорится о постройке в 1743 году по данному им ордеру

²² См.: *Лермонтова М.А.* Староладожский канал. История строительства и архитектура его зданий и сооружений. СПб., 1998. Дис. ... кандидата искусствоведения. С. 22.

²³ ПСЗ. Т. 8 (1728–1732). С. 923. № 6180.

²⁴ См.: *Лермонтова М.Ю.* Указ. соч. С. 53, 56–57; илл. 112, 117, 233.

инженеру бригадиру Н. Людвигу при Ладоге памятной пирамиды, план которой был представлен в Сенат. В материалах Сената сохранился план и фасад пирамиды и флаковой (караульной) будки, установленных на Старо-Ладожском канале²⁵.

На чертеже мы видим памятный знак, на нижней широкой части которого по центру располагается портрет Петра I в профиль и надпись: «Мужу славою Петру Великому Отцу Отечества». По верхнему полю плана находятся изображения досок, которые крепились к трём сторонам каменной пирамиды: 1. Рисунок, изображающий знамёна, пушки и план канала, с надписью «Император показал реке лучший путь»; под ним на русском и латыни «Который между победоносными оружиями о ползе своих народов непостижимым трудом и успехом старался»; 2. Рисунок монограммы Петра I с подписью на русском и латыни «Ради отвращения кораблям и купечеству от близ лежащего озера происходящих напастей»; 3. Аллегорическое изображение древнеримских богов Нептуна и Меркурия и текст — «Сей канал дело праведно великое действ своих несравненных недостойное замышлял и начал лета господня 1718».

Благодаря сохранившемуся чертежу пирамиды и упомянутой акварели мы можем понять, как выглядели эти одни из первых памятников в честь деяний Петра Великого и получить представление о тех идеях, которые вкладывались в понятие памятника в виде пирамиды в первой половине XVIII века. Лично увидеть монумент императрица Елизавета Петровна могла во время своей поездки на Старо-Ладожский канал в июле 1752 года, когда состоялось торжественное открытие канала имени Петра Великого²⁶. Согласно данным искусствоведа М.А. Лермонтовой, пирамиды были деревянными, обтянутыми парусиной и расписанными под мрамор, они возобновлялись до 1820-х годов с сохранением прежних форм²⁷, а при дальнейшей реконструкции шлюзов памятники не сохранились.

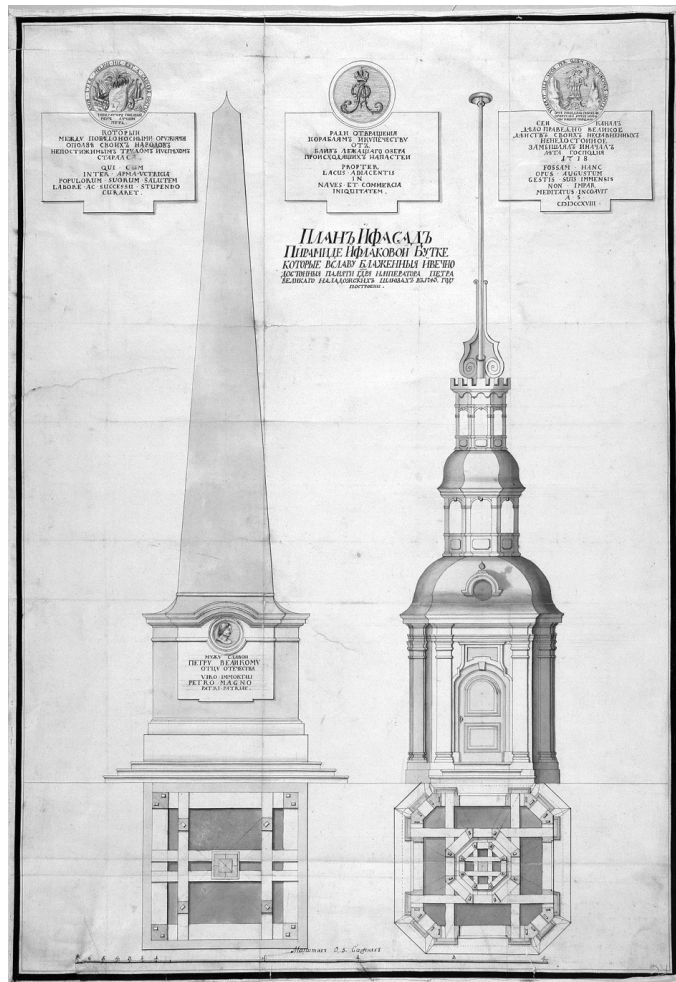
С именем Елизаветы Петровны связано ещё несколько решений по увековечиванию памяти Петра I. В июле 1745 года она отдала устный указ о сохранении царского буера «Фаворитка»: «ежели оной на воде, поднять, а буде за великою ветхостию весьма повредился, то собрать, каков был и поставить на партикулярной верфи в удобное и безопасное место под караул и хранить оной для вечной памяти»²⁸. В расписании работ на 1745 год по Старо-Ладожскому каналу, пред-

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 98.

²⁶ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 18. Л. 284.

²⁷ См.: *Лермонтова М.Ю.* Указ. соч. С. 121.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 591. Л. 318.

План и фасад пирамиды и флаковой будки на Старо-Ладожском канале. 1743.

ставленном инженером Людвигом, говорится об окончании строительства амбара при Дубно для хранения «ботика, на котором блаженные и вечнодостоинные памяти Его императорское величество Петр Великий по каналу высочайше ездить соизволил», здесь же должна была храниться знаменитая лопатка, которой он разрывал перемычку готовой части канала от Ладоги²⁹. Памятный ботик упо-

²⁹ Там же. Д. 603. Л. 923.

минается в записках графа Эрнста Миниха, сына первого строителя Старо-Ладожского канала, который описывал посещение строительства Петром I осенью 1724 года: «Бот плыл по каналу с несказанной быстротой, причем император не мог от радости сдержаться, снимал неоднократно с себя шляпу и махая оною над головою, кричал “Ура!”. Удовольствие его было столь чрезвычайное, что он, стоя в боте, обнимал, целовал и благодарил отца моего за исправное совершение сей работы»³⁰.

Увековечивание памяти Петра Великого началось с первых лет после его кончины, что должно было демонстрировать преемственность вступавших на престол монархов к идеям реформатора и создателя Российской империи, а также способствовать его прославлению. В результате проведённого исследования документально доказанным можно считать установку памятных пирамид в честь Петра I на Старо-Ладожском канале в 1732 и 1743 годах и говорить о том, что это были первые в России памятники в честь царя-преобразователя. Замыслы Петра I по созданию храма и памятника на месте погребения русских воинов (Шведская могила) на поле Полтавской баталии были реализованы только в XIX столетии, при этом активно использовалась форма пирамиды. Традиция установки памятных знаков при строительстве каналов, введённая Анной Иоанновной и продолженная Елизаветой Петровной на Старо-Ладожском канале, получила своё развитие в XIX веке при строительстве Онежского и Ново-Ладожского каналов.

³⁰ *Миних Э.* Записки // Перевороты и войны. М., 1997. С. 327. Путешественник А.Г. Слезкинский в путевых заметках, опубликованных в 1896 г. упоминал стоящие на берегу Невы около паровой пристани в Новой Ладогe два судна, на которых Пётр I и Александр II открывали обводные каналы, а также мемориальную лопату императора (Русское судоходство торговое и промышленное на реках, озёрах и морях. [СПб.], 1896. Январь, № 166).

Иванюк Сергей Александрович
(Волгоград)
*Заместитель заведующего отделом
Государственного историко-мемориального
музея-заповедника «Сталинградская битва»*

Монумент Славы — главный памятник в честь Полтавской победы 27 июня 1709 года

Наиболее ярким военно-историческим событием периода правления Петра Великого по праву считается Полтавская битва, которая свершилась 27 июня 1709 года между русской армией и шведскими войсками короля Карла XII у небольшого малороссийского городка Полтава. Именно здесь в ознаменование победы русского оружия по проекту известного архитектора Жана Франсуа Тома де Тона был воздвигнут самый величественный памятник в честь этого события — монумент Славы. По праву он же считается главным символом и визитной карточкой украинского города Полтава.

Закладка монумента была произведена 27 июня 1804 года, а открытие состоялось лишь через семь лет, хотя основные строительные работы завершили в 1809 году, к 100-летию Полтавской победы. Известный русский поэт Василий Капнист написал стихотворение, посвящённое открытию монумента, начинающееся словами:

«Красуйся, торжествуй Полтава,
И лавр обвей вокруг чела,
Твоя днесь обновилась слава,
Как юность древнего орла»¹

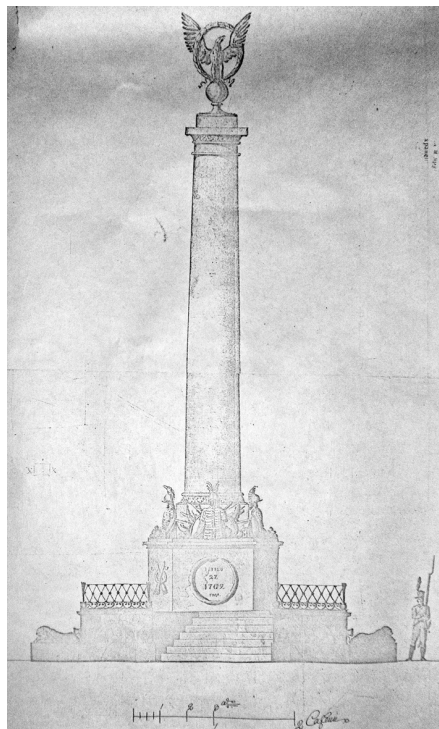
¹ *Бучневич В.Е.* Записки о Полтаве и её памятниках. Полтава, 1902. С. 165.

В Полтаве 27 июня, в день открытия монумента Славы, был произведён артиллерийский салют, устроен праздничный фейерверк и иллюминированы городские здания у центральной Александровской площади.

Хотелось бы отметить, что первоначальным местом для установки монумента Славы была выбрана торговая площадь Полтавы, но против такого решения с критикой выступал Малороссийский генерал-губернатор А.Б. Куракин. В частности, 27 мая 1805 года он писал Министру внутренних дел, что «сей памятник, хотя и был предназначен к построению на торговой площади гостиного двора, но по великолепию монумента <...> приличное сооружение его на главной городской круглой площади»².

В память 100-летия Полтавского сражения и открытия монумента Славы была выбита медаль, на лицевой стороне которой портретное изображение Петра I в профиль, увенчанного лавровым венком, и надпись: «В царствование Александр I победителю при Полтаве». На оборотной стороне медали изображение монумента Славы и надпись: «Полтавской победе 27 июня 1709 года. Воздвигнут 1809 года»³.

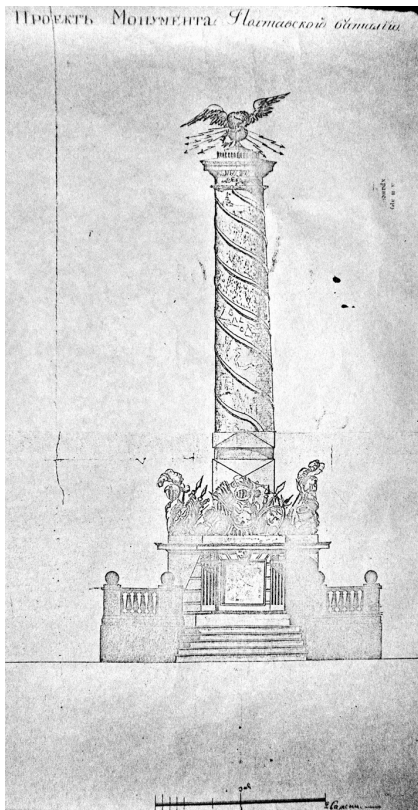
Два первых проекта монумента Славы разработал первый полтавский губернский архитектор Михаил Амвросимов, прибывший в Полтаву в 1803 году из Петербурга, где служил архитектором школы земледелия. По первому проекту монумент в своей основной части должен был представлять триумфальную колонну, установленную

Первый проект монумента Славы
М. Амвросимова.

² РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 1. 1805 г. Д. 154. Л. 1.

³ Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и её памятники. Харьков, 2009. С. 203–204.

Первый проект монумента Славы
М. Амвросимова.

на пьедестале и украшенную барельефами из алебастра с изображением батальных сцен. У подножья колонны планировалось поместить изображения различных военных трофеев, а на капители установить скульптуру орла с распростёртыми крыльями. Второй проект, сохранивший многие композиционные элементы предыдущего, исключал алебастровые украшения как недолговечные. Его новым элементом были изображения свернувшейся кольцом змеи с зажатым в пасти хвостом, внутри кольца имелась дата Полтавского сражения⁴.

Но, вместо разработок М. Амвросимова в Петербурге был утверждён новый проект, составленный профессором Академии художеств Ж.Ф. Тома де Томоном, в котором был сохранён основной художественный замысел, предложенный ранее М. Амвросимовым, но, вместе с тем, внесены и существенные дополнения. Предус-

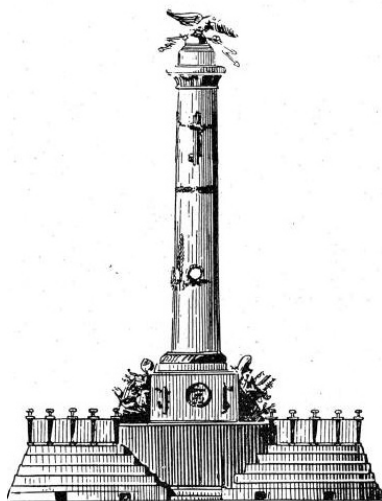
матривалось украсить пьедестал и колонну бронзовыми горельефами с изображением оружия и триумфальных венков. В таком образе более точно определялась композиция монумента, его цельность и совершенство. О главной идее монумента Ж.Ф. Тома де Томон писал: «Так как эта колонна является триумфальным памятником, воздвигнутым в честь Петра Великого, в ознаменование весьма славного и великого события <...> я поставил своей задачей придать всей этой композиции оригинальный и, так сказать, личный

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 8. Д. 1455, 1053, 603; Ф. 1488. Оп. 3. Д. 622; *Вайнгорт Л. С.* Монумент Славы в Полтаве. Киев: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре УССР, 1959. Иллюстрации.

характер её героя и его триумфа. Здесь использован дух простых, но чётких аллегорий»⁵.

Ж.Ф. Тома де Томон как знаток и почитатель античной архитектуры, удачно применил её принципы в монументе Славы, гармонично сочетая их, по примеру выдающихся зодчих России, с передовыми традициями русской архитектурной школы. Подчёркивая значимость античного искусства для культуры последующих эпох, академик И.Э. Грабарь писал: «Чтобы уяснить себе настроения русских зодчих начала XIX столетия и понять их идеалы, необходимо оглянуться назад, на долгий путь, ведущий от эпохи возрождения <...> Тяготение к классицизму — к формам античного мира — не прерывалось с того самого момента, когда впервые проснулось сознание потрясающего величия древней культуры»⁶.

Хочется отметить, что император Александр I при утверждении плана памятника посчитал необходимым принять участие в создании монумента Славы. Данное решение было высказано в письме на имя А.Б. Куракина, в котором, в частности, говорилось: «Спешествуя сему благому намерению <...> и желая быть участником в сооружении памятника <...> поручаю вам <...> приступить к устройению его (памятника. — *С.И.*) на месте, за исключением бронзовых украшений, к нему принадлежащих, кои особенно здесь будут сделаны и доставлены к своему назначению»⁷. В связи с этим в создании монумента принимали участие и другие выдающиеся мастера монументального зодчества России. На заседании совета Академии художеств в феврале 1806 года было принято решение, что работы по монументу не должны уступать по своему качеству произведениям искусства для строившегося в то же время в Петербурге Казанского

Проект монумента Славы
Ж.Ф. Тома де Томона.

⁵ Сборник планов и фасадов главных памятников, выстроенных в Санкт-Петербурге и в различных провинциях Российской империи Тома де Томоном. СПб., 1806. С. 22–23.

⁶ Грабарь И.Э. О русской архитектуре. М., 1969. С. 285.

⁷ Павловский И.Ф. Полтава в начале XIX века // Киевская старина. № 7–8. 1902 г. С. 158.

собора. Для повышения художественной ценности монумента Славы и украшающих его скульптур «почиталось нужным, дабы работа сия была выполнена искусным мастером академиком Федосом Ф. Щедриным, а господа ректор Гордеев и адъюнкт-ректор Мартос с обыкновенным их усердием к пользе и чести Академии взяли на себя труд содействовать и надзирать за совершением сей работы»⁸.

Удачным решениям мастеров предшествовала трудоёмкая работа. Необходимо было найти наиболее приемлемые формы и размеры, изготовить восковые макеты, произвести моделирование конструкций в натуральную величину и затем уже приступить к художественному литью и чеканке.

Так, для постройки монумента требовался гранит высокого качества. Он был найден в каменоломнях на Полтавщине: возле местечка Переволочной Кобелякского уезда, Келеберды Кременчугского уезда и Черестянки Константиноградского уезда⁹. Ломкой и шлифовкой камня занимались тридцать каменотёсов под руководством нанятых в Москве трёх мастеров, т.к. найти на месте пригодных к этому делу рабочих не удалось. В целом, на сооружение монумента было израсходовано 156 000 руб., собранных из сумм городских доходов, добровольных пожертвований, займов и прочих поступлений в казну. Из них около 21 000 руб. пошло на изготовление скульптурных украшений из бронзы¹⁰.

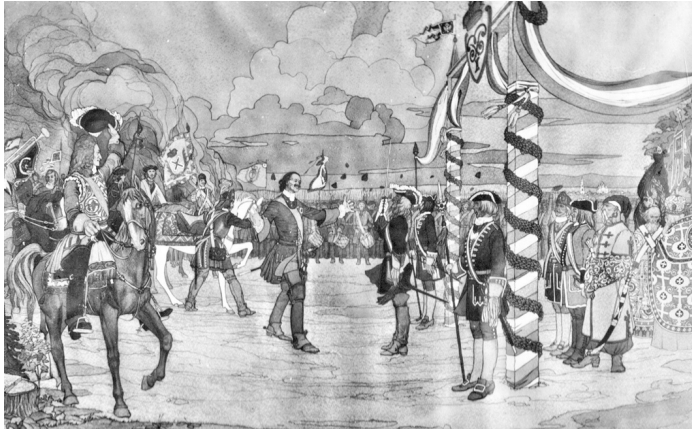
В древности монументы, сооружавшиеся в память победоносных сражений, именовались «трофеями». Древние греки воздвигали такие памятники из захваченных в битвах неприятельских доспехов и оружия в тех местах, где поверженный противник был обращён в бегство. На некоторых из монет Древней Греции и Рима встречаются изображения таких «трофеев» — древесного ствола с перекладиной и прикрепленных к ней предметов вооружения.

Для расположения монумента Славы был выбран бывший крепостной форштадт — предместье города, т.к. после поражения в битве остатки разбитой армии Карла XII бежали к Днепру мимо города по старой Кобелякской дороге, проходившей в этом районе. Здесь же в

⁸ РГИА. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 19 (Журналы заседаний и определения совета, правления, собраний и хозяйственного комитета; классные книги; списки учащихся и пенсионеров; классные журналы и дневники, экзаменационные списки, перечни тем для эскизов в разных классах). Д. 34. Л. 12.

⁹ Павловский И.Ф. Полтава в начале XIX века. С. 157.

¹⁰ ПСЗ. Т. 1—45. СПб., 1830. Т. 28 (1804—1805). № 21448. С. 509; Онищенко Н.Е. Творчество мастеров русского монументального искусства в Полтаве в начале XIX в. // Зодчество Украины: сборник / Под ред. М.П. Цапенко и др. Киев, 1954. С. 227.

Торжественная встреча Петра I
с гарнизоном героической Полтавы. Художник Е. Путря.

первой половине XIX века образовался новый центр города с прекрасным архитектурным ансамблем Александровской площади, созданный в лучших традициях отечественного градостроительства того времени, здания-дворцы которого сохранились до наших дней, а композиция площади напоминает «Петербург в миниатюре»¹¹.

Ещё одно памятное событие повлияло на выбор места для монумента Славы. По преданию, 28 июня 1709 года, на следующий день после битвы, здесь у временной триумфальной арки, увитой цветами и зеленью, комендант полтавской крепости А.С. Келен, гарнизон и жители города торжественно встречали Петра I, которого сопровождал генералитет русской армии и гренадерская рота гвардейцев¹².

Монумент Славы был построен в виде триумфальной колонны, высотой 10,35 м, диаметром в нижней части 1,84 м, а в верхней — 1,30 м. Она установлена на квадратном основании тёмно-серого гранита, поставленного, в свою очередь, на пьедестал монумента из светло-серого гранита размером 12 кв. метров.

Стоит отметить, что конфигурация основания монумента была выбрана не случайно. По своим характерным особенностям она напоминает фортификационное сооружение — редут, которое было успешно использовано в Полтавской битве. Такая форма основания символизировала тот неоценимый вклад, сделанный русскими инженерами в победу над шведской армией. Недаром в нижней части

¹¹ *Гладыш К.В.* Архитектура и памятники Полтавщины. Харьков, 1982. С. 13.

¹² *Бучневич В.Е.* Указ. соч. С. 160.

пьедестала, по аналогии с редутом, установлено 18 тяжёлых пушек: 10 с полтавских крепостных бастионов, а 8 трофейных шведских из Переволочной, где капитулировали остатки армии Карла XII.

Стоит отметить, что среди архивных документов Полтавского губернского правления за 1806 год имеется описание 17 пушек, находившихся в Переволочной, из числа которых 9 было вывезено в Полтаву: «13 пушек 18 ф., мера 3 арш. 14 вершков, ширины от “заряду” 9, а от “запалу” — 13 вершков; 3 пушки 12 фунт., длиной 3 ¹/₂, шириною от “заряду” 7, а от “запалу” — 10 вершков и 1 пушка — 11 фунт., мерою длины 3 аршина 10 вершков, ширины от “заряду” 8, а от “запалу” — 10 вершков. Сколько в них <...> весу, то по неимению знаков, неизвестно»¹³. Для полтавского монумента пушки были отобраны из числа 13-ти фунтовых, т.к. все трофейные пушки в памятнике Славы одинаковой величины. Примечательно, что их было отобрано 9, а не 8. Где было использовано ещё одно орудие — неизвестно.

По внешнему краю верхней площадки пьедестала монумента Славы установлена декоративная решётка, изображающая мечи греческого типа, опущенные остриём вниз, как символ отдыха и спокойствия после битвы.

Напоминающая орудийный ствол колонна монумента отлита из четырёх чугунных цилиндров на Луганском чугуно-плавильном заводе под руководством инженера Москвина¹⁴. Соединение между ними скрыто тремя декоративными бронзовыми обручами, изображающими венки из лавровых, пальмовых и дубовых листьев. Между ними бронзовая арматура — ветви пальмы и «ликторские пучки» (связки прутьев с секирами, атрибут должностных лиц в Древнем Риме — ликторов). В античные времена при триумфальном шествии полководцев-победителей воины несли «ликторские пучки» — фасции, украшенные цветами.

Ж.Ф. Тома де Томон сообщал об этой композиции следующее: «Колонна сделана из литого железа, из четырёх кусков, и, чтобы скрыть скрепы, каждый шов покрыт венком: первый шов покрыт венком из лавров и пальмовых веток, второй только из лавров, а третий из дубовых листьев. Промежуток между венками занят связками (пучками) оружия»¹⁵.

¹³ Государственный архив Полтавской области. Ф. 80. Полтавское Губернское правление. Оп. 4. 1806 г. Д. 118. Л. 146.

¹⁴ *Заика А.Н., Ерисов А.Т.* Памятники Полтавского сражения (г. Полтава) // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения: сборник статей. М., 1959. С. 397.

¹⁵ Сборник планов и фасадов главных памятников... С. 22.

Колонну монумента венчает капитель из бронзовых листьев пальмы. На ней — полусфера в виде ядра, выходящего из артиллерийского ствола. На полусфере бронзовая, покрытая позолотой фигура одноглавого орла с распростёртыми крыльями, как бы взлетающего в сторону поля Полтавского сражения. Высота этой скульптуры 2,11 м, а размах крыльев около 3 м. В клюве птицы лавровый венок для русских воинов-победителей и стрелы («перуны») в виде молний в когтях для неприятеля.

На полусфере под орлом — покрытое позолотой изображение рака. Его расположение связано с тем, что знак зодиака «рак» соответствовал июню, а на монументе Славы он символизирует месяц, в котором произошло знаменитое сражение. Такое же изображение рака есть и на одном из барельефов, воссоздающих картину Полтавской битвы 27 июня 1709 года, на памятнике Петру I у Инженерного замка, изготовленного Б. Растрелли.

Особую художественную ценность представляют бронзовые горельефы с изображением военных трофеев, установленные на противоположных гранях квадратного основания колонны, с северо-восточной и юго-западной сторон монумента. Они усиливают идейно-тематическое содержание монумента и его триумфальные черты. По мнению Ж.Ф. Тома де Томона они выполнены «в греческом вкусе»¹⁶. В центре каждой из двух композиций с трофеями помещены бронзовые торсы воинов-атлетов. Среди них знамёна и штандарты, рыцарские доспехи, древнегреческие шлемы, украшенные изображениями львов, сфинксов и грифонов, щиты, фанфары, а также старинное оружие — мечи, копья, боевые палицы и топоры, лук, колчаны со стрелами и алебарды. Здесь же изображены различные птицы и звери, центральное место среди которых занимает поверженный лев.

В работах русских художников, гравёров, медальеров и скульпторов, создававших свои работы в честь Полтавской победы, поверженный лев символизировал поражение Швеции, в гербе которой и сейчас традиционно присутствует изображение львов. Зодчие XVIII—XIX веков нередко пользовались как аллегорией поражения Швеции известным сюжетом античной мифологии — победой героя Геракла над немейским львом¹⁷. Такая же аллегория использована и в монументе Славы¹⁸.

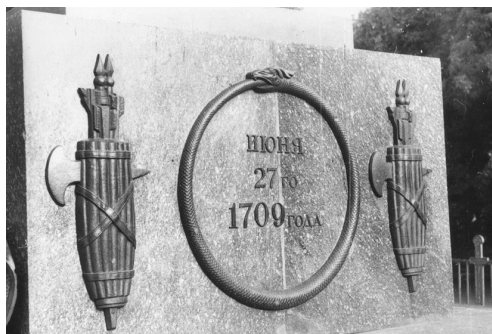
¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957. С. 141, 151, 154–155, 159.

¹⁸ Иवानюк Я.Г. Героям Полтавы // Памятники Украины. № 3 (61). Киев, 1984. С. 61–62.

Изображение рака на полусфере монумента Славы.

Изображение змеи на одной из граней основания монумента Славы.

На двух других гранях четырёхугольного основания монумента, с юго-восточной и северо-западной сторон, расположены барельефы с изображением колчанов со стрелами и свёрнутых в кольца змей с зажатым в пасти хвостом. Внутри колец сделаны надписи — с юго-восточной стороны монумента: «июня 27 1709 года» и северо-западной: «окончен в 1809 году». В старинной символике изображение змеи имело немало значений, но в таком виде как на монументе Славы свернутая в кольцо змея, с зажатым в пасти хвостом, символизировала вечность. Зодчие могли обратиться к такому символу, чтобы сказать о вечной памяти славному событию и о том, что монументу стоять в веках.

Создание монумента Славы в Полтаве положило начало сооружению в стране других памятников, посвящённых знаменательным событиям. Среди них — Александрийская колонна в память Отечественной войны 1812 года, установленная на Дворцовой площади Петербурга в 1829 году по проекту архитектора О. Монферрана.

В 1830-х годах центральную площадь вокруг монумента Славы засадили тополями, а в 1880 разбили парк. Постепенно он превратился в круглый сад с кольцевой магистралью и радиальными аллеями, сквозь которые раскрывался вид на монумент¹⁹. В последующие годы у монумента Славы происходили празднования юбилеев Полтавского сражения.

¹⁹ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1985. С. 278.

Корпусный сад и памятник Славы в Полтаве.
Фото начала XX века.

Бурные события начала XX века не обошли стороной и Полтаву. В период Гражданской войны на юге России город неоднократно переходил из рук в руки и становился опорной базой одной из противоборствующих сторон. Свои впечатления об увиденном летом 1919 года монументе Славы сообщал в своих мемуарных записках участник белого движения С.И. Мамонтов. В частности, он писал: «Я пошёл посмотреть Полтаву. Попал на площадь. Одноэтажные дома, посреди немощеной площади памятник. На площади бродят свиньи и гуси. Впечатление глубокой провинции»²⁰. Позднее, в период правления Советской власти, Полтава бурно развивалась, уделялось внимание и охране памятников истории и культуры, среди которых видное место занимал монумент Славы.

Следующие испытания выпали на долю исторических памятников Полтавы в период Великой Отечественной войны. Во время гитлеровской оккупации ряд скульптурных композиций и архитектурных памятников города был разрушен. В частности, было сожжено великолепное здание Краеведческого музея, с памятником полтавчанам, защищавшим город летом 1709 года, демонтирована и вывезена в Германию бронзовая скульптура льва, у памятника украинскому поэту Т.Г. Шевченко отстрелян нос. В этих трагичных для культурного наследия условиях и монументу Славы не удалось избежать частичных разрушений, с памятника исчезли бронзовые украшения, а гранитные части памятника деформировались²¹.

²⁰ Мамонтов С.И. Походы и кони (Записки поручика). М., 2007. С. 225.

²¹ Заика А.Н., Ерисов А.Т. Указ. соч. С. 398.

Бойцы 84-й стрелковой дивизии с красным флагом у монумента Славы в Полтаве. Сентябрь 1943 года.

Символично, что 23 сентября 1943 года передовая группа разведчиков из состава 84-й стрелковой дивизии, воевавшей под Сталинградом²², а теперь освобождавшей Полтаву, установила импровизированное красное знамя именно на монументе Славы, став достойными преемниками русских воинов, храбро сражавшихся в Полтавской битве 27 июня 1709 года против войск Карла XII.

После войны в 1953 году монумент Славы прошёл полную реставрацию²³. Были осуществлены перекладка, тёска, шлифовка и замена повреждённых плит и гранитных блоков основания монумента. Уложены новые плиты у пьедестала и на верхней площадке, заменены все ступени, произведена сплошная чеканка бронзовых горельефов и изготовлены утерянные бронзовые детали²⁴.

В настоящее время монумент Славы по праву пользуется большой известностью. Причём не только на Украине, но и во многих странах мира. Поэтому неудивительно, что он уже давно стал символом города Полтавы.

Начало XXI века стало новым испытанием для памятников истории расположенных на территории Украины, в том числе и связанных с победой русской армии в Полтавской битве в июне 1709 года. В наши дни изменение геополитического вектора заставляет опасаться за судьбу и сохранность исторической памяти. Особенно остро это ощущается после радикальных заявлений, которые делают наделённые властью чиновники.

²² Сталинградская группа войск. Февраль—май 1943 г.: документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 237–238.

²³ Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. С. 278.

²⁴ *Вайнгорт Л.С.* Указ. соч. С. 15–16.

Современный вид монумента Славы.

В частности, в феврале 2015 председатель Полтавского облсовета высказал предложение снять с верхушки монумента Славы орла и установить на его место трезубец, аргументируя это как избавление от имперских символов российского государства²⁵. В данной обстановке оставляет надежду на лучшее тот факт, что широкие круги общественности города выступили против разрушения целостности монумента Славы и встали на защиту символа Полтавы.

Полтавская битва вошла в мировую историю как символ могущества русского народа, его сплочённости и умения побеждать опасного и сильного противника. Именно это событие стало не только поворотным моментом во всей Северной войне, но и дало основной толчок для геополитического прорыва России. Памятники такого масштаба, как монумент Славы в Полтаве представляют особую ценность и требуют пристального внимания со стороны современных историков и культурологов. Данное утверждение становится наиболее актуальным в свете последних событий на сопредельных с Россией территориях, когда в угоду чьих-то политических амбиций могут быть уничтожены памятники культуры, а в сознании молодого поколения стираются следы героического прошлого русской армии.

²⁵ Председатель Полтавского облсовета Пётр Ворона хочет заменить орла с лавровым венком на золотой трезубец // Интернет-видания «Полтавщина». URL: <http://poltava.to/news/32343/> (дата обращения: 13 февраля 2015).

Андреев Артём Алексеевич
(Санкт-Петербург)
*Младший научный сотрудник
отдела «Дворец Меншикова»
Государственного Эрмитажа*

«Красноводский отряд сподвижникам Петра I». История и современное состояние монумента и братской могилы

Осенью 2017 года исполнится триста лет со дня трагической даты гибели князя Александра Черкасского¹ и его отряда под Хивою. Тайна и неизвестность вокруг многих обстоятельств, связанных с гибелью экспедиции, а это была уже третья экспедиция в рамках всей миссии знаменитого сподвижника Петра, породили огромное количество мифов, нашедших уже своё отражение в отечественной историографии. Очевидно, что накануне юбилея существует объективная необходимость детального изучения биографии князя и аспектов, связанных с его экспедиционной деятельностью на Каспийском море, которое позволит избавиться от значительного количества накопленных в историографии мифов. Большую помощь в этом может оказать не только анализ документальных источников, но и изучение того минимума материального наследия, оставшегося нам от кабардинского князя, путешественника и навигатора. К сожалению,

¹ Автор намеренно не ставит дефис перед фамилией Черкасский. Бекович стало частью фамилии впоследствии. Согласно документам начала XVIII века, подписанным лично князем, он подписывался как Александр Черкасский. Бекович, таким образом, как мы предполагаем, было его отчество, ставшее впоследствии частью фамилии.

таковых объектов материального наследия дошло до нас крайне мало. В их число входят храм Преображения Господня в селе Юдино Одиновского района и остатки укреплений, созданных им на побережье Каспийского моря в период второй экспедиции в 1715 году.

Цель данной статьи рассмотреть историю памятника, поставленного во второй половине XIX века на месте второй крепости в местечке Кызыл су, недалеко от города Туркменбаши (Красноводск). Увы, точное местонахождение первой крепости, построенной князем Черкасским в местечке Тюб-Караган (ныне г. Форт Шевченко, Республика Казахстан) трудно определить. При личном общении с местными археологами, во время экспедиции, во главе с профессором Е.А. Резваном в сентябре 2015 года, нам не удалось обнаружить информации ни о находках предметов датируемых началом XVIII века, ни остатков укреплений. Вполне вероятно, что информация об остатках петровских укреплений может содержаться в документах, связанных со строительством укрепления Новопетровского, строившегося во второй половине XIX века, недалеко от местечка Тюб-Карагань.

Было бы ошибкой рассматривать историю крепости Красноводская отдельно от всей миссии князя Черкасского, как по причине дефицита документальных источников по ней, так и из-за масштаба личности этого сподвижника Петра Великого. Личности, которая сразу же, фактически после гибели стала привлекать огромное внимание, как у современников, так и затем у историков, что привело к появлению большого количества мифов в историографии, сохраняющихся и по сей день.

Отечественная и зарубежная историография экспедиции Александра Бековича Черкасского представлена значительным количеством исследований, которые мы можем разделить на несколько условных групп. Причём главным критерием будет предмет фокусировки внимания историков. В первую такую условную группу входят российские и зарубежные работы посвящённые ключевым аспектам внешней политики Петра Первого на Северном Кавказе и в Средней Азии². В них фигура князя не обойдена вниманием, но, как правило,

² *Аннанесов М., Росляков А.А.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1981; *Боднарский М.С.* Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. Т. 1. С. 105; *Бэр К.М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. Т. 4. СПб., 1850. С. 267; *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего. СПб., 1877; *Он же.* Приём в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях /

здесь мало информации об укреплениях на Каспийском море. Во второй условной группе будут труды отечественных историков, сосредоточивших внимание на самой экспедиции Александра Бековича Черкасского, причинах её снаряжения Петром Великим, процессе её организации, составе, деталях обеспечения и этапах реализации³. Эпизоды, связанные со строительством укреплений, здесь освещены шире, нежели в предыдущей условной группе, но и здесь они не являются приоритетными. Сравнительный анализ документальных источников, как правило, в работах данной условной группы не проводился, особое внимание сосредоточено было на причинах гибели отряда. Третью группу, в которой представлено самое минимальное количество работ, представляют отечественные исследования, посвящённые наследию князя, его вкладу в историю России⁴.

Несмотря на относительную комплексность, целый ряд важных аспектов, связанных именно с двумя крепостями, остались без внимания, возможно в силу труднодоступности документальных источников.

Задачей данной статьи помимо публикации изображения одного из укреплений, составленного вероятно самим князем, является привлечение внимания общественности к проблеме уникального памятника петровской эпохи — монумента «сподвижникам Петра», построенного на каспийском побережье. Захоронение — общая могила, датируется началом XVIII века, сам мемориал был создан в 1872

Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1884. № 7. С. 158; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие // Труды общества российских ориенталистов. СПб., 1915. № 2; Костенко Л. Исторический очерк распространения русского владычества // Военный сборник. Т. CLXXVI. СПб., 1887. С. 221; Лебедев Д.М. География России Петровского времени. М., 1950. С. 108; Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 9. С. 237–424; Allworth Edward A. The Modern Uzbeks: from the 14 Century to the Present. A Cultural History. Hoover press publication, 1990. P. 88; Burton A. The Bukharans: a Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702. London, 1997. P. 437; Lansdell H. Russian Central Asia: Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 2. Sampson Low, 1875. P. 275.

³ В 1891 году в Санкт-Петербурге была опубликована библиографическая монография И.Г. Безгина «Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву». В ней содержится историографический обзор литературы по миссии Черкасского в XVIII–XIX веках и практически все эти работы можно включить во вторую нашу условную группу.

⁴ Вилинбахов В.Б. Александр Черкасский — сподвижник Петра. Нальчик, 1966; Княжецкая Е.А. Судьба одной карты (о географе А. Бековиче-Черкасском) М., 1964; Опрышко О.Л. Через века и судьбы. Нальчик, 1982.

году, и потому он сам по себе единственный памятник петровским солдатам и условно А. Черкасскому в Средней Азии.

Поскольку, как уже было заявлено выше, проводились комплексные исследования, где достаточно подробно изучалась биография князя, мы на её эпизодах подробно останавливаться не будем.

Итак, перейдём, собственно к истории Красноводской крепости и её гарнизону. Можно обозначить здесь две ключевые временные точки. Первая — прибытие в Россию представителя туркмен, кочевавших по побережью полуострова Мангышлак (ныне Мангистау). Вторая — 1716 год — время строительства укреплений, в рамках реализации замысла Петра Великого, в период уже второй экспедиции князя Черкасского на Каспийское море.

Начнём с первой временной точки. В 1713 году в Астрахань прибывает Ходжа Нефес (в туркменской историографии он упоминается как Ходжанепес). В Астрахани он и озвучил впервые знаменитую идею поворота реки Амударья к Каспию. Причины его инициативы по сей день носят дискуссионный характер. Вероятно, это попытка туркмен Мангышлака выйти из-под влияния Хивинского ханства. Являясь наименее боеспособными в конгломерате туркменских племён, туркмены Мангышлака сделали ставку на переход в подданство к России, что обеспечило бы им защиту. При этом между самими племенами и родами туркмен отношения «были совершенно далёкими от всякой приязни», и по отношению к другим народам прослеживалось то же самое⁵. У туркмен получивших по названию своего обитания, название мангышлакские, в начале XVIII века тяжело стали складываться отношения с калмыками хана Аюки, к тому времени уже перешедшему в очередной раз в российское подданство. Хану Аюке в то время удалось удачно отбить несколько хлебных караванов, направлявшихся к туркменам⁶. Видимо, оказавшись в изоляции и на грани голода туркмены вынуждены были искать помощи у России с целью получать регулярно из Астрахани хлебное довольствие. Таким образом, исходя из перспективы голода, старейшины туркмен Мангышлака решили отправить своего представителя в Россию, преследуя явно свои определённые цели.

По всей видимости, туркмены сами верили в благополучный исход данного мероприятия, равно как и в эту легенду, имевшую широкую известность во всей Средней Азии, о том, что хивинские ханы развернули реку Амударья в сторону Арала, чтобы обезводить свои

⁵ *Галкин М.А.* Этнографические и этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю. СПб., 1868. С. 18.

⁶ Там же.

северные территории, с целью удаления оттуда непокорных кочевников.

В Астрахани туркменскому посланнику удалось убедить в перспективности проекта одного из богатейших купцов города князя Михаила Заманова⁷. По всей видимости, в Москве туркменский посланник сумел заручиться поддержкой ставшего уже известным Александра Черкасского, позже через него он добился аудиенции у Петра Великого, где и изложил суть проекта.

В это же время в Петербурге сибирский губернатор князь М. Гагарин сообщил Петру I о том, что «в Сибири близ калмыцкого города Еркета, в реке Амударье» находят золотой песок и привёз образец такого золота. Как известно это были неверные данные о расположении «городка Еркети»⁸. Город Яркенд, расположенный в долине реки с одноимённым названием, никакого отношения ни к Сибири, ни тем более к Амударье не имел. Сведения М. Гагарина были получены от некоего Ф. Трушникова, ездившего в Малую Бухарию и в Яркенде купившего золотой песок. Сообщая далее, что путь от Еркета до Тары занимает два с половиной месяца «нескорою водою», а от Тары до Тобольска пять дней, сибирский губернатор предлагал царю организовать военную экспедицию для овладения этим городом, по пути же к нему построить укрепленные крепости с русскими гарнизонами⁹. Князь Гагарин, по всей видимости, действительно верил в существование приисков, а заверения Нефеса служили ещё большим основанием для этого. После того как уже не связанный контактами, ни с Ходжой Нефесом, ни с князем Гагариным, хивинский посол Ашурбек подтвердил информацию относительно русла Амударьи и «песочного золота» было принято решение о проведении экспедиции¹⁰.

Как известно, экспедиция была многоцелевая, из всех задач миссии нас интересует процесс реализации строительства укреплений. И относительно его в указе Петра князю Черкасскому сказано 1. «над гаваном, где бывало устье Аму-Дарьи реки, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинской»¹¹. 2. «Осмотреть

⁷ Марков А. Пётр Первый и Астрахань. Астрахань, 1994. С. 51.

⁸ Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. Т. 1. С. 105.

⁹ Моисеев А.В. Россия и джунгарское ханство в XVIII в.: Очерк внешнеполитических отношений. Барнаул, 1998. С. 23.

¹⁰ Бэр К.М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. Т. 4. СПб., 1850. С. 267.

¹¹ История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого. Вып. 1. М., 2004. С. 584.

место близ плотины или где удобно на настоящей Аму-Дарье реке, для строения ж крепости тайным образом, а буде возможно будет, то и тут другой город сделать»¹². 3. «Нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских пятьсот да сто человек драгун и доброго командира, которым иттить под образом провожания каравана из Астрахани и для строения города, и когда оные придут к плотине, тут велеть им стать и по той реке, где плотина, прислать к морю для провожания его сколько человек пристойно. Вышеописанному командиру накрепко смотреть, чтоб с обыватели земли ласково и безтягостно обходилися и для делания там города отпустить с помянутыми конными несколько лопаток и кирок»¹³.

Процесс разведывательной экспедиции на восточном побережье Каспийского моря заслуживает отдельного исследования. Нас же интересует вышеуказанная вторая временная точка. Итак, 20 сентября 1716 года отряд князя Черкасского выступил из Астрахани и 9 октября он высадился в Тюк-Карагане, где и была заложена крепость Святого Петра (ныне форт Шевченко, Мангистауская область), в ней был поставлен полк Хрушова. Следующими распоряжениями поручик Кожин, с которым у Черкасского, как известно, были крайне неприязненные отношения, был отправлен в Астрабад, а один из первых инициаторов мероприятия туркмен Ходжа Нефес с астраханским дворянином Званским и Николаем Фёдоровым начали поиск прежнего русла Амударьи и плотины, повернувшей, как они считали, реку в Аральское море.

Сам же князь Александр Черкасский отправился 23 октября с оставшимся при нём войском к Красным водам, куда прибыл 3 ноября и заложил крепость, построение которой поручил полковнику фон дер Видену с двумя полками Коротояцким и Астраханским¹⁴. Крепость получила название Красноводская и должна была впоследствии стать форпостом у места выхода «исправленной» Амударьи в Каспийское море¹⁵.

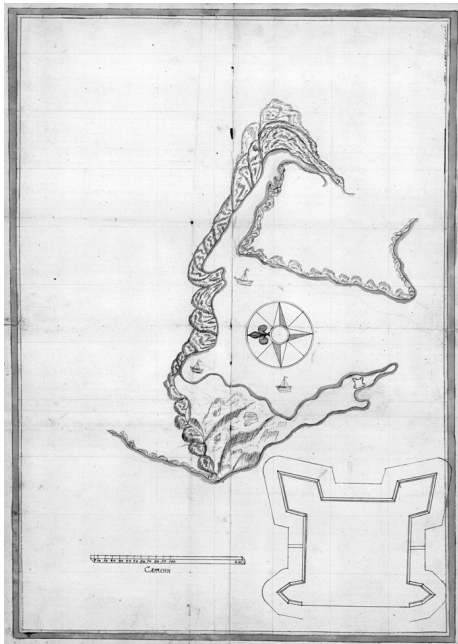
С момента постройки Красноводского укрепления экспедицию начинают преследовать неудачи. Туркменские старейшины стали постепенно переходить на сторону хивинского хана Шир Гази. Этому способствовало также то, что хан произвёл удачный набег на узбеков, кочевавших вблизи Аральского моря, подчинил и уже их воинов начал использовать против Александра Черкасского, о чём

¹² Там же. С.585.

¹³ Там же.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 169. Л. 206.

¹⁵ *Княжецкая Е.А.* Указ. соч. С. 28.

1. Чертёж крепости Красноводская и карта залива. РГАДА. Ф. 134 (Сношения России с Хивой). Оп.1. 1716 г. Л. 50 об.

нам свидетельствует летопись хивинских ханов, составленная придворным историком Мунисом и его племянником Агехи под названием «Райский сад счастья»¹⁶.

Из крепости Красноводской Александр Черкасский направляет своих представителей к хану Шир Гази, но ответа, как известно, не последовало. Далее, 17 декабря князь Черкасский покинул Красноводскую крепость и отбыл в Астрахань, откуда отослал отчёт государю о проделанной работе с чертежом Красноводской крепости и картой красноводского залива (илл. 1).

Отчёт, точнее копия с него сейчас хранится в РГАДА. Ф. 134 (Сношения России с Хивой). Оп. 1. 1716. Д. 1. Л. 45–47 об. В отчёте было

сказано, что крепость основали там, где раньше было устье «Амуреки», и что им (князем Черкасским), (вероятно собственноручно) был сделан рисунок. Далее Черкасский сообщил, что место это крайне неудобно и что нет запасов пресной воды и о том, как были приняты в российское подданство кочевавшие здесь туркмены и как действительно поначалу последние стремились помочь отряду. Князь не знал, что эмиссары хивинского хана уже склонили к службе туркмен Мангышлака. Просил капитан Черкасский и о скорейшей поставке провианта в крепость, поскольку в противном случае гарнизону было бы невероятно тяжело¹⁷. В крепость капитан гвардии князь Черкасский уже не вернулся, в марте 1717 года он выдвинулся с многочисленным отрядом в направлении Хивы, где вскоре трагически погиб.

¹⁶ Firdaws al-iqbal: history of Khorezm / Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi: edited by Yuri Bregel. Leiden, 1998. P. 100.

¹⁷ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1716. Д. 1. Л. 45–47 об.

В самом же укреплении после отъезда Черкасского, вскоре начала свирепствовать эпидемия, поскольку выбранное место оказалось катастрофически непригодным для поселения и функционирования гарнизонной крепости. Фон дер Виден, командовавший в гарнизоне, вынужден был выслать небольшие вооружённые отряды из крепости для поиска дров и пропитания. В одну из таких вылазок 26 солдат было пленено туркменами. Подойдя с пленниками к крепости, последние сообщили трагические новости о гибели Александра Черкасского под Хивой и объявили гарнизону войну. Героически отбив вторжение туркменских всадников на территорию крепости, остатки отряда на военном совете решили отходить и оставить Красноводскую. В итоге, из общего числа Красноводского отряда в 1293 человек, погибло и не вернулось 999. В Астрахань возвратилось лишь 294 человека¹⁸.

В дальнейшем, все те, кто следовал по проложенному Александром Черкасским пути, проходя на судах мимо Красноводской косы на восточном побережье Каспийского моря, обращали внимание на остатки укрепления. Так известный исследователь Ф.И. Соимонов сообщал о «знатнейшей крепости, к северу от которой на восток ... находилось то место, на котором Аму-Дарья имела своё в Каспийское море течение»¹⁹.

В 1836 году капитан Бларамберг Иван Фёдорович, проводя топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря, нашёл остатки крепости заложенной князем Черкасским. В его описании дана подробная характеристика остаткам укрепления. «Всё укрепление имело вид кронверка. На поверхности земли видно здесь ещё много остатков, свидетельствующих о пребывании Русских, как то: обломки кирпичей, стёкол, уголь и проч.; в земле же на кладбище отрываются человеческие кости, гробовые доски, ржавые железные вещи, ядра, кремни, медные пуговицы и проч.»²⁰

Таким образом, когда в этом же месте в 1869 году высадился отряд генерала Н.Г. Столетова, у генерала и офицеров отряда не было сомнений относительно истории укрепления и массового захоронения неподалеку от него. Отряду было дано задание, — не втягиваясь в боевые действия, заниматься главным образом исследованиями

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 170. Л. 37–40.

¹⁹ Соимонов Ф.И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С. 28–29.

²⁰ Бларамберг И.Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. IV. СПб., 1860. С. 67.

края и, в особенности, поиском путей в Хиву. В ходе изучения местности солдатами отряда была обнаружена возвышенность искусственного происхождения, неподалеку от места под названием Кызыл-Су. После раскопок и сопоставления различных данных, в том числе и опросов местного населения, было установлено, что именно здесь в 1716 году гвардии капитан князь Александр Черкасский, по указу Петра I, заложил крепость — «Красноводская». Та самая крепость «Красноводская», вторая из заложенных российских укреплений в процессе изучения и освоения Каспийского побережья в начале XVIII века.

Офицерами Красноводского отряда было принято решение собрать необходимые средства и воздвигнуть на редуте памятник погибшим героям — сподвижникам Петра Великого. Процесс сбора средств растянулся на три года и к моменту открытия памятника в Российской империи проходили юбилейные торжества по случаю 200-летия со дня рождения Петра I. 28 мая памятник был готов. 30 мая произошло открытие. Как всё это происходило, подробно описано журналистом Туркестанских ведомостей.

«На Красноводском мысе, в пятнадцати милях на юг от Красноводского форта, до сих пор ещё можно видеть среди ровной поверхности глубоких песков, небольшую возвышенность, которая своей формой походит на редут. Укрепление это, как по преданиям, оставшимся у туркмен, так и по некоторым описаниям, было построено отрядом Бековича в 1716 году... Несколько могил свидетельствуют о похороненных здесь русских воинах. Г. Сильванский (он был прислан от министерства финансов для собирания торговых статистических сведений. — А.А.), семейство которого оставило по себе самую прекрасную память в Красноводске, предложил офицерам гарнизона почтить память своих товарищей по оружию, составить подписку и на собранные деньги воздвигнуть на редуте памятник к дню 200-летнего юбилея Петра Великого. Нечего и говорить, с какой охотой и сочувствием каждый отнёсся к этой прекрасной мысли, которая вскоре была и осуществлена»²¹.

Далее, подробно описывается церемония открытия монумента.

«После 3-х-часового плавания... мы обошли мыс и вошли в бухту Бековича, глубина которой позволила вам войти на довольно близкое расстояние от берега. Не успели мы стать на якорь, как к нам подошли туркменские лодки, предлагая свои услуги. На берегу толпа туркмен окружила нас и провожала к памятнику, который был воз-

²¹ *Гунаропуло С.А.* В туркменской степи. (Из записок черноморского офицера) // Исторический вестник, № 12. 1900. С. 1047.

2. «Памятник сподвижникам Бековича-Черкасского в Кызыл-Су». Фото первой половины XX века. Электронный ресурс: <http://localid.ru/krasnovodsk/1/> (дата обращения 10.09.2015).

двигнут в расстоянии одной версты от берега (илл. 2). Памятник был закрыт полотном, и только по окончании панихиды, при нескольких залпах одного взвода солдат, открылся взорам публики. Он высечен из белого местного камня, имеет пирамидальную форму, вышиной 3 аршина, с прямоугольным основанием, на каменном пьедестале; на каждой стороне его вделаны гипсовые доски, на одной из них вырезана надпись следующего содержания: «Красноводский отряд сподвижникам Петра 1-го», а на другой вырезаны стихи:

«В пустыне дикой
Вас, братья, мы нашли
И теплою молитвой
Ваш прах почли»²²

По описаниям очевидцев, проживавших там во второй половине XX века, монумент был сориентирован по сторонам света. На каменном основании, напротив сторон света были нанесены четыре буквы «O», «W», «N», «S». В верхней части памятника с четырёх его сторон были нанесены даты: «1871» (год основания памятника), «1672» — год рождения Петра I, «200» — 200 лет Петру I, «1719» — год, когда остатки отряда покинули Красноводскую крепость²³.

²² Там же.

²³ Памятник в честь русской экспедиции князя Александра Бекович-Черкасского в 1717 году в Среднюю Азию // Электронный ресурс. URL: <http://08196408.livejournal.com/34867.html> (дата обращения 10.08.2015).

3. Памятник-монумент
«Сподвижникам Петра» в 2008–2009.
Электронный ресурс: [http://
08196408.livejournal.com/34867.html](http://08196408.livejournal.com/34867.html)
(дата обращения 09.07.2015).

Монумент пережил революционные события начала XX века, в течение всего советского времени был одной из достопримечательностей города Красноводска Туркменской ССР. Трагическими для него стали годы после распада СССР и образования независимого Туркменистана. Оставшись без должного надзора, памятник сподвижникам Петра Великого под воздействием неблагоприятного климата стал осыпаться. По последним опубликованным в сети Интернета двум фото памятника за 2008 и 2013 годы видно, что монумент находится в крайнем руинированном состоянии и требует немедленной реставрации (илл. 3).

Являя собой одновременно и памятник сподвижникам Петра, и братскую могилу погибшим солдатам Коротояцкого и Астраханского полков, монумент представляет огромную культурную и историческую ценность. Автор статьи с 2011 года пытался посредством писем в различные дипломатические инстанции, в том числе, и в посольство Туркменистана в России, привлечь внимание к судьбе памятника, но на сегодняшний день вынужден констатировать, что никаких мер по спасению монумента не было предпринято.

Можно привести последние данные по памятнику с туркменского сайта, датированные 2013 годом:

«Мы очень опечалились, когда пошли навестить памятник российским морепроходцам. Известно, что судьбой памятника интересовалась многие питерцы: Валентина Матвиенко в пору губернаторства, строители из «Возрождения», исследователи с исторического факультета Санкт-Петербургского университета. А год назад, говорят, приезжал “один мужик”, что-то ремонтировал. Действительно, видны следы скорой деятельности, восстановил расколотый вандалами кенотаф, что-то побелил, что-то замазал. Но памятник российской доблести по-прежнему жалок. Нет шаров-глобусов с орлами на

решётках. Одна заплатана ржавой кроватной спинкой. У знаменитой “розы ветров” из четырёх букв, очень точно означающих стороны света, осталось только три, отпадёт скоро и следующая, да, если я не ошибаюсь, якорь или якоря здесь стояли другие, литые. Надписи еле читаются: “Въ пустыне дикой Васъ, братья, мы нашли, и тёпую молитвою Вашъ прахъ почли...”, “Красноводский отрядъ сподвижникамъ Петра I”. Цифр на датах осталось мало: “1719 г.”, “1872 г.”, “...20... (“замазано”, “19...(замазано)”»²⁴.

Таким образом, по сути, единственный памятник-монумент сподвижникам Петра на Восточном побережье Каспийского моря, находящийся на массовом захоронении солдат и офицеров Коротояцкого и Астраханских полков, находится под угрозой разрушения и исчезновения.

²⁴ Зарисовки о прошедшем лете. Каспий, как мы тебя любим! Из подлинных историй Русской Азии // Хроники Туркменистана.

Электронный ресурс. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?id=162548690473363&story_fbid=581909211870640 (дата обращения 08.06.2014).

Ямщикова Наталья Борисовна

(Переславль-Залесский)

*Заведующая филиалом Музея-усадьбы «Ботик Петра I»
Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника*

К истории сооружения обелиска Петру Великому в музее-усадьбе «Ботик Петра I»

В конце XVII века юный Пётр, увлекшийся «нептуновой потехой», выбирает переславское озеро Плещеево для строительства первого в России военного флота. С пребыванием царя в Переславле и созданием здесь «потешной флотилии» связано множество объектов культурного наследия. К ним относятся памятники архитектуры, достопамятные места и топонимические памятники. О посещении державным отроком Залесского края помнят Никитский и Горицкий монастыри, в которых юный царь останавливался в 1688–1689 годах; устье реки Трубеж — место корабельной судовой верфи и луговина «Большая песошница» на берегу реки, где после указа 1722 года хранились петровские суда; гора Мемека — место проживания голландских корабелов. Но, к сожалению, все они в настоящее время даже у местного населения никак не ассоциируются с именем Петра I. Единственное место в Переславле, которое на протяжении более трёх веков сохраняло память о Великом преобразователе — это историческая усадьба Ботик на холме Гремяч. И даже главная улица села Вёськово, ведущая к нашей территории, носит его имя.

Историческая усадьба «Ботик Петра I» — место становления российского военного флота — стала формироваться как музейный объект в начале XIX века. В 1803 году «на месте начальных

подвигов»¹ Петра Великого по ходатайству Владимирского губернатора князя И.М. Долгорукова строится каменный павильон, предназначенный для хранения единственного уцелевшего бота «Фортуна» и «остатков дома Петрова»². Именно с этого времени холм Гремяч, где в конце XVII века располагалась царская резиденция и деловой двор, получил ёмкое и лаконичное название — «Ботик Петра».

Одним из символов данного исторического места с середины XIX столетия стал обелиск Петру Великому. На протяжении 150 лет он был единственным памятником царю-реформатору во всём регионе от Москвы до Архангельска.

Его описание встречается в исследованиях и путеводителях посвящённых как истории музея-усадьбы, так и города Переславля-Залесского. Достаточно подробно в отечественной историографии освящён момент открытия обелиска³.

Однако специального исследования касающегося всех аспектов создания этого архитектурного объекта никогда не было. Переславский краевед А.М. Кравец обосновывает формирование «мемориала на Гремяч-горе»⁴ в середине XIX века чередой общероссийских юбилеев, выпавших на 1852 год: 180-летие Петра I, 700-летие Переславля-Залесского, 160-летие «потешной флотилии» и т.д. Вполне возможно, что эти события сыграли определённую роль в появлении памятника Петру на территории усадьбы. А мне хотелось бы остановиться на причинах не столь очевидных, но не менее объективных.

В 1847 году частновладельческое поместье, где в специально построенном павильоне (Ботном доме) хранились исторические реликвии, приобретает достаточно необычный для России статус — собственность целого сословия. Владимирское дворянство, собрав по подписке деньги, выкупает его у помещика И.Т. Емельянова. И уже тогда появляются мысли о придании территории облика, достойного памяти Петра Великого. Первым сооружением, подтверждающим и закрепляющим историческую значимость усадьбы, стал обелиск.

¹ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни. СПб., 2004. Т. 1. С. 558.

² Там же. С. 559.

³ Танков А. Открытие памятника Петру Великому на берегу Плещеева озера, в селе Вёськове, Переславль-Залесского уезда // Северная пчела. 1852. № 217. С. 865–867; Русский художественный листок. 1852. № 31. С. 1–3; Открытие памятника императору Петру I на берегу Переславского озера // Журнал министерства внутренних дел. 1853. Т. 41 (март). С. 431–438.

⁴ Кравец А.М. Мемориал на Гремяч-горе // Литературный Переславль. Переславль-Залесский, 1997. С. 23–28.

Обелиск Петру Великому
в Музее-усадьбе Ботик Петра I.
Современное фото.

В определённой мере его установку можно связать с традицией, характерной для русской усадебной культуры. «Ещё с конца XVIII века в поместьях воздвигались обелиски в честь памятных событий и посещений императорскими особами»⁵. В нашем случае оба обстоятельства совпали как нельзя лучше.

Главная заслуга в покупке усадьбы и сооружении в ней памятника Петру принадлежит владимирскому губернскому предводителю дворянства Сергею Никаноровичу Богданову⁶.

Его пристальное внимание к месту, связанному с зарождением российского военного флота, скорее всего, объясняется тем, что он был военным моряком. Выпускник морского кадетского корпуса, 13 лет он прослужил на флоте, а уйдя в отставку, посвятил себя общественной деятельности. 25 лет (1845–1860) С.Н. Богданов возглавлял дворянство Владимирской губернии, и на его предводительство приходится «расцвет» исторической усадьбы «Ботик Петра I». В августе 1850 года он обратился с просьбой к министру внутренних дел разрешить «воздвигнуть памятник в селе Велькове»⁷. Практически одновременно познакомиться с петровским

⁵ Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 93.

⁶ Государственный архив Владимирской области. Ф. 243. Оп. 3. Д. 106. Формулярный список службы Владимирского губернского предводителя дворянства статского советника Богданова.

⁷ Там же. Ф. 244. Оп. 2. Д. 142. Л. 1.

наследием в усадьбу приезжали великие князья Николай и Михаил Николаевичи. При их участии 17 августа «совершена была закладка памятника императору Петру Великому; по случаю приобретения Владимирским дворянством села Веськово для потомственного хранения бота, сооружённого в 1692 году Великим основателем Российского флота Петром I»⁸.

По уездным городам губернии предводителем были разосланы письма с изображением планируемого обелиска для обсуждения на дворянских собраниях. В архивных документах рисунок отсутствует, но сохранилась любопытная сопроводительная записка к нему: «Памятник этот назначено воздвигнуть на том самом месте, где стоял дворец императора Петра I на крутом берегу Плещеева озера, верхняя часть серо-буроватого финляндского гранита с надписями, вырубленными в граните и на гольд-фарде золочёными, плитн тёмно-зелёного Тверского гранита. Цоколь буро-красного финляндского гранита. <...> Украшения около цоколя выражаются эмблемами 1) кораблестроения; 2) мореплавания; 3) память о царствующей особе. Кругом памятника чугунная решётка»⁹. Таким образом, изначально обелиск предполагался несколько другим, чем мы видим его сегодня.

В результате обсуждения поступали, в основном, положительные отзывы, лишь князь Голицын высказал предложение: «Поскольку это дело общественное, народное, должествующее оставить след в потомстве, для составления рисунков памятника пригласить отечественного художника»¹⁰. Хотя Богданов и ответил, что установка обелиска касается только владимирского дворянства, «которое чтит память Петра Великого»¹¹, но к совету, видимо, прислушался, пригласив для проектирования профессионального художника Кампиони. Удивительно, в архивных источниках отсутствует его имя, что внесло неопределённость, растянувшуюся на 150 лет. Кто из известной династии архитекторов Кампиони является автором обелиска Петру I в усадьбе «Ботик»?

На протяжении XX столетия, с подачи переславского краеведа М.И. Смирнова, им считался Александр Сантиневич¹². В конце века местный исследователь Е.К. Шадунц занималась этим воп-

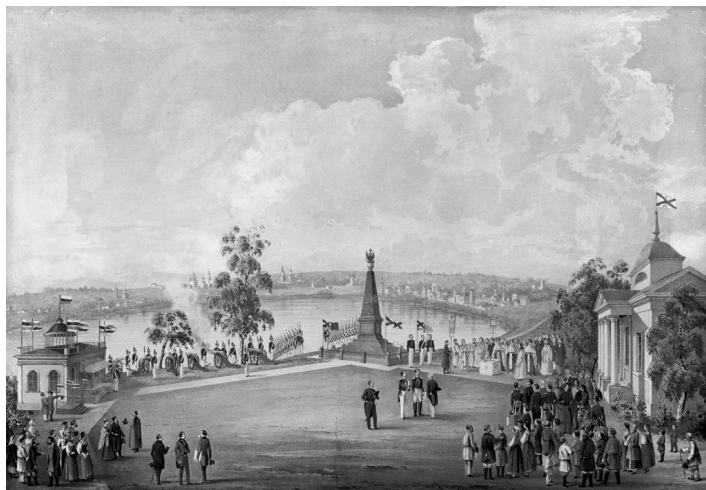
⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 56.

¹¹ Там же. Л. 58.

¹² См.: *Иваненко Б.В., Смирнов М.И.* Историческая усадьба «Ботик» близь Переславля -Залесского. Переславль-Залесский, 1928. С. 63.

Литография *В. Индейцева* «Открытие памятника
Императору Петру Великому на берегу Плещеева озера
1852 года августа 17 дня».

росом¹³, но к однозначному выводу не пришла, поскольку представителей с инициалами А.С. среди Кампиони не было.

Решить этот ребус мне помогла запись в «Книге с подписями лиц, присутствующих на открытие памятника Петру Великому»¹⁴, хранящаяся в фондах Переславского музея-заповедника, где среди присутствующих значится художник Пётр Кампиони. В 1848 году Пётр Сантинович Кампиони закончил Санкт-Петербургскую академию художеств, получив звание архитектора¹⁵ и, скорее всего, обелиск Петру — одна из первых его работ.

Весьма интересно, что по своим архитектурным особенностям обелиск в усадьбе «Ботик» очень схож с изображением памятника Петру в усадьбе Влахернское-Кузьминки (1846 г.), одним из авторов, которого был отец Петра Кампиони — Сантино Петрович Кампиони.

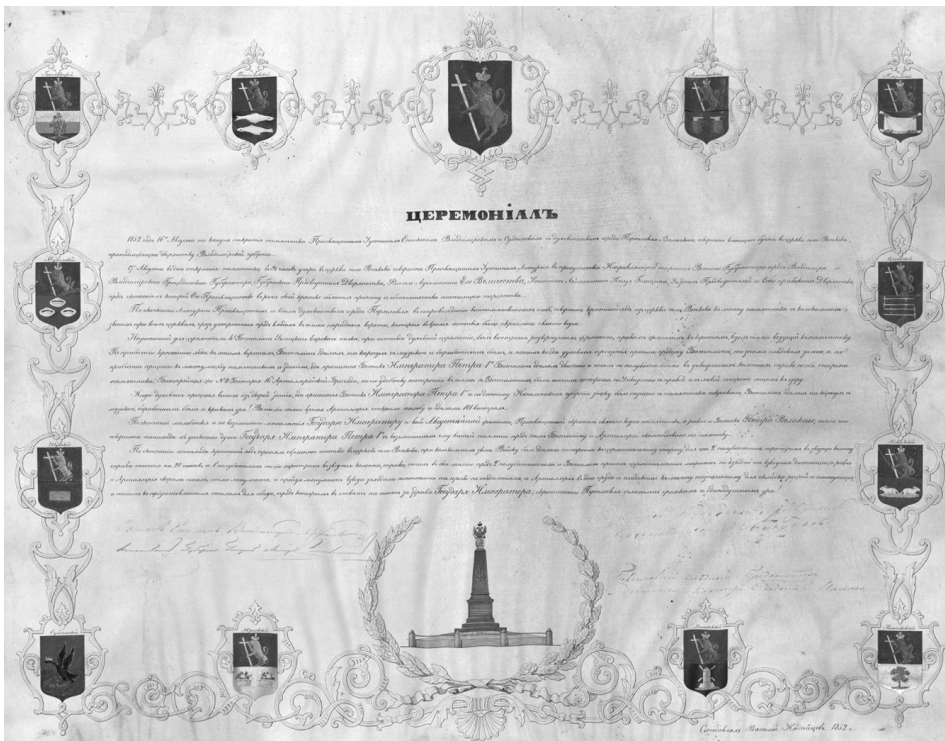
2 декабря 1850 года император Николай Павлович утвердил рисунок памятника¹⁶. Первоначально на его строительство предводите-

¹³ *Шадунц Е.К.* Жеребцов и Кампиони: (К истории архитектурного ансамбля музея-усадьбы «Ботик Петра I») // Переславские родники. 2003. № 3(49). С. 2–3.

¹⁴ Переславский музей-заповедник. Основной фонд. Инв. № 5219.

¹⁵ *Кандаков С.Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. (1764–1914). Т. II. СПб., 1915. С. 337.

¹⁶ Государственный архив Владимирской области. Ф. 244. Оп. 2. Д. 142. Л. 67.

Церемониал открытия памятника Петру Великому. 1852.

лем предполагалось израсходовать 3 000 рублей серебром «добровольных приношений»¹⁷, по расчётам художника сумма возросла до 4 500 рублей.

Окончание работ было запланировано на 17 августа 1851 года. Но в связи с тем, что гранит при перевозке треснул и пришлось заказывать новый, открытие перенесли на год.

Торжества по случаю открытия обелиска Петру Великому в усадьбе «Ботик» были продуманы до мелочей. Во Владимирских губернских ведомостях опубликовали приглашение предводителя «к участию в этом радостном событии»¹⁸ всех дворян. Был составлен специальный церемониал¹⁹, который художественно изобразил Василий Индеев. Празднования достаточно подробно освещались в российской

¹⁷ Там же. Л. 59.

¹⁸ Владимирские губернские ведомости (неофициальная часть). 1852. 7 июня (№ 23).

¹⁹ Переславский музей-заповедник. Основной фонд. Инв. № 17308.

Медаль на открытие памятника
в усадьбе Ботик Петра I.

прессе. Статьи по этому поводу были напечатаны в «Русском художественном листке», «Северной пчеле», Журнале министерства народного просвещения и других изданиях.

Кроме того, церемония открытия сопровождалась активной кампанией, пропагандирующей как деяния Петра I по созданию на Переславской земле первой военной флотилии, так и старания владимирского дворянства по сохранению петровского наследия в своей усадьбе. Была написана и издана «Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I»²⁰. Растиражирована литография²¹, запечатлевшая открытие обелиска Петру Великому, и отчеканена медаль²², посвящённая этому событию. Её автором является известный медальер Алексей Василий Владимирович. На лицевой стороне медали — погрудное изображение Петра I, на оборотной, в центре — памятник и надпись по окружности: «Усердием Владимирского Дворянства открыт 17 АВГ 1852 Г».

2 февраля 1853 года представители дворян Владимирской губернии были приняты императором Николаем Павловичем. Они преподнесли императору золотую медаль и «Историческую записку...».

Такое усердие дворян в увековечивании памяти Петра не оставило равнодушными и другие слои местного населения. Мещане и купечество передали в дар музею две иконы — святого апостола

²⁰ См.: *Розов А.* Историческая записка о бывшей в Переславле-Залесском флотилии Петра I. М., 1852.

²¹ Переславский музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд, 2744.

²² Там же. Основной фонд. Инв. № 462.

Петра и святого Чудотворца Николая²³. Кроме того, переславские купцы предоставили продовольствие для батальона Углического полка, принимавшего участие в торжественных мероприятиях.

С середины XIX века обелиск в усадьбе Ботик стал одним из символов этого исторического места — своеобразным центром, вокруг которого на протяжении долгого времени происходили различные мероприятия. Его сооружение дало толчок формированию архитектурного ансамбля усадьбы, направленного на сохранение памяти о Петре I.

К сожалению, в настоящее время состояние обелиска вызывает тревогу. Последние реставрационные работы (ремонт ограждения) проводились в 1996 году. У обелиска имеется отклонение от вертикали, что свидетельствует о неудовлетворительном состоянии фундамента. Металлические украшения покрыты зелёными пятнами окислов меди, надписи гранях плохо читаются. Срочной реставрации требуют бордюры и столбики ограждения. Неоднократные попытки включить реставрацию памятника в Федеральную целевую программу «Культура России» пока не имеют результата.

Хочется надеяться, что обелиск Петру Великому в усадьбе Ботик, на одной из граней которого высечен петровский указ переславским воеводам, являющийся первым в России законодательным актом о сохранении исторического наследия, приобретёт достойный облик.

²³ Государственный архив Владимирской области. Ф. 244. Оп. 2. Д. 142. Л. 114.

Цымбал Алла Августовна
(Таганрог)
*Старший научный сотрудник
Таганрогского государственного литературного
и историко-архитектурного музея-заповедника*

Памятник Петру I в Таганроге — символ истории города

Таганрог один из старейших российских городов Приазовья. Он был первым городом, основанным лично Петром I «в начале славных дел». В 1696 году, по окончании Азовского похода, царь лично выбрал место на берегу Азовского моря для новой крепости, призванной защитить вновь обретенные земли, а также первые российские корабли. Для них строилась первая российская гавань.

Город играл значительную роль в освоении и развитии южнорусских земель Российской империи. Главные вехи её истории нашли отражение в истории Таганрога. С ним связаны имена многих великих деятелей России. Это нашло отражение в великолепных памятниках монументального искусства, созданных знаменитыми скульпторами. Улицы города украшают творения И.И. Мартоса, М.М. Антокольского, И.М. Рукавишникова, Н.В. Томского, Г.В. Нероды. Самым главным среди них по праву считается памятник основателю Таганрога — Петру I. Он давно стал символом города, и его история и судьба уникальны.

Идея установить памятник Петру I в Таганроге возникла за десять лет до 200-летия города. (Официальной датой основания Таганрога считается 12 сентября 1698 года: в этот день Пушкарский приказ издал постановление о строительстве крепости и гавани на мысу Таган-Рог). В 1887 году городской голова Таганрога А.Н. Алфераки

выступил на заседании Думы с предложением открыть в городе к юбилею музеев и установить памятник основателю Таганрога¹.

Но только 5 июня 1893 года было получено Высочайшее разрешение на сооружение памятника. В городе начался сбор пожертвованных на его изготовление и установку.

В 1897 году на заседании комитета городской Думы по празднованию 200-летия Таганрога было высказано предложение обратиться к скульптору Марку Антокольскому, автору великолепной скульптуры Петра I, изготовленной в 1872 году (к 200-летию первого императора) и демонстрировавшейся на Первой Всероссийской политехнической выставке, посвящённой этому юбилею.

В фигуре Петра I, выполненной знаменитым скульптором, воплотилась вся мощь характера царя-реформатора и эпоха российской истории, когда страна «мужала с гением Петра». Работу М.М. Антокольского высоко оценил император Александр III, по его распоряжению памятник Петру I в 1884 году был установлен в Нижнем парке Петергофа.

Все заботы об изготовлении и установке памятника в Таганроге взял на себя член городской управы — П.Ф. Иорданов. Он обратился к своему соученику по таганрогской гимназии, к тому времени уже известному писателю А.П. Чехову, бывшему в это время в Париже, с просьбой встретиться с М.М. Антокольским и получить согласие на использование модели его статуи Петра I. В письме к Чехову Павел Фёдорович писал: «...мне кажется, что никакой конкурс не даст нам такой удивительной фигуры Петра I... Мне кажется, что если это дело нам удастся, мы будем иметь лучший памятник Петру»².

А.П. Чехов лично внёс пожертвование, а также привлёк к сбору средств на памятник уроженцев Таганрога, проживавших в Петербурге, Москве, Париже. Всего было собрано 17 тыс. руб.³

В апреле 1898 года Чехов встретился в Париже с двумя скульпторами, Леопольдом Бернштамом и Марком Антокольским, вёл с ними переговоры и прислал в таганрогский комитет при городской управе фотографии их скульптур. Оба мастера дали своё согласие предоставить Таганрогу свои скульптуры бесплатно. Но сразу было понятно, что более всего подходит работа Антокольского.

В письме к П.Ф. Иорданову от 16 (28) апреля 1898 года Антон Павлович писал: «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около

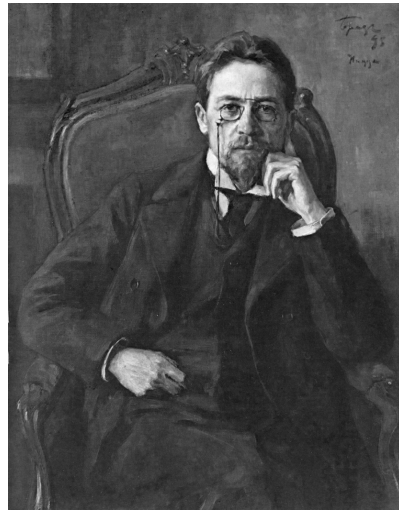
¹ ТГЛИАМЗ ФПИ. Ф. 6. Д. 1 (Документы по истории музейного дела в Таганроге). Л. 3.

² Таганрог и Чеховы. Таганрог, 2003. С. 549.

³ Там же. С. 591.

П.Ф. Иорданов (1858–1920).
Член таганрогской городской
Управы, городской голова
Таганрога (1905–1909), соученик
А.П.Чехова по гимназии.

А.П. Чехов (1860–1904).
Уроженец Таганрога, закончил
таганрогскую мужскую гимназию.
Оказывал помощь таганрогской
библиотеке, участвовал в создании
городского музея и установке
памятника Петру I.

моря это будет и живописно, и величественно, и торжественно, не говоря уж о том, что статуя изображает настоящего Петра, и притом Великого, гениального, полного великих дум, сильного.

- 1) Эта статуя была куплена Александром III и в настоящее время стоит в Петергофе.
- 2) Антокольский говорит, что 20 тыс. достаточно...
- 3) Сколько возьмёт сам Антокольский? По-видимому, ничего.
- 4) Статуя имеет 3 3/4 арш. Для Таганрога, как говорит Ант.(окольский), её придётся увеличить до 4 арш.; это для того, во-первых, чтобы не повторить петергофской статуи, и, во-вторых, для того, чтобы монумент был солиднее....
- 7) Я пробуду в Париже ещё 10 дней и, буде пожелаете, могу позавтракать у Ант(окольского) ещё хоть пять раз, что при состоянии моего желудка не совсем легко...

За статую могут взять пошлину, около 1500 р. Придётся похлопотать у Витте»⁴.

⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах (далее — ПСС). М.: Наука, 1974–1982. Т. 7. С. 201–202.

М.М. Антокольский не только дал согласие и предоставил свою модель бесплатно, но и взял на себя хлопоты по отливке бронзовой скульптуры. Такое внимание к Таганрогу, возможно, объяснялось тем, что здесь жили родственники жены скульптора.

В письме от 11 июня 1898 года П.Ф. Иорданов сообщает Чехову: «Вчера я получил очень милое письмо от Антокольского; он не только изъявляет удовольствие по поводу постановки своей статуи, но обещает всякое содействие по наблюдению за отливкой и берёт на себя задачу скомпоновать подходящий пьедестал. Таким образом, вид памятника будет совершенно цельным художественным произведением. Предполагает он пьедестал наиболее простой, так как это лучше оттеняет саму статую»⁵.

Бронзовую фигуру императора отливали в Париже, в бронзолитейной мастерской Грюэ, под непосредственным контролем Марка Антокольского. Первая отливка получилась неудачной. Вторая же оказалась так хороша, что скульптор пришёл в восторг, и в письме к П.Ф. Иорданову писал: «Статуя вышла превосходной. В большем виде она лучше, чем в оригинале, по крайней мере, таковой она выглядит в мастерской. Отлита она также хорошо»⁶.

Одновременно с изготовлением скульптуры Антокольский хлопотал об изготовлении пьедестала. По его рекомендации, в 1900 году в Одесской художественной мастерской скульптор Б.В. Эдуардс изготовил пьедестал, который был доставлен в Таганрог.

Пока шла работа по изготовлению скульптуры, таганрогская Дума решала вопрос о месте установки памятника. Было предложено четыре варианта. Решение принято в пользу городского сада, где ещё 12 сентября 1898 года, в день празднования 200-летия, была установлена памятная закладная доска.

А.П. Чехов предлагал установить памятник на мысу, над гаванью. Он писал Иорданову: «...При выборе места для памятника надо считаться также и с мнением художника. Пётр у Антокольского стоит лицом к морю, ветер дует на него с моря — это видно по его волосам, сюртуку; стало быть, если бы на совет был приглашён Антокольский, то он выбрал бы местность, откуда видно море...»⁷

В 1901 году статую из Парижа по железной дороге перевезли в Марсель. Оттуда пароходом «Деспина», принадлежавшем таганрогскому греческому негодянту Д.А. Негропонтe, переправили в Фео-

⁵ Таганрог и Чеховы. С. 557.

⁶ Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В.В. Стасова. СПб., 1905. С. 22.

⁷ Чехов А.П. ПСС. Т. 7. С. 216–217.

Открытие памятника Петру I
в Таганроге. 14 мая 1903 года.

досию. 21 июля сего года пароход «Мариетта», принадлежавший ещё одному таганрожцу И.К. Диамантиди, доставил бронзовую фигуру императора в Таганрог. По совету Чехова, городские власти «похлопотали у Витте» и, по его распоряжению, пошлину за провоз не платили. До установки статуя два года хранилась на складе железнодорожной станции.

Ещё в год празднования 200-летия Таганрога на главной улице города, Петровской, напротив входа в городской сад, был залит фундамент и установлен макет памятника. В 1901 году выполнены работы по устройству площадки и установке пьедестала

16 апреля 1903 года скульптура была водружена на пьедестал и накрыта полотнищем. Епископом Екатеринославским и Таганрогским был утверждён церемониал освящения памятника. Город тщательно готовился к торжественному дню. Приглашения были разосланы во многие города и за границу. Всем именитым таганрожцам. А.П. Чехов, из-за болезни, участвовать в открытии не смог. Скульптор М.М. Антокольский, которому город также многим был обязан, к тому времени уже скончался.

14 мая 1903 года колокола всех церквей известили о начале торжественной церемонии открытия памятника. После торжественной литургии в Успенском соборе огромная толпа двинулась к месту торжеств, где уже стояли гимназисты, учащиеся таганрогских училищ, были оборудованы ложи для почётных гостей. После освящения памятника с него спали покровы, и перед восторженными жителями города предстала величественная фигура Петра Великого. После гимна «Боже царя храни» загрохотали залпы артиллерийских орудий, и состоялся парад казачьих частей и артиллерийской бригады,

расквартированной в Таганроге. Новый памятник сразу стал одной из главных достопримечательностей Таганрога и неоднократно воспроизводился на почтовых открытках с видами города.

Открытие в Таганроге в начале XX века монумента Петру I стало значимым фактом культурной жизни города. Это был не только памятник петровской эпохе, но и памятник тем представителям русской интеллигенции, стараниями которых открывались школы, больницы, театры, музеи. Тем людям, которые объединялись ради высоких целей просвещения и созидания русской культуры. Но в это же время были и другие представители интеллигенции, которые объединялись для других целей. Они оказались сильнее.

Памятник простоял 20 лет. В январе 1924 года, вскоре после смерти В.И. Ленина, было принято решение установить памятник вождю мирового пролетариата. Лучшего места, чем пьедестал монумента основателю Таганрога, не нашлось. К тому же в это время действовал декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» от 14 апреля 1918 года.

25 января 1924 года скульптура Петра была снята с пьедестала, на его место водружена небольшая фигурка основателя Советского государства, работы скульптора В.В. Козлова. Это придавало сооружению комический эффект.

Для творения Антокольского начались трудные времена. Статую перемещали с места на место, но нам повезло, что не отправили на переплавку, как это было со многими другими скульптурами. Так, в это же время в Таганроге был уничтожен памятник императору Александру I, выполненный знаменитым скульптором И.И. Мартосом и открытый в 1831 году.

Памятник Петру Великому новая власть побоялась уничто-

Памятник В.И. Ленину на пьедестале памятника Петру I. 1925 год.

Скульптура Петра I в вестибюле таганрогской городской библиотеки (реконструкция).

жить, но по городу «погоняла» изрядно, перевоза с места на место. Трудно найти монумент, который бы столько раз перемещался. Краеведы спорят, называя цифры от 8 до 12 переездов. В этих блужданиях «бронзового гиганта» ярко отразились черты истории города и страны.

Первоначальное место, куда переместили памятник — здание библиотеки им А.П. Чехова, затем естественно-исторический отдел краеведческого музея. Музей переехал во дворец Алфераки, туда же был перевезён и бронзовый Пётр. Вначале фигура лежала во дворе. Потом была установлена на площадке парадной лестницы, ведущей на второй этаж.

В 1935 году реконструировали памятник В.И. Ленина, заменили скульптуру и установили её на новый пьедестал. Освободившийся «петровский» пьедестал перевозится на высокий мыс и устанавливается над таганрогской гаванью, на то самое место, где предлагал поставить памятник основателю города А.П. Чехов. Чем руководство-

Скульптура Петра I в вестибюле краеведческого музея. 1930-е годы.

вались городские власти, мы не знаем. Но речь о восстановлении памятника в тот момент ещё не шла.

Как известно, к концу 1930-х годов стало меняться отношение к личности царя-реформатора. Яркое отражение это нашло в вышедших в это время романе А.Н. Толстого «Пётр Первый» и одноимённом фильме.

В 1940 году в Таганроге было принято решение восстановить памятник основателю города. На территории Комсомольского бульвара, где уже стоял сиротливый, пустой пьедестал, начались работы по благоустройству. 1 августа 1940 года газета «Таганрогская правда» сообщила: «По решению горисполкома памятник Петру I (скульптура работы Антокольского), находящийся сейчас в городском музее, устанавливается на Комсомольском бульваре. Монументальная работа Петра будет обращена лицом к Азову. На работы по установке памятника отпущено 24 тыс. рублей... Установлен памятник будет к 15 сентября»⁸.

Но памятник был восстановлен лишь в октябре 1940 года. Тихо и без особых торжеств. Долгое время история умалчивала об этом факте и многие жители утверждали, что до войны памятник не был установлен. Но найденная местными краеведами редкая фотография времён оккупации Таганрога, а также свидетельства местной печати говорят о том, что перед войной памятник был водружён на свой пьедестал.

Довольно странно выглядит перенос памятника немецко-фашистскими оккупационными властями в июле 1943 года. В первые месяцы оккупации Таганрога, осенью 1941 года, был разрушен памятник В.И. Ленину, стоявший напротив парка, на первоначальном месте установки монумента основателю города. 18 июля 1943 года сюда, на прежнее место, перенесли скульптуру Петра I и установили на низкий постамент. Церемония была очень торжественной и происходила при большом стечении народа. Памятник выглядел довольно нелепо на низком пьедестале, но в таком виде он простоял недолго. Всего около двух месяцев.

Уже 30 августа 1943 года город был освобождён, в него вошли советские войска. Памятник был демонтирован и начал свои путешествия по новому кругу, опять оказавшись в библиотеке, потом в музее.

Накануне 250-летия Таганрога он вновь вернулся на свой пьедестал, на мысу. Никаких торжеств по поводу четвёртого открытия памятника не проводилось. Но этим «странствия» памятника не за-

⁸ Памятник Петру Первому // Таганрогская правда. № 175 от 1 августа 1940. С. 1.

Памятник Петру I. Таганрог.
1942 год.

кончились. Вскоре стал проседать фундамент. И скульптура была снята, вновь оказавшись в музее. После проведения работ по заливке нового фундамента, который был несколько смещён, в 1958 году памятник восстановлен.

В 1978 году Всесоюзным производственным научно-реставрационным комбинатом Министерства культуры РСФСР был разработан проект комплексной реставрации. В соответствии с ним вновь укреплен фундамент, московскими реставраторами отреставрирован пьедестал, в котором были трещины и сколы, повреждения, полученные во время артиллерийских обстрелов в годы войны. Фигура Петра I была перенесена в мастерские порта, где реставрация памятника производилась под руководством специалистов из Ленинграда.

В ноябре 1980 года работы по реконструкции были завершены, Пётр I вернулся на пьедестал. К очередной годовщине Великой Октябрьской революции таганрогские власти отрапортовали о завершении реставрации памятника царю-реформатору...

В дальнейшем памятник ещё несколько раз реставрировался. В 1998 году к 300-летию Таганрога были проведены «косметические» реставрационные работы, при этом восстановлена первоначальная надпись на постаменте «Императору Петру I-му Таганрог. 1698—1898».

В 2008—2009 годах, когда город готовился к 150-летию юбилею А.П. Чехова, были проведены работы по благоустройству территории вокруг монумента основателю Таганрога, площадь вымостили брусчаткой, разбили цветники, облицевали гранитом стилизован-

Памятник Петру I. Таганрог.
2011 год.

ные бастионы, напоминающие о бастионах первой российской крепости юга — Троицкой на Таган-Роге.

Таганрожцы гордятся «своим Петром». Из всех памятников, выполненных по модели Антокольского, именно этот считается лучшим по исполнению. Он изготавливался непосредственно под руководством автора скульптуры. Особое звучание монумент приобретает благодаря своему эффектному расположению — на высоком берегу моря. Кажется, что ветер развеивает волосы царя и распахивает полы его мундира.

Пётр Великий возвышается на мысу, взирая вдаль, на место своего первого военного триумфа — бывшую турецкую крепость Азов, и своё первое детище — гавань, где когда-то стояли корабли Азовской флотилии.

Памятник, ставший главным символом Таганрога, напоминает слова таганрогского историка П.П. Филевского: «Коротки были дни Таганрога под властью Петра Великого, но они наложили на чело его печать исторического величия, они создали ему имя в истории и осветили его блеском славы гениального человека»⁹.

⁹ *Филевский П.П.* История города Таганрога. Таганрог, 2007. С. 96.

Лукошков Андрей Васильевич
(Санкт-Петербург)
*Член правления Национального Центра
Подводных Исследований*

Воссоздание мемориала флота Петра Великого

Царствование Петра Великого отделяет от нас без малого три столетия, и сегодня в свод петровских памятников преимущественно входят не столько уцелевшие строения и сооружения, созданные при его жизни, сколько многочисленные памятники императору и его деяниям, поставленные в XVIII, XIX, XX, XXI веках. В этом свете интерес представляют проекты возрождения творений, созданных по указам Петра и, в особенности, памятников задуманных самим Императором Всероссийским. О большинстве таких проектов, среди которых можно назвать и мемориал на месте Полтавской битвы и триумфальную колонну в Санкт-Петербурге, мы знаем лишь из дошедших до нас бумаг и макетов. Император не успел воплотить их в жизнь, ведь даже его собственный конный монумент был отлит уже после смерти венценосного заказчика.

Известны лишь две реализованные при жизни Петра I попытки воплощения подобных планов и, любопытно, что обе они связаны с увековечением создания военно-морского флота. Первый мемориал был учреждён Петром I для сохранения в Переславле судов его «Потешной флотилии» именованным указом от 7 февраля 1722 года. Он гласил: «Указ воеводам переславским. Надлежит вам беречь останки кораблей, яхт и галеры, а буде упустите, то взыскано будет на вас да на потомков ваших, яко пренебрегших сей указ. Петр»¹.

¹ *Чепелев В.* Ботик «Фортуна» — памятник потешной флотилии Петра I // Катера и яхты. 2010. № 1 (233). С. 130–133.

Надо сказать, что к тому времени построенные в 1689—1691 годах суда уже много лет были затоплены в реке. Поэтому указом от 21 марта 1722 года «для подъему и тасканию на берег обретающихся в Переславле Залеском яхты, галер, которые стоят тамо многие лета в реке Трубеже и от предложения времени и от воды занесло песком и тиною...от Санкт-Петербургского адмиралтейства...» был отправлен шхипер Алексей Шелудяков².

Уже на месте под его начало было собраны триста «монастырских» крестьян.

Однако даже этих сил было недостаточно, и, вначале весны 1723 года шхипер донёс, что «...вытянул из реки 7 яхт и восьмую галеру, а большой корабль (вероятно «Марс». — *А.Л.*) вытащил лишь на 10 сажень и передняя половина стоит на сухом берегу, а другая половина в тине и может в летнюю пору та половина вся в землю уйти».

Ответом на этот рапорт был указ от 4 апреля 1723 года вице-губернатору Москвы, коим предписывалось оказать содействие в подъёме судов.

В конечном итоге удалось поднять из реки все уцелевшие корпуса, которые были размещены под навесами у городского вала Переславля на левом берегу у церкви Знамения Пресвятой Богородицы. И значимость этого мемориала была столь велика, что со временем эта церковь получила в народе новое имя: «Что у кораблей».

Второй мемориал, посвящённый созданию Балтийского флота, Пётр I распорядился создать в Петербурге. По его замыслу в мемориале должны были вечно храниться корабли «...первого здесь строения, а завоеванные — в память бывших баталий»³.

Надо думать, идея эта вызревала постепенно, поскольку ещё 20 мая 1723 года был издан указ, предписывающий «...итальянские и французские суда гондолы и полугондолы и прочие им подобные... собрав убрать в удобное место под кровлей и иметь в добром хранении»⁴. А 17 января 1724 года Пётр «указал» хранить выведенные из состава флота фрегат «Штандарт», шнявы «Мункер» и «Наталья», а также пленный шведский фрегат «Элефант». Уже в мае на берегу Кронверкской протоки напротив Петропавловской крепости начались работы по сооружению фундаментов для установки корпусов и к сентябрю первым был сдан фундамент для фрегата «Элефант».

Работы были продолжены и после смерти Петра I — к осени 1727 года под кровлей на фундаментах были установлены взятый в Ган-

² МИРФ. СПб., 1867. Ч. 4. С. 496—497.

³ Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 198.

⁴ МИРФ. Ч. 4. С. 564.

гутской баталии фрегат «Элефант», захваченные в устье Невы шнявы «Астрильд» и бот «Гедан», а также «здешнего строения галера большая», имя которой не сохранилось. Отдельно от них — «без покрышки» стояли ещё пять шведских галер, взятых в плен при Гангуте.

При этом специальный указ Адмиралтейств-коллегии предписал: «...по прежним именным блаженной памяти Его Императорского Величества указам... старого строения и завоёванные суда держать в хранении»⁵.

Более того, состав мемориала пополнялся, и к февралю 1732 года в экспозиции находилось уже 28 судов: 15 плененных шведских и 13 «русского строения».

Русские	Шведские
«Большая галера» (имя не сохранилось)	Фрегат «Элефант»
шнява «Мункер»	Фрегат «Данск Эрн»
яхта «Переяславльская»	Шнява «Астрильд»
яхта «Егорей»	Шнява «Крефт»
кончебас	Шнява «Полюкс»
2 буера	Шнява «Эвва-Элеонора»
4 гандолы	5 галер взятых в Гангутском сражении
«Морская лотка»	Бот «Гедан»
«Самолет» (понтон)	3 шхербота взятых в Гангутском сражении

В марте 1732 года императрица Анна Иоанновна предписала все находившиеся в мемориале суда «...впредь для памятования к славе... содержать на берегу в добром хранении»⁶.

Однако обеспечить «доброе хранение» без специальных работ по консервации древесины не удалось, и уже в 1743 году Адмиралтейств-коллегия констатировала, что все суда сгнили.

Тем не менее, императрица Елизавета Петровна попыталась исполнить завет отца и в 1745 году повелела поместить в мемориал «буер Фаворитка», на котором плавал Пётр I. Правда, буер с таким именем неизвестен и, очевидно, речь шла о 16-пушечной шняве «Фаворитка», построенной в 1721 году, которая была исключена из списков флота как раз в 1745 году. В справочниках состава Балтийского флота её традиционно указывают погибшей в кораблекрушении в 1741 году, однако, по хранящимся в РГА ВМФ документам, она в тот же год была снята с камней, имея множество повреждений

⁵ Там же. С. 527.

⁶ *Елагин С.И.* Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в плен в царствование Петра Великого 1702–1725. СПб., 1867. С. 74.

в носовой части. Ввести её в строй не удалось и, логично предположить, что старый корпус ремонтировать не стали, а отправили на хранение в музей.

Спустя ещё 2 года, в марте 1747, Адмиралтейств-коллегия издала указ о переводе из Кронштадта в Петербург для хранения с «другими шведскими судами» шнявы «Вестеншлюп», бывшей шведской бригаантины «Бернгардус», взятой в плен в 1719 году в Эзельском сражении.

Однако в прежних масштабах мемориал так и не был восстановлен, а затем и вообще ликвидирован. Чуть позже, в 1783 году, в пожаре погибли и все суда переславской флотилии, кроме ботика «Фортуна», хранившегося отдельно.

Новую попытку воссоздания мемориала предпринял император Николай I, который, ревизуя доставшиеся ему хозяйство, обнаружил и повелел хранить 3 старинных судна. Ими были 22-баночная галера «Пернов», постройки 1798 года, голландский бот, происхождение которого неизвестно, и принадлежавшая королю Швеции Густаву III парадная баржа «Гусар», захваченная в 1789 году после первого Роченсальмского сражения. Эти суда хранились в Петербурге вплоть до середины XX века. Известно, что бот и баржа были уничтожены лишь в 1960-х годах как не представляющие исторической ценности.

С 2012 года в Санкт-Петербурге по инициативе главы ОАО «Газпром» А.Б. Миллера развернуты масштабные работы по воссозданию мемориала флота Петра I. Разумеется, и место расположения и его структура подлежали корректировке. Основой мемориала станет полноразмерная реплика первого линейного корабля, построенного в Петербурге в 1709–1712 годах. Это был 54-пушечный корабль четвёртого ранга «Полтава», чертёж которого был обнаружен в фондах библиотеки РАН. Однако часть детальных чертежей до настоящего времени не дошла, и ряд вопросов, связанных, например, с декором корпуса, пришлось решать, основываясь на гравюрах петровского времени.

Предполагается, что в последующие годы для мемориала будут построены реплики галеры или скампавеи, а также других малых судов Балтийского флота. Но, для их воссоздания потребуются обнаружить на дне останки погибших судов эпохи Петра I, поскольку строительных чертежей для большинства проектов не сохранилось. Подобное решение проблемы вполне реально, поскольку не имевший опытных моряков флот Петра I, отличался высокой аварийностью. Изучение архивных материалов показало, что на дне Балтийского моря лежат останки более ста кораблей российского флота, построенных при Петре Великом. В том числе, шесть линейных кораблей, четыре из которых лежат в российских водах, а две в водах

Финляндии и Эстонии. Также в российских водах лежат останки восьми галер (скампавей?), двух бригантин, двух флейтов, семи эверсов, семи катов, двух шняв, одного буера и более 20 ботов.

Это позволяет не только получить информацию о конструкциях судов петровского флота, но и поднять часть из них, превратив их после консервации в экспонаты воссоздаваемого мемориала.

В настоящее время специалистами Национального Центра Подводных исследований и Центра подводных исследований РГО на дне восточной части Финского залива и в реках Северо-Запада уже обнаружены несколько кораблей и судов петровской эпохи. И с 2014 года на двух из них ведутся подводные раскопки, направленные на подъём кораблей.

Первым из них является 54-пушечный линейный корабль «Портсмут», напрямую связанный с личностью Петра I. Ведь он был построен в 1714 году в Амстердаме по проекту, разработанному при личном участии Петра I, который вносил коррективы в конструкцию даже в процессе постройки, посылая письменные директивы. Спуск на воду состоялся 11 ноября 1714 года, а следующей весной корабль был отбуксирован в Англию, где его оснастили парусами. В июне 1716 года «Портсмут» перешёл в Копенгаген, где официально вошёл в состав Балтийского флота под номером 25. В Копенгагене корабль был вооружён пушками, подаренными царю Московии королём Дании, после чего он участвовал в плавании четырёх союзных флотов — русского, голландского, датского и английского — под общим командованием Петра I. После прибытия в Россию корабль неоднократно участвовал в боевых действиях. Но, особую значимость придаёт ему участие в мае 1719 года в Эзельском сражении, где он был флагманом русского отряда, захватившего в плен три шведских судна. Этот бой считается первым морским сражением в истории российского корабельного флота, которое Пётр I назвал «добрым почином». При возвращении в Ревель, царь лично посетил корабль для награждения участников.

Погиб корабль осенью 1719 года, сначала став на мель у южного берега Невской губы, а затем был снесён с неё на глубину, где простоял два года. Там же он и был разрушен ударами волн во время первого в истории Санкт-Петербурга катастрофического наводнения 16 ноября 1721 года. В РГА ВМФ удалось обнаружить указ Петра I, коим предписывалось искать останки корабля на глубине вблизи места его гибели⁷.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 18 (Дело вице-адмирала Крюйса. Записная книга за 1722 год). Л. 88.

Однако эти поиски не увенчались успехом. Лишь спустя почти 300 лет удалось обнаружить частично замытые в грунт останки корпуса, на которых сегодня и ведутся раскопки. Часть фрагментов корпуса уже поднята и проходит консервацию. Помимо самой конструкции раскопки дали большую коллекцию артиллерии, включая пушки и боеприпасы разных калибров. И есть надежды, что эта коллекция будет пополнена, поскольку акустическое зондирование толщи грунта в районе гибели выявило наличие в нём замытых фрагментов.

Вторым объектом раскопок стал германский корабль «Архангел Рафаил», погибший по пути из Петербурга в Любек в ноябре 1724 года. Пётр I также лично занимался расследованием обстоятельств его гибели, но не успел закончить следствие. Лишь обнаружив останки судна и сличив состав груза с таможенными документами, учёным НЦПИ удалось доказать, что оно везло контрабанду, а значит Император был прав в своих подозрениях. Корпус корабля сохранился почти полностью, также как и часть груза. Более того, раскопки внутри корпуса позволили получить ценнейшую коллекцию предметов петровского времени, включая навигационные инструменты, оружие, посуду, письменные принадлежности и даже одежду. На судне были найдены полностью сохранившиеся кафтан, штаны, ботинки и поясной ремень, которые сегодня уже отреставрированы специалистами Государственного Эрмитажа.

Раскопки обоих судов, вероятно, займут менее двух лет и дадут новые экспонаты для возобновляемого мемориала. Очевидно, воссоздание мемориала займет большее время, нежели его формирование в XVIII столетии. Связано это как с трудоёмкостью подводных работ, так и сложностью консервации крупных объектов. Однако в случае их успеха можно ожидать, что воссозданный мемориал просуществовать дольше, нежели первоначальное творение Петра I.

ПАМЯТНИКИ
БЫВАЮТ
РАЗНЫЕ

Северюхин Дмитрий Яковлевич

(Санкт-Петербург)

Доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, эксперт Фонда имени Д.С. Лихачева

Первые собрания европейского искусства в России как памятники петровской эпохи

Царь Пётр I, в отличие от своих предшественников, воспринимал искусство как область государственных интересов. Сознывая, что культурный престиж является важным показателем политического, экономического и духовного потенциала государства, он считал приобщение России к западной культуре одним из важнейших звеньев задуманной им общей программы переустройства российского общества. «Пётр Великий постиг первый, что народу русскому не должно оставаться долее на чередѣ посредственности, — писал В.И. Григорович. — Он взвесил дух и силы народа; уничтожил преграду, отделявшую Россию от Европы, и открыл пути, по которым должны были проникнуть в неё лучи света благотворного»¹.

Деятельность Петра I в художественной области в самой значительной степени повлияла на формирование общественных вкусов, а, в конечном счете, и на развитие русского изобразительного искусства в целом. Собранные им коллекции изобразительного искусства (как, впрочем, и коллекции технических приборов и натуралий) стали системообразующими элементами, положившими начало собирательскому и музейному делу в России. Политика Петра I в этой сфере получила нарастающее развитие в царствование Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и, в особенности, Екатерины II.

¹ В. [Григорович В.И.] О состоянии художеств в России // Северные цветы на 1826 год, собранные бар. Дельвигом. СПб., 1826. С. 8.

Благодаря петровским реформам в начале XVIII столетия русское искусство встало на путь последовательного преодоления древних традиций иконописи, что было во многом обусловлено возрастающим проникновением западных веяний, значительно расширивших представления о возможностях живописного мастерства и обогативших отечественную художественную культуру новыми сюжетами, в том числе светского характера. Увлечение новыми формами искусства, затронувшее поначалу лишь узкий круг боярской аристократии, постепенно захватывало всё более широкие слои населения, существенно повлияв как на эстетические вкусы, так и на образ общественного поведения. «Страсть любовная, до того почти в грубых нравах незнаемая, начала чувствительными сердцами овладевать, и первое утверждение сей перемены от действия чувств произошло, — осуждающе заключал князь Михаил Щербатов в своём мемуарном памфлете. — А сие самоё учинило, что жёны, до того не чувствующие своей красоты, начали её силу познавать, стали стараться умножать её пристойными одеяниями и более предков своих распространяли роскошь в украшениях»².

Не последнюю роль в деле «европеизации» России играло противостояние Петра I и высших церковных иерархов, последовательно и убежденно осуществляемый им план подчинения церкви монаршей власти. Царь, проклинаемый юродивыми как Антихрист, изобретатель «всепьянейшего собора» и других карнавальных пародий на богослужение, реформатор алфавита и календаря, свои общекультурные «проекты», так или иначе, нацеливал на ослабление позиций церковной верхушки. Средством этой борьбы для него становилось, среди прочего, насаждение интереса к античному наследию, в частности, античной мифологии, отвергаемой православной церковью как «языческой». Боги греко-римского пантеона издавна воспринимались здесь как идолы или черти, а сама объёмность античной скульптурной пластики устойчиво отождествлялась с ересью и демонизмом.

Зимой 1707–1708 годов в устроенном царём Летнем саду появились первые статуи, привезённые, предположительно, из Польши. В их числе были дошедшие до нашего времени изображения греческих богинь Цереры и Флоры, выполненные на рубеже XVII–XVIII столетий³. Спустя десятилетие Летний сад обогатился ещё одним

² *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России. СПб.: Издание В. Врублевского, 1906. С. 19.

³ Первую приписывают венецианскому скульптору немецкого происхождения Генриху Мейрингу, а вторую — Томасу Квеллинусу. Обе статуи хранятся ныне в Михайловском (Инженерном) замке; в Летнем же саду представлены их новодельные копии.

шедевром — мраморной группой «Амур и Психея», вышедшей из мастерской Бернини, гения барокко, сумевшего, по его собственным словам, объединить живопись и скульптуру⁴. «Еще прошлого году торговал групп которому при сем прилагаю рисунок. Фабула когда психи влюбилась в сонного в купиду, а я в обеих них влюбился. Без шутки хорошо сделаны и мощно за диковинку почесть в живности и в мастерстве»⁵, — так агент царя по заграничным закупкам Юрий Кологривов сообщал в одном из писем в Санкт-Петербург (1719) о художественных достоинствах этой скульптуры, помимо прочего, с предельной откровенностью выражающей эротическое чувство, дотоле неведомое русскому искусству.

В начале 1719 года ловкий Кологривов купил найденную незадолго до того при земляных работах в окрестностях Рима античную мраморную статую Венеры «с отшибленной головой и без рук» и купил её у владельца участка за 196 талеров, что было во много раз меньше реальной цены. Попытка тайно вывезти её из Папской области оказалась неудачной: местные власти в лице римского губернатора К.А. Фальконьери, известного знатока и коллекционера скульптурных памятников, подчиняясь высочайшему запрету на вывоз античного наследия, конфисковали статую. После сложных дипломатических переговоров, позже обросших легендами⁶, отреставрированная статуя Венеры была «отписана» Петру I как дар папы Климента XI за протекцию католическим миссионерам, направленным через Россию в Китай и Тибет. Эта скульптура была с большими предосторожностями сухим путём (частично по Дунаю) перевезена в Санкт-Петербург и в конце 1719 года установлена в специальной галерее при входе в Летний сад со стороны Невы, став, таким образом, первым в России публично выставленным изображением обнажённого женского тела — здоровым и целомудренным по меркам античной культуры, но бесстыдно-непристойным с позиций культуры православной. Примечательно, что по указу царя Венеру охранял часовой, чтобы её никто не повредил, и надо думать, что такие опасения имели основания. Позже Венеру переместили в павильон

⁴ Ныне приписывается Джулио Картари, ученику Бернини.

⁵ Цит. по кн.: *Андросов С.О.* Пётр Великий и скульптура Италии. СПб.: АРС, 2004.

⁶ Распространено ошибочное мнение, что статуя по просьбе кардинала Пиетро Оттобони была обменена на мощи св. Бригиты из церкви в Ревеле, присоединённом Петром I к России (см., напр.: *Неверов О.Я.* Памятники античного искусства в России Петровского времени // *Культура и искусства Петровского времени: Публикации и исследования.* Л.: «Аврора», 1977. С. 48). Новейшие исследования опровергают эту версию.

«грот», сооружённый на берегу Фонтанки; в 1801 году эта скульптура, пережившая в Летнем саду несколько катастрофических наводнений, была отправлена в Таврический дворец (отсюда закрепившееся за ней название «Венера Таврическая»), а с 1850 года занимает почётное место в Эрмитаже⁷.

За десять лет до приезда Венеры Летний сад обогатился двумя примечательными скульптурами, далёкими от античной тематики. 23 сентября 1709 года, вскоре после Полтавской победы, Пётр I посетил загородный дворец Виланов (Вилянов) под Варшавой, возведённый в 1680–1694 годах как резиденция польского короля Яна III Собеского (1629–1696), чтимого в России и в Западной Европе как победителя турок в битве под Хотинном (1673). Пётр I питал к королю особо уважительные чувства и видел в нём пример для подражания. Из Вилановского парка в числе других скульптур по указу Петра I были вывезены в Санкт-Петербург мраморные бюсты Яна Собеского и его супруги Марии Казимиры Луизы (урожд. де Гранж д'Аркьен, в первом браке Замойской; 1641–1716), работы неизвестного автора, предположительно римской школы. В конце 1709 года или в начале 1710 бюсты были установлены на Дворцовой аллее Летнего сада, в непосредственной близости к Летнему дворцу — официальной резиденции царя. Эти скульптуры были отмечены в записках датского посланника в России Юста Юля (27 мая 1710): «Ища спокойствия и тишины, он <Пётр I, болевший в то время> удалился в дом, поставленный в его новоразбитом саду, где стоят с лишком 30 больших мраморных статуй художественной работы, в том числе бюсты покойного короля польского Собеского и его жены. Статуи эти вывезены из садов польских магнатов. Вообще большая часть предметов роскоши, находящихся у важных петербургских вельмож, вывезена из Польши»⁸. Бюсты отмечены и в других мемуарных свидетельствах и описаниях Санкт-Петербурга XVIII века. Обе скульптуры, ставшие первыми памятниками польской культуры в России, простояли в Летнем саду три столетия, пережив наводнения, революционные беспорядки и Блокаду; неоднократно реставрировались⁹.

⁷ Подробнее см.: *Андросов С.О.* История «Венеры Таврической» // Музей-8. Художественные собрания СССР. М.: «Советский художник», 1987. С. 122–133.

⁸ Русский архив. 1892. № 8. С. 509; *Юст Юль.* Записки Датского посланника в России при Петре Великом / Пер. Ю.Н. Щербачева (1892) // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001.

⁹ В 2009–2011 гг., в рамках работ по комплексной реконструкции Летнего сада, они, как и вся оригинальная мраморная скульптура, были отреставрированы и перемещены на постоянное музейное хранение в залы Михайловского замка. На их месте в саду установлены копии из искусственного мрамора.

Начало деятельности Петра I в художественной области связано и с систематическим приобретением живописных произведений западных школ. Этого монарха, чей эстетический кругозор существенно обогатился в ходе длительных путешествий за границу в 1697–1698 и 1716–1717 годов и многочисленных коротких между ними, по праву следует считать первым отечественным коллекционером живописи, графики и скульптуры, основоположником традиций осмысленного художественного собирательства. Продолжая тенденции, наметившиеся в просвещённой части русского общества в конце XVII века, он целенаправленно приобретал произведения различных европейских мастеров и приглашал на службу художников разных специальностей, чему сохранилось немало свидетельств¹⁰.

Приведём в связи с этим несколько анекдотов, записанных Яковом Штелиным, со слов современников Петра I и характеризующих его отношение к изобразительному искусству¹¹.

«Пётр Великий во время первого своего пребывания в Голландии в 1698 году занимался только главным своим намерением, касательно до кораблестроения, мореплавания, коммерции, фабрик и промыслов. Но во время второго своего пребывания уже рачительнее старался он особенно в науках и искусствах. Везде осматривал он публичные и знатнейших частных людей собрания картин, произведений искусства и натуральных редкостей». [Со слов И.Д. Шумахера].

«Ещё в первом путешествии по Германии, Голландии и Англии в 1697 году, Пётр Великий возымел охоту к хорошим картинам и уважение к искусным живописцам, хотя главный предмет сего путешествия и не позволил ему заниматься тем с отличным вниманием». [Со слов бар. А. Фон Мардефельда].

¹⁰ Сведения о художественных пристрастиях Петра I можно найти в следующих источниках: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: Издание Т-ва «Общ. польза», 1862; *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 гг. М.: Тип. и Словолитня О.О. Гербека, 1897; *Т. [Трубников А.А.]*. Пётр Великий и «Страшный суд» Мемлинга // Старые годы. 1910. Окт. С. 13–16; *Косуль Г.* Адам Сило и некоторые нидерландские маринисты времени Петра Великого // Старые годы. 1914. Июнь. С. 12–31; *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени. С. 5–36; *Андросов С.О.* Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999; *Он же.* Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

¹¹ В след. четырёх абзацах цит. по изданию: Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Ч. 1. М.: Тип. Решетникова, 1830. С. 64–65, 85, 105.

«Во втором своём путешествии, в 1717 и 1717 годах, Государь изъявил любовь свою к картинам и хороший вкус в оных. В Амстердаме посещал он славнейших в то время живописцев, и часто по целому часу с особенным удовольствием смотрел, как они работают, разговаривал с ними о произведениях их искусства и довёл вкус свой знанию картин до малой тонкости. Фламандские и Брабантские картины предпочитал он всяким другим, и собрал множество оных работ славнейших мастеров. <...> Особливо ж любил он картины, представляющие морские виды и корабли». [Со слов Г. Гзелля].

«В Амстердаме, в публичном картинном аукционе, Пётр Великий между множеством любителей картин, сядился обыкновенно подле маклера Ксея <Г. Гзелля — Д.С.>, живописца исторических и поучительных изображений, родом из Швейцарии, весьма искусного знатока картин, особливо ж Нидерландских, и их мастеров. Там накупил Государь множество картин любимых своих мастеров, из которых составил памятную галерею в Петергофе, остальными ж приказал украсить свои комнаты». [Со слов Г. Гзелля].

А.С. Пушкин в своём документальном исследовании «История Петра» писал о его первом заграничном путешествии: «Поехав в Амстердам, Пётр продолжал нанимать разных художников и мастеров <...> Также купил он собрание птиц, рыб, уродов и анатом.<ических> препаратов, накупил он многие картины; нанял гравера Петра Пикарда <Пикарта>, который на меди вырезал потом его военные походы и виды петербургские и украшал виньетками печатаемые в России книги. У него было и несколько русских учеников»¹². Описывая пребывание Петра I в Амстердаме в 1717 году, Пушкин сообщал: «Он посещал охотно живописцев, на аукционах накупил множество картин фламандской школы, коими впоследствии украсил покои своей супруги в Монплеzure»¹³.

Среди голландских художников, с которыми у Петра I установились дружеские отношения, кроме упомянутого Пушкиным Пикарта, можно назвать гравёра, археолога и библиографа Адриана Шхонебека (отчима Пикарта), которого царь в 1697 году, в числе первых, уговорил поступить на русскую службу, и мариниста и технического чертежника Адама Силю, у которого он в 1716–1717 годах лично приобрёл ряд картин. Помимо многих личных приобретений царя, во время второго заграничного путешествия по его указанию при посредничестве вышеупомянутого Кологривова в Антверпене и

¹² Пушкин А.С. История Петра (Подготовительные материалы) // Пушкин А.С. ПСС. Т. 10. Л.: Изд. АН СССР, 1938. С. 40.

¹³ Там же. С. 231.

Брюсселе была куплена первая крупная партия живописных работ, включавшая 117 картин на сумму в 1 743 талера.

В числе важных итогов политики Петра I и его ближайших преемников в художественной сфере стало создание первых в России картинных галерей: в Старом и Новом летних дворцах, в Екатерингофском дворце, в Летнем доме Екатерины (на месте нынешнего Инженерного замка), в Петергофе (Большой дворец, Монплеизир, Марли), в Кунсткамере (первоначально размещалась в Кикиных палатах), а также основание скульптурных парков в Летнем саду и в Петергофе.

Приобретая произведения искусства «на славу Города», Пётр I дал убедительный пример не только венценосным преемникам и преемницам, но и своему ближайшему окружению. Обладателями ценных художественных и антикварно-художественных собраний стали некоторые его сподвижники, принадлежавшие к числу образованнейших людей своего времени: гр. Яков (Якоб-Даниэль) Вилимович (Данилович) Брюс, светл. кн. Александр Данилович Меншиков, генерал-фельдмаршал гр. Борис Петрович Шереметев, генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, гр. Ф.А. Головин, канцлер П.П. Шафиров, промышленник А.Н. Демидов и др.

В дальнейшем государственная политика в области изобразительного искусства оказывала сильное влияние на частное собирательство, зародившееся в Санкт-Петербурге в среде крупных чиновников и приближённой к трону аристократии, но постепенно охватывающее всё более широкий круг горожан.

Большинство частных собраний Петровского времени строилось по образцу Кунсткамеры и носило в основном естественнонаучный характер. Произведения искусства ещё не стали предметами самостоятельного, систематического и осмысленного собирательства, но покупались и хранились наряду с драгоценностями, книгами, рукописями, старинными монетами и медалями, а также всевозможными природными редкостями, минералами, разнообразными инструментами и механизмами, роскошными предметами быта. Всё это преимущественно приобреталось за границей или привозилось в Санкт-Петербург иностранными купцами — поначалу в основном немецкими и голландскими, а с середины 1740-х годов — главным образом итальянскими.

В Елизаветинскую эпоху частное собирательство в придворных кругах получило новый импульс. Строительство петербургских дворцов и пригородных усадеб требовало постоянного расширения художественного рынка. Как и при Петре I, большинство покупок совершалось за границей, так как иностранные мастера, работавшие в

России, не могли удовлетворить неуклонно возрастающий спрос на искусство. Доля же художественных произведений, созданных отечественными мастерами, на внутреннем рынке была всё ещё относительно невелика. Торговцы стремились предложить их в первую очередь Двору и были готовы месяцами дожидаться высокого визита, поскольку покупка хотя бы одной картины для Императорского собрания влияла на уровень цен всей партии художественного товара.

В разные годы в Санкт-Петербурге побывали торговцы картинами европейского масштаба — в их числе Мартин Гослинг, приехавший в российскую столицу из Гамбурга в начале 1740-х годов и умерший здесь в 1747; датчанин Герхард Хинрик Матиас Морель, исполнявший обязанности комиссионера и хранителя художественной коллекции Датского королевского двора (приехал в Санкт-Петербург в 1747); наконец, берлинский купец и агент по художественным закупкам прусского короля Фридриха II Иоганн Эрнст Гоцковский, чья внушительная коллекция картин, преимущественно кисти старых голландских и фламандских мастеров, была в 1764 году приобретена Екатериной II и положена ею в основу Эрмитажного собрания. В истории остались имена и некоторых других торговцев художественным товаром: Дюбукир, Гральянер, Бодисони, придворные музыканты братья Далольо и др.

Якоб Штелин в своих «Записках об изящных искусствах в России» упоминает несколько характерных эпизодов, связанных с публичной продажей привезённых из-за границы художественных произведений. «В мае 1762 года я поехал с императором Петром III на биржу на голландский корабль, чтобы осмотреть большую партию картин. Из них Его Величество выбрали со мной самые лучшие и заплатили за 10 или 12 картин 560 рублей»¹⁴. «Всю весну и лето 1777 года на бирже было вывешено множество итальянских, брабантских и других картин, и среди них много настоящих оригиналов знаменитых мастеров для продажи как с рук, так и через аукцион. Они были присланы на комиссию голландским купцам Брауеру и Баке, вероятно, из Амстердама»¹⁵.

Любопытно продолжение вышеприведённого фрагмента воспоминаний Штелина: «В том же самом году <1777> здесь находились два торговца картинами, господина Деди и Бодуэн с сокровищем большей частью отменных оригиналов больших мастеров (122 картины), которые они привезли сюда для продажи прямо из Португалии. Вна-

¹⁴ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., пер. с нем. и прим. К.В. Малиновского. В 2-х т. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 371.

¹⁵ Там же. С. 381.

чале им предоставили целый покой в императорском Летнем дворце для развески их картин. Там они висели, пожалуй, полгода, пока Ее Величество не пришла туда осмотреть их. Но как Ее Величество не выказала желаний (быть может, отпугнутая назначенными слишком высокими ценами) что-либо купить, то они должны были забрать свои картины обратно и вывесили их в неотделанном зале дома Экономического общества, после того как они через газету известили об этом и пригласили публику»¹⁶. В отпечатанном каталоге этой партии картин, приведённом Штелином, названы и описаны работы Корреджо, Тинторетто, Тициана, Гвидо Рени, Рубенса, а также картина Микеланджело «Иисус перед судом Пилата», оцененная купцами в 12 тысяч рублей¹⁷. Этот фрагмент, помимо прочего, иллюстрирует то, какую важность придавали иностранные купцы продаже художественных произведений именно в императорское собрание. Очевидно, что такие продажи имели исключительное значение для деловой репутации коммерсанта, поднимали авторитет и доверие в придворных кругах.

Записки Якоба Штелина являются образцом просвещённого знаточества в художественной области, чрезвычайно редкий в то время в России. Обычно же в торговых извещениях XVIII века картины обозначались анонимно, без указания авторов; вместо этого давались ремарки рекламного характера: «изрядные», «лучших мастеров», «отборнейшие живописные и галерейные картины работы славнейших мастеров» и т.п. Во второй половине столетия, в связи с небывалым ростом интереса к художественному коллекционированию, к продаже нередко предлагались полотна, безапелляционно приписываемые кисти наиболее знаменитых западных мастеров, включая Рафаэля, Тициана, Рубенса и Ван Дейка, имена которых были «на слуху» у образованных людей. Так, в 1779 году в одном из газетных объявлений сообщалось о продаже «картинного кабинета», включавшего «работы славных мастеров, Тациана, Гуидо, Карраха, Гуерхина, Питеро ди Кортоне, Веронезе, Феласкеза, Пузина, Тенниера, фан Дика, Лакресса, Вуверманна, Бергама, Шваненфельда, Бота» (речь, надо думать, шла о картинах Тициана, Гвидо Рени, Караччи, Гверчино, Веласкеса, Пуссена, Тенирса, Ван Дейка и др.)¹⁸ Впрочем, такого рода обманы зачастую были невольными и могли

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 381–384. Упомянутое Штелином здание основанного в 1767 г. Вольного экономического общества размещалось на Дворцовой площади, на месте нынешнего здания Генерального штаба.

¹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1779. № 92.

объясняться не только корыстным умыслом, но крайне малым числом подлинных знатоков искусства и неразвитостью дела художественной экспертизы.

Пройдёт ещё несколько десятилетий, прежде чем на российском художественном рынке сложится ответственная система взаимоотношений между покупателем-коллекционером и антикваром-экспертом, предполагавшая выдачу сертификатов и издание каталогов с атрибуцией продаваемых произведений.

В середине XVIII века стало формироваться так называемое бытовое направление собирательства. Его целью было украшение жилья, свидетельство причастности к высокой культуре и демонстрация материального благополучия¹⁹. Историк Е.П. Карнович замечал: «Дома русской богатой знати, не понимавшей ничего не только в классической, но и родовой древности, а также не знавшей толку в художественных произведениях, наполнялись редкостными изделиями мраморов, антиков, “болванчиков” и картин»²⁰. Однако тогда же начали складываться и специализированные художественные коллекции — картинные галереи. Они составлялись уже не за счёт приобретений «по случаю», а в соответствии с определёнными эстетическими вкусами и замыслом владельца. В этот период сформировались, в частности, богатые картинные галереи гр. К.Г. Разумовского, гр. Н.П. Шереметева, гр. И.И. Шувалова, в которых числились многие шедевры западноевропейских школ, а также предметы античности.

Продолжая дело Петра I и Елизаветы Петровны, Екатерина II со свойственным ей азартом и имперским размахом включилась в борьбу за обладание лучшими европейскими художественными шедеврами. Впечатляющим событием культурной жизни XVIII столетия стало основание ею в 1764 году картинной галереи Эрмитажа, которая первоначально располагалась в Зимнем дворце и в здании так назы-

¹⁹ *Овсянникова С.А.* Частное собирательство в России в XVIII первой половине XIX века // Очерки истории музейного дела в России. Вып. 3. М.: «Советская Россия», 1961. С. 269–299; см. также: *Савинская Л.Ю.* Знаток живёт изучением: Художественный рынок первой половины XIX в. и русские коллекционеры западноевропейской живописи // Мир Музея. 1995. № 2. С. 23–29; *Сальникова И.И.* Мы были... (Из истории государственного и частного собирательства произведений русского искусства XVIII — первой половины XIX в.). СПб.: БЛИЦ, 2003; *Малиновский К.В.* История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб.: «Крига», 2012.

²⁰ [*Карнович Е.П.*] Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование Е.П. Карновича. СПб.: Типография К.Н. Плотникова, 1874. С. 67.

ваемого Малого Эрмитажа, построенного в 1764–1765 годах по проекту Ю.М. Фельтена и Ж.-Б. Вален Деламота.

История приобретений художественных произведений для Эрмитажа подробно изложена в ряде научных публикаций²¹. Художественное собрание, являвшееся собственностью императрицы, в 1778 году получило статус Императорского музея, доступного для обозрения посетителям дворца. Важно отметить, что уже во второй половине 1760-х годов доступ к эрмитажному собранию был открыт художникам, в том числе педагогам и ученикам Академии художеств, для изучения и копирования произведений основных европейских школ, представленных в музее. С этого времени молодые художники, наряду с академической, проходили «эрмитажную» школу, что со временем стало важнейшей частью профессионального художественного образования в Санкт-Петербурге. Выдающиеся русские портретисты XVIII века, никогда не бывавшие за границей — Ф.С. Рокотов, Д.Г. Левицкий, В.Л. Боровиковский, — знакомились с произведениями своих европейских предшественников и современников по эрмитажному собранию. Исполненные Ф.Я. Алексеевым в Эрмитаже по поручению Екатерины II копии с картин Б. Белотто и А. Каналетто помогли ему добиться официального признания в качестве пейзажиста²². Исключительно важное значение эрмитажное собрание имело для становления русской школы скульптуры и для развития отечественного искусства гравюры.

В годы правления Екатерины II частное собирательство получило в высших слоях общества дальнейшее развитие. Комплектование картинных галерей по примеру императрицы вошло в моду и считалось едва ли не частью придворного этикета. «В XVIII веке и ещё в первую половину XIX века европейские любители беспокоились, как бы русские не увезли все художественные сокровища к себе, *dans les steppes*, и как бы не остаться ни с чем, — писал А.Н. Бенуа. — С неустанным увлечением собирала Екатерина II, и почти не уступали ей первые сановники. <...> Каждый барин, каждый помещик считал долгом наполнять свой дом произведениями искусства. Многие при этом делали смешного, провинциального и прямо варварского, но, в общем, беспокойство иностранцев имело основание <...>»²³. Обладателями

²¹ *Суслов А.В.* Эрмитаж: Краткий исторический очерк. Л.: К-т популяризации худож. изданий, 1927; *Левинсон-Лессинг В. Ф.* История картинной галереи Эрмитажа. (1764–1917). Л.: Искусство, 1985.

²² *Микац О.В.* Роль Эрмитажа в творческом становлении мастеров русской живописи // *Культура и искусство России XIX века: Сб. статей.* Л.: Искусство, 1985. С. 8–13.

²³ *Бенуа А.Н.* Приобретения Эрмитажа // *Речь.* 1909. 10 сент. (№ 248).

богатейших собраний западноевропейской живописи во второй половине XVIII века стали кн. Н.Б. Юсупов, канцлер кн. А.А. Безбородко, кн. А.М. Белосельский, кн. А.М. Голицын, гр. А.С. Строганов, гр. А.П. Шувалов, гр. Г.Г. Орлов, генерал-фельдмаршал гр. З.Г. Чернышёв, сенатор А.В. Олсуфьев, адмирал Н.С. Мордвинов, генерал от артиллерии А.И. Корсаков, наконец, наследник престола вел. кн. Павел Петрович, обладавший художественным вкусом и сам имевший страсть к рисованию²⁴.

В Екатерининскую эпоху, как и в прежние годы, петербургские собрания пополнялись в основном за счёт покупок на европейском художественном рынке, где к этому времени сложилась хорошо налаженная система торговли предметами искусства: имелись магазины, регулярно устраивались публичные выставки, специализированные аукционы и лотереи, сопровождавшиеся каталогами, издавались репродукционные гравюры, путеводители и справочники по искусству, где уже сформировался слой комиссионеров, аукционистов, знатоков и экспертов. Выезжавшие на Запад русские аристократы при покупках пользовались услугами европейских специалистов — антикваров, знатоков и художников. Художественными столицами Европы с середины XVIII века были Париж и Лондон, перенявшие эстафету от Амстердама (усилению позиций Лондона на европейском художественном рынке способствовало появление первых крупных аукционных домов Sotheby's — в 1744, и Christie's — в 1766). С конца 1770-х годов предметы искусства для русских собраний во множестве приобретались и в Риме, который стал крупнейшим центром антикварной торговли.

Немаловажную роль в развитии художественной и антикварно-художественной торговли в России сыграли внешнеполитические события конца XVIII — начала XIX века. Французская революция 1789 года привела к разорению старой аристократии, а начавшиеся наполеоновские войны привели к ухудшению экономики большинства европейских стран, к обеднению значительной части правящей элиты. Именно в эти годы в Россию различными путями стекались произведения высокого художественного уровня, оказавшиеся на европейском рынке. Нередко с помощью профессиональных торговцев и антикваров первоклассные художественные коллекции приобретались целиком. Революционные события во Франции вызвали и значительный поток эмиграции, который привёл в Россию ряд

²⁴ Анализ упомянутых и других собраний дан в вышеупомянутой книге: *Малиновский К.В.* История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке.

выдающихся деятелей культуры, в числе которых можно назвать художницу М.Л.Э. Виже-Лебрен, архитектора Ж.Ф. Тома де Томона, дипломата и археолога гр. М.-Г.Ф.О. Шуазель-Гуффе, занимавшего в 1797–1800 годах посты президента Академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки.

Богатые фамильные художественные собрания существовали, как правило, недолго. Чаще всего они распродавались по частям вскоре после смерти составившего их собирателя, что вытекало из общих политико-экономических особенностей России. Карнович пишет: «История частных богатств в России отличается почти беспристрастной игрою слепого случая. Последовательное же и постепенное развитие богатств в нескольких поколениях одной и той же фамилии было слишком редким исключением из этого общего явления. Большею же частию бывало так: если кому раз повалило богатство, каким бы то ни было путём, то оно обыкновенно валило неудержимо в громадных размерах до какого-нибудь рокового удара или внезапно разразившейся беды»²⁵.

В противовес «просвещённому дилетантизму», некоторой эстетической «всеядности» и стремлению к «роскошному украшательству», характерных для частного художественного собирательства в России в XVIII веке, в следующем столетии в этой сфере стали преобладать целеустремлённость и опора на точные знания. К первым десятилетиям XIX века относится зарождение традиций научного коллекционирования. Вместе с тем, в эти годы всё более укоренялось представление о произведении искусства как о предмете, обладающем не только художественно-эстетической ценностью, но также ценностью исторической и музейной.

Граф Александр Строганов, сменивший в 1800 году гр. Шуазель-Гуффе на посту президента Академии художеств, в предисловии к каталогу своего собрания впервые в истории отечественного коллекционирования выразил кредо собирателя: «Я написал этот каталог для самого себя, чтобы отдать себе отчёт в богатстве, собранном мною в течение последних 27 лет, а также, чтобы выразить чувство, которое вдохновило меня к собирательству. Я пишу для истинных любителей искусства, которые не сознают себя иначе, как через страсть к искусству и у которых эта страсть зародилась вместе с их первыми представлениями, чтобы возрасть от всякой встречи с прекрасным; которые, одним словом, питают к искусству чистую

²⁵ [Карнович Е.П.] Замечательные богатства частных лиц в России. С. 5.

любовь и стараются приобрести знания, необходимые для полного и абсолютного понимания произведений»²⁶.

Русское искусство, на протяжении почти всего XVIII столетия представлявшееся знатокам вторичным и подражательным, оставалось за рамками собирательских интересов вплоть до расцвета Александровской эпохи. В описаниях аристократических художественных собраний того времени упоминаются лишь немногие портреты кисти отечественных мастеров (И.П. Аргунова, Ф.С. Рокотова, А.П. Лосенко, Д.Г. Левицкого), украшавшие, скорее всего, не галереи, выставляемые напоказ, но личные покои хозяев. Добавим к этому, что русскими художниками тогда было написано и множество заказных копий с западноевропейских шедевров, нередко бытующих теперь на мировом рынке в качестве оригиналов.

«Поверишь ли, — восклицал В.И. Григорович в “письме ч Читателю”, опубликованному в альманахе “Северные цветы”, — в Петербурге нет ни одного богача, который имел бы у себя собрание русских произведений, при всём том, что нет ни одного рода искусства, в котором бы мы не имели художников превосходных, и что есть множество галерей, наполненных и прекрасными, и весьма посредственными иностранными произведениями»²⁷.

Изменению общественных взглядов на отечественное искусство в значительной мере способствовал взлёт патриотических чувств, связанный с впечатляющей победой русского оружия в Отечественной войне 1812 года, который пробудил интерес просвещённого общества к национальной культуре. «С 1812 года война за Отечество подействовала на умы, — отмечал Григорович в своём следующем письме. — Русское отечественное получило цену в глазах даже любителей иноземного, и Публика (конечно, не вся) жалела иногда уже о том, что молодые Художники, не имея занятий достойных, уклонялись на другие пути, далёкие от первого назначения своего <...>»²⁸. Собрание и изучение русской художественной старины постепенно становилось самостоятельным направлением коллекционирования, стимулирующим развитие петербургского антикварно-художественного рынка. Наряду с этим неуклонно рос интерес к современному

²⁶ Catalogue raisonné des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff. Saint-Petersbourg, l'imprimerie du Corp Impérial des Cadets Nobles. 1793 (перевод по публикации: Французские архитекторы и художники XVIII начала XIX в. Кат. выставки в ГРМ. СПб.: Palace Edition, 2003. С. 39–40.

²⁷ В. ... [Григорович В.И.] О состоянии художеств в России. Письмо к Читателю // Северные цветы на 1826 год, собранные бар. Дельвигом. С. 98.

²⁸ Он же. О состоянии художеств в России. Письмо V // Северные цветы на 1827 год. СПб., 1827. С. 6.

отечественному искусству, которое уже к началу XIX века представляло достаточно широкое поле для целенаправленного собирательства.

Но вернёмся к Петровской эпохе. Итогом деятельности Петра I в области искусств стала фундаментальная реорганизация российской художественной жизни, которая выразилась в уходе от средневековых традиций и византийских канонов, в обретении отечественным искусством светских черт и европеизированного облика, в развитии начал современного художественного образования, наконец, в формировании нового для русского общества представления о художнике как о творческой личности, обладающей высоким призванием и способной занять подобающее место в государственной иерархии. Неотъемлемой составляющей петровских преобразований в сфере искусства стала намеченная им программа целенаправленного приобретения художественных произведений и формирования художественных собраний, долженствующих свидетельствовать о причастности России к мировой культуре, символизировать мощь политического, экономического и духовного потенциала государства.

Шаму Маргарет
(США)
Преподаватель Школы дизайна Парсонс
(Университет Новая школа) и Музея Метрополитен

Античная Венера Петра Великого: проблемы исследования и интерпретации

В 1719 году Пётр I приобрёл в Риме античную скульптуру Венеры для своего Летнего сада в Санкт-Петербурге (*илл. 1*)¹. Когда в 1721 году скульптура была доставлена в столицу, она затмила десятки других барочных изваяний итальянских мастеров, собранных Петром в предыдущие десятилетия для коллекции Летнего сада. Античная Венера, как её в то время называли, является апофеозом в области «западных» реформ русского царя в отношении искусства. Приобретая Венеру, самодержец не только оказывал почитание европейской художественной традиции, но и претендовал на собственное право и право своей же страны быть частью этой европейской культуры.

Теперь, тремя столетиями позже, по результатам реставрационных работ Летнего сада в 2012 году, кажется, настало время по-новому взглянуть на царскую Венеру. Сложности реставрационного периода у всех на слуху. Одна из проблем заключается в том, что сам сад никогда не обладал точной, постоянной, детальной топографией, но из года в год, от сезона к сезону, менялся. Постоянно возника-

¹ О приобретении скульптуры, см.: Андросов С.О. История «Венеры Таврической» // Музей—8. Художественные собрания СССР. М., 1987. С. 122–133. В данной работе её называют Венерой потому, что при Петре она считалась римской Венерой, а не эллинистической Афродитой. См.: Круглов А.В. Венера Таврическая — римская копия или эллинистический оригинал? // Эллинистические студии в Эрмитаже. СПб., 2004. С. 18–33.

ли новые насаждения, постройки, фонтаны в соответствии с бесчисленными придумками совершенно разных дизайнеров. В этом случае, до какого же периода своего существования лучше всего отреставрировать сад? И более того, в исторических материалах до сих пор наблюдаются пробелы, мешающие исследователям найти надёжный ответ на несколько важных вопросов.

Данная статья имеет целью простой вопрос: как русская публика отнеслась к изваянию Венеры Петра Великого (ныне Таврической Венеры), когда та была установлена в Летнем саду в 1721 году? Ответ на этот вопрос затруднён отсутствием документов и свидетельств: у нас нет в наличии ни самих изображений Венеры в Летнем саду того периода, ни замечаний русских посетителей из тех, кто видел её. Приступив к изучению вопроса, я обнаружила распространённое мнение, даже среди учёных, что Венера, должно быть, породила бурю скандалов в среде русской публики именно по причине своей наготы. Подобная точка зрения прослеживается и в современных текстах, посвящённых Летнему саду и истории Санкт-Петербурга². В результате нескольких лет исследований, я не обнаружила в первоисточниках упоминаний о подобном скандале.

1. Афродита (Венера Таврическая). Древняя Греция. II век до н.э. Мрамор. Выс. 167 см. Приобретена для Петра I в Риме в 1719. Государственный Эрмитаж.

² *Калязина Н.В.* Монументально-декоративная живопись в дворцовом интерьере первой четверти XVIII в (к проблеме развития стиля барокко в России) // Русское искусство Барокко. Материалы и исследования / ред. Т.В. Алексеева. М., 1977. С. 62; *Овсянников Ю.* Доминико Трезини. Л., 1987. С. 69; *Он же.* Три века Санкт-Петербурга. История, культура, быт. М., 1997. С. 29–30; *Bukina A., Petrakova A., Phillips C.* Greek Vases in the Imperial Hermitage Museum: The History of the Collection, 1816–1869. Oxford, 2013. С. 51.

Данная работа — попытка нового взгляда на восприятие Венеры. Вначале исследование коснётся того, что мы знаем о скульптурах Летнего сада (в особенности, самого изваяния Венеры) и того, как они были выставлены. Далее мы рассмотрим исторический контекст петровской России для того, чтобы попытаться обозначить факторы, которые могли повлиять на восприятие данной скульптуры русской публикой. В конечном итоге, исследование затронет факторы, преобладавшие в XX столетии, которые, так или иначе, сформировали сегодняшнее представление исторического прошлого.

Среди множества инноваций, начатых Петром I, было и садовое мастерство, положенное созданием Летнего сада в 1704 году. Летний сад (тогда «царский огород») планировался европейскими мастерами, среди которых в самом начале присутствовал Ян Роозен. Садовники и садовые дизайнеры работали под неусыпным оком самого царя, который, по всей видимости, собственной рукой нарисовал самый первый чертёж. Располагая в саду скульптурные изваяния аллегорического и мифологического содержания, самодержец мыслил их в качестве своеобразного трёхмерного учебника по культуре и эстетике западного мира в образовательных целях русской элиты. В тот момент европейские садоводы и ландшафтные дизайнеры работали в стране, не имевшей ранее опыта и традиций в области создания как регулярного ландшафтного дизайна, так и коллекционирования произведений искусства.

Хотя до нас не дошли изображения Венеры в Летнем саду, мы, тем не менее, можем высказать некоторые идеи относительно её демонстрации. Принципы, по которым Пётр выставял скульптуру, соответствовали не только традициям Версаля, куда он ездил в 1717 году, но и развивались, приспосабливались и ассимилировались согласно разным доступным ему источникам. Это и голландские сады, которые он видел в 1697–1699 годах, и европейские эстампы, и книги из его собственной библиотеки³. Один из садов, который Пётр знал лучше всех, принадлежал Николаасу Бидлоо, голландцу, на долгие годы остававшемуся близким другом царя. Бидлоо разбил на окраинах Москвы свой собственный сад, который в начале XVIII века стал одной из ярчайших достопримечательностей России; сохранившиеся эскизы самого Бидлоо свидетельствуют о предполагаемой роскоши. Царь великолепно знал сад Бидлоо, поскольку часто там бывал, вне зависимости от того, находился ли там сам хозяин

³ *Erik de Jong. Of Plants and Gardeners, Prints and Books: Reception and Exchange in Northern European Garden Culture, 1648–1725 // Baroque Garden Cultures: Emulation, Sublimation, Subversion. Michel Conan. Washington, D.C., 2005. С. 37–84.*

2. Николаас Бидлоо. Вид сада с веранды. Ок. 1725–1735.
Библиотека Лейденского университета.

или нет. Среди украшений и стриженной живой изгороди, сад Бидлоо включал в себя и легко драпированную статую Дианы на пьедестале, что, по мысли Бидлоо, соответствовало надлежащему положению классической садовой скульптуры (илл. 2).

Царь не только посещал сады, но и имел возможность читать о них. Книги и альбомы гравюр из библиотеки Петра Великого демонстрируют наглядные визуальные примеры и точные указания на то, каким образом располагать скульптуру. В дополнение к изобразительным рекомендациям в изданиях гравюр Даниела Маро (Daniel Marot) и Габриел Перель (Gabriel Perelle), Антуан-Жозеф Дезайер Дарженвиль (Antoine-Joseph Dézaillier d'Argenville) в книге «Теория и практика садового искусства» перечисляет те места, где скульптуре подобает быть: вдоль променад, в шпалерных беседках, бассейнах и водопадах⁴. Главная фигура сада, подобная Венере царя, всегда устанавливалась отдельно: то в нише большого шпалера, то на вершине фонтана. В изданиях библиотеки царя садовые павильоны и беседки не служили местами для выставления произведений искусства. Они

⁴ *Marot Daniel*. Oeuvres: Contenant plusieurs pensées utiles aux architectes, peintres, sculpteurs, orfèvres & jardiniers, & autres. La Haye: P. Husson, 1702; *Perelle Gabriel*. Chantilly et ses jardins et fontaines et cascades. Paris, [S.a.]; *Dézaillier d'Argenville Antoine-Joseph*. La théorie et pratique du jardinage. La Haye, 1715. Множество книг о ландшафтном дизайне и садовой культуре в библиотеке царя перечислены в библиографии, составлены Е.И. Бобровой. Библиотека Петра I. Указатель-справочник / Под ред. Д.С. Лихачёва. Л., 1978.

3. *Бернард Барон*. Вид королевского театра с Ротонды (по рисунку Жака Риго). Около 1739. Офорт, 66,5 x 49 см. Британский Музей.

обычно использовались для того, чтобы там можно было присесть и отдохнуть, или переждать ненастную погоду, но к 1720 году европейцы стали устанавливать там статуи.

Показательный пример этой новой тенденции находится в Англии, где архитектор сэр Джон Ванбёрг возвёл в 1721 году ротонду, известную как маленький храм Венеры, для сада Ричарда Темпла в Стоу (илл. 3). Ионические колонны ротонды поддерживают купол, над золочёной копией Венеры Медичи, выше человеческого роста, на округлом римском алтаре. Ротонда Ванбёрга явно отсылает нас к святилищу и самой первой скульптуре такого рода — работе Праксителя в Книдосе. Плиний старший описывает книдское святилище, или эдикула, в своей «Естественной истории»: «Эдикула её вся открыта, чтобы отовсюду видно было изображение богини, созданное, как считают, под покровительством её самой»⁵. Поскольку ротонда Венеры была построена в том же году, когда в Летнем саду появилась Венера Петра Великого, вряд ли можно предположить, что одна из них имеет отношение к другой. В самом деле, ротонда Ванбёрга свидетельствует о том, что мастера садового искусства и помещики стран Северной Европы предпочитали классическое расположение скульптур, демонстрируя близость к античности.

⁵ *Плиний Старший*. Естественная история XXXVI:21. Цит. по Естествознанию: Об искусстве / Пер. Г.А. Тароняна. М., 1994. С. 119.

4. А.Ф. Зубов. Летний Дворец Петра I. 1716–1717.
Серия «малых» видов Санкт-Петербурга из 11 гравюр,
прилагавшихся к «Панораме Санкт-Петербурга» А. Зубова.
Бумага; офорт, резец. 16,5 x 20,4 см. Государственный Эрмитаж.

Единственное изображение с видом Летнего сада из эпохи Петра I, гравюра Алексея Зубова под названием Летний Дворец, было опубликовано четырьмя годами ранее того, как в Петербург была доставлена царская античная Венера (илл. 4). В дополнение к этой гравюре и к вышеупомянутым изображениям садовой европейской скульптуры мы имеем возможность представить себе её выставление благодаря упоминанию в первоисточнике. Фридрих Берггольц, посланник двора Шлезвиг Гольштейн, в своих заметках описал местоположение царской Венеры близко к Неве: «С северной стороны, у воды, стоят три длинные открытые галереи, из которых длиннейшая средняя.... В средней галерее находится мраморная статуя Венеры, которою царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней, для охранения, часового. Она, в самом деле, превосходна, хотя и попорчена немного от долгого лежания в земле»⁶. Смотри на гравюру Зубова, зрителю нетрудно себе представить, как она стояла у Невы, не в храме, а в галерее классического духа. Тем, что царь поместил статую в отдельной галерее, подчёркивалась её особая значимость в коллек-

⁶ Берггольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берггольца. 1721–1725 / Пер. И.Ф. Аммон. М., 1902. С. 61–62.

ции. Тот факт, что ей уделялось повышенное внимание, и тем паче, что ей была предоставлена охрана, привело в дальнейшем к приличному числу домыслов в течение XX столетия.

Попутные заметки, оставленные европейскими посетителями Санкт-Петербурга, рассказывают больше о европейском восприятии, чем о русском. Заметки Бергхольца, или же датского посланника Юста Юля, отдают должное Летнему саду с его скульптурами. Изваяния вполне были сопоставимы с европейской садовой скульптурой, например, Хет Лоо в Голландии с её фонтанами Венеры и Геркулеса, свидетельствующими о любви королевской четы. В русской культуре, напротив, не существовало отдельного чисто эстетического контекста, в котором могла бы восприниматься обнажённая или частично драпированная аллегорическая фигура, не говоря уже о какой-то там античной богине. В силу отсутствия прямых указаний на то, как русская публика принимала скульптуру Венеры, мы вынуждены обратиться к непосредственному историческому контексту.

Православная церковь традиционно отвергала все виды скульптуры в силу присущей ей плотскости и соответствующего соблазна идолопоклонничества. Но и в России существовала народная скульптурная традиция, которая совмещала незатейливые местные резные фигуры с христианской тематикой, добавляя живопись иконописной традиции, подчёркивая эффект трёхмерной моделировки (илл. 5). К началу XVIII века, так или иначе, этот вид скульптуры существовал лишь на периферии русской культуры. Такая стилизованная скульптура выживала только в отдалённых деревнях, вдалеке от городских центров, где довлела официальная церковь.

Отцы церкви воспринимали новую скульптуру, поступавшую в Россию, как некую опасность в связи с тем, что барочные изваяния, будучи куда более приближёнными к жизни, представлялись им идолами, грозившими увлечь паству от православных икон. В самые первые годы правления Петра, когда он только начал ввозить в Россию западное искусство, два патриарха выступили с критикой чужеродных образов небывалой дерзости, не убоившись царского гнева.

Одним из них был Митрофан, Воронежский митрополит, проживший до 1703 года. Когда царь остановился в Воронеже, чтобы наблюдать за постройкой морского флота, он жил во дворце, окружённом скульптурами мифологического и аллегорического содержания, предполагаемо барочными изваяниями, подобными тем, что находились в Летнем саду перед прибытием Венеры. Согласно житию Митрофана, которого позже причислили к лику святых, он отказался идти на поклон к царю, когда тот потребовал митрополиту

явиться⁷. Тот так и не появился в царских хоробах даже под угрозой мученической смерти, обещанной ему Петром, предпочитая не приближаться к месту, переполненному погаными, языческими, идолами. В конце концов, согласно житию, Пётр удалил изваяния, и с того самого момента впредь выказывал митрополиту высочайшее уважение.

Другой митрополит, прогнавший насаждавшееся в России искусство, Димитрий Ростовский, позднее также канонизированный, говорил в проповеди 1708 года: «Нынешних времен некоторые господа стыжнутся в домах своих поставлять икону Христову или Богородичну, но уже некия безстыдные поставляются изображения Венеры или Дианы, или прочих ветских кумиров, или новых, например, королеву Гишпанскую, или Аглинскую, или Французскую» (такая орфография в оригинале)⁸.

Очень интересно изучить отзывы митрополитов для того, чтобы представить себе правильную картину общественного восприятия Венеры русскими в начале XVIII века. Ведь царская античная Венера была не просто

5. Деревянная скульптура. Николая Чудотворца (Никола Можай).
Конец XVII – начало XVIII века.
Дерево (липа), левкас, темпера, объемная
резьба. 180 x 90 x 35. Из Чердыни,
ныне Пермская государственная
художественная галерея.

⁷ Житие иже во святых отца нашего Митрофана, в схимонасах Макария, первого епископа Воронежского и новоявленного чудотворца. М., 1838. С. 42–48.

⁸ Цит. по: Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1790 г.). СПб., 1891. С. 396–97.

изваянием, а самым настоящим идиолом языческой веры, предметом религиозного почитания. Вполне понятно, что работа подобной духовной силы заслуживала особое внимание церкви. Однако, изучая относящиеся к сути вопроса свидетельства, важно отметить, что реакция Митрофана Воронежского и Димитрия Ростовского на образы нового искусства в России относится к периоду более раннему, чем Венера была доставлена в Санкт-Петербург. Умонастроение митрополитов характеризует, в общем, самые первые годы правления Петра, но никоим образом не является отзывом на появление статуи Венеры в 1721 году.

Обоих митрополитов вряд ли отнесёшь к рядовым посетителям Летнего сада. Царский сад планировался в качестве места увеселительных царских ассамблей для петербургской элиты — таких же самых «безстыдных господ», которые устанавливали изображения «венер», «диан» и «европейских монархинь» у себя в домах. Неужели вид обнажённой античной Венеры способен был вызвать у такой публики шок?

Если мы хотим получить более конкретный отзыв на восприятие европейской скульптуры русским аристократом той эпохи, нам следует обратиться к путевым заметкам стольника Петра Андреевича Толстого, который в конце XVII века был отослан Петром в Венецию овладевать навигацией. Будучи в Милане и Риме, он писал о живописных и скульптурных работах, виденных им, восхваляя: «вырезаны из белаго камня мрамороваго подобия человеческия мужеска полу и женска, изрядною предивною работою» и «преславныя фонтаны <...>, того за множеством их никто подлинно описать не может» (такая орфография в оригинале)⁹. Его восприятие итальянской скульптуры оставалось абсолютно восторженным: он просто теряет дар речи от восхищения. И хотя мы не всегда можем идентифицировать изваяния, о которых он пишет в своих заметках, они, безусловно, принадлежали ряду обнажённых и частично драпированных скульптур, что заполняли Летний сад. Толстой, как и многие, кого Пётр отсылал учиться в Европу, должно быть, принадлежал к первому числу лиц, впервые увидевших царскую Венеру.

Итак, суммируя вышесказанное, мы кое-что можем сказать о доставке Венеры в Санкт-Петербург и о том, как она была установлена. Мы знаем, что митрополиты в ранние годы царствования Петра резко отвергали скульптуру, в то время, как свидетельства основной аудитории — российской элиты, близкой царскому кругу — де-

⁹ Толстой П.А. Путешествие Стольника П.А. Толстого 1697–1699 // Русский архив, 1888. Кн. 2. № 4. С. 528; № 7. С. 251, 259.

монстрируют интерес к ней. На самом деле, некоторые принимали её с восхищением, возможно, благодаря их знакомству с европейской скульптурой. В таком случае, откуда же взялось мнение, что царская Венера по причине своей наготы вызвала скандал в новой столице? Я хотела бы предложить два возможных источника.

В 1905 году Дмитрий Мережковский опубликовал последний том трилогии «Христос и Антихрист» «Пётр и Алексей»¹⁰. Роман начинается главой под названием «Петровская Венера», где в сценическом действе дворцовые слуги, одетые языческими божествами, воздают почести скульптуре посреди фейерверка и праздника. Аристократы высшего круга, мужчины и женщины, целуют ей руки, ноги и отвешивают ей поклоны; Пётр возносит молитву, чтобы Венера и Марс объединились во славу России. Мережковский замечает, что скульптура обнажена, но основная тема его труда религиозная, а именно, для него значим конфликт между опасным увлечением чужеземными идолами и чистотой православной веры. Глава заканчивается драматически: раздаётся гром молний, и икона Божьей Матери раскалывается надвое.

При создании романа Мережковский обращается к доступным нам и по сей день первоисточникам: воспоминаниям зарубежных посетителей Санкт-Петербурга и отчётам петровских посланников из Европы. Они возникают как цитаты из уст исторических персонажей, произносящих эти слова. Мережковский меняет некоторые факты (к примеру, указывает дату установки Венеры шестью годами ранее, в 1715), но в целом создаёт убедительный сценарий, основанный на исторических изысканиях. Складывается впечатление, что Мережковский, опираясь в своей художественной литературе на исторические документы, убедил современных себе читателей в том, что русская публика была шокирована и в высшей степени возмущена фактом установки изваяния Венеры в Летнем саду. Тут важно помнить о том, что автор восполняет пробелы в исторических свидетельствах своими собственными представлениями человека, принадлежащего эпохе Серебряного века.

В советский период учёные, конечно же, знали литературные труды Дмитрия Мережковского, но в силу их религиозной направленности, они не могли стать предметом научных исследований. В то время, особенно с 1950-х по 1980-е годы, появление царской Венеры в Летнем саду порождало беспокойство. Но вместо того, чтобы объяснить это мнимое беспокойство религиозными спорами — скульптура против иконы, язычество или протестантство против правосла-

¹⁰ Мережковский Д.С. Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 2. М., 1990.

вия — писатели претендовали на то, что источником скандала являлась нагота Венеры. Здесь очень важно отметить, что эта информация не содержится в работах, которые опираются на первоисточники, например, работы С.О. Андросова или О.Я. Неверова. Другие авторы, повторяющие легенду, либо пишут без примечаний, либо ссылаются на работы Андросова и Неверова, в которых легенда так и не упоминается. Если легенда исследуется подробно, получается путаница. Но даже без серьёзных солидных источников, легенда очень часто встречается на уровне общеизвестных знаний, даже в среде учёных. Кажется, что утверждение о наготы Венеры основано больше на советской стыдливости, чем на вкусах петербургской элиты XVIII века. С этой точкой зрения, выставить Венеру в отдельной галерее, охраняемой часовыми, нужно было для того, чтобы защитить её от вандализма тех лиц, кого оскорбляло её обнажённое тело. У царя был повод волноваться о вандализме, так как барочные скульптуры, уже стоявшие шесть лет в саду до появления Венеры, были повреждены¹¹. Однако причины повреждений, кажется, не были основаны на религиозных чувствах или проблемах с самими скульптурами, а скорее являлись результатом небрежного отношения к ним со стороны посетителей (трогали пальцы, мечи или драпировку).

Итак, рассматривая исторические материалы и версии о русском восприятии античной Венеры Петра, я хотела бы предположить, что пока остаётся много неизвестного. Её наверняка выставляли под охраной в галерее, так как это античное изваяние самое древнее и, возможно, самое ценное в России того времени. В нашей работе мы хотели бы найти ответы на важные вопросы и, по возможности, ликвидировать пробелы в истории данной эпохи. Но у нас не хватает сведений, и, возможно, мы заполняем пробелы своими вымыслами. Нам приходится признать, что, сколько бы мы ни пытались исследовать, конкретный ответ пока остаётся неуловимым.

Автор выражает свою благодарность переводчику Александру Лакману, а также Галине Александровне Хвостовой и Галине Мардилович.

¹¹ *Хвостова Г.А.* За кулисами Петровского «парадиза»: будни мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII веке // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). Т. 2 / Под. ред. Л.А. Вербицкой, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева. СПб., 2010. С. 453–464.

Болтунова Екатерина Михайловна
(Москва)
*Доцент гуманитарного факультета
Высшей школы экономики*

Петровская топонимика, политическая практика и региональная статусность второй половины XVIII века

В современных исследованиях русские и европейские топонимы, восходящие к имени Петра Великого или событиям его царствования, традиционно рассматривают в контексте практик легитимации и/или в рамках истории памяти. Исторические примеры для проведения анализа такого рода многочисленны и увлекательны сами по себе.

Такова, например, история с внуком Петра Великого Петром II, который, как известно, повторял не только имя деда, но и его отчество (Пётр Алексеевич), то есть антропометрически копировал его. Впоследствии именно имя Пётр позволило регенту при юном императоре князю А.Д. Меншикову начать конструирование монаршего образа Петра II путём апелляции — в том числе и топонимической — к Петру Великому. Так, 17 мая 1727 года состоялась значимая символическая акция: Васильевский остров Санкт-Петербурга был переименован в Преображенский¹. За день до этого император переехал жить в Меншиковский дворец на Васильевском острове. Поселив юного Петра II на острове, то есть на территории не только географически, но и символически обособленной, и назвав остров Преображенским, а, значит, скопировав имя подмосковного села, тесно

¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 47. Л. 30–34 об.

связанного с именем первого русского императора, Меншиков, по сути, декларировал появление другого, нового, второго Петра, созданного по образу и подобию Петра I.

Формулировка «Петербургский Преображенский остров» несколько лет фигурировала в официальном делопроизводстве; сохранилась она и в источниках личного происхождения². В том же 1727 году всего в нескольких метрах от Меншиковского дворца была заложена новая императорская резиденция. Преображенский остров, таким образом, должен был стать действительным центром власти.

Использование топонимов, обладавших потенциалом развертывания в контексте петровского мифа, продолжилось и во второй половине столетия. Здесь примечательна поездка Екатерины II на коронацию в Москву в 1762 году. На подъезде к древней столице будущая императрица остановилась не в селе Всесвятское, как это было принято до того, а в селе Петровское, в 12 верстах от Москвы³. Село принадлежало малороссийскому гетману графу Кириллу Разумовскому, который, к тому же, приобрёл его брачным путём от Нарышкиных, то есть это место долгое время принадлежало семье матери Петра I Н.К. Нарышкиной⁴. Так Петровское не только по названию, но и по существу оказывалось связанным с фигурой первого русского императора, что, в свою очередь, предоставляло Екатерине возможность указать на преемственность и, таким образом, предложить своего рода манифест будущего царствования. Впоследствии здесь был построен прекрасный образец неоготической архитектуры Петровский путевой дворец, который стал постоянной резиденцией для монарших особ, ехавших из Петербурга в Москву.

Едва ли можно отрицать внутреннюю взаимосвязь между указанными примерами позиционирования власти. Вместе с тем, появившись в разном историческом и политическом контексте, они сами по себе представляют достаточно ограниченный источник, особенно в

² Там же. Ф. 248. Оп. 160. Кн. 739 (1729 г.). Л. 244; Кн. 909. Л. 74; Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного совета // Сборник РИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 4, 75–76; Повседневные записки делам кн. А.Д. Меншикова (1716–1720, 1726–1727 гг.) / Отв. ред. С.Р. Долгова, Т.А. Лаптева // Российский архив. Т. 10. М.: Российский архив, 2000. С. 554.

³ Описание вшествия в Москву и коронации государыни императрицы Екатерины II // Камер-фурьерский церемониальный журнал за 1762 г. № 63. М., [б/г.] С. 5.

⁴ Об этом селе см. подробнее: *Разоренова Н.В.* Ближайшее Подмосковье в XVII–XVIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 2. М., 1979. С. 141–160; *Чаянова О.* Парк и воздушный театр Петровского-Разумовского // Среди коллекционеров. 1924. № 7–8. С. 48–50.

том случае, если речь заходит об анализе политической практики, реализовывавшейся в течение более длительных периодов времени. Чтобы ответить на вопрос о востребованности петровской топонимии для властного проекта второй половины XVIII века, необходимо привлечь данные более репрезентативные в статистическом отношении.

В поиске таких источников следует обратиться к Губернской реформе Екатерины II. Как известно, результатом реформы стало значительное увеличение числа городов в России. Принято цитировать слова самой императрицы, утверждавшей во введении к «Жалованной грамоте городам» 1785 года, что за время её царствования в стране появилось 216 новых городов⁵. Действительно, во время губернской реформы многие сельские поселения получили статус города, превратившись в уездные центры. При этом критерии выбора уездных городов императрица определила достаточно общим образом. Их надлежало, используя её формулировку, воздвигать «повсюду, где того требовали или местные выгоды, или стечение окрестных жителей», при этом, поселения, назначаемые теперь городами, должны быть удобно расположены и принадлежать казне⁶, то есть на первый план выдвигались экономический фактор и месторасположение.

Вместе с тем, на уровне практической реальности развитие городской среды второй половины XVIII века было во многом процессом искусственным, определяющей была правительственная инициатива. При этом значимую роль в выборе поселений или даже сёл, которые получали статус уездных городов, играли губернаторы, которые принимали решения в индивидуальном порядке, то есть исходя из собственных представлений о регионе, его экономических и политических потребностях, существующих знаковых или второстепенных топонимах.

Для данного исследования наибольшее значение представляет тот факт, что само создание списка губернских и уездных центров являлось символическим актом дискурсивного порядка, поскольку формировало само пространство Российской империи, создавая её политическую карту. Безотносительно того, были ли города старыми или вновь образованными, развитыми или экономически малозначительными — все они, получив статус региональных центров, становились частью того языка, на котором власть говорила со своими подданными и с миром. Рассмотрение результатов этого процесса, а

⁵ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / Под ред. Е.И. Индовой. М., 1987. С. 69.

⁶ Там же. С. 69–70.

именно возникновение совокупности топонимов, маркировавших значимую городскую среду конца XVIII века, позволит понять, насколько вписанным в этот процесс оказались топонимы, связанные с именем основателя империи и, шире, представителей династии Романовых.

Анализ перечня уездных городов 1770–1790-х годов, представленный в статистическом исследовании К.И. Арсеньева, с точки зрения существования неартикулированных прямо коннотаций властного порядка позволяет указать сразу на нескольких тенденций. Среди городов, выбранных в это время в качестве административных центров, существовал процент поселений, название которых, восходившее к именам святых русской православной церкви, повторяло, в свою очередь, и некоторые родовые имена Романовых. Таковы, например, Екатеринослав, Павлоград, Елисаветград, Константиноград, Алексоград и Александрия, Екатеринославской губернии, Екатериноград и Александровск в Кавказской губернии, Павловск в Воронежской, Екатеринбург в Пермской, Михайлов в Рязанской, Екатеринополь, Еленск и Елисаветград в Вознесенской губерниях⁷. Обращает на себя внимание также уездный город Романов в Ярославской губернии, который был связан с именем одного из Рюриковичей — князем Романом Васильевичем, но, при этом, случайным образом оказался созвучен и имени правящей династии⁸.

В ряде регионов города, получившие статус уездных, имели названия, которые содержали потенциал интерпретации, отсылающей к исторической (часто доимперской) топографии. Некоторые административные центры по своему названию соотносились с древними русскими городами. Таковы, например, Новомосковск Екатеринославской⁹ и Малый Архангельск Орловской губерний¹⁰. Некоторые города содержали в своём названии слово «царский» (например, Царевосанчурск Вятской, Царицын Саратовской и Царское село Санкт-Петербургской губернии¹¹). В Московской губернии в «безуездных городах» числились такие исторические места, как Коломенское, Царицыно, Преображенское, Семеновское, Измайловское и Троице-Сергиева лавра¹². В Кавказской губернии обращает на себя

⁷ *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1848. С. 117–131, 133–135.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Там же. С. 119.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Там же. С. 119, 126–127.

¹² Там же. С. 122–123.

внимание город Георгиевск¹³, в Санкт-Петербургской — София, Пелла и Чесма¹⁴, в Волынской — Радомысл¹⁵, а в Смоленской — Красной¹⁶. В каждом из указанных случаев название города вписывалось в дискурсивные категории власти второй половины XVIII века, будь то легендарно-исторические, милитарные, православные или даже цвето-семантические коннотации¹⁷.

Однако из всего списка административных центров России 1770–1790-х годов, число городов, содержащих отсылку к имени Петра, было не так уж велико. Из губернских городов это был Петрозаводск¹⁸. Из уездных — Петергоф Петербургской губернии, Петровск Саратовской губернии и Петровск Ярославской губернии¹⁹. При этом в случае Петрозаводском, Петергофом и городом Петровск близ Саратова речь шла о местах, связанных с именем Петра I или основанных по его указу. История же города Петровска Ярославской губернии, получившего в екатерининские времена статус уездного, напротив, не была связана с деятельностью основателя империи.

До реформы это было мало кому известное село, которое при активном участии губернатора А.П. Мельгунова было преобразовано в город²⁰. Отметим, что Мельгунов имел полное право на действия такого рода. Более того, действовать подобным образом ему предписывал рескрипт Екатерины II, гласивший: «Нашему действительно тайному советнику Мельгунову. Мы, почитали за благо учредить вновь Ярославскую губернию, всемилостивейше в оную определяем вас в должность генерал-губернатора и поручаем вам, оную губернию, не упуская времени объехать и по данному от Нас вам примерному росписанию оной на 12 уездов на месте удобность их освидетельствовать и как о сем, так и какия вновь города для приписания к

¹³ Там же. С. 120.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Там же. С. 134.

¹⁶ Там же. С. 127.

¹⁷ Об этом см. подробнее: *Болтунова Е.М.* Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII вв. // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011. С. 49–91; *Boltunova Ekaterina.* Imperial Throne Halls and Discourse of Power in the Topography of Early Modern Russia (late 17th–18th centuries) // *The Emperor's House. Palaces from Augustus to the Age of Absolutism* (ed. by Featherstone, Michael / Spieser, Jean-Michel). Berlin: De Gruyter, 2015. P. 341–352.

¹⁸ *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. С. 124.

¹⁹ Там же. С. 126–127, 130.

²⁰ При этом и другие новые города губернии прошли схожий путь: Борисоглебск и Рыбинск были учреждены из купеческих слобод, Малага — из бывшего купеческого посада, а Мышкин был прежде экономическим селом.

ним уездов назначить нужно будет, Нам самолично представить. Екатерина 23 февраля 1777 года»²¹.

В литературе, посвящённой Ярославскому наместничеству, существует несколько версий изменения регионального статуса этого поселения. По одной из них, городом Петровск стал благодаря воле самой императрицы Екатерины II, которую, по легенде, восхитила красота этого места²². По другой, основой его недолгого процветания стали сугубо экономические причины²³. Губернатор А.П. Мельгунов мотивировал свой выбор тем, что Петровск, находится, с одной стороны, в середине округа, а с другой — «на большой дороге к Москве».

Как известно, именно уездные города стали объектами приложения немалых усилий правительства по созданию хоть и малого по масштабу, но регулярного по сути пространства. Петровск не стал исключением. Здесь было проведено интересное переустройство пространственной композиции, построен представительный собор апостолов Петра и Павла и не менее интересное здание Присутственных мест. В делопроизводстве губернии Петровск всегда числился городом № 3 после Ярославля и Ростова.

На наш взгляд, история ярославского Петровска может быть рассмотрена и в контексте регионального прочтения властного дискурса второй половины XVIII века. Выбор губернатором именно этого села для преобразования в новоучреждённый город мог, пусть и неосознанно, быть связан с его именем. Содержавшее в своём названии имя Пётр²⁴ и расположенное на дороге к древней столице, это село обладало также и очевидным символическим потенциалом (ещё один город святого Петра, дорога из Петровска в Москву как отсылка к движению Санкт-Петербург—Москва, другой Петропавловский собор и т.д.), который со временем можно было актуализировать, а, возможно, и капитализировать.

В целом, глядя на карту Российской империи конца екатерининского правления, современники обнаруживали, главным образом, имя самой императрицы Екатерины II и довольно много отсылок к имени её внука Александра. Отсылки к Петру I были иными. Пет-

²¹ Цитата по: Ярославские губернаторы (1777—1917). Историко-биографические очерки / Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль, 1998. С. 20.

²² Хранилов И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. М., 1859. С. 35.

²³ Алитова Р.Ф. Уездный город Петровск (1777—1797 гг.) // История и культура Ростовской земли 2001. Ростов, 2002. С. 288—289.

²⁴ Село ранее принадлежало Ростовскому Петровскому монастырю (Алитова Р.Ф. Указ соч. С. 288—289).

ровских городов (то есть мест, где император жил или бывал, городов, созданных по его приказу или основанных его сподвижниками) на карте России было очень много, в этом смысле Пётр, конечно, был везде. Но это были имплицитные отсылки. Зримо же имя Петра на карте регионов Российской империи конца столетия было представлено не столь явно. Вероятно, с одной стороны, это связано с формированием культа самой Екатерины II в 1770–1790-е годы и обозначившимся в конце царствования стремлением осуществить ревизию наследия Петра I. С другой стороны, к концу века очевидным стало понимание того, что второму Петру не бывать, как и невозможен и второй Санкт-Петербург, особенно на уездном уровне. Показательно в этой связи, что ярославский город Петра не смог удержать обретенный статус: уже в павловское царствование он был выведен из числа уездных центров и стал заштатным городом²⁵.

²⁵ Там же. С. 297–299. По другим данным, Петровск стал заштатным в 1802 году (*Титов А.А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М.: Синодальная типография, 1885. С. 22).

Чернышёва Нина Сергеевна
(Санкт-Петербург)
Научный сотрудник
Российской национальной библиотеки

Из истории топонимики петровских городов

Прежде чем приступить к основной теме статьи, следует сказать пару слов о степени изученности вопроса о переименовании населённых пунктов в России в дореволюционный период. Изучением истории происхождения и изменения названий населённых пунктов занимаются, прежде всего, учёные-топонимисты, географы и лингвисты. Предметом изучения история изменения топонимов стала лишь среди современных историков. Историографию проблемы можно условно разделить на четыре группы: общие географические, топонимические и лингвистические исследования; топонимические, статистические и географические словари; труды географов-урбанистов; исторические исследования, в той или иной степени затрагивающие вопрос об изменении географических названий. До революции и в советское время выходило огромное количество различного рода словарей — топонимических, географических, статистических — содержащих статьи о различных населённых пунктах. Информация в таких словарях включает в себя сведения о географическом положении, населении, хозяйстве, административном статусе населённых пунктов, а также часто — справку о происхождении и изменении названия. Последнее остаётся на уровне факта, не рассматриваются причины и механизм таких изменений. Отсутствует информация о планировавшихся, но не удавшихся переименованиях. Географы-урбанисты, широко рассматривая вопросы о формировании и развитии российских городов, также не уделяют особого

внимания изменению их названий. Некоторое исключение представляют труды советского и российского географа-урбаниста Георгия Михайловича Лаппо. Так, он касается проблемы переименования городов в русле рассмотрения вопроса о российской урбанизации в исследовании «География городов»¹, а в труде «Города России. Взгляд географа»² появляется глава «Имена городов. Топонимические размышления геоурбаниста», в котором Г.М. Лаппо говорит о «топонимической чехарде», прежде всего, касательно XX века. Однако он уделяет не меньшее внимание и переименованиям более раннего времени, заглядывая в историю древнерусского государства. Несомненным плюсом является выделение целого ряда причин, повлекших переименование городов на протяжении истории Российского государства с XIV века до современности, но в то же время Г.М. Лаппо не рассматривает механизма таких переименований. К сожалению, специфика научно-популярного издания повлекла за собой отсутствие научно-справочного аппарата: в данном труде отсутствует даже библиографический перечень использованных источников и литературы.

Среди специальных исторических исследований следует выделить ряд трудов, в которых упоминается о переименовании или об обсуждении переименования того или иного населённого пункта в дореволюционный период. Можно особо выделить статью петербургского историка Андрея Георгиевича Румянцева «Столица меняет имя»³, опубликованную на сайте «Архивы Санкт-Петербурга», а также статью уральского историка Николая Назаровича Попова «О переименовании Екатеринбурга, его улиц и площадей»⁴, в которой автор рассматривает историю переименования города Екатеринбурга, в том числе затрагивая вопрос о попытке изменить название в 1914 году. Несколько более изученным представляется вопрос об изменении названий в связи с исследованием вопросов по истории немцев-колонистов России. Следует особенно выделить в этой связи исследование Тамары Николаевны Черноной-Дёке «Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие»⁵ и кандидатскую диссертацию историка Сергея Владимировича Самовтора «Отраже-

¹ Лаппо Г.М. География городов. М., 1997.

² Он же. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012.

³ Румянцев А.Г. «Столица меняет имя» — о переименовании С.-Петербурга Петроград // Архивы Санкт-Петербурга. Публикации ЦГИА СПб. URL: <https://goo.gl/HR33VL> (21.02.2016).

⁴ Попов Н.Н. О переименовании Екатеринбурга, его улиц и площадей // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 59–60.

⁵ Черноной-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие. М., 2008. С. 127.

ние процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани: конец XVIII — начало XX вв.»⁶

Таким образом, на сегодняшний день, история переименования населённых пунктов в период существования Российской империи остаётся практически не изученной, имеются лишь отдельные исследования, посвящённые одному или нескольким населённым пунктам, не раскрывающие всех особенностей и подробностей хода переименований. Достаточно известен циркуляр, положивший начало активной кампании по переименованию немецких топонимов в годы Первой мировой войны, что находит отражение в ряде указанных работ. Более подробного изучения переименований не проводилось. Специальные работы, посвящённые исследованию механизма переименований, полностью отсутствуют.

Петровские города — это города, возникшие в период царствования Петра Великого, а также более старые города, имеющие непосредственное отношение к его деятельности. Список петровских городов представлен Институтом Петра Великого.

Некоторые из петровских городов были переименованы ещё в период Российской империи. В этой статье на основе архивных материалов фондов 1284, 1288, 1291, а также некоторых личных фондов (например, Ф. 922 министра народного просвещения и члена военного совета Владимира Гавриловича Глазова) РГИА, прослежена история целой волны переименований или обсуждения вопроса об изменении названия таких городов.

Наиболее значительным из петровских городов, подвергшихся переименованию, является столица Российской империи, основанная Петром I в 1703 году — Санкт-Петербург. Переименование Санкт-Петербурга в Петроград в 1914 стало отправной точкой для серии дальнейших переименований больших и малых населённых пунктов по всей территории России во время Первой мировой войны.

15 октября 1914 года 76 губернаторам, 5 генерал-губернаторам, 5 начальникам областей и в штаб Кавказского военного округа (Туркестанское генерал-губернаторство и область Войска Донского) Министерство внутренних дел разослало циркуляр № 55, предписывающий затребовать от земских начальников, в чьих участках имеются волости и селения, носящие немецкие названия, сведения об обстоятельствах, при которых они получили такое название и варианты их русских наименований⁷.

⁶ *Самовтор С.В.* Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани: конец XVIII — начало XX вв.: дисс. ... канд. истор. наук. Ставрополь, 2008.

⁷ РГИА. Ф. 740. Оп. 42. Д. 118. Л. 14–16 об.

Петроградский губернатор Александр Васильевич Адлерберг отреагировал на циркуляр, обратившись за помощью 22 декабря 1914 года к бывшему министру народного просвещения Владимиру Гавриловичу Глазову. В письме Адлерберг указывает, что в пределах его ведения находятся лишь три города, которым «присвоены немецкие названия» — Шлиссельбург, Ямбург и Ораниенбаум, и просит В.Г. Глазова изложить своё мнение касательно возможности их переименования⁸. Глазов, используя материалы из различных источников (Письма Петра I, летописи, «Акты Московского государства»), уже к 29 декабря подготовил краткие исторические справки о названных городах⁹. Шлиссельбургу, по его мнению, должно быть возвращено название Орешек, т.к. «крепость в течение почти четырёх столетий сохраняла данное ей основателем название «Орешка», которое сохранилось шведами даже и в 92-летнее обладание ими крепостью». При этом Шлиссельбургский уезд следует переименовать в Орешковский. Глазов также отмечает, что можно было бы переименовать город в Орехов или Ореховец, т.к. эти названия встречаются в летописях, но не рекомендует это делать, объясняя тем, что в Российской империи уже имеется город Орехов в Бердянском уезде Таврической губернии, а в Земле Войска Донского — Орехов хутор. Ораниенбауму, согласно мнению Глазова следует присвоить народное название Рамбов, а уезд называть Рамбовским; Ямбургу же вернуть его прежнее новгородское название Ямы, с переименованием уезда в Ямский.

Кроме обращения за помощью к В.Г. Глазову, тогда же, 22 декабря 1914 года, А.В. Адлерберг написал письмо и помощнику председателя Русского Императорского исторического общества Анатолию Николаевичу Куломзину¹⁰. Петроградский губернатор просил А.Н. Куломзина прислать человека из Русского исторического общества на заседание особой губернской комиссии. В итоге, было принято решение назначить представителем Владимира Владимировича Майкова — действительного члена общества, археографа, сотрудника Императорской публичной библиотеки¹¹.

При этом следует отметить, что обсуждение вопроса о переименовании Шлиссельбурга начались ещё в сентябре, до рассылки министерского циркуляра. 25 сентября Шлиссельбургская городская управа ходатайствовала перед губернатором о переименовании горо-

⁸ Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–2.

⁹ Там же. Л. 3–5.

¹⁰ Там же. Ф. 746. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 4–5.

да в Преображенск. Интересно, что на заседании управы рассматривался также вариант названия Ключеград, однако, за него проголосовало меньшинство — 7 против 8¹².

Появление министерского циркуляра усилило необходимость дальнейшего обсуждения вопроса о переименовании Шлиссельбурга. 6 ноября очередное Шлиссельбургское уездное земское собрание выразило своё несогласие с ходатайством Шлиссельбургской городской думы о переименовании Шлиссельбурга в Преображенск, в связи с «недостаточностью исторических оснований»¹³. Министерство внутренних дел, со своей стороны, решило не предпринимать никаких действий до решения вопроса о переименовании г. Ревеля, чтобы поступить с переименованием Шлиссельбурга по образцу Ревеля¹⁴.

В декабре 1914 года велось активное обсуждение вопроса о необходимости присвоения г. Ревелю его древнерусского исторического названия «Колывань», а Эстляндской губернии — наименование Эстоземской. Главным аргументом Ревельской городской думы стало то обстоятельство, что с 1223 года до XVIII века «в русских летописях и других актах, сохранившихся в Ревельском городском архиве, этот город именуется исключительно Колыванью»¹⁵. Министр внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков во всеподданнейшем докладе согласился с мнением Ревельской городской думы, так как «сохранение немецких названий местностей, находящихся в пределах Российской империи, в переживаемую ныне годину войны с немецкими государствами, не соответствует пробудившемуся национальному самосознанию населения»¹⁶. Однако министр внутренних дел Хвостов признал несвоевременным это ходатайство¹⁷. В 1915–1916 годах вновь был поднят вопрос о переименовании Ревеля, дважды были подготовлены доклады в совет министров — в январе и июле, однако по каким-то причинам обсуждение вопроса было решено «отложить на некоторое время, примерно до конца года»¹⁸. По всей вероятности, возобновить обсуждение этого дела помешала уже февральская революция. В итоге, названия обоих городов остались неизменными.

¹² Там же. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 83. Л. 8–9 об.

¹³ Там же. Л. 90.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 124а.

¹⁶ Там же. Л. 150.

¹⁷ Там же. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 164. Л. 49.

¹⁸ Там же. Л. 50.

23 декабря 1914 года Пермский губернатор поднял вопрос о переименовании города Екатеринбург, направив письмо в Пермскую Учёную Архивную комиссию. 29 апреля 1915 года на заседании Екатеринбургской городской думы были предложены следующие варианты нового названия: Екатериноград, Иседонск, Екатеринополь, Екатеринозаводск. Однако большинство членов городской думы высказывались за сохранение существующего названия, «не дерзая посягнуть на название, данное императором Петром Великим». Вопрос был отложен на некоторое время. В декабре 1916 года Пермская Учёная Архивная комиссия вновь подняла вопрос об изменении названия города Екатеринбург. Комиссия предлагала следующие названия: Екатеринозаводск, Екатериноисетск, Екатериноугорск, Екатериноурал, Екатеринокаменск, Екатериногор, Екатеринобор. Однако и после этого переименование было отложено вследствие произошедших революционных событий 1917 года¹⁹.

Ещё одним интересным фактом является обсуждение переименования города Новгорода и Новгородской губернии в Великий Новгород и Великоновгородскую губернию. 12 декабря 1914 года Новгородская городская управа представила доклад городской думе, выступив с ходатайством «о восстановлении древнему Новгороду наименования Великий как первому борцу былых времён славянства с германизмом». Городская дума единогласно постановила принять доклад управы и просила губернатора поддержать ходатайство²⁰. 30 декабря в поддержку этого ходатайства выступило Императорское общество ревнителей истории, сообщив в письме министру внутренних дел, что «признаёт полную своевременность и особую желательность восстановления исторического наименования г. Новгорода»²¹.

26 апреля 1915 года годовое собрание Общества новгородцев в Петрограде также постановило обратиться к министру внутренних дел с просьбой представить на благоусмотрение Императора доклад о восстановлении древнего названия Новгорода — Новгород Великий.

Но, в итоге, министр внутренних дел Александр Николаевич Хвостов признал несвоевременным рассмотрение этого вопроса, и оно было отложено на неопределенный срок²². В середине 1916 года воп-

¹⁹ Попов Н.Н. О переименовании Екатеринбург, его улиц и площадей. С. 59–60.

²⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 164. Л. 35–37.

²¹ Там же. Л. 38.

²² Там же. Л. 49.

рос был вновь поднят, но вскоре отложен «примерно до конца года». Обсуждение так и не возобновилось²³.

Следует особенно отметить интерес представителей российской элиты к данному вопросу. Весьма примечательным в этом смысле является письмо тайного советника Верховского (инициалы не указаны, предположительно, брат действительного тайного советника В.В. Верховского), адресованное министру внутренних дел Н.А. Маклакову, в котором Верховский высказывает свои предположения о переименовании некоторых городов с немецкими названиями. Так, он предлагал переименовать Екатеринбург в Екатеринбург, Ораниенбаум в Рамбов, Шлиссельбург в Ключевск, а Ямбург в Ямград²⁴. Реального влияния на ход обсуждения переименований это письмо не оказало.

В заключение следует сказать несколько слов о финансовом вопросе. Департамент общих дел при рассмотрении вопросов о переименовании Ревеля и Новгорода решил выяснить, во сколько же обойдётся данное переименование. Ранее этот вопрос поднимался на заседании Ревельской городской думы, где было сообщено, что «расход городского управления по переименованию предполагается до 1 000 руб., судя по тому, что переименование Санкт-Петербурга, который в десять раз больше Ревеля, обошлось городскому управлению в 10 000 руб.»²⁵ Во сколько на самом деле обошлось переименование Санкт-Петербурга, не совсем ясно, т.к. петроградский губернатор не ответил на запрос о такой информации²⁶. При этом, стоит заметить, что новгородское губернское управление предполагало, что переименование губернии в Великоновгородскую обойдётся в 20 000 руб. только на изготовление новых печатей, штампов и т.п.²⁷ Одной из задач наших дальнейших изысканий по данной проблеме, будет выяснение, в том числе, и вопроса о стоимости переименований.

Таким образом, в период проведения «антигерманской топонимической акции» в годы первой мировой войны, обсуждались вопросы о переименовании, кроме Санкт-Петербурга, ещё шести петровских городов — Ревеля, Шлиссельбурга, Ораниенбаума, Ямбурга, Екатеринбург и Новгорода. Условия войны и, скорее всего, экономические причины тормозили решение вопросов о переименовании указанных шести городов. Февральская революция привела к замораживанию переименований на некоторое время, затем за этот процесс принялась уже новая, большевистская, власть.

²³ Там же. Л. 50.

²⁴ Там же. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 83. Л. 95.

²⁵ Там же. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 164. Л. 28 об.

²⁶ Там же. Л. 45.

²⁷ Там же. Л. 46.

Ерофеев Алексей Дмитриевич

(Санкт-Петербург)

*Член правления Санкт-Петербургского союза краеведов,
член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга*

Имя Петрово в граде Петровом, или «Великий Пётр был первый большевик»

Для своего выступления я взял строчку из поэмы Максимилиана Волошина «Россия». И вот почему.

Говоря о топонимике Петербурга в целом, невозможно обойти вопросы переименований и возвращений исторических имён. Безусловно, главным образом это касается века двадцатого, советского периода нашей истории. Говоря о советском периоде, не обойти личности самого Петра, ибо только имя этого царя не подвергалось тотальному искоренению из названий объектов городской среды, хотя в ряде случаев оно и уничтожалось, как и отдельные памятники основателю Петербурга. При этом в ряде случаев названиям в честь императора придавали традиционно русскую форму прилагательного¹. Так, набережная Императора Петра Великого в 1930 году стала Петровской. С одной стороны, имя императора вроде бы нивелировалось, с другой — топоним приобретал удобную для употребления форму. Оставались Петровские остров, проспект, площадь и переулок.

Пётр I с удобством форм не считался. Возвращая утраченные земли, он переименовывал города и крепости, имевшие до шведского владычества русские названия. С позиций сегодняшнего дня каза-

¹ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Авт.-сост. А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев, А.Б. Рыжков и др. СПб., 2013.

лось бы логичным и правильным возвращение крепости Нотеборг русского имени Орешек. Нет, появился Шлиссельбург — «ключ-город».

Затем появился Ораниенбаум.

Удобство произношения новых названий мало беспокоило царя. Зато народ быстро переделал эти названия на русский лад. Так возникли Шлюшин и Рамбов.

Пётр стал активно внедрять имена своих приближённых в названия. Трубечкой, Зотов, Меншиков, Нарышкин бастионы Городской или Петропавловской крепости — тому свидетельство. И, конечно, нельзя было обойтись без Государева бастиона².

Что касается названий улиц, то их имена возникали самым естественным образом — без государственной воли. По слободам. По местным признакам. В книге «Преображённая Россия» ганноверского посланника Ф.Х. Вебера, вышедшей в 1721 году, говорится о том, какие неудобства приходилось испытывать людям в поисках адреса³.

Первые официальные названия появились только лишь в апреле 1738 года⁴!

Так называемая «волевая номинация» стала характерной для Петербурга. Впрочем, это вполне понятно и объяснимо.

В 1782 году, 9 августа, в связи с установкой у набережной Невы памятника Петру I площадь, которая уже лет десять прозванная в народе Петровской, получила официальное и официозное название. Указ гласил: «О именовании площади перед Правительствующим Сенатом не Петровскою, но площадью Петра Первого, и о постановлении столба с надписью сего названия»⁵.

То ли столб не поставили, то ли ещё были какие-то причины, но площадь так и оставалась в народе Петровской, пока в 1890 году не последовало повторное высочайшее повеление именовать её площадью Петра Первого.

Между тем, она фигурировала и как Сенатская, и это название, появившееся в 1820-е годы, когда Росси стал возводить знаменитые ныне здания Сената и Синода, победило и официальное, и просторечное. После декабрьского восстания 1825 года оно стало

² *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Историко-географическое исследование. СПб., 2003.

³ *Вебер Ф.-Х.* Преображённая Россия. Ч. I: Приложение о городе Петербурге и относящихся к этому замечаниях // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 102–131.

⁴ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга.

⁵ Там же.

употребляться значительно чаще, хотя на планах города впервые как Сенатская она обозначена в 1875 году. То есть, через полвека после декабрьского восстания городская власть признала народное название⁶.

В середине 1870-х годов после разбивки Александровского сада, который стали создавать по инициативе адмирала Грейга, посчитавшего уместным заложить сад в двухсотлетний юбилей Петра I, по краю площади сформировался проезд, который соединял Английскую набережную с Исаакиевской площадью. С 1880 года он стал именоваться Сенатским проспектом⁷.

А площадь? Высочайшее повеление «именовать оную площадью Петра Первого» датировано 15 апреля 1890 года. Но и повторное императорское распоряжение не возымело действия! Площадь оставалась Сенатской. Именно из Сенатской в 1923 году её переименовывали в площадь Декабристов⁸. Между тем, к 1890 году, то есть, к повторному указу Александра III, в городе было ещё много названий в честь Петра.

Форт Пётр I Кронштадтской крепости (1834), двенадцать женских и мужских училищ. К 200-летию города добавились Училищный дом, Политехнический институт. Его имя носила Кунсткамера. Вот перечень училищ:

- ♦ 1-е Выборгское смешанное с 6-ю классами в память Императора Петра Великого начальное училище (Полюстровская наб., 25) (1890-е—1918).
- ♦ 2-е с 3-мя классами в память Императора Петра I мужское начальное училище (Гагаринская ул., 2/4).
- ♦ 3-е Нарвское в память Императора Петра Великого мужское начальное училище (Рижский пр., 36).
- ♦ 2-е Московское в память Императора Петра Великого мужское начальное училище (Обводный канал, 99).
- ♦ 2-е Петербургское в память Императора Петра I мужское начальное училище (П.С.).
- ♦ 2-е Петербургское в память Петра I женское начальное училище (П.С., Большая Пушкарская ул., 20).
- ♦ Санкт-Петербургская торговая школа им. Императора Петра Великого (Большая Посадская ул., 3) (1900-е).

⁶ План С.-Петербурга с островами, окрестностями и сетью конно-железных дорог. 1875.

⁷ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга.

⁸ Там же.

- ♦ 4-е в память Императора Петра Великого городское училище (1904–1918).
- ♦ Библиотека им. Петра I (Петроградская наб., Дворец Кшесинской — Весь Петроград, 1922) (1920-е).
- ♦ 1-е Охтинское смешанное высшее начальное (так. — *А.Е.*) училище им. Императора Петра Великого⁹.

Перечень других объектов:

- ♦ Проспект Императора Петра Великого.
- ♦ Больница им. Императора Петра Великого. Видимо, поводом послужили факты врачебной практики Петра Алексеевича. В Кунсткамере, музее, носящем его имя, хранятся выданные лично царём зубы его придворных.
- ♦ Государев бастион Петропавловской крепости (1703).
- ♦ Форт Пётр I Кронштадтской крепости (1834).
- ♦ Наб. Императора Петра Великого (1903; с 1930-х годов Петровская наб.).
- ♦ Пр. Императора Петра Великого (1906; в 1925 переименован в ул. Ленина, ныне Пискаревский пр.).
- ♦ Петровская пл. (1770-е годы; с 1890 пл. Петра Первого, в 1923 переименована в пл. Декабристов).
- ♦ Петровская ул. (1770–1817, ныне в составе пл. Декабристов и Исаакиевской пл.) в Адмиралтейской части.
- ♦ Петровская ул. (1836; упразднена в 1978) на Петроградской стороне, больница им. Петра Великого (с 1932 клиническая больница им. Мечникова, с 1993 клиническая больница им. Петра Великого).
- ♦ Военно-морское училище имени Петра Великого (наб. Лейтенанта Шмидта, 17).
- ♦ Петровская гимназия (1858–1919).
- ♦ Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого (1902).
- ♦ В Колпине — Петровская ул. (1882; ныне Вокзальная ул.).
- ♦ В Кронштадте — Петровская перспектива (XVIII век; упразднена в 1809).
- ♦ Петровская пл. (1841; упразднена в конце XIX века), Петровский канал и Петровский парк (XVIII век).
- ♦ В Сестрорецке — Петровская наб. и Петровская ул. (упразднена в 1972).
- ♦ В Ломоносове — Петровский пер. (1869).

⁹ Справочники «Весь Петербург» и «Весь Петроград» с 1892 по 1917 год.

«Прекрасный» пример будущим большевикам был дан при открытии Большого Охтинского моста. Близилось двухсотлетие Полтавской битвы. Это и послужило поводом назвать новую переправу не по местонахождению, а в честь юбилея битвы — мостом Императора Петра Великого.

До Мартобря (его предвидел Гоголь!)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата...
Была земля, купцы да гольтыба,
Чиновники, дворяне, да крестьяне...
(М. Волошин, «Россия») ¹⁰

Собственно, до мартобря топонимическая карта города развивалась по вполне понятным правилам. После 1917 года — уже большевистски. Удобство произношения ушло на второй план: появились проспекты и улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург и прочая, и прочая... Это петровское наследие прижилось так прочно, что и сейчас в топонимическую комиссию приходят письма с просьбами, а то и требованиями присвоить трудно выговариваемые названия или целые словесные конструкции.

Что же касается имени Петра, то, в отличие от других представителей династии Романовых, его имя сохранялось за несколькими объектами. Воистину прав был нерадивый девятиклассник Сыромятников, персонаж фильма Станислава Ростоцкого «Доживём до понедельника»: «И вообще, с моей личной точки зрения, после Петра России не везло на царей».

Безусловно, некоторые названия были исправлены, например, набережная императора Петра Великого стала просто Петровской. Причём, произошло это только после открытия музея в домике Петра, то есть, в 1930-е годы. Некоторые ликвидированы — самый яркий пример — проспект императора Петра Великого. Он в 1923 году стал проспектом Ленина.

Ленинградцы-петербуржцы знают о том, что 13 января 1944 года в Ленинграде произошло массовое возвращение исторических названий: Невский, Литейный, Дворцовая набережная и Дворцовая площадь. Адмиралтейские набережная и проспект...

Небезынтересно вспомнить о том, что в перечне был и проспект Ленина.

Вообще инициатором возвращения был главный архитектор Ленинграда Николай Варфоломеевич Баранов. Он же поставил вопрос

¹⁰ Россия распятая: сборник статей и стихов М.А. Волошина / сост. В.И. Цветков. М., 1992. С. 186.

и о проспекте Ленина, причём сделал это изящно, дабы ни у кого не было возможности обвинить его в попытке стереть имя Владимира Ильича с карты Ленинграда.

«Вношу предложение аннулировать название проспект Ленина, присвоенное неблагоустроенной окраинной дороге, ведущей к больнице Мечникова», — предложил Николай Баранов. Однако в итоге руководители города Пётр Сергеевич Попков и Алексей Александрович Кузнецов исключили это название из общего списка. Переименование было проведено отдельным постановлением. Проспект стал Пискарёвским. Подробности этой истории опубликованы в Топонимическом альманахе № 1 за 2015 год. Автор исследования — Даниил Петров.

Не могу не обратить внимания и ещё на два названия советского времени в Калининском и Выборгском районах. Это улицы Черкасова и Симонова. Первая появилась в 1970, вторая — в 1977 году. Почему из плеяды великих артистов Александринского театра были выбраны именно эти два народных артиста СССР?! Да, Николай Константинович Черкасов был депутатом Верховного Совета. Но вспомним, что он сыграл святого покровителя города Александра Невского, частицы мощей которого были привезены в Петербург по воле Петра. Ну а Николай Константинович Симонов сыграл царя в экранизации романа Алексея Толстого! Этот образ вообще стал хрестоматийным! Кстати говоря, Черкасов, сыгравший в этом фильме царевича Алексея, сначала пробовался на роль Петра. Однажды, загримировавшись под царя, он вошёл в кабинет режиссёра фильма, Владимира Михайловича Петрова. Судьбу решила Анна Тарасова, которая съёрнула с артиста наклеенные усы и воскликнула, что это вылитый Алексей!

Симонова утвердили не сразу. Но главное — утвердили, и образ императора стал на долгие годы хрестоматийным!

Позднее Симонов вспоминал: «Очень интересной и увлекательной была работа над ролью Петра I в кино. Этот образ сложен, многогранен. Мне хотелось показать историческую прозорливость Петра, его патриотизм, преданность исконным интересам России. Хотелось, чтобы в годы осложнившейся международной обстановки перед Отечественной войной, когда снимался фильм, каждый человек почувствовал величие и силу своей Родины»¹¹.

Роман Алексея Толстого читали воины Красной армии. Любопытно вспомнить, что книга «Пётр Первый» спасла жизнь ленинградского футбольного вратаря, а впоследствии популярного фут-

¹¹ Любомудров М.Н. Николай Симонов в Петрограде – Ленинграде. Л., 1988.

большого комментатора Виктора Набутова. Пуля почти насквозь прошила толстый том, лежавший в вещмешке за спиной воевавшего на фронте Виктора Набутова.

Но это к слову. И ещё: фильм начали снимать в Озерках 2 августа 1935 года со сцены взятия Нотеборга. В Озерках была Петровская улица. В 1960-е годы её попытались переименовать в Пограничную, но название не привилось, улица так и оставалась Петровской до официальной отмены того постановления в июле 1998 года.

Петровской же она именовалась по владельцу посёлка — Петру Андреевичу Шувалову, знаменитому шефу корпуса жандармов, управляющему III отделением Собственной его Императорского Величества канцелярией. Того Петра Шувалова, которого называли вице-императором и Петром Четвёртым!

Невольно поверишь в магию имени, в невольную привязку его к имени Петра I.

В советское время, как уже отмечалось выше, Пётр оставался единственным царём из династии Романовых, чьё имя не пытались стирать с городских карт. Проспект императора Петра Великого можно рассматривать как исключение, только подтверждающее правило.

Более того, в послевоенные годы стали появляться улицы в честь него. В Солнечном, которое приобрело это имя после возвращения Карельского перешейка СССР, появилась новая улица, которую называли Петровской. Новую улицу в Пскове, в Завеличье, также назвали Петровской. Это произошло в 1948 году, вероятно, в один год с улицей в Солнечном.

Обращения назвать что-либо в честь Петра I стали поступать властям нашего города в конце 1980-х годов. Продолжилось это и в 1990-е и в 2000-е, особенно в канун 300-летия Петербурга.

22 мая 2002 года в Лахте появилась Петровская аллея. Это название было присвоено в связи с тем, что на этой территории был обнаружен Гром-камень, доставленный в Петербург и ставший постаментом для Медного всадника.

Был ли это последний топоним в Большом Петербурге, данный в честь основателя города? На этот вопрос нет ответа.

Кольшницына Наталья Валерьевна
(Санкт-Петербург)
*Главный архивист Центрального государственного
исторического архива Санкт-Петербурга*

Документы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга об увековечивании памяти императора Петра I

Чтить деятелей своего прошлого — нравственная обязанность людей, любящих родину и верящих в её светлую будущность — так считали в России XIX — начала XX века. В дореволюционное время увековечиванию памяти исторических личностей, выдающихся деятелей науки и искусства, знаменательных памятных дат уделялось достаточно большое внимание. Это могла быть установка памятников и памятных знаков, присвоение имён выдающихся российских деятелей или названий важных событий истории различным учреждениям, предприятиям, учебным заведениям, читальням, учреждение именных стипендий и многое другое. Инициаторы создания и строительства памятников также различны: члены императорской фамилии, городские и пригородные управы, промышленные предприятия и частные лица.

Во второй половине XIX — начале XX века на территории Санкт-Петербурга и современной Ленинградской области возник ряд монументов и памятных знаков, связанных с именем Петра Великого. Большинство из них до наших дней не сохранились, но все они известны. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранятся комплексы документов о строительстве памятников Петру Великому на территории Петербургского арсенала.

ла и около церкви Сошествия св. Духа на Охте, возле Красных Сосен в Шлиссельбургском уезде, часовни и памятного знака в Тихвине. Эти материалы находятся в различных фондах: Канцелярии Санкт-петербургского гражданского губернатора, Петроградской городской думы, Правления Петроградского округа путей сообщения, Петроградского арсенала Петра Великого, Охтинской пригородной управы и Тихвинской городской управы. Среди документов — прошения на высочайшее имя о строительстве памятников, сметы на их постройку, журналы заседаний строительных комиссий, отчеты по сбору средств, договоры подрядов со скульпторами, каменотесами, строительными рабочими, акты приёмки и отчёты об открытии и ремонте этих памятников.

В документах архивных фондов Канцелярии Санкт-Петербургского гражданского губернатора (Ф. 253) и Правления Петроградского округа путей сообщения (Ф. 921) сохранилась переписка, относящаяся к строительству памятника Петру I в урочище Красные Сосны на левом берегу Невы. Весной 1845 года братья Спиридоновы — Николай и Михаил, мастерские ведомства Гоф-интендантской конторы Шлиссельбургского уезда села Путилова обратились с прошением на имя министра внутренних дел Л.А.Перовского. Они просили разрешить им «соорудить на большой Архангелогородской дороге близ деревни Московской Дубровки, на месте, где находились т.н. Красные Сосны, хранимые в память пребывания великого царя во время взятия Шлиссельбурга» памятник императору Петру Великому из обделываемой ими путиловской плиты. 8 марта 1845 года высочайшее разрешение на установку этого памятника было получено¹.

В ходе работ над устройством памятника Николай и Михаил Спиридоновы, к которым присоединились и младшие братья Никита и Афанасий, решили не ограничиваться установкой только памятной стелы, а облагородить и местность вокруг неё. В прошении на имя министра внутренних дел от 2 мая 1845 года они, в частности, писали: «оказалось необходимым к сему памятнику устроить ещё ограду около памятника из цокольной плиты высотой в 1 1/2 аршина (106,5 см) с перекрышкой, тротуар через почтовый архангелогородский тракт из лешадных плит² и лестницу на реку Неву из путиловских ступеней с деревянной пристанью и с посадкой по сторонам разных деревьев»³. В июле 1845 года Санкт-Петербургский граждан-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

² Лешадная плита — плитка, плитняк, расколотый на слои обтёсанный камень.

³ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 289. Л. 4—4 об.

ский губернатор Н.В. Жуковский получил рапорт из Шлиссельбургского уездного земского суда о согласии последнего на сооружение вокруг памятника императору ограды и пристани на Неве⁴. И если работы по сооружению самого монумента были закончены к 11 октября 1845 года, то благоустройство местности вокруг него затянулось, поскольку начальник V отделения I округа путей сообщения на протяжении достаточно длительного времени не мог утвердить чертежи лестницы, тротуара и лесопосадок вокруг него, в связи с их низким качеством. Только 18 мая 1846 года они были удостоены высочайшего одобрения⁵. Согласно рапорту исправника Шлиссельбургского уездного земского суда Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору, окончательно работы по устройству памятника Петру I были завершены к 18 ноября 1846 года⁶. Памятник из серого отшлифованного камня представлял собой коническую стелу, вершину которой венчал гранитный шар. Надпись на плите гласила: «Императору Петру I, отцу отечества в незабвенную признательность соорудили братья Спиридоновы». Освящение памятника состоялось 27 февраля 1847 года⁷. Вокруг была установлена ограда, проложен через дорогу тротуар, а к берегу Невы устроена уступами каменная лестница с 9-ю площадками.

Памятник быстро стал достопримечательностью Шлиссельбургского уезда. О нём много писали и столичные газеты⁸. В фонде Канцелярии Санкт-Петербургского гражданского губернатора сохранилось дело 1894 года «О путешествии великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в Вытегру». При составлении маршрута подробных путешествий уездные исправники направляли в адрес губернаторов посещаемых губерний подробные описания местностей и достопримечательностей, которые следовало посетить высочайшим гостям. В 1894 году не стал исключением и Шлиссельбургский уезд. В апреле 1894 года Шлиссельбургский городской голова Флоридов представил Санкт-Петербургскому губернатору И.В. Лутковскому записку «Достопримечательности г. Шлиссельбурга и его окрестностей»⁹. Первым в этой записке был упомянут памятник, сооружённый братьями Спиридоновыми. Помимо него к

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 22–29; Ф. 921. Оп. 1. Д. 48А.

⁶ Там же. Ф. 253. Оп. 1. Д. 289. Л. 38.

⁷ Там же. Л. 45–45 об.

⁸ Новый памятник Петру Великому // Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1845. № 240. 3 ноября.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 1955. Л. 20.

обязательному посещению была рекомендована Преображенская гора, где во время осады Шлиссельбурга в 1702 году была разбита палатка императора Петра Великого и шатры Преображенского полка, а в 1819 году освящён храм Преображения Господня. В этом храме хранились портрет императора и бронзовая медаль в память взятия Шлиссельбурга. Интерес должен был вызвать и металлический павильон у городской паровой пристани, сооружённый в 1871 году на деньги Санкт-Петербургского городского комитета, где тогда находились дубовый ботик Петра и его лопата, которой император «собственноручно изволил разрывать перемычку готовой части канала от Ладоги до 131-й версты в сентябре 1724 г.»¹⁰ Памятник в Красных Соснах не дошёл до наших дней, он был полностью разрушен в годы войны. Однако к 340-летию со дня рождения императора на средства мецената Г.М. Погосьяна и при поддержке администрации Кировска была создана его копия и установлена на своём историческом месте.

Ещё одним знаковым местом, связанным с именем Петра Великого, стал Тихвинский уезд Новгородской губернии (совр. — территория Ленинградской области). В документах архивного фонда Тихвинской городской управы (Ф. 1030) сохранилось дело «О сооружении на плотине тихвинского шлюза в г. Тихвине памятника-часовни императора Петра I» за 1886–1894 годы. Весной 1886 члены Тихвинской городской думы выступили с предложением об улучшении Тихвинской водной системы, которая к этому времени практически пришла в упадок. 5 мая 1886 года новгородский губернатор А.Н. Мосолов уведомил Тихвинского городского голову А. Богданова, что в Министерстве путей сообщения по этому вопросу было принято положительное решение¹¹. Однако ещё месяцем ранее, на заседании 2 августа члены Тихвинской городской управы заслушали доклад городского головы А. Богданова «О сооружении в г. Тихвине памятника-часовни императору Петру Великому, по мысли которого учреждена Тихвинская водная система». В этом докладе, в частности, коротко излагалась история водной системы и в заключении указывалось, что горожанами, желающими увековечить имя основателя Тихвинской системы, была собрана сумма до 5 тыс. руб.»¹² Городская управа приняла решение этот капитал использовать на сооружение в г. Тихвине памятника императору Петру Великому. Поскольку пожертвованной суммы было явно недостаточно, то уже в

¹⁰ Там же. Л. 21–27.

¹¹ Там же. Ф. 1030. Оп. 1. Д. 62. Л. 9–9 об.

¹² Там же. Л. 7–7 об.

мае-июне 1886 года Тихвинская городская управа объявила подписку на сбор пожертвований. Однако 18 июля 1886 года новгородский губернатор А.Н. Мосолов запретил сбор средств до составления подробной сметы на строительство и утверждения в Министерстве путей сообщения подробных чертежей часовни¹³. Только в конце октября Тихвинская городская дума поручила Управе составить смету и чертежи. При этом суммы, необходимые на сооружение часовни, указывались разные: например, гражданский инженер Воронин предлагал сумму 5 912 руб. 49 коп., инженер Л.Х. Бучацкий соглашался возвести часовню в Тихвине и памятник на оз. Крупино не более чем за 5 тыс. руб.: «Ради успеха этого благого дела, которому я сочувствую от всей души и всего русского сердца, умеющего любить царя и отечество и почитать заслуги царственных великих деятелей, даю это торжественное ручательство, что за упомянутую сумму от 4 до 5 тыс. руб. сер. ручаюсь, и что городской думе не придётся доплачивать недостающих сумм, а скорее предвиденный мною остаток употребить на благотворительные цели», — писал он¹⁴. Окончательная же смета была утверждена в сумме 6 тыс. 125 руб., а работы поручены инженеру Л.Х. Бучацкому¹⁵. В июне следующего 1887 года новгородский губернатор А.Н. Мосолов уведомил А. Богданова, что со стороны обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева не встречается препятствий к строительству часовни и разрешил подписку на сбор пожертвований¹⁶.

26 июня 1887 года в присутствии вел. кн. Владимира Александровича состоялось торжественная закладка часовни. Строительство велось достаточно быстро, и на 8 сентября следующего, 1888 года, назначили дату её освящения, которое, однако, в назначенный срок не состоялось. Дело в том, что, согласно требованию обер-прокурора Святейшего Синода, часовня должна была стать приписной к одной из тихвинских церквей и некоторое время разрешить этот вопрос не получалось. 3 октября 1888 года Тихвинская городская дума поручила Городской управе войти в сношение с настоятелем Тихвинского Большого монастыря по этому вопросу¹⁷. Собственно говоря, основной вопрос, который требовалось разрешить — кто и на какие средства будет охранять и содержать эту часовню. И только после того, как начальник Тихвинского отделения Вытегорского округа Министерства путей сообщения дал ручательство в том, что поскольку

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 25–25 об., 26–33.

¹⁵ Там же. Л. 22–24.

¹⁶ Там же. Л. 35–36.

¹⁷ Там же. Л. 56–56 об.

«проект памятника-часовни императору Петру I был одобрен бывшим министром путей сообщения генерал-адъютантом Посыетом и это сооружение находится на земле ведомства путей сообщения вблизи двух гидротехнических сооружений и караульного дома», то «дежурная шлюзовая прислуга, находящаяся на часах при сооружениях (Тихвинского шлюза и плотине) будет охранять памятник от покушений на целостность его, и содержать в опрятности площадки сказанных сооружений, будет также содержать в чистоте и прилегающее к часовне место нахождения памятника, где кругом его разбит сад. Это любимое место для гуляющих и прежде содержалось в опрятности сторожами ведомства путей сообщения»¹⁸. Он также дал заверения, что в ближайшие 50 лет крупных затрат на ремонтные работы в здании не потребуется. Только после этого архимандрит Евгений дал согласие приписать часовню к Тихвинскому Богородичному Успенскому мужскому монастырю. Освящение памятника-часовни состоялось 30 мая 1889 года и сопровождалось двумя крестными ходами — из Большого монастыря и из Спасо-Преображенского собора¹⁹. 31 мая 1889 года был подписан акт, в котором содержалось и описание памятника: «каменная кирпичной кладки часовня на цоколевом фундаменте с куполом по середине, имеет вышины 2 1/2 саж. (5,3 м), шириною постамента при квадратном основании 1 1/2 саж. (3,2 м), часовня имеет входные двери и два боковых окна; внутри её находится образ во имя св. ап. Петра и св. благ. вел. кн. Александра Невского, перед образом мельхиоровая лампада-подсвечник; с наружной стороны часовни в верхних полукругах расположены 4 образа на железных досках: над входом во имя Тихвинской иконы Божьей Матери, справа во имя св. равноап. кн. Владимира, слева во имя благ. кн. Константина и на противоположной от входа стороне — во имя Преображения Господня. Всё здание обнесено деревянной решёткой с двумя входами»²⁰. Эта часовня была утрачена в годы Советской власти.

Во время подготовки празднования 200-летия Полтавской победы памятники Петру I были установлены во многих городах России, не стал исключением и Петербург. Скульптурную группу с изображением императора, спасающего утопающих, Николай II приобрёл в Париже. Выполнена она была скульптором Л. Бернштамом, который в предшествующие годы неоднократно предлагал городской думе приобрести его скульптурные портреты Петра. Среди документов

¹⁸ Там же. Л. 61–63.

¹⁹ Там же. Л. 73.

²⁰ Там же. Л. 74–75.

Петроградской городской думы сохранился доклад Санкт-Петербургской городской управы «О постановке у Троицкого моста в Александровском проезде пожалованной государем императором городу группы, изображающей императора Петра Великого, спасающего утопающих». Заседание управы по этому поводу состоялось 21 марта 1908 года и касалось оно выбора места для установки скульптуры. Согласно докладу, городской садовник предложил поставить группу в Александровском парке напротив Конного переулка в месте, окружённом зелёной растительностью. Это предложение поддержал и император Николай II²¹. Однако в 1909 году открыт памятник был совсем в другом месте — на Адмиралтейской набережной. Простоял он всего 10 лет и в 1919 году был демонтирован как не имеющий художественной ценности.

Ещё два памятника Петру Великому были открыты в Петербурге в начале XX века — один, расположенный на Охте, был приурочен к 200-летию Полтавской победы, другой, установленный к 200-летию основания Арсенала, находился на территории предприятия.

История создания памятника на Охте подробно отложилась в деле «О праздновании 27 июня 1909 года 200-летия Полтавской битвы» находящемся в фонде Охтинской пригородной управы (Ф. 391). Идея установки бюста императору принадлежала собранию выборных Охтинского пригородного общества. 22 мая 1909 года настоятель Свято-Духовской церкви протоиерей Муретов выразил согласие причта на установку указанного памятника в церковной ограде,²² а месяц спустя собрание выборных приступило к рассмотрению предложенных проектов. Согласно приговору собрания от 17 июня 1909 года, было предложено два варианта — от бронзолитейной фабрики преемников А. Моран и от фирмы В.З. Гаврилова. При этом фабрика Моран предлагала отлить бронзовый бюст за 2 тыс. 200 руб. и изготовить для него гранитный постамент за 3 тыс. 500 руб. (всего 5 тыс. 700 руб.); за те же работы фирма Гаврилова запросила 4 тыс. руб. Однако выборных эти цены не устроили, и было предложено искать более дешёвый вариант. В конечном итоге фирма Гаврилова согласилась отлить бронзовый бюст императора за 1 тыс. 500 руб., а подрядчик гранитных работ С.А. Антипов изготовить из красного полированного камня постамент для него за 700 руб. На изготовление памятника были использованы сверхсметные суммы Охтинской пригородной управы²³. Установить бюст Петра Великого в июне 1909

²¹ Там же. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10097. Л. 1–1 об.

²² Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 2610. Л. 19.

²³ Там же. Л. 26–26 об.

года не удалось. Только в октябре 1910 управление Санкт-Петербургского градоначальника уведомило Охтинскую пригородную управу, что техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел одобрил в «общих чертах» проект памятника и разрешил его установку,²⁴ а 28 мая 1911 года одобрение было получено и от Николая II. По приговору собрания выборных Охтинской пригородной управы от 9 сентября 1911 года, памятник был готов к открытию, которое назначили на 25 сентября²⁵. Простоял этот памятник недолго и исчез в первые послереволюционные годы. В начале XXI века идею воссоздания бюста императору выдвинули школьники — члены историко-краеведческого научного общества учащихся «Охтинец». Открытие нового бюста Петру I состоялось 23 мая 2003 года.

Последним дореволюционным памятником Петру I в Петербурге стал бюст императора, установленный в 1914 году на территории Арсенала. В архивном фонде Петроградского арсенала Петра Великого (Ф. 1296) отложился целый комплекс документов, связанных с этим празднованием. В числе прочих юбилейных мероприятий было предложено установить напротив главного здания мастерских по Симбирской улице бюст «державному основателю Арсенала». В деле с перепиской о работах по устройству памятника императору Петру I за 1912–1915 годы сохранились рапорты казначея Арсенала об удержании с мастеровых и рабочих на памятник, и его же донесения начальнику Арсенала о пожертвованных суммах на те же цели. Всего за 1912–1914 годы было собрано 7 тыс. 300 руб.²⁶ 13 сентября 1913 года было получено высочайшее соизволение на установку этого бюста, согласно модели и проекта, разработанных скульптором В.В. Лишевым²⁷. 3 октября 1913 года со скульптором заключили контракт, в котором подробно были описаны характеристики будущего памятника: «Статуя должна быть отлита из лучшей бронзы, высотой не менее 3 аршин (2,13 м), вся фигура статуи должна иметь надлежащую солидность и прочность. Пьедестал под статую должен быть исполнен, по представленной им, Лишевым, в арсенал модели, из его, Лишева, красного финляндского мелкозернистого гранита, утверждённого Арсеналом образца, высотой не менее 4,5 аршин (3,2 м), а именно: А) — верхняя часть пьедестала — полированная кругом, из четырёх кусков с накладными бронзовыми надписями на двух сторонах пьедестала (спереди в 4 строки «Петру Великому основа-

²⁴ Там же. Л. 92.

²⁵ Там же. Л. 122, 138, 140, 145–147 об.

²⁶ Там же. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 277. Л. 1–4, 111.

²⁷ Там же. Л. 29.

телю Арсенала 1714–1914 гг. 21 апреля»; сзади — «Сооружён служащими, мастеровыми и рабочими Санкт-Петербургского арсенала»); Б) нижняя часть пьедестала: верхний ряд — плита из 8 кусков, а нижний ряд — плита из 16 кусков из такого же гранита чисто тёсанного»²⁸. 30 апреля 1914 года был подписан акт о принятии памятника, и 1 мая состоялось его торжественное открытие²⁹. Однако и этот памятник был демонтирован и отправлен в переплавку в 1931 году, на его месте в 1971 установили бронзовый бюст М.В. Фрунзе.

Итак, все перечисленные выше памятники, как уже упоминалось, были утрачены в годы Советской власти. Многие из них сегодня удалось возродить. Однако в заключение хотелось бы упомянуть ещё об одной значимой инициативе, высказанной в 1902 году гласным Санкт-Петербургской городской думы полковником И.А. Шульцем. Он предлагал особо отметить то место, откуда 200 лет назад начинался Петербург и по открытой аллее от Троицкого моста до Каменноостровского проспекта поставить статуи сподвижников основателя города, а именно: Феофана Прокоповича, Стефана Яворского, А.Д. Меншикова, Б.П. Шереметева, Я.Ф. Лефорта, А.И. Репнина, Ф.М. Апраксина, М.М. Голицына, А.С. Шеина и Р.В. Брюса³⁰. Городская дума поддержала идею установки бюстов сподвижников Петра, но осуществить проект не удалось. Хотелось бы надеяться, что этот замысел, высказанный более 100 лет назад, но по разным причинам не реализованный, найдёт своё воплощение в наши дни.

²⁸ Там же. Л. 41–42.

²⁹ Там же. Л. 110.

³⁰ Там же. Ф. 792. Оп. 1. Д. 5943. Л. 216.

Лаптева Татьяна Александровна
(Москва)
*Заместитель начальника
отдела научной информации и публикации
Российского государственного архива древних актов*

Памятники петровской эпохи в книге Александра Гордона «История Петра Великого»

Книга Александра Гордона посвящена биографии Петра I и, собственно говоря, тема памятников в ней не является главной. Автор упоминает о тех памятниках, о которых ему довелось узнать и которые довелось увидеть вместе с Петром. Тем не менее, ряд замечаний автора позволяет глубже понять историю появления первых памятников в России.

«История Петра Великого» Александра Гордона в двух томах была издана в Эбердине в 1755 году и до сих пор на русский язык не переводилась. Однако её известность в России была довольно широкой: содержащимися в ней сведениями пользовались такие русские историки, как С.М. Соловьев, Н.Г. Устрялов, М.И. Сёмевский.

Александр Гордон, так же, как и его тесть, Патрик Гордон, принадлежал к известному и влиятельному в Шотландии клану Гордонов, к ветви Гордон оф Охинтул. Он родился в 1669 году в Шотландии. В возрасте 14 лет отправился в Париж для завершения образования. В 1688 году вступил кадетом в военную службу во Франции, где вскоре получил чин капитана. В 1696 году по рекомендации Патрика Гордона поступил на русскую службу, о чём свидетельствует сохранившаяся в документах Посольского приказа «сказка», подписанная

его собственной рукой¹. Александр остановился в доме генерала Патрика Гордона, вскоре был определён майором в Московский выборный полк того же Патрика Гордона и отправлен «под Азов». Там А. Гордон принимал участие во взятии крепости Азов, а в декабре 1697 года был произведён в полковники. В феврале 1698 года он женился на старшей дочери Патрика Гордона Катарине, служил на южной границе, участвовал в военных действиях против турецких войск².

Во время нарвского похода возглавил солдатский полк. Во время сражения под Нарвой А. Гордон в числе других генералов и офицеров был взят в плен и отправлен в Швецию, где находился вплоть до 1708 года, когда был разменен на шведского полковника Г. Эншильда. После возвращения в Россию произведён в генерал-майоры. Принимал участие в нескольких военных акциях, а в декабре 1708 был назначен командиром «Заднепровского корпуса»³. Покинул Россию в 1711 году вследствие известия о смерти отца вопреки желанию Петра I⁴.

Участвовал в восстании якобитов в Шотландии в 1715 году, затем эмигрировал во Францию. В 1727 вернулся в Шотландию, где скончался в 1752 году. «Историю Петра Великого» написал за несколько лет до смерти, в возрасте около 80 лет.

Памятники, посвящённые великим событиям и военным победам, в XVII веке в России не ставились. Победы было принято отмечать закладкой и постройкой церкви в честь того или иного святого, память которого отмечалась в день данной победы. Несколько таких церквей воздвигли и в Петербурге. Однако уже в конце века западные традиции начинают проникать и в Россию. После первого заграничного путешествия, где Пётр Алексеевич увидел подобные памятники в виде колонн, пирамид, а также бюсты, он имел намерение поставить памятники трём полководцам, принимавшим участие во взятии Азова — А.С. Шеину, Францу Лефорту и Патрику Гордону, но это намерение так и не было осуществлено⁵.

Победы отмечались также чеканкой памятных медалей. Первые наградные и памятные медали появились в России в царствование

¹ РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. 1696. № 1. Л. 3–4.

² Tagebuch des generals Patrick Gordon. В. 3. SPb., 1852. S. 4, 168–169, 218.

³ ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 343; Т. 7. Пг., 1918. Вып. 1. С. 116, 419, 421; Т. 8. Вып. 1. М., 1948. № 2922. С. 361; История Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 82, 98, 199, 203, 208, 225.

⁴ ПиБ. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 279, 460, 561.

⁵ *Поселътъ М.* Генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорг. Его жизнь и его время // Военный сборник. 1871. № 3. С. 39–40.

Петра I. Особенно возрос интерес царя к медальерному искусству после посещения Франции. Серия медалей французских мастеров, посвящённая правлению французских королей Людовика XIV и Людовика XV, натолкнула его на мысль создать подобную же серию, посвящённую событиям собственного царствования.

Книга А. Гордона упоминает и о первом памятнике, воздвигнутом в Европе и связанном с Петром I. В его рассказе о Полтавском сражении имеется параграф «Смерть герцога Вюртембергского». Принц Максимилиан Вюртембергский — двоюродный брат Карла IX, с 1703 года неизменно сопровождал его в походах, в шведской армии его прозвали «Маленький принц». В Полтавской битве командовал Сконским драгунским полком и был взят в плен. Гордон отмечал «множество знаков уважения» царя Петра к шведским офицерам, особенно к герцогу Вюртембергскому: «он не только повелел вернуть ему его шпагу, но и повелел предоставить полную свободу. Но на пути в Германию молодой принц заболел и умер от лихорадки в Дубно на Вольныи. Пётр распорядился похоронить его там, а сердце отправил «к его матери герцогине с соболезнованиями через полковника Брукенталья, одного из своих генерал-адъютантов»⁶. В этом случае Пётр следует западноевропейской традиции — захоронения сердца отдельно от тела, что в России было до сих пор немислимо. Однако речь шла о западном принце. В честь сына герцогиня велела воздвигнуть в Штутгарте памятник из мрамора, «где есть следующая надпись, касающаяся императора Петра Великого:

«Magnus enim Moscoviae Caesar
PETRUS ALEXIUS
Virtutis in hoste quoque aestimator,
Principi simul ac viso
Libertatem mox reddidit,
Omnemque dum vixit habuit honorem:
Et postquam vivere desiit,
Ardenti febre ipso in itinere correptus,
Fatum tanti principis doluit,
Splendidasque ei exequias fieri jussit
Dubnoviae in Volhynia etc»⁷

В переводе эта надпись звучит так: «Поистине великий московский цесарь Пётр Алексеевич, ценитель доблести также и у врага, как только увидел князя, тотчас даровал ему свободу, пока тот жил, он

⁶ *Gordon A. History of Peter the Great, Emperor of Russia. Aberdeen, 1755. Vol. 1. P. 308.*

⁷ *Ibid. P. 309.*

оказывал ему полный почёт, а после того, как перестал жить, сражённый жестокой лихорадкой во время путешествия, он скорбел о судьбе этого князя и повелел устроить ему великолепное погребение на Воыни и т.д.» Надпись не приведена полностью. Возможно, памятник находится в евангелической монастырской церкви св. Креста в Штутгарте. Пётр не мог тогда предполагать, что российских царей и герцогов Вюртембергских впоследствии соединят тесные матримониальные связи. Максимилиан Вюртембергский скончался предположительно 25 сентября 1709 года. В это время Пётр I находился в Варшаве, через Дубно он проезжал 22 августа и до 7 сентября оставался в Люблине⁸. Антон Брукенталь, генерал-адъютант А.Д. Меншикова, с которым, вероятно, Гордон был знаком, в это же время был отправлен послом к польскому королю Августу II. Оснований не доверять рассказу Гордона нет.

Второй эпизод в книге А. Гордона, где упоминаются различные памятники, в том числе архитектурные, — это рассказ о пребывании Петра I в Париже и окрестностях. Сам Гордон после подавления восстания в Шотландии нашёл убежище во Франции, известно, что в начале 1717 года он находился на юге Франции. Можно допустить возможность его приезда в Париж в мае 1717 года и личного присутствия при посещении Петром тех или иных мест. Можно предположить также его переписку с членами царской свиты. Рассказ Гордона о пребывании Петра во Франции во многом сходен с повествованием «Походного журнала», в дальнейшем вошедшего в «Историю Свейской войны», а также с рассказом И.И. Голикова в «Деяниях Петра Великого». Однако есть и ряд существенных различий, что вновь позволяет предполагать личное присутствие Гордона при царе или его знакомство с подробным отчётом о времяпрепровождении царя в Париже и окрестностях. Все числа у Гордона даны по грегорианскому календарю (приезд в Париж датирован 7 мая), в то время как в «Походном журнале» — по юлианскому. Гордон пишет о посещении царём Лувра, а также замечательных мест Парижа, в том числе мостов, а также всех королевских дворцов, в том числе тех, которые не сохранились до нашего времени, а именно: Сен-Клу, резиденции герцога Орлеанского, Тюильри и Медона. Упоминает он также о посещении Петибурга на пути в Фонтенбло, визите в Шуази к вдовствующей принцессе Марии Анне Конти. Рассказ о посещении Петром Сен-Дени заставляет предположить, что он осмотрел там все надгробные памятники и надгробную скульптуру, хотя Гордон пишет лишь об осмотре сокровищницы.

⁸ ПиБ. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 1194.

Пребывание Петра в Версале описано у Гордона несколько иначе, чем в «Походном журнале». Автор пишет, что в первый раз он осмотрел Версаль в течение нескольких минут и сравнил этот дворец с голубем с крыльями орла⁹. Оттуда он отправился в Трианон, который понравился ему гораздо больше (а более всего Марли и машина, там же). Гордон сообщает о посещении царём Сен-Жермен-на-Лее с его старым и новым замком, затем Пётр отправился в Сен-Сир, где повидался с маркизой де Ментенон. Автор подчеркнул, что Петру понравился дизайн дома в Сен-Сире. Во второй раз, 12 мая, Пётр более подробно осмотрел Версаль, затем отправился в Шайо, где виделся с вдовствующей королевой Англии в изгнании Марией Моденской. Этот визит должен был привлечь особое внимание Гордона. Разнится с версией, представленной русскими источниками, и рассказ Гордона и о посещении Монетного двора. Отличается в повествовании Гордона надпись на реверсе золотой медали, которую преподнесли царю «*Vires acquirit eundo*» (Шествуя, силы приобретает) вместо «*Crescit eundo*» (Шествуя, возрастает) в книге Голикова¹⁰.

Повествование Гордона является одним из немногих источников, где говорится о посещении царя папским нунцием и его речи на итальянском языке, визите к нему послов Португалии и Мальты, посещении Петром Колледжа четырёх наций, основанном кардиналом Мазарини, подаренном им королю плане Санкт-Петербурга, прерваншемся из-за толпы и пыли участия царя в смотре войск на Елисейских полях. Гордон более точно указывает место, где находилась могила кардинала Ришелье с её надгробным памятником — это Сорбонна, а не Академия Наук. Именно эту надгробную статую, по преданию, обнимал Пётр I и при этом воскликнул: «О великий муж!»¹¹. Более точны у Гордона и географические названия. По-другому описаны им и сюжеты на гобеленах, подаренных Петру — это сцены из «Дон Кихота». Интересно также упоминание о медали Людовика XV с изображением восходящего солнца и девизом «*Jubet sperare*», подаренной царю во время его третьего визита на Монетный двор¹². В целом рассказ Гордона практически точно соответствует хронике событий, происходивших во время визита Петра I во Францию¹³. При этом автор упоминает и высказывания царя по поводу посещения того или иного места.

⁹ *Gordon A. Op. cit. Vol. 2. P. 86.*

¹⁰ См.: *Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Т. 6. Изд. 2-е. М., 1838. С. 229.*

¹¹ *Gordon A. Op. cit. Vol. 2. P. 87; Голиков И.И. Указ. соч. С. 233.*

¹² *Gordon A. Op. cit. Vol. 2. P. 89.*

¹³ *Мезин С.А. Пётр I во Франции. СПб., 2015. С. 60–77.*

Таким образом, повествование А. Гордона значительно дополняет сведения о пребывании Петра I во Франции и осмотренных им памятниках по сравнению с русскими источниками. Однако невыясненным остаётся вопрос, откуда он черпал свои сведения. Его рассказ во многом совпадает с фактами, освещающими визит Петра I во Францию, изложенными в газете «Le Nouveau Mercure», издававшейся бывшим советником и секретарем короля П.Ф. Бюше¹⁴. Возможно, сведения были почерпнуты Гордоном именно из этой газеты, хотя нельзя исключать и других источников. С.А. Мезин предполагает также наличие некоего общего официального источника в Париже, откуда газеты получали материал¹⁵. Знания и впечатления, полученные во Франции, как царём, так и членами его свиты, повлияли в дальнейшем на процесс осмысления и претворения в жизнь в России европейских традиций создания памятников и мемориальных мест и формы их художественного воплощения.

В конце своего рассказа о царствовании Петра Александр Гордон упоминает ещё об одной реликвии — ботике Петра I, привезённом в 1723 году из Москвы в Санкт-Петербург. Гордон связывает это событие с увлечением Петра мореплаванием и кораблестроением, которое он приобрёл благодаря этому судну. Автор подчеркнул, что судно было построено самим Петром с помощью «английских плотников». Однако в действительности, судя по источникам, английский бот был выпущен в Россию около 1640 года и хранился в Измайлове в одном из амбаров¹⁶. Появление судна в Санкт-Петербурге сопровождали празднества и увеселения (участие в смотре Балтийского флота в Кронштадте 11 августа 1723 года), а ботик получил имя «дедушки», «чтобы будущие поколения могли узнать о создании могущественного флота всех видов, который ныне можно увидеть в России»¹⁷. Гордон писал также, что бот был помещён в особый «каземат», имея в виду, вероятно, Петропавловскую крепость. Скорее всего, Гордон узнал о чествовании ботика из письма французского посла в Петербурге.

Таким образом, книга Александра Гордона является важным источником, существенно дополняющим сведения как о жизни и деятельности Петра, так и о памятниках, посвящённых ему или повлиявших на его представление о необходимых в России преобразованиях.

¹⁴ Там же. С. 36, 70–76.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 75–76.

¹⁷ Gordon A. Op. cit. Vol. 2. P. 245–246.

Аршембо Сильви
(Франция)
Старший научный сотрудник
Французского государственного центра
научных исследований (CNRS / Paris-Sorbonne)

«Русская грамматика и методика» Жана Со́йе (Париж, 1724) как интеллектуальный памятник Петру I

Теперь признано, что визит Петра I во Францию послужил началом создания целого направления культурных связей с Россией. Они базировались на самой личности Петра, которая очаровала французские учёные круги. Уже в 1706 году в знаменитом иезуитском журнале «Мемуар де Треву» была опубликована большая статья, в которой прославлялся царь Пётр Алексеевич за развитие науки и желание уничтожить варварство в своём государстве:

«Москвичи станут учёными, и кажется, будто музы изволят положить путь к Татарии. Вам известно, что они перешли с Востока в Грецию, из Греции в Италию, из Италии в Испанию, во Францию, в Германию, в Англию и в Швецию, где наука развита как никогда. Они продвигаются на север, и царь Пётр Алексеевич, имеет замысел изгнать варварство из своих государств».

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим двухтомную грамматику русского языка в сопоставлении его с французским под названием «Grammaire et Methode russe et française» (1724)¹. Эта книга, оставшаяся в рукописи вплоть до издания её Борисом Успенским

¹ *Sohier J. Grammaire et Methode Russes et Françaises. В 2 тт. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б.А. Успенского. München, Verlag Otto Sagner, Specimina Philologiae Slavicae, 1724. [1987].*

в 1987 году, является своего рода нематериальным памятником, прославляющим Петра I. Её автор, Жан Со́йе, ставит своей целью описать «русский канцелярский язык» и зафиксировать нормы «приказного языка», который «отличается эlegantностью и энергией».

ТРИ ПАМЯТНИКА, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ ПЕТРА I

Можно считать, что во Франции вначале XVIII века было создано три интеллектуальных памятника, посвящённых визиту царя в Париж.

Первый из них является путеводителем по достопримечательностям Парижа. Он был подарен Герцогом д'Антен Петру во время его пребывания в Париже в 1717 году. Ещё в 1958 году Павел Берков² выдвинул гипотезу о том, что сочинитель русского перевода описания парижских достопримечательностей — аббат Габриель Жирар (1677–1748), французский грамматик, автор трактата по французскому правописанию³ и фундаментального сочинения, посвящённого синонимам⁴.

Вторым памятником является представленная нами сопоставительная грамматика русского и французского языков. Её автор — Жан Со́йе. Произведение полностью называется «Российские и Французские Грамматика и Методика. Написанные от руки Жаном Со́йе, переводчиком на церковнославянский, русский и польский языки при Королевской Библиотеке, и разделённые на две части. В 1724 году». Одна рукопись хранится в Национальной библиотеке Франции, вторая, на которую нанесена надпись «Грамматика Российская», находится в Библиотеке Арсенала. В том, что эта грамматика была удостоена заслуженного внимания, мы обязаны российским учёным — её факсимильное издание было сделано Борисом Успенским в 1987 году.

Красиво оформленная рукопись состоит из двух отдельных томов. Первый том — «Грамматика», помимо главной части в 453 страницы, содержит посвяtitельное послание аббату Биньону из 13 листов, написанное на французском языке с расположенным

² *Berkov P.N.* Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard / *Revue des Etudes Slaves*. T. XXXV. Fasc. 1–4. Paris, 1958. P. 7–14.

³ *Girard G.* L'Orthographe française sans équivoque et dans ses principes naturels, ou l'Art d'écrire notre langue selon les loix de la raison et de l'usage (1716). A Paris, chez Laurent d'Houry, 267 p.

⁴ *Girard G.* 1718. La Justesse de la Langue Française, ou les différentes significations des mots qui passent pour synonymes, Paris, L. d'Houry.

напротив него переводом на русский, а также предисловие на французском.

Второй том — «Методика», содержит 424 страницы; он опирается на большой корпус примеров, сгруппированных в зависимости от возникающих при переходе с одного языка на другой расхождений в конструкциях. Позднее вернёмся к «Грамматике», которая ставит перед собой задачу описать «язык канцелярский, замечательный своей элегантностью и энергичностью».

Что касается третьего памятника, это своего рода надгробный памятник, так как речь идёт о французском переводе аббата Жирара «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича.

РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ АББАТА БИНЬОНА (1662–1743)

В 1720-е годы при Королевской библиотеке существовал центр изучения славянских языков. Его зарождением мы обязаны решительной деятельности аббата Жан-Поля Биньона (1662–1743), племянника канцлера Поншартрена, королевского библиотекаря и академика. Он пятьдесят лет заботился об Академиях и учредил целую сеть корреспондентов и посланцев, ответственных за сбор книг и рукописей, с двойной целью — обогатить коллекции библиотеки и сделать их собранием текстов для разбора. Именно в этой благоприятной среде Королевской библиотеки начало развиваться синхронное изучение старославянского, русского и польского языков.

Жан-Поль Биньон добился от регента создания двенадцати постов переводчиков и переводчиков-синхронистов по восточным языкам и двух синхронистов по церковнославянскому, русскому и польскому языкам. В обязанности переводчиков входило и некоторое количество часов преподавания. Сводки персонала Национальной библиотеки⁵ указывают на то, что в 1720 году был создан пост для Пагенкампфта, «добавленного их Королевским Величеством к переводчикам, служащим при вышеупомянутой Библиотеке в знак почтения гуманитарных наук и для пользы любопытствующих всех наций» с жалованьем в 250 ливр за квартал. Блендовский был назначен при нём вторым переводчиком, а после заменён Кнабе (с июля 1720 по март 1721 года). Гузен (Gousin, иногда «Гуссен» Goussin или Gouzin), на самом деле — Жорж-Луи де Гуссен — сын французского врача, находящегося на службе у Петра I в Санкт-Петербурге, выу-

⁵ Их цитирует Мазон: *Mazon A.* «L'abbé Gabriel Girard, grammairien et russisant» / *Revue des Etudes Slaves.* Т. XXXV. Fasc. 1–4. Paris, 1958. P. 28–29.

чил язык в России. Поработав преподавателем в Халле, он был назначен в апреле 1721 года первым переводчиком, заменив Пагенкампфа. Его ассистентом стал сначала Баггер, а потом Сойе, который исполнял обязанности переводчика до своей смерти в 1725 году. Именно тогда, в январе 1725 года, Сойе был назначен первым переводчиком с Жираром в качестве второго переводчика. Жирар сохранял эту должность до своей смерти в 1748 году, то есть в течение 22 лет.

Кроме долгой службы Жирара, эти непрерывные смены показывают, насколько было непросто обеспечить стабильное присутствие переводчиков. Аббат Биньон сам следил за набором, у него были свои требования, о чём свидетельствует его переписка.

Как подчёркивает Жан Сойе в своём посвящении, грамматика пишется по заказу Биньона для дипломатической канцелярии и ведения переписки:

«Извольте, мой милостивейший Господинъ, помнить что, егда вы меня своею высокою милостію тому уже три года при начинаній Академій свободныхъ наукъ удостоить и употребить меня изволили, выбрать въ Королевской Библиотеке за Переводчика Славенского, Россійского и Польского Языковъ, вамъ, мой милостивейшій Господинъ, обещать взводить себя въ состояніе съ вспоможеніемъ языка Славенского учинить въ малое время поспехи въ Россійскомъ діалекте обученіемъ такъ сильныя, чтобы годнейшимъ быть съ временемъ въ Королевской Библиотеке достойныя и въ Министровъ Кореспонденцію надлежащія показать услуги».

В ПОИСКАХ ОБЩЕЙ НОРМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Этот вопрос главенствовал в лингвистической мысли России XVIII века. Как создать норму, не имея возможности связать её с определённой социальной категорией? Какое место должны занимать в этой норме старославянский и местный русский язык? Замечательно, что этот спор, разыгравшийся в России тех времён, имел место и в Париже благодаря этой грамматике. По Сойе, нужно учитывать три языка, в зависимости от узуса, от использования и от говорящего: древнеславянский, «Язык-Мать», диалект «низшего штиля», являющийся местным устным языком с локальными вариантами, что связано с огромным размером территории и разнообразием использующих его народов и, наконец, канцелярский штиль, обаянный своей элегантностью близостью к старославянскому:

«Русский, российский или московский язык — диалект церковнославянского языка, который является ей Языком-Матерью. Он в обиходе во всей России, на севере, неподалёку от Белого моря, от Архангельска до самых границ персидских, к которым пролегает путь сквозь Астрахань и со стороны Балтийского моря, от Ингрии или Ингерманландии до границ Китая да через всю Сибирь, не включая в эти земли просторные часть Польши, также как и Малороссию, Подолье, Волынь и Украину, где он используется⁶.

Но язык этих местностей крайне не похож на язык придворный, а штиль, который используют Русские в своих канцеляриях, также сильно отличается от языков этих народов и от того языка, на котором они сами говорят, следовательно пишут они не так, как говорят и говорят не так, как пишут.

Итак, здесь именно о штиле канцелярском я намеревался рассказать, и его правила дать в своей Грамматике и своей Методике, как о едином наиболее полезном штиле, который необходимо знать, дабы освоить письмо, переписку и понимание книг.

Этот канцелярский штиль элегантен и энергичен; он не коим образом не перенимает силу диалекта, но заимствует всю красоту и энергию церковнославянского языка : таким образом, нельзя красиво писать на языке российском без помощи церковнославянского.

Можно плохо говорить, но хорошо писать на языке российском, также как и можно на нём хорошо говорить и плохо писать; и также смешно говорить по-русски так, как на нём пишут, смешно писать так, как на нём говорят.

Значит, существует большая разница между умением говорить на российском языке и писать на нём; первый — обычный язык страны, а второй — штиль людей учёных и просвещённых: первый — то, что

⁶ Начало вступления очень схоже с Лудольфовским: «Inter linguas diversarum dialectorum matres haut postremum locum sibi vindicat Slavonica, tam antiquitate, quam vulgato per plurimas gentes usu. Inter Slavonicae autem originis dialectos, Russica non tantum proxime ad fontem suum accedit, verum etiam per vastissimum terrarum tractum, ab emporio Archangeli usque ad Astracan, & ab Ingermania usque ad Sinae confinia se extendit: licet nationes inter Siberiam & Sinam sitae, nempe Ostaki, Jakuti, Tongusi & Daurenses, proprias quoque habeant linguas. Imo non tantum Russica dialecto utuntur, qui latissime patenti Tzarum imperio subsunt, verum etiam Buchartzi inter Indiam & Russiam commercia exercentes ei student». Ludolf H. W. 1696. [1959] Henrici Wilhelmi Ludolfi grammatica russica quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam slavonicam. Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiore, Germanice aequae ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam latinam ignorant. Una cum brevi vocabulario rerum naturalium. Oxonii (Unbegaun, Boris ed), Oxford University Press, Praefatio, A.

собственно называется диалектом, а последний — то, что можно назвать Языком, по отношению с его соответствием с языком церковнославянским, и смешением избранных им слов и оборотов, совместных с Языком-Матерью».

Этот текст доносит до нас отзвуки бурного спора, разгоревшегося среди просвещённой части русского общества и касающегося преодоления славяно-русской диглоссии и определения единой нормы в русском языке.

Описание богатого и разнородного языкового материала показывает, что Соие учился у носителей русского языка. Борис Успенский замечает, что Соие вероятно общался с выходцами из Юго-Западной Руси, Польши и Великооосии.

ТОМ ВТОРОЙ «МЕТОДИКА»

Главная цель «Методики» — ответить на чётко сформулированный аббатом Биньоном запрос «быть однажды полезной в Королевской библиотеке в вопросах правительства или переписки». Корпус примеров на двух языках построен вокруг тематик, потенциально сходящихся к Канцелярии, таких как:

— вопросы гражданского права и судебных практик, касающихся предохранительных и репрессивных мер против покушений на собственность;

— дипломатические дела, касающиеся отношений между европейскими дворами, оценки политических деятелей того времени;

— военные вопросы, военная подготовка, возведение укреплений, расположение защитных сооружений, мирные переговоры;

— более второстепенно: ситуации (из) повседневной жизни, несколько острот.

Структура произведения построена так, что русский и французский тексты поставлены друг против друга и рядом расположены четыре текстовых блока для каждого примера. Накладывание одного текста на другой благодаря технике подстрочного перевода, распространённого в то время в преподавании латыни, представляет сопоставительную грамматику русского и французского языков. Принцип состоит в соотнесении двух текстов, чтобы слова как можно лучше совпадали друг с другом. Так как структуры у обоих языков разные, автор более или менее глубоко переорганизовывает тексты на обоих языках, прибегая к переделанному на французский лад русскому (в транслитерации) и руссифицированному французскому (в дословном переводе).

Этот метод применяется во всём произведении и приводит к созданию четырёх смежных блоков: слева — русские тексты, справа — французские (*илл. 1*). Слева сверху находится красиво выписанное русское предложение на кириллице, снизу — в фонетической транскрипции на латинице, справа сверху представлен дословный перевод, где лексическая и синтаксическая структуры калькируют лексическую и синтаксическую структуры русского предложения и, наконец, справа снизу видно «элегантное» французское предложение. Главным результатом такого представления является подчёркивание разницы в конструкциях обоих языков. Оно также позволяет, благодаря предложениям-образцам, упражняться в переводе с иностранного языка на родной и наоборот, и запоминать характерные конструкции русского языка.

Сойе оправдывает использование транслитерации и дословного перевода педагогическими причинами и рассчитывает таким путём приблизиться к «духу языка»:

«Помимо тех трудностей, которые доставил мне во второй части этой книги перевод русских букв (из) моих предложений на французские, что я подписал прямо снизу, я изволил ещё заставить себя перевести их в духе языка, то есть дословно, и расположил этот перевод рядом (напротив и сверху) истинного французского значения, для удобства и удовлетворения тех, кто начинает изучать этот язык и не усугублять и без того уже немалые трудности».

В начале XVIII века дух языка — модное выражение, которое используется, чтобы приукрасить названия грамматических произведений, посвящённых французскому языку. Оно всё чаще используется в этом риторическом значении, и всё больше становится хвалебным общим местом национального языка. Выражение было введено в пользование Амаблем де Бурзе (Amable de Bourzeys, 1606–1672)⁷, в его торжественной речи «О замысле Академии и разных духах языков», произнесённой 12 февраля 1635 года, чтобы дать отчёт о «своеобразиях красноречия»⁸.

Видно, что Сойе использует выражение в его полном смысле: предстоит именно *вычитать дух русского языка* из особой структуры этого языка, противопоставляя её той организации, которую подразумевает французский язык. Как мы уже видели выше, сопоставле-

⁷ В 1634 году Ришелье выбрал его в качестве одного из тринадцати членов Академии (см. *Sgard J. Dictionnaire des journalistes (1600–1789). Notice №. 109.*

⁸ См.: *Archambault S. и Wakoulenko S. Un comparatiste avant la lettre: Ivan Pereverzev et ses «Préceptes de la rectitude grammaticale russe... à l'usage des Ukrainiens» (1782). P. 37–38.*

Помните Шеллового l'exemple à l'usage de vous.
 Чередя из допозаваніа утро: pour preuve d'espérance
 палого вознесенія resurrection des morts
 метельных пелётепалаютъ. ils se resistent.
 прімер. Scheklovogo en rapporte l'exemple
 Tochterivъ k' dokazaniou du bev à voir pour
 opravvaemogo vorzere: faite voir la resurrection
 niia mertvich predtavljaout. Des morts.
 Это муть гораь-во cela cellelà ville en-
 франій гат-вотъ France où de tous le
 чище говосятъ. plus purem. tily spaklon
 eto tot gorod vo Fran: c'est la seule ville en
 tzi j'de v'rech tochirch: France ou on parle
 troche gorriat. le mieux.
 Знаютъ ли ео-вотъ? connaitent-ils le ici?
 xnaout-li i'evu zdesi? le connoit-on ici?

прашиваютъ меня, на: ils demandent me, il faut
 ха митъ болноа пообтвить. à moi malade visiter.
 спрашивають меня, он мие demande pour aller
 ндур мие bolnoa poselit. visiter un malade.
 вегда тамъ на холодо тоужоуе ла ау frais
 шаятъ, и мнотъ ежене ил ронт асис, ет-беау-
 шаятъ. coup de fers ils voient.
 вегда там на холод: он у ет тоужоуе асис
 no ridiat, i' mingo j'ele: au frais, et on y voit
 ни идиат. beaucoup de fers.
 называан митъ, мой ил он дитъ à moi. Mon:
 бесподанъ, что вы ваетъ сичу, que vous icy
 були. avec etc.
 x'xruivali mne', moi on m'a dit, Monsieur,
 gorodin, tocto qui que vous avez été ici.
 d'ici buili.

ние русского оригинального текста и французского русифицированного предложения способствует осознанию разницы в том, что Барсов позже назовет *«словосочинением»*, словосочетанием: сочинение, подчинение, безличные обороты, важность частей речи и, естественно, глагольная конструкция или управление, порядок слов, распределение частей и предложений в случае самых длинных примеров. Примеры собраны, главным образом, не по темам, как было принято в то время, а по сложности перевода. Среди отклонений в синтаксической организации русских и французских предложений учитываются стяжательные формы прилагательных, степени сравнения, косвенные обороты и так далее... Дух русского языка пронизывает этот русифицированный французский пример, который в сопоставлении возводится до элегантного французского.

Существует довольно широко принятое мнение, что в плане распространения русского языка поездка Петра I прошла безрезультатно⁹. Так, известный французский лингвист Жак Вейренк утверждает, что «приезд Петра Великого вызвал лишь поверхностное любопытство». Мы попытались доказать ошибочность такой оценки, проанализировав условия возникновения «Грамматики» Со́е и показав, каким образом она обобщала присущие той эпохе различные точки зрения на описание языков. На самом деле «Грамматика» Со́е заслуживает признания и является интеллектуальным памятником Петру I.

⁹ См.: *Veyrenc J. Histoire de la slavistique française. Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischer Ländern*, herausgegeben von J. Hamm und G. Wytresens. Wien, 1985. P. 245–303.

Аисимов Евгений Викторович
(Санкт-Петербург)
Профессор истории
Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге,
научный руководитель Института Петра Великого

Слово на закрытии Конгресса

Дорогие друзья!

Стремительно пролетели три дня ученых заседаний, тёплых встреч, душевных бесед, шумных общих обедов, и вот — уже пора прощаться.

Этот Конгресс кажется мне особым. Посвящённый петровским памятникам, он как бы подвёл итог уже сделанного нами за многие годы. Оценка состояния изучения и сохранения петровских памятников — это, в конечном счёте, и оценка наших усилий, успехов, недостатков и проблем в священном деле изучения прошлого и бережения его наследия.

Главные итоги работы Конгресса очевидны.

Первое. Обобщена огромная работа по сбору разнообразной информации о сохранившихся, утраченных, вновь найденных, никогда не существовавших, воссозданных, виртуальных и мифических петровских памятников. Поражает необозримое пространство урочища памяти Петра. В ходе работы этого Конгресса (как и шести предыдущих) совместными усилиями мы извлекли, подняли из небытия огромный мир петровской истории. Это колоссальный и уникальный контент. И пусть наши потомки знают, что мы сделали всё, что могли, и пусть они попробуют сделать лучше.

И вновь мы должны признать неисчерпаемость петровской темы. Пётр поражает нас своим мощным творческим потенциалом, страстью к познанию, энциклопедичностью, своим многообразным воздействием на жизнь своей страны и других народов. Многие годы, занимаясь Петром и его временем, я не перестаю удивляться и восхищаться этим человеком.

Каждый наш конгресс открывает новую грань этого гения. Кажется, что познать его невозможно, как и написать книгу о нём, адекватную масштабу его личности. Вспоминается замечание Ольги Чайковской, писательницы и историка, что Гоголь мог написать Чичикова, а Чичиков Гоголя — никогда. Но всё-таки и мы (не гоголи!) кое-что сделали.

Второе. Конгресс показал, что наша наука значительно продвинулась в деле изучения исторических памятников петровского времени; в применении новейших принципов, приёмов, методов и методик современного научного исследования — идёт ли речь об археологических раскопках, исторических разысканиях или филологических штудиях. Поэтому низкий поклон всем собравшимся здесь исследователям — отважным защитникам бастионов культуры от разрушительного времени, от нашествия варваров. Порой нам кажется непреодолимой стена невежества и непонимания важности нашего дела. Миллионы людей не ведают, что земляные валы петровских крепостей — такие же памятники, как и стены каменных фортеций. Чиновникам никак не объяснить, что издание «Писем и бумаг Петра Великого» — не менее важное для государства дело, чем программа «Стратегия-2020; что коммерция и музейное дело — не одно и то же.

И всё же, понемногу что-то меняется. Так, туризм постепенно становится всё более культурным. И это отчётливо прозвучало на заседаниях секций. Что касается возможностей культурного паломничества к памятникам, связанным с именем Петра, они неограниченны. По своему опыту знаю: любое слово, сказанное о Петре, вызывает живой, неподдельный интерес людей.

Третье. Конгресс показал, как важна петровская тема для дальнейшего национального и культурного развития России. Петровские памятники — материальные основания нашей самоидентификации. Мы видим, как глубоко укоренился Пётр в сознании и памяти народа. Неслучайна грандиозная картина народного мифотворчества, развёрнутая на Конгрессе докладчиками. Пётр оставил о себе память даже там, где никогда не был!

В чём секрет огромной популярности Петра? Говорят, что жители села Нюхча, где царь в 1702 году на некоторое время задержался

перед маршем по «Осударевой дороге», убеждены, что все они — потомки детей, зачатых царём во время короткого отдыха перед походом. И переубедить их невозможно. Сегодня, когда наши «конгрессмены» прошли в Петропавловский собор к могиле Петра для возложения цветов, и их пропустили без очереди, в толпе кто-то бросил: «А... это его родственники». Очень символично! В некотором смысле мы все его дети, мы, как и толпы за стенами этого зала, — дети Петровы, пришедшие поклониться праху своего предка. И вновь задаёшься вопросом: почему так? почему так актуален, так интересен Пётр, спустя столетия после его смерти? Вероятно, он привлекает тем, что, в отличие от властителей последующих времён, имеет безупречную государственную репутацию. Люди видят в нём правителя, отдавшего всю свою жизнь, без остатка, России. Он также привлекает своей дерзостью, нешаблонностью мышления, государственным романтизмом, мечтой о благе России. Порой он мне кажется человеком, заброшенным в своё время из времени нашего. Зрячий среди слепых. Он будто прочитал страницы той книги, где написано о будущем России, и повёл её по дороге, идущей к нам. Поэтому мы и понимаем Петра лучше, чем его современники.

Удивительным образом он угодил многим. Либералы и западники благодарны ему за открытые на Запад врата государства. Он приобщил нас к цивилизации, в которой свобода личности и неприкосновенность собственности — превыше всего. Он заставил русское дворянство учиться и путешествовать, он возбудил в нём понимание личной чести, человеческого достоинства и тем самым предопределил появление русской интеллигенции, которая, несмотря ни на что, хранит начала свободы, достоинства и чести — всего того, что не продается и не покупается.

Пётр угодил и технократам, чуждым политики, — осуществив невиданный по объёму перенос в Россию знаний, приёмов и навыков. Он породил русскую науку, и Ломоносов в этом смысле — его детище.

Пётр угодил и поклонникам имперских ценностей, сделав Россию могущественной державой, которую до сих пор боятся соседи.

Поэтому Пётр равно почитаем всеми. Такое крайне редко случается в истории.

А русская литература? Чем она обязана Петру? Марина Цветаева писала, что в тот момент, когда Пётр остановил свой взгляд на маленьком арапчонке, этот взгляд сказал: «Пушкину — быть!».

Слушая доклады, общаясь с коллегами, я, как и вы все, радостно ощущал то удивительное единство, то созвучие, ту симфонию, то

общее, что нас всех объединило: бережное отношении к прошлому, его почитание, бескорыстное служение науке и истине, глубокий интерес к Петру, к России и её неоконченной истории.

Что бы нас ни ожидало в будущем, петровские конгрессы обогатили наши сердца и умы, и встречи на них уже никогда не забудутся нами. И мы, как птицы, в такие же ясные и теплые дни снова и снова будем слетаться на берега Невы, в этот немислимо красивый, всем нам родной город Петра – осуществленную им мечту, щедрый – через века – подарок всем нам. Спасибо!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

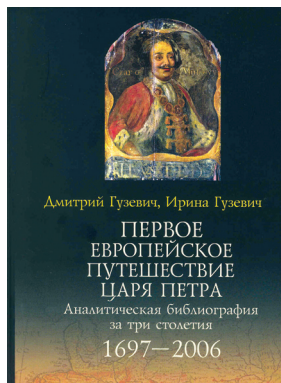
АМЗТ	— Археологический музей-заповедник «Танаис» (Ростовская обл.)
АССР	— Автономная советская социалистическая республика
БАН	— Библиотека Академии наук
БАН НИОР	— Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург), научно-исследовательский отдел рукописей
ВИМАИВиВС	— Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ГАВО	— Государственный архив Воронежской области
ГАРО	— Государственный архив Ростовской области
ГАТО	— Государственный архив Тульской области
ГБУК	— Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГНИМА	— Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В.Щусева
ГРМ	— Государственный Русский музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ГЭ ОЗЕИИ	— Государственный Эрмитаж, отдел западно-европейского изобразительного искусства
ГЭ ОИРК	— Государственный Эрмитаж, отдел истории русской культуры
ЖМП	— Журнал Московской Патриархии
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КГИОП (1944–1996: ГИОП)	— Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры администрации Санкт-Петербурга
МАРХИ	— Московский Архитектурный институт (государственная академия)
МВД	— Министерство внутренних дел
МГА МИД СПК	— Московский главный архив Министерства иностранных дел, старопечатные книги

МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИРФ	— Материалы для истории русского флота
НАРК	— Национальный архив Республики Карелия
НБУВ	— Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского (Киев)
НВФ	— Научно-вспомогательный фонд
НИА СПбИИ	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
НИОР БАН	— Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКФ	— Народный комиссариат финансов
НЦПИ	— Национальный Центр Подводных исследований
ОР	— Отдел рукописей
ПЖПВ	— Походный журнал Петра Великого
ПиБ	— Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи с 1649 года
ПСС	— Полное собрание сочинений
РААСН	— Российская академия архитектуры и строительных наук
РАН	— Российская академия наук
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЭ	— Российский государственный архив экономики
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГБ ОР	— Российская государственная библиотека, отдел рукописей
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РГО	— Русское географическое общество

РИО	— Русское историческое общество
РНБ	— Российская национальная библиотека
РНБ ОР	— Российская национальная библиотека, отдел рукописей
СПБНИИ РАН	— Санкт-Петербургский институт истории РАН
ТАССР	— Татарская автономная советская социалистическая республика
ТГЛИАМЗ ФПИ	— Фонд письменных источников Таганрогского государственного литературного историко- архитектурного музея-заповедника
УгФ ГАЯО	— Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Угличе
УФСИН	— Управление Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации
ФКУ ИК	— Федеральное казённое учреждение «Исправительная колония»
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ	— Центральный исторический архив Москвы
ЧерМО	— Череповецкое музейное объединение
ЧОИДР	— Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ЮФУ	— Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

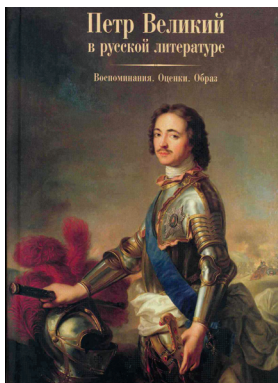
Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

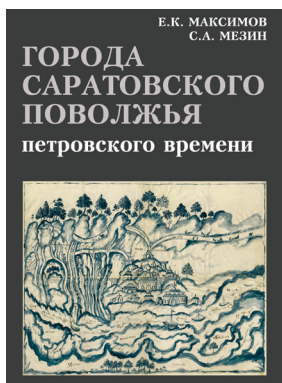

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

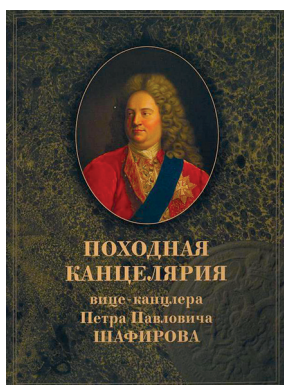

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

Максимов Е.К., Мезин С.А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2011. 178 с., илл.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2011. 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

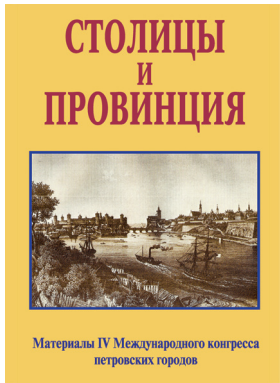

Юркин И.Н. Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.
Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Сви-дерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков. Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.). Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

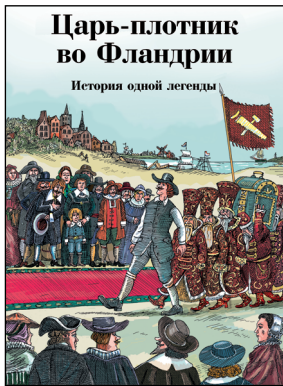

Макаров Б. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 558 с., илл.

Царь-плотник во Фландрии: История одной легенды. Две повести Абрахама Ханса. Публ., коммент., статьи: Эммануэль Вагеманс, Дмитрий Гузевич; пер. с нидерланд.: Владимир Ронин; рис.: Владимир Ненашев. СПб.: Европейский Дом, 2014. 106 с., илл.

А.Л. Пунин. **Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого: Градостроительное развитие новой столицы России и стиливые особенности петровского барокко.** Часть 1. СПб.: Лики России, 2014. 216 с., илл.

Ханс ван Кониингсбрюгге. **История потерянной дружбы: Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг.** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2014. 256 с., илл.

Сергей Мезин. Пётр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 312 с., илл.

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. Материалы международной конференции. Санки-Петербург—Царское Село—Петергоф, 7–9 октября 2013 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, А.Д. Марголис. СПб.: Европейский Дом, 2015. 540 с., илл.

Россия—Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина. СПб.: Европейский Дом, 2015. 768 с., илл.

Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. *Материалы VII Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года. Сост. А.В. Кобак, О.В. Кувалдина СПб.: Европейский Дом, 2016. 696 с., илл.

Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году. Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бенц. СПб.: Европейский Дом, 2016. 498 с., илл.

ПЕТРОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ

Материалы
VII Международного петровского конгресса

*Санкт-Петербург
5–7 июня 2015 года*

978⁵18015¹0371⁴

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 43,5.
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28